

INSPIRIA

ХОРОШАЯ

ДОЧЬ

КАРИН
СЛОТЕР

18+

INSPIRIA

Annotation

От всемирно известного автора, чьи романы публикуются более, чем в 120 странах. Моментальный бестселлер New York Times. Две девочки в лесу. Под дулом пистолета. Одна бежит. Другая остается. Двадцать восемь лет назад счастливая жизнь Шарлотты и Саманты Куинн треснула по швам. Это убило их мать. Это привело их отца — печально известного адвоката из Пайквилля — в отчаянье. От этого разрушилась их семья. Шарлотта пошла по стопам отца и сама стала адвокатом. Хорошая дочь — почти что идеальная. В ее родном Пайквилле никогда не было спокойно. Снова случается трагедия, которая повергает в шок всех горожан, и Шарлотта погружается в кошмар. Она — главная свидетельница. Допросы, полицейские, давление — все это пробуждает в ней воспоминания, которые она так долго пыталась подавить. Тайна, погубившая их семью почти тридцать лет назад, жаждет вырваться на поверхность. Неужели история повторится? Книга от всемирно известного автора, чьи романы публикуются более, чем в 120 странах. Моментальный бестселлер New York Times. «Карин Слотер — одна из лучших писательниц нашего времени. Я последую за ней куда угодно». — Гиллиан Флинн, автор романа «Исчезнувшая» «Лучшая книга, которую вы прочитаете за этот год. Жестокая, мощная, цепляющая — и при этом написанная с нежностью, от которой хочется плакать». — Кэтрин Стокетт, автор романа «Прислуга» «"Хорошая дочь" Карин Слотер — это запойное чтение». — Huffington Post «Карин Слотер еще раз доказывает свое невероятное мастерство в создании настоящего пейдж-тернера. Пугающе, но честно — этот триллер нельзя пропустить». — USA Today

«Мрак, тянущийся из прошлого, пропитал этот роман насквозь. Карин Слотер, со всем своим умением и искренним чувством, заставит вас трястись от напряжения». — Камилла Лэкберг

- [Карин Слотер](#)
 -
 -
 - [Что случилось с Самантой](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Что случилось с Шарлоттой](#)
 -
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Что на самом деле случилось с Чарли](#)
 -
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Что случилось с Сэм](#)
- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
-

Карин Слотер

Хорошая дочь

Karin Slaughter

The good daughter

Copyright © 2017 by Karin Slaughter. All rights reserved.

© Никитина М., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

...То, что вы называете моей попыткой подчиниться, хотя на самом деле это не попытка подчиниться, а попытка принять и сделать это охотно. Может быть, даже с радостью. Представьте себе, как я, сжав зубы, гонюсь за радостью — в полном боевом облачении, потому что это очень опасная погоня.

Фланнери О'Коннор, «Навык существования»

Что случилось с Самантой

16 марта 1989 г., четверг

Саманта Куинн бежала к дому по длинной безлюдной сельской дороге, и ноги ее горели, будто их жалила тысяча ос. Бешеный стук сердца и удары кроссовок по голой земле слились в едином барабанном ритме. Убранные в хвост волосы вымокли от пота и толстой веревкой хлестали по плечам. Девичьи лодыжки, казалось, вот-вот треснут от напряжения.

Она прибавила скорость, глотая сухой воздух, преодолевая боль.

Там, впереди, в тени матери, стояла Шарлотта. Впрочем, все они жили в тени матери. Гамма Куинн возвышалась над действительностью: цепкие голубые глаза, короткие темные волосы, кожа бумажной белизны и острый язык, который тоже можно было сравнить с бумагой, ведь он порой наносил крошечные порезы в самых болезненных местах. Гамма следила за временем по секундомеру, и Саманта издалека заметила, как она неодобрительно поджала тонкие губы, посмотрев на стрелку.

Тиканье секунд эхом отозвалось в голове Саманты. Она заставила себя еще ускориться. Жилы в ногах взвыли. Осы теперь впивались в легкие. Эстафетная палочка норовила выскользнуть из потной ладони.

Двадцать ярдов. Пятнадцать. Десять.

Шарлотта заняла стартовую позицию спиной к приближающейся Саманте и, устремив взгляд вперед, побежала. Она выставила правую руку назад, чтобы вслепую схватить палочку, как только та ударится о ладонь, и начать свой этап эстафеты.

Передача палочки вслепую. Для ее выполнения нужны доверие и слаженность — то, чего им обоим снова не хватило, как не хватало раз за разом уже битый час. Шарлотта на мгновение засомневалась и оглянулась. Саманта качнулась вперед. Пластиковая палочка скользнула вверх по запястью Шарлотты, по той же ссадине, что и двадцать раз до этого.

Шарлотта вскрикнула. Саманта запнулась. Палочка упала на землю. Гамма громко выругалась.

— С меня хватит. — Гамма сунула секундомер в нагрудный карман комбинезона.

Она зашагала к дому, топая босыми, порыжевшими от оголенной земли ступнями.

Шарлотта потеряла запястье.

— Гадина.

— Идиотка. — Саманта судорожно вдыхала воздух дрожащей грудью. — Ты не должна смотреть назад.

— А ты не должна вспарывать мне руку.

— Это называется «передача вслепую», а не «передача в истерике».

Дверь кухни с грохотом захлопнулась. Девочки посмотрели на столетний фермерский дом, который Саманта прозвала «Шалтай-Болтай», — массивный и неуклюжий памятник тем временам, когда лицензированных архитекторов и разрешений на строительство еще не существовало. Даже закатное солнце не сглаживало его корявые очертания. Дом годами не видел ремонта, за исключением обязательной, наспех намазанной белой краски. В немытых окнах висели ветхие тюлевые занавески. Серая дверь, сотню лет встречавшая рассветы в северной Джорджии, выцвела, как выброшенная на берег моря доска. Крыша прогнулась будто от тяжести, что свалилась на дом, когда здесь поселились Куинны.

Саманту от тринадцатилетней младшей сестры отделяли два года разницы в возрасте и целая вечность

разногласий, но сейчас она точно знала, что думают они одно и то же: «Хочу домой».

Домой — это в одноэтажный коттедж из красного кирпича, что стоял ближе к городу. Домой — это в знакомые с детства спальни, где стены украшены постерами и наклейками, а у Шарлотты еще и расписаны зеленым маркером. Домой — это где ко входу ведет аккуратный квадратный газон, а не безжизненная, истоптанная курами грязь с дорогой в семьдесят пять ярдов, так что издалека видно, кто подъезжает к дому.

Никто из них не видел, кто подъехал к дому из красного кирпича.

Казалось, с тех пор как их жизнь рухнула, прошло бесконечно много времени, но на самом деле — всего восемь дней. В тот вечер Гамма, Саманта и Шарлотта ушли на беговую тренировку в школу. Отец был на работе: Расти всегда был на работе.

Позже один из соседей вспомнил, что по улице медленно проехала незнакомая черная машина, но никто не видел, как «коктейль Молотова» влетел в окно дома из красного кирпича. Никто не видел, как из-под карниза повалил дым и как языки пламени принялись облизывать крышу. Когда кто-то наконец поднял тревогу, от дома из красного кирпича уже осталась лишь тлеющая черная яма.

Одежда. Постеры. Дневники. Мягкие игрушки. Школьные тетради. Книги. Две золотые рыбки. Выпавшие молочные зубы. Деньги, подаренные на день рождения. Тайком присвоенная помада. Спрятанные сигареты. Свадебные фотографии. Детские фотографии. Кожаная куртка одного мальчика. Любовное письмо от того же мальчика. Кассеты с музыкой. А еще диски, а еще компьютер, а еще телевизор, а еще родной дом.

— Чарли! — Гамма стояла на крыльце со стороны кухни, уперев руки в бока. — Иди накрывать на стол.

Шарлотта повернулась к Саманте и, бросив «Разговор окончен!», убежала к дому.

— Тупица, — пробормотала Саманта. Если сказать «разговор окончен», это еще не значит, что он действительно окончен.

Переставляя ватные ноги, она медленно двинулась к дому: в конце концов, это ведь не она была дурой, неспособной просто вытянуть руку и дождаться, когда в нее вложат палочку. Она никак не могла понять, почему Шарлотта не может выучить несложную передачу.

Саманта оставила обувь и носки рядом с обувью и носками Шарлотты на кухонном крыльце. Воздух в фермерском доме был влажным и затхлым. «Постылый» — такой эпитет вспомнила Саманта, когда вошла сюда. Предыдущий жилец, холостяк девяноста шести лет, умер в спальне на первом этаже в прошлом году. Друг отца разрешил им пожить здесь, пока они решают вопрос со страховкой. Если его вообще получится решить. Судя по всему, разногласия вызывал вопрос о том, не был ли поджог спровоцирован деятельностью их отца.

Впрочем, общественное мнение свой вердикт по этому поводу уже вынесло — видимо, именно поэтому владелец мотеля, в котором они провели прошлую неделю, попросил их найти другое жилье. Саманта грохнула входной кухонной дверью, потому что по-другому она не закрывалась. На незажженной конфорке оливково-зеленой плиты стояла кастрюля воды. Рядом, на коричневой пластиковой столешнице, валялась неоткрытая пачка спагетти. На кухне было душно и сыро — самое постылое место во всем доме. Ни один из предметов в помещении не сочетался с другим. Древний холодильник издавал зловоние и кричал, когда его открывали. Ведро под раковиной само содрогалось

от своего запаха. Вокруг колченогого фанерного стола теснились разномастные стулья. Белые прямоугольники на кривых оштукатуренных стенах выдавали места, где раньше висели фотографии.

Шарлотта, высунув язык, раскидывала по столу бумажные тарелки. Саманта взяла пластиковую вилку и швырнула ее прямо в лицо сестре. Шарлотта хлопнула ртом — но не от возмущения.

— Офигеть, это было круто!

Вилка элегантно кувыркнулась в воздухе и приземлилась в точности между губ Шарлотты. Она взяла вилку и предложила Саманте:

— Сможешь так два раза подряд — я помою посуду.

Саманта выдвинула встречное предложение:

— Попадешь мне в рот один раз, и я буду мыть посуду целую неделю.

Шарлотта прицелилась, прищулив один глаз. Саманта старалась не думать о том, насколько глупо было предлагать младшей сестре бросить вилку себе в лицо, и тут на кухню вошла Гамма с большой картонной коробкой.

— Чарли, не бросай столовые приборы в сестру. Сэм, помоги мне найти ту сковородку, что я купила на днях.

Гамма бросила коробку на стол. На ней было написано «ВСЕ ПО ДОЛЛАРУ». Десятки частично распакованных коробок громоздились по всему дому. Набитые скарбом, который Гамма за бесценок купила в секонд-хенде, они образовали настоящий лабиринт в комнатах и коридорах.

— Представляете, сколько денег мы сэкономили, — заявляла Гамма, вытаскивая линялую фиолетовую футболку с Набожной Дамой из шоу «Сатердей-Найт-Лайв» и подписью «Разве это не СЛА-А-АВНО?»

На самом деле Саманта лишь предполагала, что именно это было написано на футболке. Потому что пряталась в углу вместе с Шарлоттой, в ужасе от

намерения матери одеть их в чью-то одежду. Чьи-то носки. Даже чье-то белье — но, слава богу, тут вмешался отец.

— Черт побери! — заорал Расти на Гамму. — Почему бы тогда не нашить нам всем рубищ из мешков — и всех делов-то?

Гамма вскипела.

— Хочешь сказать, мне еще и шить надо научиться?

Родители теперь ругались из-за новых вещей, потому что ничего прежнего у них не осталось. Коллекция трубок Расти. Его шляпы. Пыльные страницы раскрытых книг по юриспруденции, валявшихся по всему дому. Журналы и статьи Гаммы с красными пометками. Ее кеды, сброшенные у входа. Воздушные змеи Шарлотты. Заколки Саманты. Не было больше ни сковородки, оставшейся Расти от матери. Ни зеленой медленноварки, которую Гамме и Расти подарили на свадьбу. Ни электропечи с горелым запахом. Ни кухонных часов в виде совы сдвигающимися туда-сюда глазами. Ни крючков, на которые вешали куртки. Ни стены, к которой крепились крючки. Ни автомобиля Гаммы с кузовом типа универсал, остов которого, как ископаемый скелет динозавра, торчал посреди черной пещеры, когда-то бывшей гаражом.

В доме было пять расшатанных стульев, никем не востребованных на распродаже наследства одинокого фермера, старый кухонный стол, слишком дешевый, чтобы быть антиквариатом, и втиснутый в стенной проем большой гардероб. Мать говорила, что придется заплатить пятак Тому Робинсону, чтобы он этот гардероб расколотил.

В гардеробе было пусто. Пусто было в ящиках комода в гостиной и на полках кладовой. Они переехали в фермерский дом позавчера, но коробки еще не распаковали. Проход к кухне был заставлен кое-как подписанными контейнерами и заляпанными

бумажными пакетами, которые нельзя было разобрать, прежде чем кто-нибудь не помоеет кухонные шкафы, но только никто этого не сделает, пока Гамма их не заставит. Матрасы в спальнях наверху лежали на голом полу. На перевернутых ящиках стояли потрескавшиеся лампы для чтения, а читать им приходилось книги не из своего собрания, которое они так ценили, а из городской библиотеки Пайквилля. Каждый вечер Саманта с Шарлоттой вручную стирали свои беговые шорты, спортивные лифчики, укороченные носочки и легкоатлетические футболки «Леди Ребелс», дорожа этими немногими уцелевшими после пожара вещами.

— Сэм, — Гамма указала на оконный кондиционер, — включи эту штуку, а то здесь дышать нечем.

Саманта не сразу отыскала кнопку включения на большом металлическом ящике. Двигатель дернулся. Холодный воздух с запахом мокрой жареной курицы засвистел через вентилятор. Саманта смотрела в окно на боковой двор. Рядом с полуразрушенным амбаром ржавеет трактор. Из земли около него торчит какое-то неизвестное сельскохозяйственное орудие. Отцовский «Шеветт» заляпан грязью, но, по крайней мере, он не вплавился в пол гаража, как мамин универсал.

Она спросила Гамму:

— Во сколько нам забирать папу с работы?

— Его подвезет кто-нибудь из суда. — Гамма глянула на Шарлотту: та весело насвистывала себе под нос, пытаясь сложить самолетик из бумажной тарелки.

— Сегодня слушается то самое дело.

«То самое дело».

Эти слова пульсировали в голове Саманты. Отец всегда вел какое-то дело, и всегда находились люди, которые его за это ненавидели. В Пайквилле, штат Джорджия, не было ни одного обвиняемого подонка, чьи интересы не представлял бы Расти Куинн.

Наркодилеры. Насильники. Убийцы. Домушники. Угонщики. Педофилы. Похитители людей. Грабители банков. Материалы таких дел читаются как бульварные детективы, которые кончаются всегда одинаково и всегда плохо. Местные прозвали Расти «адвокатом проклятых» — так же, как Клэренса Дэрроу, хотя, насколько было известно Саманте, никто не бросал в дом Клэренса Дэрроу бутылку с зажигательной смесью за то, что он спас убийцу от камеры смертников.

Именно из-за этого подожгли их дом.

Иезекиль Уитакер, чернокожий мужчина, ошибочно обвиненный в убийстве белой женщины, вышел из тюрьмы в тот день, когда в окно Куиннов бросили горящую бутылку с керосином. На случай, если смысл послания остался неясен, поджигатели написали баллончиком на подъездной дороге: «ЛЮБИТЕЛЬ ЧЕРНОМАЗЫХ».

А теперь Расти защищал мужчину, обвиняемого в похищении и изнасиловании девятнадцатилетней девушки. Белый мужчина, белая девушка, но обстановка накалилась, потому что он — белый мужчина из низов, а она — белая девушка из хорошей семьи. Расти и Гамма никогда не обсуждали это дело открыто, но отвратительные подробности преступления передавались по городу шепотом из уст в уста и уже просочились под входную дверь, проникли через вентиляцию и звенели у них в ушах перед сном.

«Изнасилование инородным предметом». «Насильственное лишение свободы». «В извращенной форме».

У Расти в папках были фотографии, про которые даже любопытная Шарлотта понимала: лучше их не откапывать, потому что на фото была девушка, повесившаяся в амбаре, потому что она не смогла пережить то, что сделал с ней тот мужчина, и решила покончить с собой.

Саманта училась в одной школе с братом погибшей девушки. Он был на два года старше Саманты, но, как и все остальные, знал, кто ее отец, так что теперь пройти по школьному коридору было для нее все равно что пройти по дому из красного кирпича — через сдирающие кожу языки пламени.

В пожаре исчезли не только ее комната, одежда и позаимствованная помада. Саманта потеряла и мальчика — владельца той кожаной куртки, — и друзей, которые раньше приглашали в кино, на вечеринки и в гости с ночевкой. Даже любимый тренер по бегу, который занимался с Самантой с шестого класса, начал придумывать отговорки: якобы у него совсем нет времени на работу с ней.

Гамма сказала директору школы, что девочки помогают ей разбирать коробки и какое-то время не будут ходить в школу и на тренировки, но Саманта поняла: на самом деле все из-за того, что после пожара Шарлотта каждый день приходит домой в слезах.

— Все, хрен с ним. — Гамма закрыла коробку, отчаявшись найти сковороду. — Предлагаю сегодня побыть вегетарианцами.

Девочки не возражали, потому что на самом деле им было все равно. Гамма вопиюще плохо готовила. Она отрицала рецепты. Открыто враждовала со специями. Как дикая кошка, она инстинктивно противилась любым попыткам одомашнивания.

Гарриет Куинн называли Гаммой не потому, что ее развитые не по годам дети не могли произнести слово «мама», а потому, что она имела две докторские степени, одну — по физике и одну — в какой-то еще заумной области, которую Саманта никак не могла запомнить, но, кажется, там было что-то про гамма-излучение. Мать работала в НАСА, затем переехала в Чикаго и работала в «Фермилабе», после чего вернулась в Пайквилль ухаживать за умирающими родителями.

Может, и была какая-то романтическая история о том, как юная Гамма отказалась от блестящей научной карьеры, чтобы выйти замуж за юриста в маленьком городке, но Саманта ее никогда не слышала.

— Мам, — Шарлотта плюхнулась за стол, обхватив руками голову, — живот болит.

— Тебе разве не надо делать уроки? — спросила Гамма.

— Химию. — Шарлотта подняла глаза. — Поможешь?

— Это не ракетостроение. — Гамма вывалила спагетти в кастрюлю с холодной водой на плите. Потом повернула ручку и включила газ.

Шарлотта скрестила руки внизу живота.

— Ты хочешь сказать, что я справлюсь сама, потому что это не ракетостроение, или имеешь в виду, что ракетостроение — это единственная область, в которой ты разбираешься, поэтому с химией ты мне не можешь?

— В этом предложении слишком много союзов. — Гамма зажгла спичку и поднесла к горелке. Газ полыхнул с резким «пффух». — Иди помой руки.

— По-моему, резонный вопрос.

— Прямо сейчас.

Шарлотта с театральным стоном встала из-за стола и вприпрыжку побежала по длинному коридору. Саманта услышала, как открылась и закрылась одна дверь, потом другая.

— Вы-ни-мать! — прорычала Шарлотта.

В коридор выходило пять дверей, но их расположение не подчинялось никакой логике. Одна дверь вела в жуткий подвал. За другой был гардероб. Посередине почему-то был вход в крошечную спальню, в которой умер старый фермер. Еще одна дверь вела в кладовую. Оставшаяся дверь вела в ванную комнату, и даже два дня спустя никто из них не смог запомнить, какая именно.

— Нашла! — провозгласила Шарлотта, будто они сидели и только этого и ждали.

— Может, с грамматикой у нее и не очень, — сказала Гамма, — но из нее получится отличный юрист. Я надеюсь. Если этой девочке не будут платить за умение спорить, за что еще ей платить?

Саманта улыбнулась, представив свою расхлябанную сестру в пиджаке и с дорогим кожаным портфелем.

— А я кем буду?

— Кем хочешь, девочка моя, только не здесь.

В последнее время эта тема звучала все чаще: Гамма страстно желала, чтобы Саманта съехала, улетела, занялась чем угодно, только не тем, чем занимались женщины в этом городе. Гамма всегда была не такой, как другие пайквилльские матери, даже в те времена, когда работа Расти еще не превратила их семью в неприкасаемых. Соседи, учителя, прохожие — у всех было свое мнение о Гамме Куинн, и оно редко было положительным. На свою беду, она была слишком умна. У нее был тяжелый характер. Она не умела держать язык за зубами, когда следует. Она отказывалась приспособливаться. Когда Саманта была маленькой, Гамма начала бегать. Как и во всем остальном, она увлекалась спортом еще до того, как это вошло в моду: бегала марафоны по выходным, занималась с кассетой Джейн Фонды перед телевизором. Но окружающих бесило не только то, что Гамма была в отличной спортивной форме. У нее невозможно было выиграть в шахматы, «Скрэббл» или даже «Монополию». Она знала все ответы в телевикторинах. Она правильно употребляла слова «одеть» и «надеть». Она не терпела недостоверной информации. Она презирала церковь. У нее была дурацкая привычка в любой компании вдруг выливать на окружающих поток случайных малоизвестных фактов.

А вы знаете, что у панд увеличенные кости запястья?

А вы знаете, что у морских гребешков вдоль створок расположены ряды глаз?

А вы знаете, что уровень радиации от гранита на Центральном вокзале Нью-Йорка превышает максимально допустимые значения для атомных электростанций?

Была ли Гамма счастлива? Наслаждалась ли она своей жизнью? Радовали ли ее дети? Любила ли она мужа? Все это были разрозненные кусочки информации в том пазле из тысячи деталей, который представляла собой их мать.

— Что твоя сестра там так долго делает?

Саманта откинулась на стуле и посмотрела в коридор. Все пять дверей были все еще закрыты.

— Может, она в унитаз смылась?

— Где-то в коробках есть вантуз.

Зазвонил телефон: внутри старомодного дискового аппарата на стене дребезжал звонок. В доме из красного кирпича у них был беспроводной телефон и автоответчик, который записывал все входящие звонки. Саманта первый раз в жизни услышала слово «сука» именно на этом автоответчике. Она была с подругой Гейл из дома напротив. Телефон звонил, когда девочки входили в дверь, но Саманта не успела взять трубку, и аппарат сделал это за нее.

«Расти Куинн, сука, ты не жилец. Слышишь меня? Я, сука, грохну тебя, трахну твою жену и разделаю твоих дочурок, как, сука, оленя на охоте, ты, сука, сраный защитник убогих».

Телефонный звонок раздался в четвертый раз. Затем в пятый.

— Сэм, — сурово сказала Гамма, — Чарли нельзя брать трубку, не позволяй ей.

Саманта не стала спрашивать: «А мне можно?» — и встала из-за стола. Она сняла трубку и приложила ее к уху. Инстинктивно стиснула зубы, будто ожидая удара.

— Алло.

— Эй, приветик, Сэмми-Сэм. Дай-ка трубку мамуле.

— Папа, — выдохнула Саманта. Она подняла глаза и увидела, что Гамма упрямо мотает головой.

— Она пошла наверх принять ванну. — Саманта только сейчас вспомнила, что несколько часов назад уже использовала эту отговорку. — Сказать ей, чтобы она тебе перезвонила?

— Похоже, наша Гамма стала уделять повышенное внимание вопросам гигиены в последнее время.

— Точнее, с тех пор, как дом сгорел?

Слова соскользнули у Саманты с языка, и сказанного уже было не вернуть. Страховой агент фирмы «Пайквилль Фаер энд Кэжуалти» был не единственным, кто считал Расти виновным в пожаре.

Расти усмехнулся.

— Ну что ж, спасибо, что так долго терпела и не высказывала мне это. — В трубке щелкнула зажигалка. Очевидно, отец забыл, что на стопке Библий поклялся бросить курить. — А теперь послушай, милая: скажи Гамме, когда она выйдет из, кхм, ванной, что я попрошу шерифа послать к вам машину.

— Шерифа? — Саманта попыталась голосом передать Гамме свой испуг, но мать не повернулась. — Что случилось?

— Ничего не случилось, моя хорошая. Просто того плохого парня, который сжег наш дом, так и не поймали, а сегодня на свободу снова вышел невиновный, и некоторым это тоже не нравится.

— Это тот мужчина, который изнасиловал девушку, которая повесилась?

— О том, что с ней на самом деле произошло, знают только та девушка, сам преступник — кем бы он ни был

— и Господь наш Бог на небесах. Я не считаю себя ни одним из этих людей и полагаю, что и тебе не следует.

Саманта терпеть не могла, когда отец «включал» такого деревенского адвоката, выступающего с заключительным словом.

— Папа, она повесилась в амбаре. Это доказанный факт.

— Почему меня окружают одни спорщицы? — Расти прикрыл трубку рукой и заговорил с кем-то.

Саманта слышала сиплый женский смех. Ленор, секретарша отца. Гамме она никогда не нравилась.

— Ну хорошо, — Расти снова говорил в трубку. — Ты еще здесь, милая?

— А где мне еще быть?

— Повесь трубку, — сказала Гамма.

— Детка, — Расти выдохнул дым, — скажи, что я могу сделать для тебя, и я немедленно это сделаю.

Старый адвокатский трюк — переложить решение проблемы на другого.

— Папа, я... — Гамма нажала на рычаг, прервав разговор. — Мама, мы не закончили!

Гамма продолжала держать руку на телефоне. Вместо того чтобы объяснить свои действия, она сказала:

— Задумайся об этимологии фразы «повесить трубку». — Она взяла трубку из рук Саманты и повесила ее на рычаг. — Вот видишь, почему говорят «брать трубку» и «снимать трубку». И, как ты, конечно, знаешь, при нажатии рычаг телефона замыкает электрическую цепь, передавая сигнал, что входящий звонок может быть принят.

— Шериф пришлет машину, — сообщила Саманта. — То есть папа собирается его об этом попросить.

Гамма недоверчиво посмотрела на нее. Шериф не был большим другом Куиннов.

— Тебе надо помыть руки перед ужином.

Саманта знала, что пытаться продолжать разговор бессмысленно. Иначе мать найдет отвертку, разберет телефон и начнет объяснять, как работает электрическая схема: такое уже много раз бывало с самой разной домашней техникой. Гамма была единственной мамой на весь квартал, которая сама меняла масло в своей машине.

Только они больше не жили ни в каком квартале.

Саманта споткнулась о коробку в коридоре. Она обхватила пальцы ноги и сжала их, словно могла выдавить из них боль. Оставшийся путь до ванной комнаты она прихрамывала. В коридоре она встретилась с сестрой. Шарлотта ткнула ее кулаком в плечо, потому что Шарлотта всегда так делала.

Эта засранка закрыла дверь, и Саманта не сразу нашла вход в ванную. Низкий унитаз был установлен еще тогда, когда люди были ниже ростом. Душ представлял собой пластиковую загородку в углу с растущей по стыкам черной плесенью. В раковине лежал молоток. В том месте раковины, куда этот молоток обычно кидали, виднелся черный чугун. Гамма разгадала эту загадку. Кран был таким старым и ржавым, что для того, чтобы из него не капало, нужно было ударить по вентилю молотком.

— На выходных починю. — Гамма наметила себе это дело как награду в конце недели, которая обещала быть трудной.

Шарлотта, как обычно, развела в крошечной ванной грязь. Налила воды на пол и забрызгала зеркало. Даже на сиденье унитаза была вода. Саманта потянулась было за висевшим на стене рулоном бумажных полотенец, но передумала. Это жилище изначально было не более чем временным вариантом, а после слов отца о том, что он пошлет шерифа, потому что, по сути, этот дом тоже могут поджечь, уборка показалась ей пустой тратой времени.

— Ужин готов! — позвала Гамма из кухни.

Саманта плеснула воды на лицо. В волосах чувствовался песок. Ноги и руки были покрыты красноватыми полосами там, где глинистая пыль смешалась с потом. Ей хотелось залезть в горячую ванну, но в доме была только одна ванна, на гнутых ножках, с темным ржавым кругом на том краю, где предыдущий жилец годами смывал грязь со своего тела. Даже Шарлотта не стала бы лезть в эту ванну, а она была той еще свиньей.

— Здесь слишком грустно, — сказала тогда ее сестра, медленно пятясь из ванной комнаты на втором этаже.

Ванная была не единственным местом, удручавшим Шарлотту. Жуткий сырой подвал. Пугающий чердак с летучими мышами. Скрипучие двери гардероба. Спальня, в которой умер старый фермер.

Фотография старого фермера лежала в нижнем ящике гардероба. Они нашли ее сегодня утром, когда делали вид, что убираются. И ни одна из них не решилась взять ее в руки. В унылом круглом лице холостяка-фермера им виделось что-то зловещее, хотя это была обычная деревенская сценка эпохи Великой депрессии с трактором и мулом. Саманту бросало в дрожь от вида его желтых зубов, хотя как вообще что-то могло быть желтым на черно-белой фотографии?

— Сэм? — Гамма стояла в дверях ванной, глядя на их общее отражение в зеркале.

Их никогда не принимали за сестер, но внешнее сходство матери и дочери было очевидно. Та же уверенная линия подбородка и высокие скулы, тот же изгиб бровей, который многие считали надменным. Гамма не была красавицей, но внешность ее была яркой: темные, почти черные волосы и светло-голубые глаза, в которых начинали плясать искорки, когда ее что-то забавляло. Саманта была достаточно взрослой,

чтобы помнить, что раньше мать воспринимала жизнь гораздо менее серьезно.

— Ты зря льешь воду, — сказала Гамма.

Саманта ударила по крану молотком и бросила его в раковину. Она услышала, как к дому подъезжает машина. Видимо, это человек от шерифа, что странно, поскольку Расти редко делал то, что обещал.

Гамма стояла позади нее.

— Все еще грустишь по поводу Питера?

Мальчик, чья кожаная куртка сгорела в пожаре. Мальчик, который написал Саманте любовное письмо, но больше не смотрел ей в глаза, когда они сталкивались в школьном коридоре.

— Ты симпатичная. Ты знаешь об этом?

Саманта увидела в зеркале, как ее щеки покраснели.

— Симпатичнее, чем я когда-либо была. — Гамма провела рукой по волосам Саманты. — Жалко, что мама умерла, не увидев тебя.

Гамма редко говорила о своих родителях. Как Саманта поняла, они так и не простили Гамме, что она, поступив в колледж, уехала из дома.

— Бабушка — какой она была?

Гамма улыбнулась: губы неловко растянулись в непривычном для ее мимики движении.

— Похожа на нашу Чарли. Очень умная. Неутомимо радостная. Всегда что-нибудь затевала. Все вокруг ее любили.

Гамма покачала головой. Несмотря на свои ученые степени, она так и не освоила науку нравиться людям.

— Она начала седеть еще до того, как ей исполнилось тридцать. Она объясняла это особо активной работой мозга, но ты, конечно, знаешь, что волосы изначально белые. Они получают меланин из специальных клеток, меланоцитов, которые закачивают пигмент в волосяные фолликулы.

Саманта отклонилась назад в объятия Гаммы. Она закрыла глаза, наслаждаясь родной мелодией маминого голоса.

— Пигментация нарушается под воздействием стресса и гормонов, но в ее жизни тогда не было особых трудностей — мать, жена, учительница в воскресной школе, — поэтому можно предположить, что ранняя седина — это генетическая черта, то есть ты или Чарли или вы обе можете ее унаследовать.

Саманта открыла глаза.

— Но ты же не седая.

— Потому что раз в месяц я хожу в салон красоты. — Она рассмеялась и резко перестала. — Пообещай, что всегда будешь заботиться о Чарли.

— Шарлотта и сама может о себе позаботиться.

— Я серьезно, Сэм.

У Саманты сердце замерло от настойчивого тона Гаммы.

— Но почему?

— Потому что ты ее старшая сестра и это твоя обязанность. — Она взяла ладони Саманты в свои. Через зеркало она неотрывно смотрела в глаза дочери. — У нас было непростое время, девочка моя. И я не буду врать и говорить, что теперь все станет хорошо. Чарли нужно знать, что она может на тебя положиться. Ты должна уверенно вкладывать палочку в ее руку каждый раз, вне зависимости от того, где она находится. Это ты должна ее найти. Не жди, что она найдет тебя.

Саманта почувствовала комок в горле. Гамма говорила о чем-то другом, более серьезном, чем эстафетный бег.

— Ты куда-то уезжаешь?

— Нет, конечно. — Гамма нахмурилась. — Я просто хочу сказать, что тебе пора стать ответственным человеком, Сэм. Я правда надеюсь, что ты уже прошла этот глупый период подростковой драмы.

— Я не...

— Мама! — это орала Шарлотта.

Гамма повернула Саманту к себе. Она обхватила лицо дочери огрубевшими ладонями.

— Я никуда не денусь, малышка. Не дождетесь. — Она поцеловала ее в нос. — Бахни по крану еще разок и приходи ужинать.

— Мама! — снова прокричала Шарлотта.

— О господи, — проворчала Гамма, выходя из ванной. — Чарли Куинн, что ты верещишь, как беспризорник на паперти?

Саманта взяла молоток. Тонкая деревянная рукоять постоянно была мокрой и напоминала плотную губку. Круглый боек был того же ржавого цвета, что и двор перед домом. Она ударила по крану и подождала, пока вода перестанет капать.

— Саманта? — позвала Гамма.

Саманта наморщила лоб. Повернувшись к открытой двери. Мама никогда не звала ее полным именем. Даже Шарлотта смирилась и отзывается на имя Чарли. Гамма говорила, что однажды возможность сойти за кого-то другого им пригодится. Сама она опубликовала больше статей и получила больше грантов, подписываясь именем Гарри, а не Гарриет.

— Саманта! — Голос Гаммы звучал холодно, как предупреждение. — Пожалуйста, удостоверься, что вентиль смесителя закрыт, и быстро иди на кухню.

Саманта еще раз взглянула в зеркало, будто ее отражение могло объяснить, что происходит. Мать так с ними не разговаривала. Даже когда объясняла разницу между химической завивкой и укладкой щипцами.

Саманта машинально подняла из раковины молоток. Она держала его за спиной, выходя в коридор к кухне.

Везде горел свет. За окном уже стемнело. Она представила кроссовки, свои и Шарлотты, на крыльце, вспомнила пластиковую эстафетную палочку,

оставшуюся где-то во дворе. Бумажные тарелки на кухонном столе. Пластиковые вилки и ножи.

Раздался чей-то грубый кашель — возможно, мужчины. А может, и Гаммы: она в последнее время часто кашляла так, будто в ее легких остался дым пожара.

Снова кашель.

У Саманты волосы на затылке стали дыбом.

Задняя дверь была на другом конце коридора: на ее матовом стекле виднелся круглый отсвет фонаря. Продолжая идти к кухне, Саманта оглянулась. Она видела ручку двери. Представила, как поворачивает ее, хоть и шла в противоположном направлении. С каждым шагом она спрашивала себя, воображает ли она лишнее, или действительно есть повод для беспокойства, или это розыгрыш, ведь мама любила их разыгрывать: то приклеит пластиковые глаза на бутылку молока в холодильнике, то напишет: «Помогите! Я заложник на фабрике туалетной бумаги!» — на внутренней стороне картонной втулки.

Телефон в доме только один — дисковый аппарат на кухне.

В одном из кухонных ящиков лежит отцовский пистолет. Патроны в картонной коробке хранятся где-то отдельно.

Шарлотта засмеет ее, если увидит молоток. Саманта сунула его за пояс шортов сзади. Металл холодил спину, рукоять мокрым языком скользнула ниже. Прикрыв молоток футболкой, она вошла на кухню.

И застыла на месте.

Это был не розыгрыш.

На кухне стояли двое мужчин. От них разило потом, пивом и никотином. На руках — черные перчатки. На лицах — черные балаклавы с прорезями для рта и глаз.

Саманта открыла рот. Воздух уплотнился, словно вата, и перекрыл дыхание. Один из них был выше

ростом. Тот, что пониже, был полнее. Тяжелее. Он был одет в джинсы и черную рубашку. Высокий — в линялую белую футболку с концерта какой-то группы, джинсы и высокие синие кеды с развязанными красными шнурками. Коротышка казался опаснее, но судить об этом было трудно, потому что за масками виднелись только рты и глаза. Но Саманта разглядывала не их глаза.

У того, что в кедах, был револьвер.

У чернорубашечника был дробовик, направленный прямо Гамме в голову.

Ее руки были подняты. Она сказала Саманте:

— Все хорошо.

— Ниче хорошего, — голос чернорубашечника шелестел, как гремучая змея или шаги по гравию. — Есть еще кто в доме?

Гамма покрутила головой.

— Никого.

— Не ври мне, сука.

Раздавался мелкий стук. Сидевшая за столом Шарлотта тряслась, и ножки стула колотили по полу, как дятел по дереву.

Саманта глянула назад в коридор, на заднюю дверь с отсветом фонаря.

— Сюда. — Мужчина в синих кедах указал Саманте на стул рядом с Шарлоттой.

Она медленно, аккуратно переставляя ноги, подошла и села, держа руки над столом. Деревянная рукоять молотка глухо стукнула о спинку стула.

— Че это? — чернорубашечник метнул взгляд в ее сторону.

— Простите, — зашептала Шарлотта. На полу под ней растекалась лужа мочи. Она качалась взад-вперед, опустив голову. — Простите-простите-простите.

Саманта взяла сестру за руку.

— Скажите, что вы хотите, — вмешалась Гамма. — Мы отдадим это вам, и вы уйдете.

— А что, если я хочу вот это? — Чернорубашечник сально посмотрел на Шарлотту.

— Пожалуйста, не надо, — сказала Гамма. — Я сделаю все, что вы хотите. Все, что угодно.

— Все, что угодно? — чернорубашечник сказал это так, что все они поняли, о чем идет речь.

— Нет, — сказал тот, что в кедах. Голос у него был молодой, нервный, а может, и испуганный. — Мы пришли не за этим. — Он прочистил горло, и его кадык задвигался под балаклавой. — Где ваш муж?

Что-то блеснуло в глазах Гаммы. Гнев.

— Он на работе.

— Тогда почему его машина здесь?

— У нас только одна машина, потому что...

— Шериф... — Саманта проглотила последнее слово, поздно спохватившись, что этого говорить не следовало.

Чернорубашечник снова посмотрел на нее.

— Че ты сказала, девочка?

Саманта опустила голову. Шарлотта сжала ее руку. Она чуть не сказала, что шериф... Шериф послал кого-то, и он скоро будет здесь. Расти сказал, что они пришлют машину, но Расти часто говорил то, что потом не сбывалось.

— Она просто напугана, — сказала Гамма. — Почему бы нам не пойти в другую комнату? Давайте спокойно все обсудим и поймем, что вам, мальчики, нужно.

Саманта почувствовала, как в голову уперлось что-то твердое. Во рту появился металлический привкус ее пломб. В ушах зазвенело. Дробовик. Он приставил дуло к ее лбу.

— Ты что-то сказала про шерифа, девочка. Я все слышал.

— Нет, — вмешалась Гамма. — Она хотела...

— Заткнись.

— Она просто...

— Заткнись на хер, я сказал!

Саманта подняла глаза: дробовик повернулся в сторону Гаммы.

Гамма протянула руки, но медленно, будто пробираясь сквозь песок. Все они вдруг словно превратились в пластилиновых человечков на съемке чудовищного мультфильма. Саманта смотрела, как пальцы матери один за другим обхватывают укороченный ствол дробовика. Аккуратно подстриженные ногти. Крупная мозоль от карандаша на большом пальце.

Раздался почти неслышный щелчок.

Секундная стрелка на часах.

Защелка на двери.

Боек, ударяющий по патрону в стволе дробовика.

Может быть, Саманта слышала этот щелчок, а может быть, додумала его, потому что видела, как палец чернорубашечника нажал на курок.

Воздух взорвался красным туманом.

Кровь брызнула на потолок. Хлынула на пол. Горячие струи взвились над Шарлоттой и обдали пол-лица и шею Саманты.

Гамма упала на пол. Шарлотта закричала.

Саманта тоже открыла рот, но звук застрял у нее в груди. Она оцепенела. Крики Шарлотты слышались как далекое эхо. Цвета вокруг исчезли. Все зависло в черно-белой картинке, как старый фермер на своей фотографии. Решетка белого кондиционера обрызгана черной кровью. Оконное стекло испещрено черными пятнышками. За окном — темно-серое небо с крошечным огоньком одинокой далекой звезды.

Саманта потрогала шею. Осколки. Кость. Кровь, все залито кровью. Она почувствовала пульс. Это ее сердце

или кусочки сердца матери пульсируют под ее трясующимися пальцами?

Громкость пронзительных криков Шарлотты выросла до уровня сирены. Черная кровь на пальцах Саманты снова обрела свой темно-красный цвет. Серое помещение расцвело невыносимо яркими красками.

Мертва. Гамма мертва. Никогда больше она не скажет Саманте уносить ноги из Пайквилля, не будет кричать на нее за глупую ошибку в контрольной, за недостаточное усердие на стадионе, за отсутствие терпения с Шарлоттой, за нежелание брать на себя ответственность. Саманта потеряла пальцы один о другой. В ладони у нее лежал осколок зуба Гаммы. К горлу подкатила рвота. Слезы залили глаза. Горе завибрировало в ее теле, как струна арфы. В мгновение ока мир перевернулся с ног на голову.

— Да заткнись ты! — Чернорубашечник вlepил Шарлотте такую пощечину, что она чуть не упала со стула.

Саманта поймала ее и прижала к себе. Они рыдали, тряслись, кричали. Этого просто не могло быть. Мама не могла быть мертва. Она должна открыть глаза. Она должна собрать свое тело обратно из кусочков, попутно объяснив им, как работает сердечно-сосудистая система.

А вы знаете, что среднестатистическое сердце перекачивает пять литров крови в минуту?

— Гамма, — прошептала Саманта.

Выстрел дробовика разворотил ее грудь, ее шею, ее лицо. Исчезла левая половина ее челюсти. Часть черепа. Ее прекрасный высокоразвитый мозг. Ее изогнутая надменная бровь. Никто больше не будет объяснять Саманте, как что устроено. Никого не будет волновать, поняла она или нет.

— Гамма.

— О господи! — Тот, что в кедах, остервенело шлепал себя по груди, пытаясь соскрести осколки костей и плоти. — Господи, Зак!

Саманту осенило.

Захария Кулпеппер.

Имя и фамилия неоновыми буквами замигали в ее памяти.

А за ними и все остальное: «Хищение транспортного средства». «Жестокое обращение с животными». «Публичное совершение развратных действий». «Развратные действия в отношении несовершеннолетнего лица».

Не только Шарлотта читала документы в папках своего отца. Расти Куинн много лет спасал Зака Кулпеппера от серьезных сроков. Неоплаченные счета Зака были постоянным источником разногласий между Гаммой и Расти, особенно после того, как сгорел дом. Он был должен им больше двадцати тысяч долларов, но Расти отказывался их взыскивать.

— Твою мать! — Зак явно увидел, что Саманта его узнала. — Твою мать!

— Мама... — Шарлотта еще не поняла, как изменилась ситуация. Все, что она могла, — это смотреть на Гамму, трясаясь при этом так, что зубы стучали. — Мама, мама, мама...

— Все хорошо. — Саманта пыталась погладить сестру по голове, но ее пальцы запутались в липких от крови и осколков костей прядях.

— Ниче хорошего. — Зак сорвал маску. Выглядел он угрожающе. Щербатое лицо. Круги красных брызг вокруг рта и глаз: выстрел дробовика окрасил то, что не закрывала маска. — Какого хера? На хера ты сказал мое имя, малыш?

— Я н-не говорил, — ответил, запинаясь, тот, что в кедах. — Прости.

— Мы никому не скажем. — Саманта смотрела вниз, будто могла притвориться, что не видела его лица. — Мы ничего не скажем, обещаю.

— Девочка, я только что разнес твою мамашу в клочья. Ты реально думаешь, что выйдешь отсюда живой?

— Нет, — сказал тот, что в кедах, — мы не для этого пришли.

— Я пришел забрать свои счета, малыш. — Стальной взгляд Зака стрелял туда-сюда по кухне, вращаясь, как пулеметная башня. — Но щас я думаю, пускай Расти Куинн сам мне заплатит.

— Нет, — возразил тот, что в кедах, — я же говорил...

Зак заставил его замолчать, уперев дробовик ему в лицо.

— Давай-ка думать, на хер, стратегически. Нам надо сваливать из города, значит, нам надо много бабла. Все знают, что Расти Куинн хранит кеш в доме.

— Дом сгорел, — Саманта услышала эти слова прежде, чем осознала, что произнесла их. — Все сгорело.

— Твою мать! — закричал Зак. — Твою мать!

Он схватил того, что в кедах, за локоть и утащил в коридор. Он держал дробовик направленным на них, палец на курке. Саманта слышала ожесточенный шепот перепалки, но понимать отдельные слова ее мозг отказывался.

— Нет! — Шарлотта упала на пол. Дрожащей рукой она схватила руку матери. — Не умирай, мама. Пожалуйста. Я тебя люблю. Я так тебя люблю.

Саманта посмотрела на потолок. Красные линии перечеркивали его как нелепое граффити. У нее полились слезы, стекая за воротник единственной футболки, не сгоревшей в пожаре. Она позволила горю прокатиться по телу, прежде чем взять себя в руки.

Гаммы больше нет. Они одни в доме наедине с убийцей, и от шерифа никто не приедет.

«Пообещай, что всегда будешь заботиться о Чарли».

— Чарли, вставай. — Саманта потянула сестру за руку, отводя глаза, потому что смотреть на развороченную грудь Гаммы, на переломанные ребра, которые торчали, как зубы, было невыносимо.

А вы знаете, что зубы акулы состоят из чешуи?

— Чарли, вставай, — шепнула Сэм.

— Не могу. Я не могу отпустить...

Сэм втащила сестру обратно на стул. Приложила губы к ее уху и сказала:

— Беги, как только сможешь. — Ее голос был очень тихим, он шел из глубины горла. — Не оборачивайся. Просто беги.

— О чем это вы шепчетесь? — Зак упер дробовик в лоб Сэм. Металл был еще горячим. На стволе запеклись кусочки плоти Гаммы. Она почувствовала запах жареного мяса. — Че ты ей сказала? Убегать? Смываться?

Шарлотта пискнула. Она приложила руку ко рту.

— Че она сказала тебе делать, куколка? — спросил Зак.

Сэм затошнило от тона, каким он заговорил с сестрой.

— Ну че ты, детка. — Взгляд Зака скользнул по маленькой груди Чарли, ее тонкой талии. — Мы же с тобой подружимся?

— Х-хватит, — выдавила Сэм.

Она вспотела и дрожала. Почувствовала, что, как и Чарли, теряет контроль над мочевым пузырем. Дуло ружья дрелью ввинчивалось в череп. Но она все равно сказала:

— Отстань от нее.

— Я разве с тобой разговариваю, сучка? — Зак так надавил дробовиком, что Сэм запрокинула голову. — С

тобой?

Сэм сжала кулаки. Она должна это прекратить. Она должна защитить Шарлотту.

— Оставь нас в покое, Захария Кулпеппер.

Она сама от себя не ожидала такого сопротивления. Она была напугана, но каждая крупца ее страха наливалась гневом. Он убил ее мать. Он пристает к ее сестре. Он сказал им, что они не выйдут отсюда живыми. Она подумала о молотке за поясом шортов, представила, как всаживает его в мозг Зака.

— Я знаю, кто ты такой, ты гребаный извращенец.

От этого слова его передернуло. Ярость исказила его лицо. Его руки сжали дробовик, а костяшки пальцев побелели, но голос звучал спокойно:

— Я вырву тебе веки, и ты будешь смотреть, как я вырезаю целку твоей сестры ножом.

Он и она смотрели друг другу в глаза. За угрозой последовала оглушительная тишина. Сэм не могла отвести взгляд. Страх бритвой полосовал ее сердце. Никогда в жизни она не встречалась с таким абсолютным, безжалостным злом.

Чарли начала поскуливать.

— Зак, — сказал тот, что в кедах, — пойдем, чувак. — Он ждал. Они все ждали. — Мы же договорились?

Зак не двигался. Никто не двигался.

— Мы договорились, — повторил тот, что в кедах.

— Конечно, — прервал молчание Зак. Он позволил тому, что в кедах, вынуть дробовик из своих рук. — Я за свои слова отвечаю.

Он было отвернулся, но передумал. Сделал резкий выпад рукой. Сграбастал лицо Сэм, пальцами обхватил череп, как мяч, и толкнул ее так, что стул из-под нее упал, а голова звонко ударилась о край раковины.

— Я извращенец, говоришь? — Его ладонь раздавила ее нос. Его пальцы горячими иглами

воткнулись ей в глаза. — Че еще ты хочешь про меня сказать?

Саманта открыла рот, но на крик не хватило воздуха. Он ногтями прорезал ее веки, и лицо ее разрывалось от боли. Она схватила его за толстое запястье, вслепую пиналась, пыталась его царапать, бить, чтобы прекратить боль. По ее щекам потекли кровавые слезы. Зак нажимал с такой силой, что его пальцы тряслись, и она чувствовала, как ее глаза вдавливаются в мозг. Он согнул пальцы, пытаясь разорвать ее веки. Она ощутила, что его ногти скребут по ее глазным яблокам.

— Хватит! — закричала Чарли. — Прекратите!

Давление прекратилось так же быстро, как началось.

— Сэмми! — Чарли горячо, испуганно дышала. Она потянула руки к лицу Сэм. — Сэм? Посмотри на меня. Ты видишь что-нибудь? Посмотри на меня, пожалуйста!

Сэм осторожно попробовала открыть веки. Они были порваны. Казалось, она смотрит сквозь кусок старого кружева.

— А это че за хрень? — спросил Зак.

Молоток. Он выпал из ее шортов.

Зак поднял его с пола. Изучил деревянную ручку и выразительно посмотрел на Чарли.

— Знаешь, куда я могу его засунуть?

— Хватит! — Тот, что в кедах, схватил молоток и швырнул его в коридор.

Они слышали, как он проехал по деревянному полу.

— Да ладно, братан, шучу.

— Вставайте обе, — приказал тот, что в кедах. — Пора с этим заканчивать.

Чарли осталась на полу. Сэм моргала кровью. Она не знала, куда двигаться, потому что почти ничего не видела. Свет с потолка лил в глаза, как горячее масло.

— Помоги ей встать, — сказал Заку тот, что в кедах. — Ты обещал, чувак. Не надо делать еще хуже.

Зак так рванул Сэм за руку, что ее плечо чуть не вылетело из сустава. Она кое-как встала, опираясь на стол. Зак толкнул ее к двери. Она наткнулась на стул. Чарли взяла ее ладонь в свою.

Тот, что в кедах, открыл дверь.

— Вперед.

Выбора у них не было — пришлось идти. Чарли шла первой, немного боком, помогая Сэм спуститься с крыльца. Когда яркий свет кухни остался позади, боль в глазах слегка поутихла. Ей не понадобилось привыкать к темноте. В поле зрения виднелись только какие-то тени. Сейчас они должны были быть на беговой тренировке. Они умоляли Гамму впервые в жизни позволить им пропустить ее, а теперь мама мертва, а их под дулом дробовика выводит из дома человек, явившийся сюда, чтобы с помощью оружия аннулировать счета за адвокатские услуги.

— Ты видишь что-нибудь? — спросила Чарли. — Сэм, ты видишь что-нибудь?

— Да, — соврала Сэм: в глазах у нее все мелькало, как от диско-шара, только вместо вспышек света она видела серые и черные кляксы.

— Сюда, — сказал тот, что в кедах.

Он повел их не к старому пикапу, припаркованному на подъездной дороге, а за дом, в поле. Капуста. Сорго. Арбузы. То, что выращивал старый фермер. Список посевов был единственной их находкой в шкафу на втором этаже. Соседняя ферма недавно арендовала его триста акров, и в начале весны здесь засеяли сразу тысячу.

Сэм чувствовала свежезасеянную землю босыми ногами. Она опиралась на Чарли, которая крепко держала ее за руку. Другую руку Сэм слепо вытянула вперед, будто опасаясь на что-то наткнуться в чистом

поле. С каждым шагом слой темноты в поле ее зрения становился гуще. Чарли была серым пятном. Тот, что в кедах, был высоким и худым, как угольный карандаш. Зак Кулпеппер был черным квадратом угрожающей ненависти.

— Куда мы идем? — спросила Чарли.

Сэм почувствовала, как дробовик уперся ей в спину.

— Иди давай, — отозвался Зак.

— Не понимаю, — сказала Чарли, — почему вы это делаете?

Судя по направлению голоса, она обращалась к тому, что в кедах. Как и Сэм, она уловила: хоть он младше и слабее коротышки, но почему-то именно он здесь главный.

— Что мы вам сделали, мистер? — спросила Чарли. — Мы же просто дети. Мы ничего этого не заслужили.

— Молчи, — предупредил Зак. — Заткнитесь вы обе.

Сэм еще крепче сжала руку Чарли. Теперь она почти совсем ослепла. Очевидно, уже навсегда, правда, навсегда — это не так и надолго. По крайней мере для Сэм. Она ослабила хватку на руке Чарли. Без слов она пыталась внушить сестре, чтобы та внимательно смотрела по сторонам и была готова бежать при первой возможности.

Гамма показывала им топографическую карту местности позавчера, в день переезда.

Она пыталась завлечь их прелестями деревенской жизни, обращая внимание на те места, которые в будущем можно было бы исследовать поподробнее. Теперь Сэм мысленно перебирала эти достопримечательности, обдумывая путь побега. Соседская земля уходит за горизонт: свободное открытое пространство, которое, побеги Чарли туда, грозило бы ей пулей в спину. Деревья окаймляют дальнюю правую сторону участка — густой лес, где, как

предупредила Гамма, наверняка полно клещей. За лесом — ручей, который уходит в туннель под метеорологической вышкой, ведущий к асфальтированной, но полузаброшенной дороге. Заброшенный амбар в полумиле к северу. Еще одна ферма в двух милях на восток. Заболоченный пруд. Там наверняка полно лягушек. А здесь — бабочек. Если не шуметь, в этом поле можно увидеть оленей. Не выходи на дорогу. Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет.

«Пожалуйста, беги, — Сэм мысленно умоляла Чарли. — Пожалуйста, беги и не оборачивайся».

— Что это? — спросил Зак.

Они разом оглянулись.

— Машина, — сказала Чарли, но Сэм видела только свет фар, медленно движущийся по длинной подъездной дороге к дому.

Человек от шерифа? Кто-то подвозит папу домой?

— Черт, они в два счета вычислят мой пикап. — Зак, как погонщик, дробовиком подталкивал их в сторону леса, чтобы они шагали быстрее. — Давайте шевелитесь, а то застрелю вас прямо здесь.

«Прямо здесь».

Шарлотта оцепенела. Ее зубы опять застучали. Она наконец связала одно с другим. Поняла, что они шагают навстречу своей смерти.

— Из этой ситуации есть другой выход, — сказала Сэм.

Она говорила с тем, что в кедах, но презрительно фыркнул в ответ Зак.

— Я сделаю все, что вы хотите. — Сэм слышала, как Гамма говорит вместе с ней. — Все, что угодно.

— Черт, — сказал Зак, — а ты не подумала, что я и так возьму все, что хочу, тупая ты шлюха?

Сэм попробовала еще раз:

— Мы не скажем, что это вы. Мы скажем, что вы все время были в масках и...

— Ага, с моим пикапом у дома и трупом вашей мамы на кухне? — Зак опять фыркнул. — Вы, Куинны, мать вашу, думаете, что вы — самые умные. Думаете, вы можете кого угодно заболтать.

— Послушайте, — умоляла Сэм, — вам все равно придется уехать из города. Вам совсем не обязательно нас убивать. — Она повернула голову к тому, что в кедах. — Пожалуйста, подумайте об этом. Просто свяжите нас. Оставьте где-нибудь, где нас не найдут. Вам так и так придется уехать отсюда. Зачем вам лишняя кровь на руках?

Сэм ждала ответа. Они все ждали. Тот, что в кедах, откашлялся и наконец сказал:

— Извини.

Зак победно рассмеялся.

Сэм не сдавалась.

— Отпустите мою сестру. — Ей пришлось замолчать ненадолго, чтобы сглотнуть слюну. — Ей тринадцать. Она еще ребенок.

— Тоже мне ребенок, — отозвался Зак. — Сисечки вон как торчат.

— Заткнись, — предупредил тот, что в кедах. — Я серьезно.

Зак цыкнул.

— Она никому не скажет, — продолжала попытки Сэм. — Она скажет, что это был кто-то незнакомый. Правда, Чарли?

— Может, черный? — спросил Зак. — Как тот парень, которого твой папочка отмазал от срока за убийство?

Чарли выпалила:

— Ага, как он отмазал тебя от срока за то, что ты показывал свою пипиську маленьким девочкам?

— Чарли, — взмолилась Сэм, — пожалуйста, молчи.

— Пусть говорит, — ответил Зак. — Мне нравится, когда они сопротивляются.

Чарли притихла. Они вошли в лес, и она все еще молчала.

Сэм шла следом, ломая голову над аргументами, которые убедили бы людей с оружием отказаться от задуманного. Но Зак Кулпеппер был прав. Его пикап перед домом все меняет.

— Нет, — шепнула себе под нос Чарли, озвучивая спор, идущий у нее в голове: она часто так делала.

«Пожалуйста, убегай, — молча заклинала Сэм. — Можно, можно бежать без меня».

— Шевелись. — Зак упер дробовик ей в спину, и Сэм пришлось шагать быстрее.

В ее ноги впивались сосновые иглы. Они углублялись в лес. Стало прохладнее. Сэм закрыла глаза, потому что пытаться что-то разглядеть не имело смысла. Она просто шла через лес, держась за Чарли. Шуршала листва. Они перешагивали через поваленные деревья, потом перешли узкий ручеек: наверное, он тек к большому ручью от фермы.

«Беги, беги, беги, — Сэм безмолвно упрашивала Чарли. — Пожалуйста, беги».

— Сэм... — Чарли остановилась. Обхватила сестру рукой. — Там лопата. Лопата.

Сэм не поняла. Она потрогала свои веки. Те слиплись от запекшейся крови. Она мягко надавила, пытаясь приоткрыть глаза.

Поляна перед ними залита голубым лунным светом. Здесь не только лопата. Горка земли высится около свежевыкопанной ямы.

Одна яма. Одна могила.

Теперь она не видела ничего вокруг, кроме разверстой черной бездны. Это было не ограбление и не попытка запугиванием заставить списать долг за юридические услуги. Все знали, что после пожара

Куинны едва сводили концы с концами. Борьба со страховой компанией. Изгнание из отеля. Покупки в секонд-хенде. Захария Кулпеппер, видимо, предположил, что Расти попробует пополнить счета, заставив должников расплатиться. И он был недалек от истины. На днях Гамма кричала Расти, что двадцать тысяч долларов, что должен им Кулпеппер, могли бы сильно поправить дела.

То есть все это затеяно из-за денег.

И, хуже того, из-за глупости, потому что счета не умерли бы вместе с отцом.

Сэм почувствовала, как снова закипает гневом. Она до крови прикусила язык. Захария Кулпеппер не просто так был вечно под следствием. Как всегда, в его преступлениях хромали и план, и исполнение. Они оказались здесь в результате череды ошибок. Могила была вырыта для Расти, но Расти опоздал, потому что он вечно опаздывает, и поскольку сегодня мама разрешила им пропустить беговую тренировку, могила теперь предназначается Чарли и Сэм.

— Ладно, малыш, твоя очередь. — Зак упер приклад дробовика в бедро. Другой рукой вытащил из кармана выкидной нож и раскрыл его. — От выстрелов будет много шума. Вот, возьми. Перережь ей горло, да и все: представь, что режешь свинью.

Тот, что в кедах, нож не взял.

— Давай, как договаривались, — сказал Зак. — Ты берешь эту. Младшенькую оставь мне.

Тот, что в кедах, не двигался.

— Она права. Нам необязательно это делать. Мы не планировали трогать женщин. Их вообще не должно было быть здесь.

— Чего-чего?

Сэм схватила Чарли за руку. Мужчины отвлеклись. Можно бежать.

— Что сделано, то сделано, — сказал тот, что в кедах. — Давай не будем больше никого убивать, так будет только хуже. Они ни в чем не виноваты.

— О господи. — Зак закрыл нож и сунул его обратно в карман. — Мы же все порешали на кухне, чувак. Тут без вариантов.

— Мы можем сдать полиции.

Зак сжал дробовик.

— Хрена с два.

— Я сдам. Возьму вину на себя.

Сэм подтолкнула Чарли: надо бежать прямо сейчас. Чарли не двигалась. Она крепко держала Сэм.

— Хер тебе. — Зак стукнул того, что в кедах, в грудь. — Я не собираюсь садиться за убийство только потому, что у тебя вдруг совесть проснулась.

Сэм отпустила руку сестры. Шепнула:

— Чарли, беги.

— Про тебя я никому не скажу, — продолжил тот, что в кедах, — скажу, что это все я.

— На моем долбаном пикапе?

Чарли попыталась снова взять Сэм за руку. Сэм, отстранившись, прошептала:

— Беги.

— Ублюдок. — Зак поднял дробовик и прицелился в грудь того, что в кедах. — Вот что мы сделаем, малыш. Ты возьмешь мой нож и перережешь этой суке горло, или я сделаю в твоих ребрах дыру размером с Техас. — Он топнул ногой. — Прямо сейчас.

Тот, что в кедах, выхватил револьвер и направил его в голову Зака.

— Мы идем в полицию.

— Убери от меня долбаную пушку, ты, сраное ссыкло.

Сэм ткнула Чарли локтем. Надо бежать. Надо убираться отсюда. Больше такого шанса не будет. Она буквально взмолилась:

— Беги.

Тот, что в кедах, сказал:

— Я сейчас тебя убью, а не их.

— Ты не выстрелишь, кишка тонка.

— Увидишь.

Чарли так и не двинулась с места. Ее зубы снова застучали.

— Убегай, — умоляла Сэм, — тебе надо бежать.

— Сраный мажор. — Зак сплюнул.

Он поднял руку вытереть рот, но это был отвлекающий жест. Он дернулся за револьвером. Тот, что в кедах, предвидел это движение. Он наотмашь ударил по дробовику. Зак потерял равновесие. Не смог устоять на ногах. Упал на спину, размахивая руками.

— Беги! — Сэм толкнула сестру. — Чарли, беги!

Чарли превратилась в смазанное движущееся пятно. Сэм шагнула за ней, подняла ногу, согнула руку...

Еще один взрыв.

Вспышка света от револьвера. Внезапная вибрация воздуха.

Голова Сэм дернулась так резко, что хрустнула шея.

Вслед за шеей все тело скрутилось в диком изгибе.

Она завертелась волчком, падая в темноту, как Алиса в кроличью нору.

«Ты знаешь, какая ты симпатичная?»

Стопы Сэм стукнулись о землю. Она почувствовала, как колени приняли на себя удар. Она посмотрела вниз. Голые ступни на мокром деревянном полу.

Подняла глаза и увидела свое отражение в зеркале. Необъяснимым образом Сэм стояла у раковины в ванной комнате фермерского дома.

За ней стояла Гамма, и ее сильные руки обнимали Сэм за талию. Мама выглядела моложе, мягче в своем отражении в зеркале. Бровь ее была изогнута, будто бы она слышала что-то, вызывающее сомнения. Это та женщина, которая объясняла незнакомому человеку в

продуктовом магазине разницу между словами «примитивный» и «превентивный». Которая на каждую Пасху придумывала для них хитроумные квесты по поиску шоколадных яиц.

А сейчас — можно подсказку?

— Скажи мне, — спросила Сэм у маминого отражения, — скажи, что мне делать.

Гамма открыла рот, но не заговорила. Ее лицо начало стареть. Сэм вдруг затосковала по матери, которая никогда не состарится. Вокруг губ Гаммы разошлись морщинки. Гусиные лапки около глаз. Морщины стали глубже. В темных волосах появилась проседь. Подбородок потяжелел.

Ее кожа начала сходить.

Белые зубы показались сквозь дыру в щеке. Волосы превратились в жирные белые веревки. Глаза высохли. Она не старела.

Она разлагалась.

Сэм попыталась убежать. Ее охватил запах смерти: мокрая земля, живые опарыши, пробирающиеся под кожу. Гамма обхватила руками лицо дочери. Заставила ее обернуться. От ее пальцев остались только кости. Черные зубы превратились в торчащие лезвия, когда Гамма открыла рот и закричала:

— Я сказала тебе убираться отсюда!

Сэм сделала резкий вдох и проснулась.

Ее глаза приоткрылись, но не увидели ничего, кроме непроглядной тьмы.

Во рту у нее земля. Мокрая земля. Сосновые иголки. Ладони перед лицом. Она ощутила на них свое горячее дыхание. И услышала звук.

«Ш-ш, ш-ш, ш-ш».

Шорох метлы.

Взмахи топора.

Звук лопаты, бросающей землю в могилу. Могилу Сэм.

Ее хоронили заживо. Слой земли лежал на ней, как железная плита.

— Прости меня, — слышался запинаящийся голос того, что в кедах. — Пожалуйста, Господи, прости меня.

Слой земли продолжал расти, воздух из легких Сэм выдавливало, будто тисками.

А вы знаете, что Жиль Кори был единственным обвиняемым в процессе над салемскими ведьмами, которого задавили насмерть?

Слезы наполнили глаза Сэм и полились по лицу. Крик застрял в горле. Паниковать нельзя. Орать и дергаться тоже нельзя — это не поможет. Они просто пристрелят ее. Мольбы о пощаде только приблизят смерть.

«Не глупи, — сказала Гамма. — Я надеюсь, у тебя уже закончился этот подростковый период».

Сэм сделала судорожный вдох.

И вдруг осознала, что в легкие проходит воздух.

Она может дышать!

Ее ладони были сложены чашкой перед лицом, создавая воздушный карман под землей. Сэм прижала ладони плотнее друг к другу. Она заставила себя замедлить дыхание, чтобы сэкономить драгоценный воздух. Этому ее научила Чарли. Много лет назад. Сэм представила сестру в ее детской скаутской форме. Ручки и ножки как палочки. Мятая желтая рубашка и коричневая жилетка со всеми заработанными ею нашивками. Она сидит за завтраком и читает вслух свое «Руководство по приключениям для девочек-скаутов».

«Если вы попали в лавину, не кричите и не открывайте рот, — читает Чарли. — Пока лавина не остановилась, поместите ладони перед лицом и постарайтесь создать воздушное пространство».

Сэм высунула язык, пытаясь оценить, как далеко от лица находятся руки. Кажется, четверть дюйма. Она попробовала согнуть пальцы, чтобы расширить

воздушный карман. Свободного места вокруг не было. Почва плотно охватывала ее руки, почти как цемент.

Она попыталась понять, в каком положении находится тело. Она лежит не на спине. И не на боку, хоть левое плечо и прижато к земле. Бедрa повернуты под углом к плечам. Холод пробирается через шорты к пояснице. Правая нога согнута в колене, левая — выпрямлена.

Скручивание корпуса.

Растяжка бегуна. При падении ее тело заняло знакомое положение.

Сэм попыталась перераспределить вес. Ноги не двигались. Попробовала пошевелить пальцами ног. Напрячь мышцы голеней. Задней поверхности бедра.

Ничего.

Сэм закрыла глаза. Она парализована. Она никогда больше не сможет ходить, бегать, передвигаться самостоятельно. В грудь комариной тучей ворвалась паника. Бег — это все, что у нее есть. Бег — это она сама. Какой смысл пытаться выжить, если она больше не сможет двигать ногами?

Она прижала руки к лицу, чтобы не закричать. По крайней мере, есть шанс, что Чарли убежала. Сэм видела, как сестра рванула в лес. Это последнее, что она видела перед выстрелом револьвера. Сэм представила себе убегающую Чарли: невероятно быстро перебирая тонкими ногами, она летит вперед, вдаль, не колеблясь, не останавливаясь и не оглядываясь.

«Не думай обо мне, — молила Сэм, как и миллион раз до этого. — Просто сконцентрируйся на себе и продолжай бежать».

Получилось ли у Чарли? Помог ли ей кто-нибудь? Или же, обернувшись в поисках Сэм, она увидела перед своим лицом дробовик Захарии Кулпеппера?

Или что похуже.

Сэм отогнала от себя эти мысли.

Она ясно представила, как Чарли убегает на свободу, зовет кого-то на помощь, приводит полицию к могиле, потому что, как и мама, интуитивно ориентируясь на местности, просто не может заблудиться и сразу находит место, где похоронили ее сестру.

Сэм считала удары своего сердца, пока оно не перестало биться так яростно.

И тут у нее запершило в горле. Все было забито землей: уши, нос, рот, легкие. Она не могла сдержать кашель. Ее губы разомкнулись. На непроизвольном вдохе в нос попало еще больше земли. Она кашлянула еще и еще. В третий раз она кашлянула так сильно, что почувствовала, как сжимается живот и скрючивается все тело.

И тут сердце ее подпрыгнуло. Она ощутила, как дернулись ноги.

Видимо, до этого паника и страх нарушили какие-то важные связи между мозгом и мышцами. Она не была парализована: она была напугана, сработал некий древний механизм «бей или беги», благодаря которому она находилась вне своего тела, пока не поняла, что происходит. Сэм с восторгом ощутила, как к ногам возвращается чувствительность. Она будто бы спускалась в бассейн. Сначала почувствовала, как в плотной земле растопыриваются пальцы ног. Потом смогла подвигать стопами. Потом ей удалось слегка напрячь лодыжки.

Так, стопы двигаются — что еще можно сделать?

Сэм натянула икроножные мышцы, разогревая их. Почувствовала жжение в квадрицепсах. Напряжение в коленях. Она фокусировалась на ногах, говоря себе, что может двигать ими, пока тело не послало обратный сигнал: да, ноги двигаются.

Она не парализована. У нее есть шанс. Гамма всегда говорила, что Сэм научилась бегать раньше, чем

ходить. Ноги были самой сильной частью ее тела.

Ноги помогут ей выбраться отсюда.

Сэм начала работать ногами, делая едва заметные движения вперед-назад, пытаясь пробурить тяжелый слой земли. Дыхание в ее руках стало горячим. Сознание затуманилось, она почти перестала паниковать. Не слишком ли много воздуха она тратит? Имеет ли это значение? Она уже не вполне понимала, что делает. Нижняя часть ее тела двигалась вперед-назад, и порой ей казалось, что она качается в маленькой лодке на поверхности океана, потом она возвращалась в реальность, осознавала, что зажата под землей, и пыталась двигаться быстрее, сильнее, после чего снова забывалась на своей лодке.

Она попробовала посчитать секунды: «Раз Миссисипи, два Миссисипи, три Миссисипи...»

Ноги свело судорогой. Живот свело судорогой. Все свело судорогой. Сэм заставила себя остановиться, хотя бы на несколько секунд. Отдыхать оказалось почти так же больно, как двигаться. Молочная кислота разъедала изнуренные мышцы, отчего крутило желудок. Позвонки перекрученными винтами впивались в нервы и электрической болью стреляли в шею и ноги. Каждый выдох трепыхался в ее ладонях, как птица в ловушке.

«Шанс выжить составляет пятьдесят процентов, — читает Чарли свое „Руководство“, — но только в том случае, если пострадавшего обнаружат в течение часа».

Сэм не знала, как давно она оказалась в могиле. Это, как и пожар в доме из красного кирпича, и смерть матери, произошло когда-то в прошлой жизни.

Она напрягла пресс и постаралась поднять корпус вбок. Уперлась рукой. Нагрузила шею. Тяжесть навалилась в ответ, вдавливая ее плечо в сырую почву.

Ей нужно больше места.

Сэм попробовала покачать бедрами. Сначала пространства было на дюйм, потом на два, потом она

смогла подвигать талией, плечом, шеей и головой.

Увеличился ли зазор между ртом и руками?

Сэм еще раз высунула язык. Его кончик дотянулся до места, где соединялись ее ладони. Здесь как минимум полдюйма. Уже прогресс.

Она стала работать локтями, двигая ими вверх-вниз, вверх-вниз. Дюймов на этот раз не получилось. Сдвинулись сантиметры, потом миллиметры земли. Ей приходилось держать ладони перед лицом, чтобы дышать. Но в какой-то момент она поняла, что надо копать руками.

Один час. Столько ей дала Чарли. Время Сэм наверняка уже заканчивалось. Ее ладони были горячими и мокрыми от испарений. Голова кружилась.

Сэм сделала последний глубокий вдох.

Оттолкнула руки от лица.

С трудом отвернула ладони от себя: казалось, запястья вот-вот сломаются.

Она сжала губы, стиснула зубы и впилась ногтями в землю, яростно пытаясь ее разгрести.

Но земля сопротивлялась.

Плечи пылали от боли. Трапециевидные мышцы. Ромбовидные мышцы. Лопатки. В бицепсы вбивалось раскаленное железо. Ногти обламывались. Кожа на костяшках пальцев ободралась. Легкие были готовы схлопнуться.

Она больше не может сдерживать дыхание. Она больше не может бороться. Она устала. Она одна. Мама умерла. Сестры нет. Сэм начала кричать, сначала мысленно, потом в реальности. Она была очень зла: в ярости на мать, которая схватилась за дробовик, в гневе на отца, который навлек этот ад на их дом, в негодовании на Чарли за ее слабость и в гребаном бешенстве из-за того, что ей теперь придется умереть в этой гребаной могиле.

Неглубокой могиле.

Вдруг она почувствовала пальцами руки прохладный воздух.

Она прорвалась через почву. Меньше двух футов отделяли Сэм от жизни или смерти.

Но радоваться было некогда. Не было больше воздуха в легких, не было надежды, если она не продолжит копать.

Она начала смахивать пальцами всякий сор. Листья. Сосновые шишки. Убийца пытался скрыть свежую могилу, не рассчитывая, что зарытая там девочка вылезет наружу. Она набрала полную горсть земли, потом еще одну, еще и еще, пока наконец не смогла поднять себя наверх одним последним рывком пресса.

Сэм поперхнулась внезапным потоком свежего воздуха. Она выплюнула землю с кровью. Волосы ее были спутаны. Она потрогала голову сбоку. Мизинец соскользнул в крошечную дырочку. Внутри нее кость была гладкой. Здесь вошла пуля. Ей выстрелили в голову.

Ей выстрелили в голову.

Сэм отдернула руку. Она не осмелилась вытирать глаза. Прищурившись, поглядела вдаль. Смутные очертания деревьев. Она увидела перед собой две жирные точки света, они плыли перед ее лицом, словно ленивые шмели.

Она услышала, как где-то рядом течет вода, отдаваясь эхом, будто бы через тот тоннель под метеовышкой, который ведет к асфальтированной дороге.

Мимо проплыла еще пара световых пятен. Это не шмели.

Это фары.

Глава первая

28 лет спустя

Чарли Куинн шла по темным утренним коридорам Пайквилльской средней школы, охваченная гнетущей тревогой. Это было не чувство стыда после бурно проведенной ночи. Это было чувство глубоко укоренившегося сожаления. Вполне уместное, потому что первый раз она занималась сексом с мальчиком, с которым этого делать было не надо, как раз в этом здании. А точнее, в спортзале: отец оказался прав, когда предупреждал ее о том, как опасно гулять поздней ночью.

Она повернула за угол, зажав в руке мобильный телефон. Не тот мальчик. Не тот мужчина. Не тот телефон. Не тот коридор, потому что непонятно, куда, черт побери, здесь идти. Чарли развернулась и пошла обратно той же дорогой. Все в этом дурацком здании выглядело знакомым, но все было будто бы не на своих местах.

Она свернула налево и оказалась около приемной директора. Пустые стулья поджидали нашкодивших школьников. На похожих пластиковых сиденьях коротала свои школьные годы и Чарли. Она препиралась. Грубила. Ругалась с учителями, одноклассниками и неодушевленными предметами. Взрослая Чарли вlepила бы Чарли-подростку пощечину за то, как она всех доставала.

Она прижала сложенную ладонь к стеклу и заглянула в темный кабинет. Наконец что-то выглядит именно так, как должно. Высокая стойка, за которой вершила судьбы миссис Дженкинс, школьная секретарша, никуда не делась. Вымпелы спортивных

команд свисают с покрытого разводами потолка. Детские рисунки скотчем приклеены к стенам. В глубине светится одинокая лампа. Чарли не собиралась спрашивать директора Пинкмана, как ей пройти к любовнику. Хотя она шла и не к любовнику. Она шла к человеку, который позвонил ей сказать что-то вроде: «Эй, детка, ты унесла не тот „айфон“ после того, как я трахнул тебя в своем пикапе около бара „Темный рейс“ вчера ночью».

Чарли не задавалась вопросом, о чем она думала, потому что в бар с названием «Темный рейс» ходят не для того, чтобы думать.

Телефон в ее руке зазвонил. Чарли увидела чужую заставку: немецкая овчарка с собачьей игрушкой в зубах. Номер определился как «ШКОЛА».

Она взяла трубку.

— Да?

— Ты где? — Его голос звучал напряженно, и она начала думать об опасностях, поджидающих девушек, которые трахаются с незнакомцами из бара: ревнивая жена, неизлечимые венерические заболевания, кровожадная бывшая, в одиночку воспитывающая его детей, или позорное членство в фан-клубе «Алабамы».

— Я перед кабинетом Пинка, — ответила она.

— Иди назад, второй поворот направо.

— Угу. — Чарли нажала «отбой». Она задумалась, отчего у него такой тон, но решила, что это неважно, потому что больше она его никогда не увидит.

Она пошла назад, и ее кроссовки поскрипывали при каждом шаге по вощеному полу темного коридора. Вдруг за спиной что-то щелкнуло. В приемной загорелся свет. Сгорбленная пожилая женщина, подозрительно похожая на призрак миссис Дженкинс, прошаркала за стойку. Где-то вдалеке открылись и закрылись тяжелые железные двери. Там же пиликнул металлодетектор. Кто-то звякнул связкой ключей.

С каждым новым звуком воздух будто уплотнялся: школа собиралась с духом перед утренним натиском. Чарли посмотрела на большие часы на стене. Если расписание осталось прежним, скоро прозвенит первый звонок на классный час и собранные в столовой дети, которых привезли пораньше, наводнят коридоры.

Чарли тоже часто привозили пораньше. Долгое время, когда бы она ни думала об отце, перед глазами возникал один и тот же образ: отец выезжает со школьной парковки, выставив руку с только что зажженной сигаретой из окна своего «Шеветта».

Она остановилась.

Наконец обратив внимание на номера кабинетов, Чарли сразу поняла, где находится. Она провела пальцами по закрытой деревянной двери. Кабинет 3, ее убежище. Мисс Киске давным-давно вышла на пенсию, но Чарли ясно слышала ее пожилой голос: «Они не смогут дразнить гусей, если ты не покажешь им, где птичник». Чарли до сих пор не до конца понимала, о чем это. Но можно было предположить, что речь шла о многочисленном клане Кулпепперов, которые неумоимо дожимали Чарли, когда она наконец вернулась в школу.

А может, тренер школьной команды по женскому баскетболу по имени Этта Киске и сама не понаслышке знала, каково быть объектом насмешек.

Никто не мог посоветовать Чарли, что делать в сегодняшней ситуации. Впервые со времен колледжа она переспала с незнакомцем. Перепихнулась в машине, если точнее. Вообще подобное было совсем не в ее стиле. Она не ходила по барам. Она не напивалась. Она по большому счету не совершала ошибок, о которых потом жалела. По крайней мере до недавних пор.

Жизнь ее покатила под откос в августе прошлого года. С тех пор почти все время, когда бодрствовала,

Чарли совершала ошибку за ошибкой. Очевидно, наступивший месяц май не сулил улучшения ситуации. Ошибки теперь начинались еще до того, как она вставала с кровати. Проснувшись сегодня утром, она лежала, глядя в потолок и пытаясь убедить себя, что прошлой ночью ничего не было, но тут в сумке зазвенел незнакомый рингтон.

Она взяла трубку, потому что мысль завернуть телефон в фольгу, кинуть его в мусорку у офиса, купить новый и восстановить свои данные из бэкапа пришла ей в голову только тогда, когда она уже сказала «Алло».

За звонком последовал короткий разговор, который только и мог состояться между двумя незнакомыми людьми: «Привет, девушка, чье имя я, наверное, спрашивал, но сейчас не помню. Похоже, у меня твой телефон».

Чарли предложила встретиться у него на работе, потому что не хотела, чтобы он узнал, где она живет. Или работает. Или на какой машине ездит. Прежде чем Чарли села на него верхом — а тело у него было, надо признать, превосходное — в его пикапе, ей казалось, что он представился то ли автослесарем, то ли фермером. Потом, когда он сообщил, что работает учителем, Чарли нарисовала себе картинку из «Общества мертвых поэтов». Но после уточнения, что он преподает в средней школе, она вдруг без всякой причины сделала вывод, что он педофил.

— Сюда. — Он стоял у открытой двери в дальнем конце коридора.

Как по команде, на потолке включились флуоресцентные лампы, а она, подумала Чарли, подсвечивают все недостатки. Она тут же пожалела, что надела потрепанные джинсы и линялую футболку с длинными рукавами и логотипом баскетбольной команды «Дьюк Блю Девилс».

— О господи, — пробормотала Чарли.

На другом конце коридора никаких проблем с внешностью не было. Мистер Не-помню-как-тебя-зовут был даже привлекательнее, чем ей запомнилось. Стандартный учительский костюм из бежевых брюк и рубашки не мог скрыть, что там, где обычно у мужчин за сорок откладываются последствия употребления пива и жареного мяса, у него имелись мышцы. Вместо всклокоченной бороды была легкая щетина. Седина на висках и несколько выразительных морщин на лице только добавляли ему загадочности. Глубокой ямочкой на его подбородке можно было бы открыть бутылку. Это не тот тип мужчин, с которыми Чарли встречалась. Это как раз тот тип мужчин, которых она тщательно избегала. Он был слишком собранным, слишком сильным, слишком закрытым. Встречаться с таким — все равно что играть с заряженным ружьем.

— Это я, — он указал на доску объявлений рядом с классом.

На листе белой пергаментной бумаги — отпечатки маленьких ладошек. Из фиолетового картона вырезаны буквы: мистер Гекльберри.

— Гекльберри? — спросила Чарли.

— На самом деле Гекльби. — Он протянул руку. — Гек.

Чарли пожала ему руку, только потом поняв, что он протянул ее за своим телефоном.

— Извини. — Она отдала ему айфон.

Он ответил ухмылкой, которая, возможно, ускорила половое созревание не у одной девочки.

— Твой телефон здесь.

Чарли прошла за ним в кабинет.

Стены украшены картами, что логично, потому что он, очевидно, учитель истории. По крайней мере, если верить надписи «МИСТЕР ГЕКЛЬБЕРРИ ЛЮБИТ ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ».

— Я вчерашний вечер помню отрывочно, — сказала Чарли, — но ты вроде говорил, что ты морпех?

— На самом деле бывший, но «морпех» звучит сексуальнее, чем «учитель средней школы». — Он самокритично усмехнулся. — Я пошел в морскую пехоту в семнадцать и вышел в отставку шесть лет назад. — Он оперся на свой стол. — Хотел продолжить службу, поэтому окончил оплаченную армией магистратуру, и вот я здесь.

— Уверена, на День Валентина ты получаешь кучу пропитанных слезами открыток.

У Чарли были бы по истории одни двойки, если бы ее учитель выглядел так же, как мистер Гекльберри.

— У тебя есть дети? — спросил он.

— Насколько я знаю, нет. — Чарли не стала задавать ему тот же вопрос. Она предположила, что, если бы у него были дети, он не поставил бы фото собаки на заставку телефона. — Ты женат?

Он помотал головой.

— Пробовал, но мне это не подходит.

— А мне подходит. — Она тут же пояснила: — Мы не живем вместе уже девять месяцев.

— Ты ему изменяла?

— Ты не поверишь, но нет, не изменяла. — Чарли провела пальцем по книгам на полке рядом с его столом. Гомер. Еврипид. Вольтер. Бронте. — Ты не похож на человека, который любит «Грозовой перевал».

Он улыбнулся.

— В пикапе особо некогда было разговаривать.

Чарли начала улыбаться в ответ, но накатившее раскаяние стерло улыбку с ее лица. Этот обмен шуточками казался ей в чем-то даже больше изменой, чем сам секс. Она обменивалась шуточками с мужем. Она задавала глупые вопросы мужу.

И вчера ночью, впервые за все время брака, она изменила мужу.

Гек, видимо, почувствовал смену ее настроения.

— Это, конечно, не мое дело, но отпустить такую женщину — как он мог?

— Со мной непросто. — Чарли разглядывала одну из карт на стене. Почти по всей Европе и кое-где на Ближнем Востоке были воткнуты булавки с синими головками. — Ты везде здесь побывал?

Он кивнул, но ничего не сказал.

— Морская пехота, — сказала она. — Ты служил в спецназе ВМС?

— Морпехи могут быть спецназовцами, но не все спецназовцы — морпехи.

Чарли хотела сказать, что он не ответил на вопрос, но Гек заговорил первым:

— Твой телефон начал трезвонить ни свет ни заря.

Ее сердце сжалось.

— Ты не ответил?

— Не, забавно было по входящим звонкам попробовать вычислить, кто ты такая. — Он уселся на свой стол. — Около пяти утра позвонил Б2. Я так понимаю, твой дружок в магазине витаминов.

Сердце Чарли снова подпрыгнуло.

— Ага, Рибофлавин, мой инструктор по сайклингу.

Он прищурился, но допытываться не стал.

— Следующий звонок раздался около пяти пятнадцати, высветилось «Папа», и я понял то, что раз не «Папик», значит, это твой отец.

Она кивнула, хотя голос матери в ее голове уточнил, что правильно говорить «понял, что».

— Какие еще догадки?

Он сделал вид, что поглаживает длинную бороду.

— Начиная примерно с половины шестого тебе начали названивать из окружной тюрьмы. Звонили как минимум шесть раз, с перерывами минут в пять.

— Все, Нэнси Дрю, я сдаюсь, — Чарли подняла руки. — Я наркодилер. Моих курьеров повязали на

выходных.

Он засмеялся.

— Я почти тебе верю.

— Я адвокат, — призналась она. — Обычно к наркодилерам люди относятся с бóльшим пониманием.

Гек перестал смеяться. Он снова прищурился, но игривость испарилась.

— Как тебя зовут?

— Чарли Куинн.

Она могла поклясться, что его буквально передернуло.

— Что-то не так? — спросила она.

Он стиснул зубы, и на скулах проступили желваки.

— На твоей кредитке была другая фамилия.

Чарли замолчала, потому что ей очень не понравилось это заявление.

— Это моя фамилия в замужестве. Когда ты успел рассмотреть мою кредитку?

— Я не рассматривал. Я увидел ее, когда ты расплачивалась в баре. — Он поднялся. — Мне надо готовиться к занятиям.

— Я что-то не то сказала? — Она пыталась перевести все в шутку, потому что, очевидно, она сказала что-то не то. — Слушай, все ненавидят юристов, пока им самим не понадобится юрист.

— Я вырос в Пайквилле.

— Ты говоришь так, будто это что-то объясняет.

Он открывал и закрывал ящики стола.

— У нас вот-вот начнется классный час. Мне надо готовиться к первому уроку.

Чарли скрестила руки на груди. Это был не первый ее подобный разговор со старожилками Пайквилля.

— У твоей смены настроения может быть одна из двух причин.

Проигнорировав ее слова, он открыл и закрыл еще один ящик.

Она стала перечислять варианты, считая на пальцах:

— Либо ты ненавидишь моего отца, и это нормально, потому что его многие ненавидят, либо... — Она подняла палец, чтобы назвать более вероятную причину, ту, по которой у Чарли на спине появилась мишень двадцать восемь лет назад, когда она вернулась в школу, ту, из-за которой в городе на нее до сих пор злобно поглядывали сторонники многочисленного кровосмесительного клана Кулпепперов.

— Либо ты считаешь, что я избалованная сучка, которая помогла подставить Захарию Кулпеппера и его невинного братика, чтобы отец заполучил какую-то вонючую выплату по страхованию жизни и их сраный трейлер. Которые он, кстати, так и не получил. Он мог отсудить у них двадцать штук, которые Зак ему задолжал за юридические услуги, но он и этого не сделал. Не говоря уже о том, что я опознала бы этих ублюдков с закрытыми глазами.

Она еще не договорила, как он начал мотать головой.

— Дело не в этом.

— Правда?

Она записала его в сторонники Кулпепперов, когда он сказал, что вырос в Пайквилле. С другой стороны, можно было предположить, что он просто кадровый военный и презирает работу Расти — ровно до того момента, когда у него самого найдут оксикодон в тумбочке или проститутку в кровати. Как любил повторять ее отец, демократ — это республиканец, прошедший через систему уголовного правосудия.

— Слушай, я люблю отца, но я занимаюсь другой юридической практикой. Половина моих дел — ювенальная юстиция, другая половина — наркотики. Я работаю с глупыми людьми, которые наделали

глупостей: им нужен юрист, чтобы обвинение прокурора не было слишком суровым. — Она развела руками. — Просто выравниваю баланс на игровом поле.

Гек смотрел на нее в упор. Его злость во мгновение ока переросла в ярость.

— Выйди из моего класса. Прямо сейчас.

От такого тона Чарли сделала шаг назад. Она вдруг подумала: никто не знает, где она сейчас, а мистер Гекльберри, пожалуй, может переломить ей шею одной левой.

— Хорошо. — Она схватила свой телефон со стола и пошла к двери. И хотя понимала, что надо просто заткнуться и уйти, она обернулась: — И все-таки что такого тебе сделал мой папа?

Гек не ответил. Он сидел за столом, склонив голову над стопкой бумаг, с красной ручкой в руке.

Чарли ждала.

Он стучал ручкой по столу, демонстрируя, что ей пора идти.

Она хотела сказать ему, куда ему засунуть свою ручку, как вдруг громкий хлопок эхом прокатился по коридору.

Затем один за другим последовали еще три хлопка.

Это не машина с неисправной выхлопной трубой.

Не фейерверк.

Человек, в чьем присутствии стреляли в другого человека, никогда и ни с чем не спутает звук выстрела.

Резкий рывок — и Чарли оказалась на полу. Гек отбросил ее за тумбу для бумаг, закрыв своим телом.

Он что-то говорил — она видела, как движутся его губы, — но слышала только эхо выстрелов в своей голове.

Четыре выстрела: каждый — отчетливое, ужасающее эхо из прошлого. Как и тогда, во рту у нее пересохло. Как и тогда, ее сердце перестало биться.

Горло сжалось. Зрение стало туннельным. Все вокруг вдруг уменьшилось, сузилось до точки.

Она наконец услышала голос Гека.

— Кто-то открыл стрельбу в школе, — спокойно шептал он в телефон. — Судя по звуку, стрелок где-то рядом с кабинетом директора...

Еще один хлопок. Еще одна выпущенная пуля. Затем еще одна.

Затем зазвенел школьный звонок.

— О господи, — сказал Гек, — в столовой же человек пятьдесят детей. Я должен...

Его заглушил душераздирающий крик.

— Помогите! — кричала женщина. — Пожалуйста, помогите нам!

Чарли моргнула.

Грудная клетка Гаммы взрывается.

Моргнула еще раз.

Брызги крови разлетаются из головы Сэм.

«Чарли, беги!»

Она выбежала из класса, и Гек не успел ее остановить. Ее ноги задвигались, как поршни двигателя. Сердце заколотилось. Кроссовки липли к воцеленному полу, но она ясно чувствовала землю под босыми ногами, ветки, хлещущие по лицу, страх, колючей проволокой стягивающий грудь.

— Помогите нам! — кричала женщина. — Пожалуйста!

Гек догнал Чарли, когда она заворачивала за угол. Она видела только его размытые очертания, потому что угол ее зрения опять сузился и в фокусе оказались только три человека в конце коридора.

Ноги мужчины, носками вверх. За ним, справа, распластана пара ног поменьше.

Розовые ботинки. Белые звездочки на подошвах. Огоньки, которые мигают при ходьбе.

Женщина постарше стоит на коленях около девочки, качаясь вперед-назад, и воет.

Чарли тоже хотелось завывать.

Брызги крови на пластиковых стульях у кабинета директора, капли крови на стенах и потолке, ручьи крови на полу.

Сцена бойни показалась настолько знакомой, что Чарли оцепенела. Она замедлилась до трусцы, потом до быстрой ходьбы. Она это уже видела. Она знала, что все это можно сложить в коробочку, закрыть ее и убрать подальше, что можно продолжать существовать, если не очень много спать, не очень много дышать, не очень много жить, чтобы смерть не вернулась и не утащила тебя, готовенькую.

Где-то со стуком открылись двери. В коридоре слышались громкие тяжелые шаги. Кто-то кричал. Визжал. Плакал. Кто-то выкрикивал какие-то слова, но Чарли их не понимала. Она была под водой. Тело ее двигалось медленно, руки и ноги с трудом преодолевали сопротивление среды. Ее мозг документировал все то, что она видеть не хотела. Мистер Пинкман лежит на спине. Его синий галстук перекинут через плечо. Из центра белой рубашки расходится кровавое пятно. Левая сторона головы разворочена, кожа лохмотьями свисает с белой кости черепа. Там, где должен быть правый глаз, — глубокая черная дыра.

Миссис Пинкман была не около мужа. Она оказалась той орущей женщиной, которая внезапно прекратила орать. Она держала на коленях голову девочки и прижимала к ее шее нежно-голубой свитер. Пуля повредила что-то жизненно важное. Руки у миссис Пинкман были залиты красным. От крови бриллиант на ее обручальном кольце стал похож на вишневую косточку.

У Чарли подкосились колени.

Она опустилась на пол рядом с девочкой.

Она видела себя, лежащую на земле в лесу. Сколько ей тогда было, двенадцать? Тринадцать?

Тонкие юные ноги. Короткие черные волосы, как у Гаммы. Длинные ресницы, как у Сэм.

— Помогите, — хрипло прошептала миссис Пинкман, — пожалуйста.

Чарли протянула руки, не зная, что делать. Глаза девочки закатились, а потом она вдруг посмотрела на Чарли.

— Все хорошо, — сказала Чарли. — С тобой все будет хорошо.

— Пойди пред этой невинной душой, Господи, — молилась миссис Пинкман. — Не оставь ее. Поспеши, Боже, на помощь ей.

«Ты не умрешь, — мысленно умоляла Чарли, — ты не сдашься. Ты окончишь школу. Поступишь в колледж. Выйдешь замуж. Ты не оставишь своей семье зияющую дыру на месте твоей любви».

— Поспеши на помощь мне, Господи, спаситель мой.

— Посмотри на меня, — сказала девочке Чарли. — Ты поправишься.

Было очевидно, что она не поправится.

Ее веки задрожали. Посиневшие губы приоткрылись. Маленькие зубы. Белые десны. Нежно-розовый язычок.

Цвет стал медленно уходить с ее лица. Чарли вспомнила, как с горных вершин спускается зима: празднично-красные, рыжие и желтые листья коричневеют и опадают, и, когда мороз ледяными пальцами дотягивается до предгорий, никакой жизни на них уже нет.

— Господи Боже, — рыдала миссис Пинкман, — Ангелочек. Бедный ангелочек.

Чарли не помнила, когда взяла руку ребенка, но сейчас ее пальцы переплелись с пальчиками девочки. Они были маленькими и холодными, как потерянная на

детской площадке перчатка. Чарли смотрела, как пальцы медленно расцепляются и рука девочки безжизненно падает на пол.

Умерла.

— Код «черный»!

Чарли дернулась от неожиданности.

— Код «черный»! — По коридору бежал полицейский. В одной руке — рация, в другой — дробовик. Перепуганный срывающийся голос: — Выезжайте в школу! Выезжайте в школу!

На долю секунды он встретился глазами с Чарли. Между ними мелькнула искра узнавания, и тут он увидел мертвого ребенка. Его лицо исказилось ужасом, а затем скорбью. Носком ботинка он наступил на струйку крови. Поскользнулся. Тяжело упал на пол. Из его открытого рта вырвался тяжелый выдох. Дробовик выскочил из руки и улетел по полу в сторону.

Чарли посмотрела на свою ладонь, в которой до этого была рука ребенка. Она потерла пальцы друг о друга. Кровь липкая, не как у Гаммы — у Гаммы она была скользкая, как масло.

Ярко-белая кость. Ключья сердца и легких. Жилы, артерии и вены, и жизнь, вытекающая из ее зияющих ран.

Она вспомнила, как вернулась в фермерский дом, когда все было кончено. Расти нанял кого-то прибраться, но они сделали работу не слишком тщательно. Несколько месяцев спустя Чарли искала миску в глубине кухонного шкафа и нашла осколок зуба Гаммы.

— Не надо! — закричал Гек.

Чарли подняла глаза и оторопела от увиденного. От того, что она не заметила. От того, что сначала не поняла, хотя это происходило в пятидесяти футах от нее.

На полу, прислонившись спиной к шкафчикам, сидела девочка-подросток. Чарли вспомнила, что видела ее краем своего туннельного зрения, когда бежала по коридору к месту бойни. Чарли мгновенно распознала знакомый типаж: черная одежда, черная подводка для глаз. Гот. Крови нет. На круглом лице — шок, не боль. «С этой все в порядке», — подумала Чарли и побежала дальше, к миссис Пинкман и маленькому ребенку. Но у девочки-гота все было совсем не в порядке.

Это она стреляла.

Она держала револьвер в руке. Она ни в кого не целилась, уставив дуло в свою собственную грудь.

— Положи на пол! — Полицейский стоял в нескольких ярдах от нее, уперев дробовик в плечо. Каждое его движение было пронизано страхом: от того, как он приподнимался на цыпочки, до мертвой хватки, которой держал ружье. — Я сказал, положи его на пол, твою мать!

— Сейчас она все сделает. — Гек опустился на колени рядом с девочкой, заслонив ее своей грудью. Руки его были подняты. Голос звучал спокойно. — Все в порядке. — Он обращался к полицейскому. — Давайте сохранять спокойствие.

— Отойди отсюда! — Коп спокойствие не сохранял. Он был на взводе, готовый нажать на спусковой крючок сразу же, как только цель будет в поле зрения. — Уйди с дороги, твою мать!

— Ее зовут Келли, — сказал Гек, — Келли Уилсон.

— С дороги, ублюдок!

Чарли не смотрела на мужчин. Она смотрела на оружие. Револьвер и дробовик. Дробовик и револьвер.

По ее телу прошла волна онемения — не раз испытанное ощущение.

— Шевелись! — кричал полицейский. Он дернул дробовик в сторону, потом в другую, пытаюсь обойти

Гека. — Уйди с дороги, твою мать!

— Нет. — Гек так и стоял на коленях спиной к Келли. Руки подняты. — Не надо, друг. Ей всего шестнадцать. Ты же не хочешь убить...

— Вали отсюда! — Страх полицейского электричеством искрил в воздухе. — На пол, быстро!

— Хватит, друг. — Гек двигался вместе с дулом дробовика, блокируя направление выстрела. — Она не пытается никого убить, только себя.

Девочка открыла рот. Чарли не слышала, что она сказала, но, очевидно, коп расслышал.

— Ты слышал эту суку?! — заорал он. — Или пусть она застрелится, или ты вали на хер с дороги!

— Пожалуйста, — прошептала миссис Пинкман. Чарли уже и забыла о ней. Жена директора обхватила руками голову и закрыла глаза, чтобы не видеть происходящее. — Пожалуйста, прекратите.

— Келли, — спокойно сказал Гек. Он протянул руку назад ладонью вверх: — Келли, дай мне пистолет, дорогая. Не надо этого делать. — Он подождал несколько секунд и добавил: — Келли. Посмотри на меня.

Девочка медленно подняла глаза. Рот ее был приоткрыт. Взгляд остекленел.

— Главный коридор! Главный коридор! — Еще один полицейский пробежал мимо Чарли. Он опустился на одно колено, проехавшись по полу, держа свой «Глок» обеими руками и выкрикнув: — Оружие на пол!

— Пожалуйста, Господи, — миссис Пинкман рыдала, закрыв лицо руками, — прости этот грех.

— Келли, — повторил Гек, — отдай мне пистолет. Не надо больше жертв.

— На пол! — заорал второй полицейский. Его голос срывался на визг. Чарли видела его напряженный палец на спусковом крючке. — На пол быстро!

— Келли, — голос Гека стал тверже, как у рассерженного родителя. — Больше я просить не буду. Сейчас же отдай мне пистолет. — Он тряхнул протянутой рукой для убедительности. — Я серьезно.

Келли Уилсон закивала. Чарли видела, как глаза девушки постепенно фокусируются, по мере того как до нее доходят слова Гека. Кто-то наконец сказал ей, что делать, показал выход из ситуации. Ее плечи расслабились. Губы сомкнулись. Она несколько раз моргнула. Чарли интуитивно понимала, что сейчас чувствует девочка. Сначала время остановилось, а потом кто-то нашел ключ, чтобы снова завести его.

Келли медленно двинулась, чтобы положить револьвер в руку Гека. Но полицейский все равно нажал на спусковой крючок.

Глава вторая

Чарли видела, как левое плечо Гека дернулось, когда пуля прошла сквозь руку. Его ноздри раздулись. Губы разомкнулись, он сделал вдох. Кровь красным ирисом расползлась по ткани рубашки.

Кто-то прошептал:

— О господи.

— Все нормально, — сказал Гек полицейскому, который его ранил. — Можешь убрать оружие, хорошо?

Коп едва удерживал пистолет в трясущихся руках.

— Роджерс, уберите свое оружие, — повторил Гек, — и возьмите этот револьвер.

Мимо Чарли побежала толпа полицейских: она их скорее почувствовала, чем увидела. Воздух вокруг них закрутился: так в комиксах линии и облачка пыли обозначают движение.

Потом врач «Скорой помощи» крепко держал Чарли за локоть. Потом кто-то светил фонариком ей в глаза, спрашивал, не пострадала ли она, проверял, находится ли она в состоянии шока, предлагал поехать в больницу.

— Нет, — сказала миссис Пинкман. Ее тоже осматривал врач на предмет травм. Ее красная блузка была пропитана кровью. — Пожалуйста. Я в порядке.

Никто не суетился около мистера Пинкмана. Или около девочки.

Чарли посмотрела на свои ладони. Кончики пальцев дрожали. Постепенно она начала дрожать всем телом и почувствовала, будто стоит в дюйме от самой себя и каждый ее вдох — это отклик другого вдоха, сделанного мгновением раньше.

Миссис Пинкман протянула руку к щеке Чарли. Вытерла ей слезы большим пальцем. Глубокие морщины

на лице женщины были наполнены болью. Будь это кто угодно другой, Чарли отстранилась бы, но это была миссис Пинкман, и она склонилась в ее теплые объятия.

Такое происходило с ними не впервые.

Двадцать восемь лет назад миссис Пинкман звали мисс Хеллер, и жила она с родителями в двух милях от фермерского дома. Это она открыла дверь в ответ на робкий стук и увидела на крыльце покрытую потом и кровью тринадцатилетнюю Чарли, которая спросила, не найдется ли у них мороженого.

Когда люди потом пересказывали эту историю, они больше всего внимания обращали именно на этот момент — не на то, что Гамма была убита или что Сэм похоронили заживо, а на то, что Чарли съела две миски мороженого, прежде чем рассказала мисс Хеллер о случившемся.

— Шарлотта. — Гек взял ее за плечо.

Она смотрела, как его губы двигались, повторяя имя, которое она давно не считала своим. Его галстук был развязан. Через повязку на руке проступали красные пятна.

— Шарлотта, — он снова потрянул ее, — позвони своему отцу. Прямо сейчас.

Чарли подняла глаза и оглянулась. Похоже, она на какое-то время выпадала из реальности. Миссис Пинкман нигде не было. Врачей «Скорой помощи» тоже. Единственное, что осталось, как было, — это трупы. Они все еще были рядом, в нескольких футах от нее. Мистер Пинкман с перекинутым через плечо галстуком. Девочка в окровавленной розовой куртке.

— Позвони ему, — повторил Гек.

Чарли полезла за телефоном в задний карман. Он прав. Раста может начать беспокоиться. Надо сказать ему, что с ней все в порядке.

— Скажи ему, чтобы привел журналистов, шефа полиции, всех, кого сможет привести, — он посмотрел в

сторону. — Я не смогу остановить их в одиночку.

Чарли почувствовала, как что-то сжалось в груди, будто тело предупреждало ее об опасности. Она проследила за взглядом Гека.

Он волновался не за Чарли. Он волновался за Келли Уилсон.

Девушка лежала лицом в пол, руки за спиной в наручниках. Она была миниатюрной, не больше Чарли, но ее уложили на пол как агрессивного уголовника. Один полицейский упирался ей в спину коленом, другой держал ноги, а третий давил ботинком на лицо девочки, прижимая ее щекой к полу.

Эти действия как таковые можно было в широком смысле трактовать как допустимую меру пресечения, но Гек просил ее позвать Расти не поэтому. Вокруг девушки стояли еще пятеро полицейских. Чарли услышала их только сейчас. Они кричали, матерились и размахивали руками. Некоторые из них были ей знакомы: она помнила их по школе, по судам или могла видеть и там, и там. Их лица были залиты одной и той же краской ярости. Негодование от свершившихся убийств, бешенство от собственной беспомощности. Это был их город. Их школа. Здесь учились их дети. Здесь были их учителя, их друзья. Один коп так ударил по шкафчику, что металлическая дверца сорвалась с петли. Другие сжимали и разжимали кулаки. Несколько копов ходили взад-вперед по небольшому участку коридора, как звери в клетке. Может, они и есть звери. Одно неверное слово спровоцирует пинок, удар, потом в ход пойдут дубинки, появятся пистолеты, и они набросятся на Келли Уилсон, как шакалы.

— У меня дочка ее ровесница, — прошипел кто-то сквозь сжатые зубы. — Она училась с ней в одном классе.

Еще один кулак врезался в еще один шкафчик.

— Пинк был моим тренером, — сказал кто-то. — Больше он ничьим тренером не будет.

Еще одна дверца слетела с петель.

— Эй! — Голос Чарли надломился, когда она заговорила. Она понимала, что это опасно. Очень опасно. — Прекратите, — взмолилась она. — Пожалуйста, прекратите.

Они или не услышали ее, или проигнорировали.

— Шарлотта, — сказал Гек, — не вмешивайся. Просто...

— Ёбаная сука. — Коп, который держал Келли коленом, с силой дернул ее за волосы. — Почему ты это сделала? Зачем ты их убила?

— Прекратите, — сказала Чарли. Гек попытался взять ее за плечо, но она все равно встала и повторила: — Прекратите.

Никто не слушал. Голос ее звучал сдавленно, потому что каждая ее мышца говорила ей не лезть в эту мясорубку мужской ярости. Это было все равно что пытаться разнять собачью драку, только у собак еще было заряженное оружие.

— Эй, — от страха слова застревали у Чарли в горле, — отвезите ее в участок. Посадите ее в изолятор.

Иона Викери, мерзкий качок, знакомый ей со школы, щелкнул телескопической дубинкой.

— Иона! — Колени Чарли дрожали, и она прислонилась к стене, чтобы не сползти на пол. — Зачитайте ей права и...

— Шарлотта, — Гек жестом просил ее снова сесть на пол, — не лезь. Позвони отцу. Он может их остановить.

Он был прав. Копы боялись ее отца. Они знали о его судах, о его репутации. Чарли пыталась нажать на телефоне кнопку «домой». Пальцы стали слишком толстыми. Кровь, смешавшись с потом, превратилась в густую пасту.

— Быстрее, — сказал Гек, — они же ее убьют.

Чарли увидела, как нога врезалась Келли в бок с такой силой, что ее подбросило в воздух.

Щелчок — выхвачена еще одна дубинка.

Чарли наконец смогла нажать кнопку «домой». На экране появилась собака Гека. Чарли не стала спрашивать ПИН-код. Звонить Расти было уже поздно. Он не успел бы приехать в школу. Она ткнула в иконку камеры, зная, что разблокировка для этого не нужна. Два свайпа — и пошла запись видео. Она навела камеру на лицо девочки и приблизила.

— Келли Уилсон. Посмотри на меня. Ты можешь дышать?

Келли моргнула. Ее голова выглядела кукольной по сравнению с полицейским ботинком, давившим на щеку.

— Келли, — повторила Чарли, — посмотри в камеру.

— Какого хрена, — выругался Гек, — я же сказал тебе...

— Прекратите. — Прижимаясь плечом к шкафчикам, Чарли приближалась словно ко рву со львами. — Отвезите ее в участок. Сфотографируйте ее. Снимите отпечатки пальцев. Не надо усугублять...

— Она нас снимает, — сказал один из копов. Грег Бреннер. Еще один мерзкий качок. — Убери камеру, Куинн.

— Она еще ребенок, ей шестнадцать, — Чарли продолжала снимать. — Я поеду с ней на заднем сиденье. Вы ее арестуете и...

— Не давайте ей снимать, — сказал Иона. Это он давил ботинком на лицо девочки. — Она еще хуже, чем ее гребаный отец.

— Дайте ей миску мороженого, — предложил Эл Ларизи.

— Иона, убери ботинок с ее головы, — сказала Чарли.

Она наводила камеру поочередно на лицо каждого из них.

— Можно все сделать как полагается. Вы сами знаете. Из-за вас суд может вынести совсем не то решение.

Иона надавил ногой так сильно, что рот Келли открылся. Из рта закапала кровь — в щеку врезались брекеты. Он произнес, указывая пальцем:

— Видишь вон там мертвую девочку? Видишь, где у нее шея прострелена?

— Сам-то как думаешь? — ответила Чарли, потому что у нее все руки были в крови девочки.

— Я думаю, что тебя больше беспокоит эта тварь, убийца, чем две невинные жертвы.

— Хватит. — Грег попытался выхватить у нее телефон. — Выключай.

Чарли отвернулась от него и продолжила снимать.

— Посадите нас обеих в машину. Отвезите в участок и...

— Дай сюда. — Грег снова потянулся за телефоном.

Чарли попыталась вывернуться, но Грег оказался проворнее. Он схватил телефон и бросил его на пол.

Чарли наклонилась поднять его.

— Не трогай, — приказал он.

Чарли все равно потянулась за телефоном.

Без предупреждения локоть Грега влетел ей в переносицу. Ее голову отбросило и ударило о шкафчик. Внутри лица словно взорвалась бомба. Рот Чарли открылся. Она закашлялась и выплюнула кровь. Никто не пошевелился. Никто не заговорил.

Чарли закрыла лицо руками.

Кровь ручьем полилась из носа.

Она была в оцепенении. Грег, казалось, тоже был в оцепенении. Он поднял руки, будто хотел сказать, что ничего такого не имел в виду. Но ущерб уже был нанесен. Чарли, покачиваясь, отошла в сторону. Запнулась. Грег попытался ее поймать. Но не успел.

Последнее, что она видела, падая на пол, — это вращающийся над головой потолок.

Глава третья

Чарли сидела на полу комнаты для допросов, вжавшись спиной в угол. Она не знала, как давно ее задержали и привезли в участок. Не меньше часа назад. Она все еще в наручниках. Из сломанного носа все еще торчит туалетная бумага. Швы на затылке пощипывает. Голова раскалывается. Зрение затуманено. Ее мутит. Ее сфотографировали. Сняли отпечатки пальцев. На ней все та же одежда. Джинсы с узором из темно-красных пятен. Футболка «Дьюк Блю Девилс» с таким же узором. Руки в засохшей крови, потому что в камере, где ей разрешили сходить в туалет, из крана над грязной раковиной текла лишь тоненькая струйка холодной коричневой воды.

Двадцать восемь лет назад в больнице она умоляла медсестер разрешить ей принять ванну. Ее кожа была в запекшейся крови Гаммы. Все было липким. Чарли тогда нормально не купалась с момента пожара в доме из красного кирпича. Она хотела окунуться в тепло, увидеть, как кровь и осколки костей уплывают, словно стирается из памяти страшный сон. На самом деле ничего так и не стерлось. Со временем только притупились края.

Чарли медленно выдохнула. Прислонилась головой к стене. Закрыла глаза. Она видела маленькую девочку в школьном коридоре, ее румянец, исчезающий, как краски зимой, ее руку, падающую из руки Чарли точно так же, как выпала рука Гаммы.

Девочка наверняка все еще лежит в холодном школьном коридоре — по крайней мере ее тело там, вместе с телом мистера Пинкмана. Оба они по-прежнему мертвы. По-прежнему лежат неприкрытые и беззащитные на виду у спящих туда-сюда людей. Так

бывает в случаях насильственной смерти. Никто никого не трогает, даже ребенка, даже любимого тренера, пока каждый дюйм места не будет сфотографирован, каталогизирован, измерен, зарисован и исследован.

Чарли открыла глаза.

Все это было так грустно и так знакомо: картинки, которые не выкинешь из головы, ужас, в котором ее сознание увязало снова и снова, как буксующие на гравии колеса.

Она дышала ртом. В носу пульсировала боль. Врач «Скорой помощи» сказал, что нос не сломан, но Чарли никому не верила. Даже когда ей зашивали голову, копы наперебой заявляли то же, что потом написали в своих рапортах: Чарли вела себя агрессивно, сама ударилась о локоть Грега и, оступившись, раздавила телефон.

Телефон Гека.

Мистер Гекльберри несколько раз повторил копам, что ему принадлежит и телефон, и все записи в нем. Он даже показал им экран, чтобы было видно, как он стирает видео.

В тот момент, когда это происходило, качать головой было слишком больно, но сейчас Чарли это сделала. Копы выстрелили в безоружного Гека, и он все равно встал на их сторону. Она привыкла, что люди в погонах именно так и делают. Несмотря ни на что, эти ребята всегда, всегда покрывают друг друга.

Открылась дверь. Вошел Иона. В каждой руке он держал по складному стулу. Он подмигнул Чарли, потому что теперь, в качестве задержанной, она ему больше нравилась. Он был садистом еще в школе. Полицейская форма просто это легализовала.

— Позовите моего отца, — сказала она, повторив ту же фразу, что говорила каждый раз, когда кто-то входил в помещение.

Иона снова подмигнул ей, поставив стулья с двух сторон от стола.

— У меня есть право на адвоката.

— Я только что говорил с ним, — это сказал уже не Иона, а Бен Бернارد, помощник окружного прокурора. Он едва глянул на Чарли, бросил папку на стол и сел. — Снимите с нее наручники.

— Может, ее поводком к столу привязать? — спросил Иона.

Бен ослабил галстук. Поднял глаза на Иону.

— Я сказал, сними свои сраные наручники с моей жены. Быстро.

Бен повысил голос, но не закричал. Он никогда не кричал: по крайней мере за восемнадцать лет знакомства Чарли ни разу этого не слышала.

Иона покрутил связку ключей на пальце, демонстрируя, что сам будет решать, что и когда ему делать. Он расстегнул наручники и грубо сдернул их, но зря старался: Чарли даже не было больно, потому что она уже ничего не чувствовала.

Хлопнув дверью, Иона вышел из комнаты.

Чарли слушала, как этот хлопок эхом отражается от бетонных стен. Она так и сидела на полу. Она ждала, что Бен как-то пошутит, скажет «не позволю сажать Бейби в угол», но у Бена были два трупа в средней школе, задержанная убийца-подросток с суицидальными наклонностями и жена, сидящая в углу вся в крови, поэтому ей пришлось довольствоваться тем, что он кивком головы указал ей сесть на стул напротив.

— Келли в порядке? — спросила она.

— За ней наблюдают, чтобы она не покончила с собой. Две женщины-полицейские, круглосуточно.

— Ей шестнадцать, — напомнила Чарли, хотя оба они знали, что дело Келли Уилсон не будут рассматривать в суде для несовершеннолетних.

Девочку могло спасти только то, что к несовершеннолетним больше не применяли смертную казнь. — К ней должны допустить родителей, если она попросит: это приравнивается к вызову адвоката.

— Зависит от судьи.

— Ты же знаешь, папа добьется, чтобы ее перевели. — Чарли знала, что отец — единственный адвокат в городе, который возьмется за это дело.

Свет потолочных ламп блеснул в очках Бена, когда он снова кивком призвал ее сесту на стул.

Чарли встала, опираясь на стену. Закрыла глаза от накатившего головокружения.

— Тебе нужна медицинская помощь? — спросил Бен.

— Мне уже предлагали. — Чарли не хотела ехать в больницу. Может, это и сотрясение. Но ходить-то получается, если зацепиться за что-то устойчивое. — Все нормально.

Он ничего не сказал, но по комнате прокатилось его немое «конечно, все нормально, у тебя всегда все нормально».

— Видишь? — Она касалась стены кончиками пальцев, балансируя, как канатоходец.

Бен не поднимал глаза. Он поправил очки. Открыл папку на столе. В папке лежал одинокий бланк. Чарли не смогла сфокусировать взгляд и прочесть, что там написано, даже когда он начал заполнять строчки своим крупным почерком.

— В чем меня обвиняют? — поинтересовалась она.

— Воспрепятствование правосудию.

— Под это можно подвести что угодно.

Он продолжал писать. Продолжал не смотреть на нее.

— Ты же уже видел, как они меня отделали?

Бен не издавал ни звука, только царапал ручкой по бумаге.

— Ты сейчас на меня не смотришь, потому что уже посмотрел через эту штуку, — она кивнула на «шпионское» зеркало. — Кто там, за стеклом? Коин?

Окружной прокурор Кен Коин, начальник Бена, мерзкий мудозвон, у которого весь мир был черно-белым, с примесью коричневого после начала строительного бума и притока мексиканских мигрантов со стороны Атланты.

Чарли посмотрела на свое отражение в зеркале, поприветствовав прокурора Коина средним пальцем.

— Я записал показания девяти свидетелей, — сообщил Бен, — и все они утверждают, что ты безутешно рыдала после случившегося, что Бреннер тебя успокаивал и ты ударила носом о его локоть.

Если он хочет разговаривать как юрист, она тоже может «включить юриста».

— Видеозапись на телефоне подтверждает эту версию или мне стоит оформить разрешение суда на экспертизу удаленных файлов?

Бен пожал плечами.

— Делай то, что считаешь нужным.

— Хорошо. — Чарли схватилась руками за стол, чтобы сесть. — Теперь, видимо, ты предложишь такой вариант: ты снимаешь ложное обвинение в воспрепятствовании правосудию, а я не подаю жалобу на чрезмерное применение силы?

— Я уже снял ложное обвинение в воспрепятствовании. — Он начал заполнять следующую строчку. — Можешь подавать столько жалоб, сколько хочешь.

— Я хочу только, чтобы они извинились.

За зеркалом она услышала какой-то звук, похожий на вздох удивления. За последние двенадцать лет Чарли провела два очень успешных дела против пайквилльской полиции от имени своих клиентов. Кен Коин, возможно, думает, что она сидит и подсчитывает,

сколько денег отсудит у городских властей, вместо того чтобы скорбеть об умершем у нее на руках ребенке или оплакивать смерть директора, который оставлял ее после уроков, хотя имел все основания выгнать ее из школы.

Бен сидел, склонив голову. Он стучал ручкой по столу. Она старалась не вспоминать о Геке, который так же стучал ручкой по столу в классе.

— Ты уверена? — уточнил Бен.

Чарли помахала зеркалу, надеясь, что Коин там.

— Просто признайте, что вы не правы, — и в следующий раз, когда вы будете правы, вам поверят.

Бен наконец взглянул на нее. Осмотрел повреждения на ее лице. Нахмурился — глядя на морщинки вокруг его рта и глубокую складку между бровей, она задумалась, замечает ли он такие же приметы возраста на ее лице.

Они познакомились на юридическом факультете. Он переехал в Пайквилль, чтобы быть с ней. Они планировали быть вместе до конца своих дней.

— У Келли Уилсон есть право на... — начала Чарли.

Бен поднял руку, прерывая ее.

— Ты знаешь, что я согласен со всем, что ты собираешься сказать.

Чарли откинулась на спинку стула. Ей пришлось напомнить себе, что Бен, как и она сама, всегда был против разделения на «мы» и «они», которое исповедовали Расти и Кен Коин.

— Я хочу письменное извинение от Грега Бреннера. Реальное извинение, не какую-нибудь херню в духе: «Мне жаль, что вам пришлось испытать такое», будто это я истеричка, а не он вел себя как херов фашист.

Бен кивнул.

— Понял.

Чарли протянула руку за бланком. Взяла ручку. Слова сливались, но она видела достаточно

свидетельских показаний, чтобы знать, где ставить подпись. Она коряво расписалась внизу листа и подвинула бумагу обратно к Бену.

— Я верю, что ты сдержишь слово. Заполни показания, как считаешь нужным.

Бен смотрел на бланк. Его руки зависли над краем листа. Он глядел не на ее подпись, а на коричневые кровавые пятна, которые она оставила на белой бумаге. Чарли моргнула, чтобы не заплакать. Они едва не коснулись друг друга, впервые за девять месяцев.

— Хорошо. — Он закрыл папку. Встал, собираясь выйти из-за стола.

— Их только двое? — спросила Чарли. — Мистер Пинк и маленькая...

— Да. — Поколебавшись, он снова сел. — Один из уборщиков закрыл столовую. Заместитель директора остановил подъезжающие автобусы.

Чарли даже думать не хотела о том, что могла бы наделать Келли Уилсон, если бы открыла огонь не за минуту до звонка, а минутой позже.

— Их всех нужно допросить, — сказал Бен. — Детей. Учителей. Сотрудников.

Чарли понимала, что полиция города не осилит столько допросов, не говоря уже о проведении следствия по такому серьезному делу. В Управлении полиции Пайквилля семнадцать штатных сотрудников. Бен — один из шести юристов в управлении окружного прокурора.

— Коин будет привлекать кого-то еще?

— Они уже здесь, — ответил Бен. — Только что приехали. Дорожная полиция. Полиция штата. Сотрудники шерифа. Даже звать не пришлось.

— Это хорошо.

— Угу. — Он ковырял уголок папки. Его губы подергивались так, как они всегда подергивались, когда он покусывал кончик языка. Старая привычка.

Чарли однажды видела, как его мама тянется через весь стол и шлепает его по руке, чтобы он прекратил.

— Ты видел трупы?

Он не ответил, но все и так было понятно.

Чарли понимала, что Бен видел место преступления. Она чувствовала это по его мрачному голосу, по тому, как он сутулился. Пайквилль вырос за последние двадцать лет, но это все еще был маленький городишко, где героин был гораздо более серьезной проблемой, чем убийства.

— Ты знаешь, это все не быстро, но я сказал им убрать тела, как только будет возможно.

Чарли запрокинула голову, чтобы из глаз не полились слезы. Бен много раз будил ее посреди этого кошмарного сна: обычный день в фермерском доме, Чарли и Расти готовят еду, стирают белье и моют посуду, а тело Гаммы гниет у кухонных шкафов, потому что полиция забыла забрать ее.

Может, дело было в том осколке зуба, который Чарли нашла в глубине одного из шкафчиков, — а что, если они еще что-то упустили?

— Твоя машина припаркована за твоим офисом, — сказал Бен. — Они закрыли школу. Возможно, она будет закрыта до конца недели. Там уже приехал фургон с телевизионщиками из Атланты.

— Папа уже там, причесывается?

Они оба невольно улыбнулись, потому что знали, как отец обожает выступать по телевизору.

— Он просил передать, чтобы ты держалась, — произнес Бен. — Когда я ему звонил, Расти так и сказал: «Скажи моей девочке, пусть держится там».

Значит, Расти не приедет к ней на помощь. Он считает, что его сильная дочь справится с этими выпускниками Полицейской академии, пока он спешит к дому Келли Уилсон, чтобы ее родители подписали контракт на его гонорар.

Когда люди говорят, как они ненавидят юристов, в голову приходит именно Расти.

— Я могу организовать, чтобы тебя отвезли в офис на патрульной машине, — предложил Бен.

— Я не сяду в машину с этими уродами.

Бен провел рукой по волосам. Ему пора постричься. Рубашка мятая. На пиджаке не хватает пуговицы. Ей хотелось бы думать, что он пропадает без нее, но на самом деле он всегда был неопрятным, и Чарли было проще дразнить его «бомжом-хипстером», чем достать иголку с ниткой.

— Келли Уилсон была в их ведении. Она не сопротивлялась, — заметила она. — С момента, как они надели на нее наручники, они отвечали за ее безопасность.

— Дочь Грега учится в этой школе.

— И Келли тоже. — Чарли наклонилась поближе. — Мы же не в Абу-Грейбе! У Келли Уилсон есть конституционное право на судебный процесс. Решать должны судья и присяжные, а не перевозбужденные копы, линчующие девочку-подростка.

— Я понял. Мы все поняли. — Бен подумал, что ее речь предназначалась волшебнику страны Оз с той стороны зеркала. — «Справедливое общество — это общество, живущее по закону. Нельзя быть хорошим парнем, если ведешь себя как плохой».

Он цитировал Расти.

Чарли продолжила:

— Они бы отмудохали ее до полусмерти. Или хуже.

— Поэтому ты решила предложить им свою кандидатуру?

У Чарли горели ладони. Она машинально соскребала засохшую кровь, скатывая ее в шарики. Ногти превратились в десять черных полумесяцев.

Она подняла глаза на мужа.

— Ты сказал, что у тебя есть показания девяти свидетелей?

Бен неохотно кивнул. Он знал, почему она об этом спрашивает.

Восемь копов. Когда Чарли сломали нос, миссис Пинкман там уже не было, а значит, девятое свидетельство дал Гек, а значит, Бен с ним уже поговорил.

— Ты уже знаешь? — спросила она.

Единственное, что сейчас имело значение для них двоих, — знает ли Бен, зачем она была в школе этим утром. Потому что если Бен знает, значит, знают и все остальные, то есть Чарли нашла еще один извращенно жестокий способ унижить своего мужа.

— Бен?

Он провел пальцами по волосам. Пригладил галстук. Она так хорошо изучила его повадки, что они не могли играть друг с другом в карты, даже в простого «дурака».

— Милый, прости, — прошептала она. — Прости меня, пожалуйста.

Кто-то коротко постучал в дверь и открыл ее. Чарли все еще надеялась, что это отец, но в комнату вошла пожилая чернокожая женщина в синем брючном костюме и белой блузке. Ее короткие черные волосы были тронуты сединой. На руке у нее висела распухшая сумка, почти такая же огромная, как рабочая сумка Чарли. На шее висела карточка-пропуск на ремешке, но Чарли не смогла прочитать, что там написано.

Женщина представилась:

— Специальный агент Дилия Уофорд, глава местного отделения Бюро расследований штата Джорджия. Вы Шарлотта Куинн?

Она протянула ладонь для рукопожатия, но передумала, увидев засохшую кровь на руках Чарли.

— Вас уже сфотографировали?

Чарли кивнула.

— Да что ж такое-то. — Она открыла сумку и вытащила пачку влажных салфеток. — Берите, сколько нужно. Если что, я еще принесу.

Вернулся Иона с еще одним стулом. Дилия указала на место во главе стола, собираясь сесть там. Она спросила Иону:

— Это ты тот урод, который не дал женщине умыться?

Иона не нашелся, что на это ответить. Возможно, ему вообще прежде не приходилось отчитываться перед женщиной, за исключением матери, но это было очень давно.

— Закрой за собой дверь. — Дилия указала Ионе на выход и села. — Мисс Куинн, мы постараемся закончить с этим как можно скорее. Вы не возражаете, если я запишу нашу беседу?

Чарли качнула головой.

— Как хотите.

Дилия нажала несколько кнопок на своем телефоне, чтобы запустить диктофон, после чего открыла сумку, вывалив на стол записные книжки и бумаги.

Из-за сотрясения Чарли ничего не могла прочесть, поэтому открыла влажные салфетки и принялась за дело. Сначала она потерла между пальцами, и черные частички полетели от ее рук, как пепел от костра. Кровь забила поры. Руки стали будто старушечьими. Внезапно на нее нахлынула усталость. Как же хочется домой. Как хочется в горячую ванну. Хочется подумать о том, что произошло сегодня, рассмотреть все части пазла и собрать их воедино, после чего положить их в коробку и убрать на дальнюю полку, чтобы никогда больше не вспоминать.

— Мисс Куинн? — Дилия Уофорд протянула ей бутылку воды.

Чарли едва не выхватила воду у нее из рук. Только сейчас она осознала, как сильно хочет пить. Она проглотила полбутылки, прежде чем разумная часть мозга напомнила ей, что не стоит пить так быстро, если тебя подташнивает.

— Извините. — Чарли поднесла руку ко рту, прикрывая зловонную отрыжку.

Спецагент, очевидно, видала вещи и похуже.

— Готовы?

— Вы записываете?

— Да.

Чарли вытащила еще одну салфетку из упаковки.

— Прежде всего я хочу кое-то знать о Келли Уилсон, — сказала она.

Дилия Уофорд достаточно давно служила в органах правопорядка, чтобы умело скрыть раздражение, которое она наверняка почувствовала.

— Ее осмотрел врач. Она под постоянным наблюдением.

Но Чарли спрашивала не об этом, и агент это знала.

— Есть девять факторов, которые нужно принять во внимание, чтобы убедиться, являются ли показания несовершеннолетнего...

— Мисс Куинн, — перебила ее Дилия, — давайте перестанем волноваться о Келли Уилсон и начнем волноваться о вас. Я уверена, что вы не хотите провести здесь ни секундой больше времени, чем необходимо.

Чарли закатила бы глаза, но побоялась, что от этого у нее закружится голова.

— Ей шестнадцать. В этом возрасте она не...

— Восемнадцать.

Чарли перестала оттирать руки. Она уставилась на Бена, не на Дилию Уофорд, потому что в самом начале своей семейной жизни они условились, что недоговаривать — это то же самое, что лгать.

Бен смотрел на нее. Его лицо ничего не выражало.

— Согласно свидетельству о рождении, Келли Уилсон исполнилось восемнадцать лет позавчера, — сообщила Дилия.

— Ты... — Чарли отвела глаза от Бена, потому что сейчас проблемы их брака уступили место угрозе смертной казни. — Ты видел ее свидетельство о рождении?

Дилия просмотрела стопку папок и нашла то, что искала. Она положила перед Чарли лист бумаги. Чарли смогла разглядеть только круглую печать, похожую на гербовую.

Дилия продолжила:

— Это подтверждается и школьными записями, но час назад мы получили по факсу еще и официальную копию из Департамента здравоохранения Джорджии.

Она пальцем показала туда, где, видимо, была отпечатана дата рождения Келли.

— Ей исполнилось восемнадцать лет в шесть часов двадцать три минуты утра в субботу, но, как вы знаете, по закону она стала совершеннолетней в полночь.

Чарли затошнило. Два дня. Сорок восемь часов отделяли жизнь с возможностью досрочного освобождения от смерти путем инъекции яда.

— Она оставалась на второй год. Возможно, из-за этого возникла путаница.

— Что она делала в средней школе?

— У нас еще много вопросов без ответов. — Дилия порылась в сумке и достала ручку. — А теперь, мисс Куинн, для протокола: вы согласны дать показания? Вы имеете право отказаться. Вы это знаете.

Чарли с трудом различала, что говорит агент. Она положила ладонь на живот, пытаясь его успокоить. Даже если каким-то чудом Келли Уилсон избежит смертной казни, по закону штата Джорджия «О семи смертных грехах» она не выйдет из тюрьмы до конца своих дней.

Но разве это неправильно?

Никаких разночтений тут быть не могло. Келли в буквальном смысле застали на месте преступления с орудием убийства в руках.

Чарли посмотрела на свои ладони, все еще в крови девочки, умершей у нее на руках. Умершей, потому что ее застрелила Келли Уилсон. Так же как и мистера Пинкмана.

— Мисс Куинн? — Дилия взглянула на свои часы, но Чарли понимала, что на самом деле она никуда не спешит.

Чарли также понимала, как работает система правосудия. Каждый, кто будет рассказывать о произошедшем сегодня утром, будет уверен, что Келли Уилсон надо вздернуть на виселице. И восемь копов, которые были там. И Гек Гекльби. Возможно, даже миссис Пинкман, чей муж был убит в десяти ярдах от дверей ее класса.

Чарли заговорила:

— Я согласна дать показания.

Дилия взяла блокнот линованной бумаги. Повернув колпачок, открыла ручку.

— Мисс Куинн, прежде всего хочу сказать, что мне очень жаль, что вам пришлось все это пережить. Я знакома с вашей семейной историей. Понимаю, как тяжело было стать свидетелем...

Чарли махнула рукой, давая понять, что эту часть беседы можно пропустить.

— Хорошо, — сказала Дилия. — Я обязана донести до вас следующее. Вы должны знать, что дверь за моей спиной не заперта. Вы не арестованы. Вы не задержаны. Как я уже говорила, вы можете уйти в любой момент, хотя ваши добровольные показания как одного из немногих свидетелей сегодняшней трагедии очень помогли бы нам восстановить полную картину произошедшего.

Чарли заметила про себя: спецагент не предупредила ее, что ложные показания агенту Бюро расследований Джорджии могут караться тюремным заключением.

— Вы хотите, чтобы я помогла вам построить обвинение против Келли Уилсон?

— Я просто хочу, чтобы вы рассказали мне правду.

— Я могу рассказать только то, что знаю. — Чарли не осознавала, что настроена враждебно, пока, опустив глаза, не увидела, что сидит, скрестив руки на груди.

Дилия положила ручку на стол, но диктофон продолжал запись.

— Мисс Куинн, давайте признаем, что мы все сейчас находимся в очень неловкой ситуации.

Чарли ждала.

— Вам будет проще говорить, если ваш муж выйдет из комнаты? — спросила Дилия.

Чарли поджала губы.

— Бен знает, зачем я была в школе сегодня утром.

Может, Дилия и была разочарована тем, что ее козырь не сработал, но виду не показала. Она снова взяла ручку.

— Давайте тогда начнем с этого момента. Мне известно, что ваша машина стояла на парковке для учителей к востоку от главного входа. Как вы вошли в здание?

— Через боковую дверь. Она была приоткрыта.

— Вы заметили, что дверь открыта, когда парковали машину?

— Она всегда открыта. — Чарли покачала головой. — То есть она была открыта, когда я там училась. Через нее можно было быстро попасть с парковки в столовую. Я обычно ходила... — Она умолкла, потому что это не имело значения. — Я поставила машину на боковой парковке и вошла через

боковую дверь, предположив на основе своего школьного опыта, что она будет открыта.

Ручка Дилии бегала по блокноту. Не поднимая глаз, она спросила:

— Вы пошли прямо к кабинету мистера Гекльби?

— Я заблудилась. Я прошла мимо приемной директора. Внутри было темно, только в глубине кабинета, у мистера Пинкмана, горела лампа.

— Вы видели кого-нибудь?

— Я не видела мистера Пинкмана, только видела, что у него горит лампа.

— Кого-нибудь еще?

— Миссис Дженкинс, школьную секретаршу. Мне кажется, я видела, как она входит в приемную, но я в этот момент уже ушла дальше по коридору. Включился свет. Я обернулась. Я была примерно в тридцати ярдах от приемной. — Именно там, где потом стояла Келли Уилсон, когда стреляла в мистера Пинкмана и девочку. — Я не уверена, что в приемную вошла именно миссис Дженкинс, но это была похожая на нее пожилая женщина.

— И больше вы никого не видели, только пожилую женщину, которая входила в приемную?

— Да. Двери кабинетов были закрыты. Внутри были какие-то учителя, так что, видимо, кого-то из них я тоже видела. — Чарли прикусила губу, стараясь привести мысли в порядок. Неудивительно, что ее клиенты навлекают на себя неприятности своими показаниями. Она сейчас свидетель, даже не подозреваемый, и уже упускает какие-то подробности. — Я не узнала никого из учителей за дверями. Я не знаю, видели ли они меня, но, возможно, видели.

— Хорошо, значит, после этого вы пошли к кабинету мистера Гекльби?

— Да. Я была в его кабинете, когда услышала выстрел.

— Один выстрел?

Чарли скатала влажную салфетку в шарик на столе.

— Четыре выстрела.

— Быстрых?

— Да. Нет. — Она закрыла глаза. Попыталась вспомнить. Прошло всего несколько часов. Почему кажется, что целая вечность? — Я слышала два выстрела, а потом, кажется, еще два? Или три и затем один?

Ручка Дилии зависла в ожидании.

— Я не помню последовательность, — призналась Чарли, напоминая себе, что дает показания под присягой. — Насколько я могу вспомнить, было всего четыре выстрела. Я помню, что посчитала. А потом Гек стащил меня на пол. — Чарли откашлялась. Она поборолла желание посмотреть на Бена, увидеть, как он это выносит. — Мистер Гекльби притянул меня за тумбу — видимо, чтобы укрыть от выстрелов.

— Были ли еще выстрелы?

— Я... — Она тряхнула головой, потому что снова не была уверена. — Не знаю.

— Давайте повторим, — попросила Дилия. — В кабинете были только вы и мистер Гекльби?

— Да. В коридоре я больше никого не видела.

— Сколько времени вы провели в кабинете мистера Гекльби до того момента, как услышали выстрелы?

Чарли еще раз тряхнула головой.

— Может, минуты две-три?

— Итак, вы входите в его класс, проходят две-три минуты, вы слышите четыре выстрела, мистер Гекльби притягивает вас за тумбочку, а потом?

Чарли пожала плечами.

— Я побежала.

— К выходу?

Чарли украдкой взглянула на Бена.

— К выстрелам.

Бен молча почесал подбородок. Они оба знали эту ее особенность: в то время, как все уносят ноги, Чарли всегда бежит навстречу опасности.

— Хорошо. — Дилия продолжала записывать и говорить: — Мистер Гекльби был с вами, когда вы побежали по направлению к выстрелам?

— Он бежал позади меня.

Чарли вспомнила, как пробежала мимо Келли, перепрыгнув через ее вытянутые ноги. На этот раз в ее памяти возник Гек, вставший на колени рядом с девушкой. Теперь понятно. Он увидел оружие в руке Келли. Он пытался уговорить ее отдать ему револьвер все то время, пока Чарли смотрела, как умирает девочка.

Она спросила Дилию:

— Как ее звали? Эту девочку?

— Люси Александер. Ее мама работает учительницей в этой школе.

Чарли отчетливо увидела девочку. Ее розовая куртка. Рюкзак в тон. На изнанке куртки было написано имя девочки, или это Чарли уже придумывает сейчас?

— Мы не сообщали ее имя журналистам, но родителей уже известили, — сказала Дилия.

— Она не мучилась. По крайней мере, мне так кажется. Она не знала, что... — Чарли снова тряхнула головой, понимая, что, заполняя пробелы, выдает желаемое за действительное.

— Итак, вы побежали на звук стрельбы, по направлению к приемной директора. — Дилия перевернула страницу в блокноте. — Мистер Гекльби был позади вас. Кого еще вы видели?

— Я не помню, чтобы я видела Келли Уилсон. То есть потом, когда я слышала выкрики копов, я вспомнила, что видела ее, но когда я бежала, ну, еще до этого, Гек

меня догнал, обогнал меня на углу, и потом я обогнала его... — Чарли снова прикусила губу. Такие путанные повествования бесили ее, когда она говорила с клиентами. — Я пробежала мимо Келли. Я думала, она ребенок. Какая-то школьница.

Но Келли и была и ребенком, и школьницей. В свои восемнадцать она была миниатюрной: такая девушка всегда выглядит как ребенок, даже когда сама становится взрослой женщиной с детьми.

— Что-то я запуталась в последовательности событий, — призналась Дилия.

— Простите. — Чарли попыталась объяснить: — Когда попадаешь в такую ситуацию, что-то происходит с головой. Время перестает быть прямой линией и становится как бы шаром, и только потом ты можешь взять его в руку, посмотреть на него с разных сторон, и тут ты думаешь: «О, теперь вспоминаю: произошло это, потом это, потом...» И только тогда ты можешь размотать время в понятную прямую линию.

Бен изучающе смотрел на нее. Она знала, что он думает, потому что его мысли она знала лучше, чем свои. В этих нескольких фразах Чарли рассказала о своих чувствах по поводу того вечера, когда стреляли в Гамму и Сэм, больше, чем за шестнадцать лет брака.

Она смотрела на Дилию Уофорд.

— Я пытаюсь сказать, что не осознавала, что уже видела Келли, пока не увидела ее снова. Это как дежавю, только в реальной жизни.

— Поняла. — Дилия кивнула и снова стала записывать. — Продолжайте.

Чарли задумалась, на чем она остановилась.

— Келли не двигалась с места между теми двумя разами, что я ее видела. Она сидела спиной к стене. Ноги вытянуты вперед. Первый раз, когда я пробегала по коридору, я посмотрела на нее, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Убедиться, что она не ранена. В тот

момент я не заметила пистолет. Она была одета в черное, как девушка-гот, но на руки я не посмотрела. — Остановившись, Чарли сделала глубокий вдох. — Казалось, что все самое страшное происходит в конце коридора, перед приемной. Мистер Пинкман лежал на полу. Он выглядел мертвым. Надо было проверить его пульс, но я пошла к девочке, к Люси. Там была мисс Хеллер.

Дилия прекратила писать.

— Хеллер?

— Что?

Они смотрели друг на друга, обе сбитые с толку.

Бен прервал тишину:

— Хеллер — это девичья фамилия Юдифи Пинкман.

Чарли кивнула, ее голова раскалывалась. Может, надо было все-таки поехать в больницу.

— Хорошо. — Дилия перевернула еще одну страницу. — Что делала миссис Пинкман, когда вы увидели ее в конце коридора?

Чарли пришлось снова задуматься, чтобы уложить мысли в голове.

— Она кричала, — вспомнила Чарли. — Не в тот момент, а до этого. Простите. Я это не упомянула. До этого, когда я была в кабинете Гека, после того, как он стянул меня за тумбочку, мы слышали женский крик. Я не знаю, было это до школьного звонка или после, но она кричала: «Помогите нам».

— «Помогите нам», — повторила Дилия.

— Да, — сказала Чарли.

Поэтому она и побежала: потому что ей было знакомо это невыносимое отчаяние — когда ты ждешь кого-то, хоть кого-нибудь, кто поможет вернуть мир обратно в колею.

— Таким образом, — подхватила Дилия, — где в коридоре находилась миссис Пинкман?

— Она стояла на коленях рядом с Люси и держала ее за руку. Она молилась. Я взяла другую руку Люси. Я посмотрела ей в глаза. Она была еще жива. Она двигала глазами, открыла рот. — Чарли пыталась проглотить свое горе. Она прокручивала в голове смерть девочки уже несколько часов, но говорить об этом вслух было слишком тяжело. — Мисс Хеллер произнесла еще одну молитву. Люси отпустила мою руку и...

— Умерла? — подсказала Дилия.

Чарли сжала кулак. Прошло много лет, а она все еще помнила, как пальцы Сэм дрожали в ее ладони.

Она не знала, что было ужаснее увидеть: внезапную шокирующую смерть или медленный, но неотвратимый уход Люси Александер в небытие.

И то и другое было по-своему невыносимо.

— Сделаем небольшой перерыв? — предложила Дилия.

Чарли молчала, и молчание ответило за нее. Она смотрела в зеркало за плечами Бена. Впервые с того момента, как они заперли ее в этой комнате, она посмотрела на свое отражение. Она специально плохо оделась перед тем, как пойти в школу, чтобы не быть неправильно понятой. Джинсы, кроссовки, болтающаяся футболка с длинными рукавами. Линялый логотип «Дьюк Девилс» заляпан кровью. Лицо Чарли ничем не лучше. Красное пятно вокруг правого глаза начало превращаться в самый настоящий синяк. Она вытащила из носа остатки салфетки. Кожа треснула, как под коростой. На глазах у нее навернулись слезы.

— Не спешите, — сказала Дилия.

Но Чарли не хотела задерживаться.

— Я слышала, как Гек сказал копу опустить оружие. У него был дробовик. — Она вспомнила. — До этого он запнулся. Тот коп с дробовиком. Он поскользнулся на крови и...

Она помотала головой. Она отчетливо помнила, как на его лице отразились одновременно паника и чувство долга, от которого у копа перехватило дыхание. Он был страшно напуган, но, как и Чарли, побежал навстречу опасности, а не прочь от нее.

— Посмотрите на эти фотографии.

Дилия снова полезла в сумку. Она выложила на столе три фотографии. Портреты. Трое белых мужчин. Армейские стрижки. Толстые шеи. Если бы они не были полицейскими, они могли бы быть бандитами.

Чарли указала на фото в середине.

— Вот этот был с дробовиком.

— Полицейский Эд Карлсон, — сказала Дилия.

Эд. В школе он учился на год старше Чарли.

— Карлсон целился дробовиком в Гека. Гек сказал ему успокоиться или что-то вроде того. — Она указала на другое фото. Оно было подписано «РОДЖЕРС», но Чарли его раньше не знала.

— Роджерс там тоже был, — сказала она. — У него был пистолет.

— Пистолет?

— «Глок-девятнадцать».

— Вы разбираетесь в оружии?

— Да.

Чарли провела последние двадцать восемь лет, изучая все виды огнестрельного оружия, когда-либо изготовленного человеком.

— В кого целились полицейские Карлсон и Роджерс? — спросила Дилия.

— В Келли Уилсон, но мистер Гекльби стоял перед ней на коленях, заслоняя ее собой, поэтому фактически получается, что они целились в него.

— И что делала в это время Келли Уилсон?

Чарли поняла, что пистолет она не упомянула.

— У нее был револьвер.

— Пятизарядный? Шести?

— Могу только догадываться. Какой-то старый револьвер. Не короткоствольный, а... — Чарли остановилась. — Там было еще оружие? Еще один стрелок?

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что вы спросили, сколько выстрелов прозвучало, а сейчас спрашиваете, сколько патронов было в револьвере.

— Я бы не стала делать далекоидущие выводы из моих вопросов, мисс Куинн. На данный момент расследования мы можем достаточно уверенно утверждать, что другого оружия и другого стрелка там не было.

Чарли сжала губы. Слышала ли она больше четырех выстрелов в самом начале? Слышала ли она больше шести выстрелов? Она вдруг почувствовала, что ни в чем не уверена.

Дилия продолжила:

— Вы сказали, что у Келли Уилсон был револьвер. Что она с ним делала?

Чарли закрыла глаза, чтобы перенаправить свои мысли обратно в коридор.

— Келли сидела на полу, как я упоминала. Спина к стене. Револьвер она направила себе в грудь, вот так. — Чарли сцепила руки, показывая, как девушка держала пистолет обеими руками, с большим пальцем на спусковом крючке. — Все выглядело так, что она собирается застрелиться.

— Она держала на спусковом крючке большой палец левой руки?

Чарли посмотрела на свои руки.

— Простите, я могу только догадываться. Я левша. Она держала большой палец на спусковом крючке, но я не могу точно сказать какой.

Дилия продолжила записывать.

— И?

— Карлсон и Роджерс кричали, чтобы Келли положила оружие, — вспомнила Чарли. — Они были вне себя. Мы все были вне себя. Кроме Гека. Он, наверное, имеет боевой опыт или... — Она не стала строить догадки. — Гек вытянул руку. Он попросил Келли отдать револьвер ему.

— Келли Уилсон говорила что-либо за все это время?

Чарли не собиралась подтверждать, что Келли Уилсон что-то говорила, потому что не верила, что двое мужчин, слышавшие ее слова, правдиво передадут их содержание.

— Гек уговаривал ее сдаться, — ответила Чарли. — Келли согласилась.

Чарли перевела взгляд на зеркало, где, как она надеялась, Кен Коин писал кипятком от злости.

— Келли переложила револьвер в руку Гека. Она его полностью отпустила. И тогда полицейский Роджерс выстрелил в мистера Гекльби.

Бен открыл рот, чтобы что-то сказать, но Дилия жестом остановила его.

— Куда он был ранен? — спросила она.

— Сюда, — Чарли показала на свой бицепс.

— В каком состоянии была Келли Уилсон в этот момент?

— Она будто оцепенела. — Чарли уже ругала себя за то, что стала отвечать на вопрос. — Это просто догадка. Мы с ней не знакомы. Я не эксперт. Я не могу оценивать ее состояние.

— Понятно. Когда в него выстрелили, мистер Гекльби был не вооружен?

— Ну, у него был револьвер в руке, но он держал его боком, как его отдала Келли.

— Покажете?

Дилия достала из сумочки «Глок-45». Сбросила магазин, потянула затвор, встряхнула патрон и положила пистолет на стол.

Чарли не хотела брать «Глок» в руки. Она ненавидела оружие, хоть и ездила тренироваться на полигон два раза в месяц. Она не хотела когда-нибудь снова оказаться в ситуации, где она не умеет стрелять.

— Мисс Куинн, вы не обязаны это делать, — произнесла Дилия, — но вы очень поможете нам, если покажете положение револьвера в руке мистера Гекльби.

— А-а. — У Чарли будто огромная лампа включилась над головой.

Она все время думала об убийствах и упустила тот факт, что ведется еще одно расследование — о стрелявших полицейских. Если бы пистолет Роджерса сдвинулся на дюйм не в ту сторону, Гек был бы третьим трупом у приемной директора.

— Вот так. — Чарли взяла «Глок». Ощутила холод черного металла. Взвесила его на левой руке, но это было неправильно. Гек протянул назад правую. Она положила пистолет в открытую правую ладонь, повернула вбок, дулом назад — так же, как Келли держала револьвер.

У Дилии уже был наготове мобильный телефон. Она сделала несколько снимков, сказав: «Вы не возражаете?» и отлично понимая, что возражать уже поздно.

— Что дальше было с револьвером?

Чарли положила «Глок» на стол, дулом к задней стене.

— Не знаю. Гек почти не двинулся с места. Он дернулся, наверное, от боли в раненой руке, но не упал, ничего такого. Он сказал Роджерсу взять револьвер, но не помню, брал ли его Роджерс и брал ли его кто-то другой.

Дилия перестала записывать.

— После того как мистера Гекльби ранили, он сказал Роджерсу взять револьвер?

— Да. Он был очень спокоен, но на самом деле было страшно, потому что никто не знал, выстрелит ли в него Роджерс еще раз. Его «Глок» все еще был направлен на Гека. Карлсон все еще держал дробовик.

— Но еще одного выстрела не было?

— Нет.

— Вы видели, держал ли кто-либо из них палец на спусковом крючке?

— Нет.

— И вы не видели, чтобы мистер Гекльби передавал кому-либо револьвер?

— Нет.

— Видели ли вы, что он оставил его при себе? Положил на землю?

— Я не... — Чарли покачала головой. — Меня больше беспокоило, что он ранен.

— Хорошо. — Дилия сделала еще какие-то записи и подняла голову: — Что вы помните дальше?

Чарли не знала, что она помнит дальше. Может, она смотрела вниз на свои руки точно так же, как смотрит сейчас? Она помнила тяжелое дыхание Карлсона и Роджерса. Оба они выглядели так же испуганно, как чувствовала себя Чарли, обильно потели, а грудь у каждого вздымалась и опускалась под весом бронежилетов.

«У меня дочка ее ровесница». «Пинк был моим тренером».

Бронежилет Карлсона был расстегнут. Он болтался по бокам, когда тот вбегал в школу с дробовиком. Карлсон не знал, что ждет его за углом: трупы, бойня или пуля в голову.

Если ты никогда не видел ничего подобного, это может искалечить тебя.

— Мисс Куинн, сделаем перерыв? — спросила Дилия.

Чарли вспомнила испуганное лицо Карлсона, поскользнувшегося на луже крови. Были ли у него

слезы в глазах? Думал ли он о том, что мертвая девочка на полу может быть его дочкой?

— Я хотела бы уйти, — неожиданно для самой себя произнесла Чарли. — Я ухожу.

— Вы должны закончить дачу показаний. — Дилия улыбнулась. — Это займет всего несколько минут.

— Я хочу закончить в другой день. — Чарли схватилась за стол и встала. — Вы говорили, что я могу уйти.

— Совершенно верно. — Дилия Уофорд снова продемонстрировала невозмутимость. Она протянула Чарли свою визитку. — Надеюсь, мы скоро увидимся.

Чарли взяла карточку. Она все еще не могла сфокусировать взгляд. В горло ей выплеснулась кислота из желудка.

— Я выведу тебя через черный ход, — сказал Бен. — Ты сможешь дойти до своего офиса?

Чарли ни в чем не была уверена, ей просто надо было выйти отсюда. Стены вокруг смыкались. Она не могла дышать носом. Она задохнется, если не выберется из этой комнаты. Бен положил ее бутылку с водой в карман пиджака. Открыл дверь. Чарли вывалилась в коридор. Она уперлась руками в стену напротив двери. На эти шлакобетонные блоки сорок лет наносили один слой краски за другим, так что они стали гладкими. Она прижалась щекой к холодной поверхности. Сделала несколько вдохов и ждала, когда пройдет тошнота.

— Чарли? — позвал Бен.

Она обернулась. Между ними внезапно образовался поток людей. Здание кишело силовиками. Туда-сюда сновали накачанные мужчины и женщины с большими винтовками, пристегнутыми к широкой груди. Полиция штата. Помощники шерифа. Дорожный патруль. Бен был прав: сюда приехали все. Она видела надписи на их

спинах. ФБР. БР ДЖОРДЖИИ. АТФ. ИТП. СПЕЦНАЗ. САПЕРЫ.

Когда коридор наконец опустел, Бен держал в руках телефон. Он молча набирал что-то на экране.

Она прислонилась к стене и подождала, пока он закончит писать тому, кому он там писал. Может, той двадцатилетней с его работы. Кейли Коллинз. Эта девушка в его вкусе. Чарли знала это, потому что в том возрасте она тоже была во вкусе своего мужа.

— Черт. — Бен свайпал по экрану. — Сейчас, секунду.

Чарли могла бы сама выйти из полицейского участка. Она могла бы пройти шесть кварталов до своего офиса.

Но не стала.

Она изучала макушку Бена, от которой волосы раскручивались, как спираль гипнотизера. Она хотела закутаться в его тело. Потеряться в нем.

Вместо этого Чарли повторяла фразы, которые она заучивала в машине, на кухне и иногда перед зеркалом в ванной.

Я не могу жить без тебя.

Я никогда не была так одинока, как в эти девять месяцев. Пожалуйста, вернись домой, потому что я больше так не могу.

Прости меня. Прости меня. Прости меня.

— У меня по другому делу сорвалась сделка по признанию вины. — Бен сунул телефон в карман пиджака. Тот щелкнул по полупустой бутылке воды. — Готова?

Ей не оставалось ничего, кроме как пойти. Касаясь стены кончиками пальцев, она двигалась боком, потому что мимо проходили все новые и новые копы в черном боевом облачении. Лица их были непроницаемы. Они или направлялись куда-то, или возвращались откуда-то, вместе сжав зубы против всего мира.

Шутинг. Стрельба в учебном заведении.

Чарли сконцентрировалась на том, что произошло, и совсем упустила из виду, где это случилось.

Не будучи экспертом, она достаточно знала о подобных расследованиях, чтобы понимать, что каждая стрельба в школе в какой-то мере определяет следующий подобный инцидент. «Колумбайн», Виргинский политехнический, «Сэнди-Хук». Правоохранительные органы изучали все эти трагедии в попытке предотвратить или хотя бы понять следующую.

Саперы будут прочесывать школу на предмет взрывчатки, потому что в каком-то из прецедентов была бомба. Бюро расследований Джорджии будет искать соучастников, потому что когда-то в редких случаях в таких преступлениях были соучастники. Полицейские с собаками будут искать в коридорах подозрительные рюкзаки. Они проверят каждый шкафчик, каждый учительский стол, каждую полку на предмет взрывчатых веществ. Следователи будут искать дневник Келли или список потенциальных жертв, схемы школы, тайники с оружием, план нападения. Айтишники будут проверять компьютеры, телефоны, страницы «Фейсбука», аккаунты в «Снапчате». Все будут искать мотив преступления, но какой мотив они могут найти? Как может восемнадцатилетняя девушка объяснить свое решение совершить жестокое убийство?

Теперь это проблема Расти. Именно ради таких запутанных морально-правовых вопросов он встает по утрам.

Именно такими правовыми вопросами Чарли никогда не хотела заниматься.

— Пойдем. — Бен двинулся к выходу первым.

Он ступал широкими размашистыми шагами, потому что всегда слишком много веса переносил на пятки.

Может, Келли Уилсон была жертвой насилия? Это Расти будет выяснять прежде всего. Есть ли какое-либо

смягчающее обстоятельство, которое поможет ей избежать смертной казни? Она как минимум один раз оставалась на второй год. Значит ли это, что у нее сниженный интеллект? Ограниченная дееспособность? Может ли Келли Уилсон отличить хорошее от плохого? Сможет ли она сама участвовать в своей защите, как того требует закон?

Бен толкнул дверь.

Может, Келли Уилсон просто плохой человек? Можно ли все объяснить единственным способом, который не имеет никакого смысла? Может ли Дилия Уофорд сказать миссис Пинкман и родителям Люси Александер, что они потеряли своих любимых просто потому, что Келли Уилсон — плохой человек?

— Чарли, — позвал Бен.

Он придерживал дверь. Айфон снова у него в руке.

Выйдя на улицу, Чарли прикрыла глаза ладонью. Солнечный свет резал как бритва. По щекам потекли слезы.

— Вот, возьми. — Бен дал ей солнечные очки.

Это были ее очки. Наверное, он принес их из ее машины.

Чарли взяла очки, но не смогла надеть их: болел нос. Она открыла рот, чтобы глотнуть воздуха. Накатившая жара добила ее. Она наклонилась, уперев руки в колени.

— Тебя тошнит?

Она сказала «нет», потом «может быть», а потом ее вырвало так, что вокруг разлетелись брызги.

Бен не отошел. Он умудрился убрать ее волосы от лица, ни разу не дотронувшись до кожи. После еще двух рвотных позывов он спросил:

— Все нормально?

— Наверное. — Чарли открыла рот. Подождала продолжения. Вышла нитка слюны и больше ничего. — Нормально.

Он отпустил ее волосы, и они упали обратно ей на плечи.

— Врач «Скорой» сказал, что у тебя сотрясение.

Чарли не могла поднять голову, но произнесла:

— Это никак не лечится.

— Они могут отслеживать твоё состояние: головокружение, нарушение зрения, головные боли, неспособность вспомнить имена или ответить на простой вопрос.

— Они не знают имен, которые я могу забыть, — ответила она. — Не хочу ночевать в больнице.

— Переночуй в ШБ.

Шалтай-Болтай. Прозвище, которое Сэм дала причудливому фермерскому дому, прилипло к нему навсегда.

— Расти присмотрит за тобой, — сказал Бен.

— И вместо аневризмы сосудов мозга я умру от пассивного курения?

— Не смешно.

Все еще стоя с опущенной головой, Чарли вытянула руки назад и коснулась стены. Ощущение твердого бетона придало ей уверенности, и она рискнула выпрямиться. Сложенной ладонью прикрыла глаза. Вспомнила, как утром прикладывала сложенную ладонь к окну приемной.

Бен дал ей бутылку с водой. Он уже снял с нее крышку. Она сделала несколько медленных глотков и старалась не придавать слишком большого значения его заботливости. Ее муж заботлив со всеми.

— Где была миссис Дженкинс, когда началась стрельба? — спросила она.

— В архиве.

— Она что-нибудь видела?

— Расти все выяснит.

— Все выяснит, — повторила Чарли.

В предстоящие месяцы по закону Кен Коин будет обязан делиться со стороной защиты любыми материалами расследования, которые можно в разумных пределах интерпретировать как свидетельство. Но представление о «разумных пределах» Коин менял так же легко и быстро, как паук, заново плетущий свою паутину.

— Миссис Пинкман в порядке?

Бен не стал припоминать ей оговорку с Хеллер, потому что это было не в его правилах.

— Она в больнице, — ответил он. — Пришлось дать ей седативные препараты.

Чарли надо бы навестить ее в больнице, но она уже знала, что найдет повод этого не делать.

— Ты знал, что Келли Уилсон не шестнадцать, и не сказал мне.

— Я думал, ты что-нибудь придумаешь — возьмешь свой шар и отмотаешь время назад.

Чарли засмеялась.

— Эту хрень я пока держу в запасе.

— Ты и из запасов уже кое-то вынула.

Чарли вытерла рот рукавом. Снова почувствовала запах засохшей крови. Как и все остальное, этот запах она тоже помнила из прошлого. Она помнила черные ошметки, пеплом сыпавшиеся с волос. Она помнила, что, даже приняв ванну, даже оттерев кожу почти до костей, она все еще чувствовала на себе запах смерти.

— Ты звонил мне утром.

Бен пожал плечами, мол, ничего особенного.

Чарли сполоснула руки остатками воды из бутылки.

— Ты говорил со своей мамой и сестрами? Они будут волноваться.

— Мы говорили. — Он еще раз пожал плечами. — Мне пора возвращаться.

Чарли подождала, но он не уходил. Она искала повод задержать его.

— Как там Тявзилла?

— Тявкает. — Бен взял пустую бутылку. Закрыв крышкой. Бросил обратно в карман пиджака. — Как Элеонора Рузвельт?

— Молчит.

Он опустил подбородок на грудь, снова замолчав. Ничего нового. Ее обычно разговорчивый муж очень мало разговаривает с ней в последние девять месяцев.

Но он не уходит. Он не показывает ей, что пора идти. Он не говорит ей, что единственная причина, по которой он не спрашивает, в порядке ли она, состоит в том, что она скажет, что в порядке, даже если на самом деле нет.

Особенно если нет.

Она снова спросила:

— Зачем ты звонил сегодня утром?

Бен тяжело вздохнул. Откинул голову к стене. Чарли тоже откинула голову к стене.

Она смотрела на острую линию его подбородка. Он точно в ее вкусе: долговязый расхлябанный ботан, который цитирует «Монти Пайтона» так же легко, как конституцию США. Читает комиксы. Пьет стакан молока каждый вечер перед сном. Любит картофельный салат, «Властелина колец» и модели поездов. В футбол любит играть на компьютере, а не на поле. Не потолстеет, даже если его насильно кормить сливочным маслом. Ростом шесть футов, если выпрямится, но это случается редко.

Она любила его так сильно, что у нее в буквальном смысле болело сердце при мысли, что она никогда больше не сможет его обнять.

— Когда Пегги было четырнадцать, у нее была подруга. Ее звали Вайолет, — сказал Бен.

Пегги — одна из трех его старших сестер, которая больше всех любит командовать.

— Она погибла в аварии. Ее сбила машина, когда она ехала на велосипеде. Мы пошли на похороны. Я не знаю, как маме пришло в голову взять меня туда. Я был слишком маленький для таких вещей. Гроб был открытый. Карла подняла меня, чтобы я посмотрел. — Он сглотнул. — Я чуть не обделался. Маме пришлось увести меня в машину. Мне потом кошмары снились. Я думал, что это худшее, что можно увидеть. Мертвый ребенок. Мертвая девочка. Но она была чистенькая. Там не было видно, что с ней случилось, что ей в спину ударила машина. Что она умерла от кровоизлияния, но внутреннего. Не так, как сегодняшняя девочка.

У него в глазах стояли слезы. Каждое сказанное им слово разбивало Чарли сердце. Она сжала кулаки, чтобы не броситься ему на шею.

Бен продолжил:

— Убийство есть убийство. Это хоть как-то можно понять. Дилеры. Банды. Даже домашнее насилие. Но ребенок? Маленькая девочка? — Он качал головой. — Она же не выглядела как спящая, нет?

— Нет.

— Она выглядела как жертва убийства. Как девочка, которой выстрелили в горло, и пуля разорвала его, и она умерла ужасной насильственной смертью.

Чарли смотрела на солнце, потому что не хотела еще раз видеть, как умирает Люси Александер.

— А парень-то — герой войны. Ты знала? — Он говорил о Геке. — Он спас свой взвод или что-то вроде того, но он об этом не рассказывает, потому что он вроде как гребаный Бэтмен. — Бен отошел от стены и от Чарли. — И сегодня утром он принял пулю в руку. Чтобы спасти убийцу, которую он защищал от смерти. А потом он вступился за копа, который его чуть не убил. Соврал под присягой, чтобы защитить копа. Охеренный красавчик, да?

Бен злился, но говорил тихо, подавленный тем унижением, что ему любезно устроила его жена-стерва.

— Когда видишь такого парня на улице, прямо и не знаешь, то ли трахнуть его хочешь, то ли пива с ним выпить.

Чарли смотрела в землю. Они оба знали, что она сделала и то и другое.

— Ленор приехала.

Секретарша Расти подъехала к воротам на своей красной «Мазде».

— Бен, прости меня, — сказала Чарли. — Это была ошибка. Ужасная, ужасная ошибка.

— Ты разрешила ему быть сверху?

— Конечно нет. Что за глупости.

Ленор просигналила. Опустила стекло и помахала. Чарли помахала в ответ, растопырив пальцы, давая понять, что ей нужна еще минута.

— Бен...

Но поздно. Бен уже закрывает за собой дверь.

Глава четвертая

Чарли понюхала свои очки, шагая к машине Ленор. Ну и пусть так делают только влюбленные девочки-подростки: она хотела почувствовать запах Бена. Вместо этого ей в нос ударил запах собственного пота с нотками рвоты.

Ленор наклонилась над пассажирским сиденьем и открыла дверь.

— Дорогая, очками не машут перед носом, а надевают на него.

Сейчас Чарли ничего не могла надеть на нос. Она села в машину и кинула свои дешевые очки на приборную панель.

— Тебя папа прислал?

— Бен отправил мне сообщение, но знаешь, твой папа хочет, чтобы мы поехали к Уилсонам и привезли их в офис. Коин сейчас пытается получить ордер на обыск. Я привезла твою «судебную» одежду, чтобы ты переоделась.

Чарли начала вертеть головой сразу после слов «твой папа хочет».

— Где Расти? — спросила она.

— В больнице с Келли Уилсон.

Чарли усмехнулась. А Бен и правда научился хитрить.

— Сколько времени понадобилось отцу, чтобы выяснить, что она не в полиции?

— Больше часа.

Чарли пристегнулась.

— Я думаю, как же Коин любит играть в свои игры. — Она не сомневалась, что окружной прокурор отправил Келли Уилсон в больницу в машине «Скорой помощи». Поддерживая иллюзию, что полиция ее не

задерживала, он всегда может заявить: она добровольно давала показания без адвоката. — Ей, кстати, есть восемнадцать.

— Расти мне сказал. В больнице она была в ступоре. Он еле добился, чтобы она сказала ему номер телефона своей мамы.

— Я ее видела в таком же состоянии. Сомнамбулическом.

Келли Уилсон надо бы скорее из этого состояния выбираться. Она сейчас самый ценный источник информации для Расти. Пока он не получит материалы расследования от Кена Коина — список свидетелей, рапорты полицейских, записи следователей, судебно-медицинскую экспертизу, — отцу придется двигаться вслепую.

Ленор положила руку на рычаг переключения передач.

— Куда тебя отвезти?

Чарли представила, как стоит дома под горячим душем, а потом зарывается в подушки в своей постели. А потом вспомнила, что Бена там не будет, и сказала:

— Видимо, к Уилсонам.

— Они живут на задворках Низины.

Ленор нажала на газ. Развернулась и выехала на улицу.

— У них нет точного адреса. Твой отец дал мне инструкции в деревенском стиле: у старого белого пса налево, у корявого дуба направо.

— Думаю, для Келли это хорошо.

Расти сможет оспорить ордер на обыск, если в нем не будет правильного адреса или хотя бы нормального описания дома. Маловероятно, что Кен Коин сможет раздобыть то или другое. В Низине сотни арендных домов и трейлеров. Никто точно не знает, сколько людей там живет, как их зовут и ходят ли их дети в школу. Трущобные арендодатели не утруждаются

договорами или проверкой кредитной истории, если получают свою сумму наличных еженедельно.

— Как ты думаешь, сколько у нас времени, прежде чем Кен найдет дом? — спросила Чарли.

— Трудно сказать. Час назад ему в помощь прилетел вертолет из Атланты, но, насколько я поняла, он сейчас на другой стороне горы.

Чарли была уверена, что сможет найти дом Уилсонов. Она ездила в Низину минимум дважды в месяц, пытаясь добиться оплаты просроченных счетов за свои юридические услуги. Бен ужасался, когда она между делом упоминала о своих вечерних вылазках. Шестьдесят процентов всех преступлений в Пайквилле совершались в районе Низины Сэдис.

— Я привезла тебе сэндвич, — сказала Ленор.

— Я не голодная.

Чарли посмотрела на часы на панели: 11:52 утра. Меньше пяти часов назад она смотрела в темное окно школьной приемной. Не пройдет и десяти минут, как двое будут мертвы, один ранен, а Чарли вот-вот сломают нос.

— Тебе надо поесть.

— Я поем.

Чарли смотрела в окно. Солнце мелькало сквозь кроны высоких деревьев позади домов. Она смотрела на мигающий свет, и в ее голове, как на старинном проекторе, замелькали слайды из прошлого. Чарли позволила себе слабость, которую редко допускала, — остановиться на картинках с Гаммой и Сэм: вот они бегут по длинной подъездной дороге к фермерскому дому, а вот хихикают с брошенной пластиковой вилкой. Она знала, какие слайды идут потом, поэтому быстро промотала пленку, так что Сэм и Гамма остались далеко в прошлом и перед глазами оказались лишь последствия сегодняшнего утра.

Люси Александер. Мистер Пинкман.

Девочка. Директор школы.

Похоже, у погибших было мало общего — только то, что они оказались не в том месте и не в то время. Можно попробовать предположить, какой у Келли Уилсон был план: видимо, она встала в середине коридора, выставила перед собой револьвер и ждала, когда прозвенит звонок.

Затем из-за угла вышла Люси Александер.

Хлопок.

Затем из своего кабинета выбежал мистер Пинкман.

Хлопок, затем еще и еще.

Затем зазвенел звонок и, если бы не сообразительность сотрудников школы, коридор был бы завален погибшими.

Гот. Одиночка. Второгодница.

Келли Уилсон — именно такая девушка, каких обычно травят в школе. Всегда одна за столиком в школьной столовой, последняя, кого зовут в команду на физкультуре, и на школьной дискотеке танцует с мальчиком, которому надо только одно.

Почему же Келли взяла в руки пистолет, хотя Чарли в той же ситуации этого не сделала?

— Выпей хотя бы колы, — предложила Ленор. — Возьми в сумке-холодильнике. Поможет прийти в норму.

— Я и так в норме.

— Конечно, и нос у тебя не сломан.

— На самом деле, думаю, сломан.

Ленор все время упоминала ее самочувствие, и Чарли наконец поняла, что оно действительно неважное.

Голова раскалывается. В носу что-то пульсирует. Кажется, что веки налились липким медом. Она на несколько секунд сдалась, позволила им закрыться и окунулась в желанную темноту.

Сквозь гудение мотора было слышно, как ноги Ленор жмут на педали при переключении передач. Она

всегда водила босиком, поставив свои туфли на высоком каблуке на пол рядом. Она любила короткие юбки и цветные чулки. Может, и слишком молодежно для семидесятилетней женщины, но сейчас ноги Ленор были выбриты лучше, чем ноги Чарли, поэтому ей не пристало судить.

— Все-таки выпей колы, — настаивала Ленор. Чарли открыла глаза. Мир был прежним. — Давай, прямо сейчас.

Чарли слишком устала, чтобы спорить. Она нащупала сумку-холодильник за сиденьем. Достала колу, а сэндвич не взяла. Не открывая бутылку, приложила ее к шее сзади.

— У тебя есть аспирин?

— Тебе нельзя. Увеличивает риск кровотечения.

Чарли предпочла бы быть в коме, чем терпеть боль. От яркого солнца голова ее превратилась в гигантский колокол.

— Как это называется, когда в ушах звенит?

— Тиннитус, — ответила Ленор. — Если ты не начнешь пить, я дальше не поеду.

— И полиция приедет к Уилсонам раньше нас?

— Они тоже будут съезжать по этой дороге, это во-первых, а во-вторых, даже если они найдут дом и даже если у них судья наготове, изготовить ордер займет как минимум полчаса, и в-третьих, заткнись уже и делай, что говорят, а то я тебя поколочу.

Краем футболки прихватив крышку бутылки, Чарли открыла колу. Сделала глоток и смотрела, как в боковом зеркале проплывает мимо центр города.

— Тебя сегодня уже рвало? — спросила Ленор.

— Без комментариев.

Живот Чарли снова скрутило. Все вокруг зашаталось. Ей пришлось закрыть глаза, чтобы восстановить равновесие. Снова замелькали слайды: Люси Александер, мистер Пинкман, Гамма, Сэм. Чарли

быстро пролистывала изображения, будто искала нужный файл на компьютере.

Может ли что-то из того, что она сказала спецагенту Дилии Уофорд, повредить защите Келли Уилсон? Расти захочет это знать. Он также захочет знать количество и последовательность выстрелов, емкость револьвера, а еще — что² прошептала Келли, когда Гек просил ее отдать ему пистолет.

Эта фраза будет особенно важна для защиты Келли Уилсон. Если она признала вину, сказала что-то необдуманное или упомянула жестокие мотивы своего преступления, никакое ораторское мастерство Расти не спасет ее от инъекции яда. Даже если она выдаст всех соучастников, Кен Коин ни за что не переквалифицирует ее из обвиняемых в свидетели. Он уже представлял обвинение на двух делах о преступлениях, наказуемых смертной казнью. Ни один суд присяжных в Пайквилле не откажет ему, когда он затребует для нее смертную казнь путем инъекции. У Коина особый авторитет. Много лет назад, когда он еще был полицейским, он сам казнил человека.

Двадцать восемь лет назад Дэниэл Кулпеппер, брат Захарии Кулпеппера, сидел у себя в трейлере и смотрел телевизор, когда полицейский Кен Коин подъехал к нему на патрульной машине. На часах было полдевятого вечера. Тело Гаммы уже нашли в фермерском доме. Сэм истекала кровью в ручье под метеовышкой. Тринадцатилетняя Чарли сидела в машине «Скорой помощи» и умоляла врачей отпустить ее домой. Офицер Коин ногой выбил дверь трейлера Дэниэла Кулпеппера. Подозреваемый схватил пистолет. Коин выстрелил девятнадцатилетнему парню в грудь семь раз.

Почти весь кулпепперовский клан до сих пор настаивал на невиновности Дэниэла, но на самом деле улики против него были неопровержимы. Револьвер в

руке Дэниэла был идентифицирован как оружие, из которого Сэм выстрелили в голову. Покрытые кровью джинсы Дэниэла и приметные синие кеды дымились в железной бочке за трейлером. Даже его брат сказал, что они вместе пошли в ШБ убивать Расти. Они боялись потерять дом из-за дурацких счетов за адвокатские услуги: предполагали, что придется их оплачивать, потому что Куинны потеряли в пожаре все имущество. Выйдя живой из этой кровавой бойни, Чарли поняла, что жизнь ее семьи свелась к стоимости старого трейлера.

— Проезжаем мимо школы, — отметила Ленор.

Чарли открыла глаза. В ее время в Пайквилльской средней школе размещались не с шестого по восьмой классы, а с седьмого по девятый. С годами здание разрасталось, его в спешке надстраивали, чтобы принять тысячу двести детей со всей округи. Старшая школа была еще больше — на две тысячи учащихся. Там, где она припарковалась, было пусто. Полицейские огородили парковку лентой. Редкие автомобили учителей терялись среди служебного транспорта: полицейских и пожарных машин, «Скорой помощи», правительственных седанов, фургонов криминалистов и судмедэкспертов. Низко над спортзалом летал вертолет новостной компании. Вся сцена выглядела сюрреалистично, будто режиссер вот-вот крикнет «Снято!» и все разойдутся на обед.

— Им пришлось дать миссис Пинкман седативный препарат, — сказала Чарли.

— Она хорошая женщина. И не заслуживает такого. Никто такого не заслуживает.

Чарли кивнула, потому что комок в горле не давал ей говорить. Юдифь Хеллер-Пинкман все эти годы была для нее странного рода образцом. Они пересекались в коридорах, когда Чарли наконец вернулась в школу. Мисс Хеллер всегда улыбалась, но никогда не давила на Чарли, не пыталась заставить ее говорить о трагедии,

что их связывала. Она держала дистанцию, а это, оглядываясь назад, требовало выдержки, которой другие не отличались.

— Интересно, как долго эта история будет в новостях? — Ленор посмотрела на вертолет в небе. — Двое убитых. Не так много по сравнению с другими массовыми расстрелами.

— Девушки не убивают. По крайней мере, не таким способом.

— «Не люблю понеделники».

— Ты про себя или про песню «Бумтаун Рэтс»?

— Про песню, — ответила Ленор. — Она написана на основе реальных событий. Семьдесят девятый год. Шестнадцатилетняя девушка пришла на детскую площадку со снайперской винтовкой. Не помню, сколько человек она убила. Когда копы спросили, зачем она это сделала, она ответила: «Не люблю понеделники».

— О господи, — пробормотала Чарли, надеясь, что, когда Келли Уилсон что-то прошептала в коридоре школы, это не была какая-нибудь подобная жестокая глупость.

И тогда Чарли задумалась, почему ее беспокоит судьба Келли Уилсон: как-никак, девчонка — убийца.

Чарли осенила внезапная и четкая мысль, которая все объяснила.

Если отбросить в сторону все события сегодняшнего утра: страх, убийства, воспоминания, боль, — то останется один простой факт: Келли Уилсон сознательно убила двух человек.

Помимо ее воли в мысли Чарли вмешался голос Расти: «Ну и что?»

Келли все равно предстоит суд. У нее есть право получить лучшего адвоката, какого она сможет найти. Чарли пыталась объяснить все это разъяренным копам, которые хотели забить девушку до смерти, но сейчас, сидя в машине Ленор, Чарли задумалась, а не встала ли

она на защиту девушки просто потому, что больше никому было это сделать.

Еще один ее недостаток, ставший болевой точкой в их браке.

Она потянулась на заднее сиденье, на этот раз чтобы достать свою «судебную» одежду. Нашла блузку: Бен называл ее «амишской», а сама Чарли считала, что она не сильно отличается от паранджи. Пайквилльские судьи, сердитые старики, все как один агрессивно консервативны. Женщинам-адвокатам приходится выбирать одно из двух: либо носить длинные юбки и целомудренные блузки, либо каждый их протест, каждое ходатайство, каждое слово из их уст будет отклонено.

— Ты в порядке? — опять спросила Ленор.

— На самом деле нет. — Чарли немного полегчало, когда она сказала правду. Она всегда могла сказать Ленор то, в чем не призналась бы никому другому. Ленор знала Расти больше полувека. В ней, как в черной дыре, исчезали все семейные тайны Куиннов. — Голова жутко болит. Нос сломан. Кажется, я выблевала свое легкое. Я ничего не вижу, даже читать не могу, и все это неважно, потому что вчера я изменила Бену.

Ленор молча переключила передачу и выехала на двухполосное шоссе.

— В тот момент мне было нормально. Ну, то есть парень все хорошо сделал. — Чарли аккуратно сняла свою «дьюковскую» футболку, стараясь не зацепить нос. — А утром я проснулась в слезах. Ревела, не могла остановиться. Полчаса лежала в кровати, смотрела в потолок и хотела застрелиться. А потом зазвонил телефон.

Ленор снова переключила передачу. Они выезжали из Пайквилля. Ветер с гор хлестал по их легковушке.

— Не надо было брать эту дурацкую трубку. Я даже имени его не помнила. А он не помнил моего. По

крайней мере притворился, что не помнит. Мне было стыдно и противно, а теперь еще и Бен знает. И БР Джорджии знает. И у него на работе все знают.

Чарли продолжила:

— И в школу я сегодня утром приехала, чтобы встретиться с этим парнем, потому что я по ошибке забрала его телефон и он позвонил и... — Она надела накрахмаленную «судебную» блузку с рюшами на груди, чтобы судьи не сомневались, что она всерьез относится к своей женской роли. — Не знаю, о чем я думала.

Ленор переключилась на шестую передачу.

— О том, что тебе было одиноко.

Чарли засмеялась, хотя в констатации этого факта не было ничего смешного. Она смотрела на свои пальцы, застегивая блузку на пуговицы. Неожиданно оказалось, что у нее очень маленькие пуговицы. А может, это оттого, что руки вспотели. А может, это оттого, что пальцы снова дрожали и все ее тело вибрировало, будто в грудь ей воткнули камертон.

— Детка, — сказала Ленор, — не держи это в себе.

Чарли покачала головой. Она очень хотела удержать это в себе. Сложить все ужасные картинки в коробку, засунуть ее на полку и никогда больше не открывать.

Но по щеке скатилась слезинка. Потом еще одна.

И Чарли заплакала. Она рыдала, согнувшись пополам, уронив голову на руки, потому что это горе невозможно было держать в себе. Люси Александер. Мистер Пинкман. Мисс Хеллер. Гамма. Сэм. Бен. Машина притормозила. Колеса зашуршали по гравию, когда Ленор съехала на обочину. Она погладила Чарли по спине.

— Все хорошо, детка.

Но ничего не хорошо. Ей нужен ее муж. Ей нужен ее отец, бесполезный засранец. Где Расти? Почему, когда

он ей нужен, его никогда нет?

— Все хорошо. — Ленор продолжала гладить Чарли по спине, а Чарли продолжала плакать, потому что ничего уже не будет хорошо.

Как только Чарли услышала первые выстрелы в кабинете Гека, в ее памяти мгновенно ожил худший момент ее жизни. Она снова и снова слышала те же слова. Беги. Не оглядывайся. В лес. К дому мисс Хеллер. По школьному коридору. Навстречу выстрелам. Но она опоздала. Чарли опять опоздала, будь оно все проклято.

Ленор пригладила волосы Чарли.

— Дыши глубже, милая.

Чарли поняла, что задыхается. Зрение затуманилось. На лбу выступил пот. Она заставила себя дышать ровнее, чувствуя, как в легкие начинает проникать воздух.

— Не спеши, — успокаивала Ленор.

Чарли продолжала глубоко дышать. Зрение восстановилось, насколько это было возможно. Она сделала еще несколько вдохов, задерживая каждый на секунду-две, чтобы доказать самой себе, что может это сделать.

— Так лучше?

Чарли прошептала:

— Что это было, паническая атака?

— Да, и возможно, она еще не закончилась.

— Помоги мне выпрямиться.

Чарли схватилась за руку Ленор. Кровь отлила от головы. Нос болел, и она инстинктивно коснулась его, отчего боль усилилась.

— Нехило они тебя отделали, дорогая.

— Это ты еще противника моего не видела. На нем ни царапины.

Ленор не засмеялась.

— Прости, — сказала Чарли. — Не знаю, что на меня нашло.

— Что за глупости. Ты знаешь, в чем дело.

— Ну да, — Чарли произнесла два слова, которые всегда говорила, если не хотела что-то обсуждать.

Но Ленор не взялась за руль, а переплела свои длинные пальцы с маленькими пальцами Чарли. Несмотря на все мини-юбки, руки у нее были мужскими, широкими, с крупными костяшками, а с недавнего времени и пигментными пятнами. После смерти Гаммы Ленор во многом заменила Чарли мать. Ленор научила Чарли краситься, привела ее в магазин за первой пачкой тампонов и предупредила, что никогда нельзя рассчитывать на мужчин в вопросе контрацепции.

— Бен написал тебе, чтобы ты меня забрала. Это ведь что-то значит? — спросила Чарли.

— Да.

Чарли открыла бардачок и достала салфетки. Высморгаться она не могла. Поэтому просто промокнула нос. Прищурившись, посмотрела в окно и обрадовалась, что видит предметы, а не их очертания. Только вот вид был самым неудачным из возможных. Они стояли в трехстах ярдах от места, где Дэниэл Кулпеппер был застрелен в своем трейлере.

— Самое дерьмовое — я даже не могу сказать, что сегодня был худший день моей жизни, — заметила Чарли.

На этот раз Ленор засмеялась своим хриплым низким смехом, потому что Чарли была права. Она нажала на педаль и выехала обратно на шоссе. Дорога была ровной до «кулпепперовского» поворота. Глубокие ямы на асфальте сменились гравием, а затем просто укатанной красной глиной. Они спустились с горы, поэтому температура слегка поменялась — может, на пару градусов. Чарли старалась не дрожать. Она физически ощущала свою тревогу. Волосы на затылке встали дыбом. Это случалось с ней каждый раз, когда она приезжала в Низину. Здесь она не просто

чувствовала себя не в своей тарелке, а знала, что, поверни она не туда, встретить не того Кулпеппера, и угроза физической расправы перестанет быть абстракцией.

— Черт! — Ленор испугалась стаи собак, набросившихся на сетчатый забор.

Их остервенелый лай зазвенел, как тысяча молотков, одновременно ударивших по машине.

— Деревенская сигнализация, — прокомментировала Чарли.

Никто не мог войти в Низину, не будучи облаянным сотнями собак. Чем глубжеходишь в район, тем больше видишь молодых белых мужчин: стоят у своих дверей, в одной руке — мобильник, а другая чешет живот под футболкой. Эти мужчины вполне работоспособны, но тяжелый физический труд, соответствующий их квалификации, их не привлекает. Они целый день курят травку, играют в компьютерные игры, крадут, когда им нужны деньги, колотят своих подружек, когда хотят оксикодона, отправляют детей на почту за пособием по инвалидности и своими замечательными поступками обеспечивают Чарли работой.

Она вдруг устыдилась того, что всю Низину мажет одной кулпепперовской краской. Чарли знала, что здесь живут и хорошие люди. Работающие мужчины и женщины, чей единственный грех — это бедность. Но ее реакция на атмосферу Низины была произвольной.

Когда она вернулась в школу после всего, что произошло, шесть кулпепперовских девочек разных возрастов сделали ее жизнь сущим адом. Замызганные гнусные сучки с длинными крашеными ногтями и злыми языками. Они травили Чарли. Крали ее карманные деньги. Рвали ее учебники. Одна из них даже наложила кучу дерьма в ее спортивную сумку.

Семейство это до сих пор настаивало: Чарли соврала, что видела Захарию с дробовиком. Кулпепперы решили, что разгадали хитрый план Расти: раз Дэниэл погиб, а Захария отправился в тюрьму, Куинны могли заполучить двухкомнатный трейлер и выплату — в действительности мизерную — по страхованию жизни. Будто человек, всю жизнь посвятивший борьбе за справедливость, обменял бы свои принципы на пару сребреников.

Тот факт, что Расти ни разу не попытался отсудить у их семьи хотя бы пенни, никак не смягчил эти дикие теории заговора. Кулпепперы продолжали свято верить, что Кен Коин сфабриковал многочисленные улики, найденные в трейлере и на теле Дэниэла. Что Коин убил Дэниэла, чтобы начать политическую карьеру. Что брат Коина, Кит, помог подменить улики в лаборатории штата.

В любом случае основным объектом их злости стала Чарли. Это она опознала братьев. Она не просто соврала, но и продолжала настаивать, что говорит правду. Поэтому убийство одного из братьев Кулпепперов и смертный приговор другого лежат целиком на ее совести.

В этом была доля правды: по крайней мере в случае с Захарией. Несмотря на активное сопротивление Расти, тринадцатилетняя Чарли выступала перед битком набитым залом суда и просила судью приговорить Захарию Кулпеппера к смерти. Она бы сделала то же самое и на суде над Дэниэлом, но Кен Коин лишил ее такого удовольствия.

— Что это за грохот? — спросила Ленор.

Чарли услышала, как воздух нарезают лопасти вертолета. Она рассмотрела логотип одного из новостных каналов Атланты.

Ленор протянула Чарли свой телефон.

— Прочитай, как нам проехать.

Чарли набрала код — свой день рождения — и прокрутила сообщение от Расти. Отец окончил юридическую школу Университета Джорджии и стал одним из ведущих адвокатов штата, но с грамматикой у него дерьмово.

— Здесь налево, — прочитала она и указала Ленор на дорогу у белого шеста с большим конфедератским флагом. — А у этого трейлера направо.

Пробежав глазами описание маршрута, Чарли поняла, что уже ездила по нему. Один из ее подзащитных сидел на мете и зарабатывал на это продажей мета другим таким же торчкам. Он и с ней один раз пытался расплатиться кристаллами. Получается, он жил в двух домах от Уилсонов. Она продолжила:

— Здесь направо и потом еще раз направо у подножия холма.

— Я засунула тебе в сумочку договор о твоём гонораре.

Чарли открыла рот, чтобы предложить ей засунуть договор куда-то в другое место и спросить, зачем он вообще нужен, но сама ответила на свой вопрос:

— Папа хочет, чтобы я представляла Уилсонов, и тогда сторона обвинения не сможет привлечь меня в качестве свидетеля против Келли.

Ленор посмотрела на нее, потом обратно на дорогу, а потом — снова на Чарли.

— Как так получилось, что ты не поняла этого еще полчаса назад?

— Сама не понимаю, — отозвалась Чарли.

Но на самом деле она все понимала. Потому что она травмирована. Потому что скучает по мужу. Потому что она, как идиотка, снова и снова ждет от отца, что он будет беспокоиться о дочери так же, как беспокоится о сутенерах, насильниках и убийцах.

— Я не смогу это сделать. Любой нормальный судья накатает на меня жалобу в адвокатскую ассоциацию и даст мне такой пинок под зад, что я долечу до Китая еще до того, как лишусь лицензии.

— Когда ты выиграешь суд с полицией, тебе не придется таскаться за своими должниками-наркошами по всей Низине. — Ленор кивком головы указала на телефон. — Сделай несколько фотографий, пока синяки свежие.

— Я сказала Бену, что не собираюсь подавать иск.

Ленор убрала ногу с педали газа.

— Я просто хочу, чтобы они искренне извинились. В письменном виде.

— Извинения ничего не изменят.

Они спустились к подножию холма. Ленор резко повернула направо. Назревавшая нотация не заставила себя ждать:

— Уроды типа Кена Коина распинаются про «малое правительство», а в итоге проводят в судах вдвое больше времени, чем если бы занимались нормальной подготовкой копов с самого начала.

— Согласна.

— И единственный способ заставить их меняться — это бить по кошельку.

Чарли захотелось заткнуть уши.

— Мне еще предстоит от папы все это выслушать. Не хочу слушать и от тебя. Вот сюда.

Ленор ударила по тормозам. Машина резко качнулась. Она сдала немного назад и повернула на другую грунтовую дорогу. Промежуток между колеями зарос травой. Они проехали желтый школьный автобус, припаркованный под плакучей ивой. «Мазда» подскочила на кочке, и они увидели группу домишек. Четыре дома, раскиданных по кругу. Чарли еще раз сверилась с сообщением Расти и поняла, что дом под нужным номером — дальний справа. Подъездной

дороги к нему не было: он просто стоял у обочины. Дом был сколочен из покрашенных листов ДСП. Большое выступающее окно торчало на фасаде, как созревший прыщ. Ступенями служили несколько шлакоблоков.

— Эва Уилсон — водитель школьного автобуса, — сказала Ленор. — Она была сегодня утром у школы, когда здание перекрыли.

— Ей кто-нибудь говорил, что стреляла Келли?

— Она не знала, пока Расти не позвонил ей на мобильный.

Чарли обрадовалась, что Расти не переложил этот звонок на нее.

— А отец девочки там как-то присутствует?

— Илай Уилсон. Он ездит на заработки в Эллиджей: каждое утро стоит с такими же трудягами у лесопилки и ждет, когда кто-нибудь подкинет ему работу.

— Полиция его уже нашла?

— Насколько мы знаем, нет. В семье всего один мобильник, и он у жены.

Чарли посмотрела на унылое жилище.

— Значит, она там одна.

— Это ненадолго. — Ленор подняла глаза на второй вертолет, закруживший над районом. На корпусе выделялись синие и серебристые полосы патрульной службы штата Джорджия. — Прилепят гугл-карту на ордер и будут здесь через полчаса.

— Я быстро. — Чарли собралась выходить из машины, но Ленор остановила ее.

— Вот. — Ленор взяла с заднего сиденья сумку Чарли: — Бен отдал мне, когда возвращал твою машину.

Чарли взяла сумку за ремень и задумалась, держит ли она ее так же, как держал Бен.

— Это ведь уже что-то?

— Да.

Чарли выбралась из машины и пошла к дому. Она пошарила в сумочке в поисках освежающих пастилок.

Пришлось довольствоваться горсткой пыльных «тик-таков», которые белыми вшами застряли в швах кармашка.

Жители Низины обычно открывали двери, вооружившись чем-нибудь, так что она не стала подниматься по шлакобетонным ступенькам, а сначала подошла к окну. Штор на нем не было. Под окном — три горшка с геранью. На земле — стеклянная пепельница, пустая.

Внутри Чарли разглядела миниатюрную женщину с темными волосами: та недвижно сидела на диване и смотрела в телевизор. В каждом доме в Низине есть по гигантскому телевизору с плоским экраном: очевидно, все они выпали из одной фуры. Эва Уилсон смотрела новости. Громкость была такой, что голос репортера было слышно снаружи: «...новые подробности от наших коллег из Атланты...»

Чарли подошла к входной двери и постучала: три коротких удара.

Она подождала. Послушала. Постучала второй раз. Затем третий.

— Здравствуйте! — позвала она.

Наконец телевизор замолк. Она услышала шарканье. Щелчок замка. Скольжение цепочки. Еще один замок. Смешные меры безопасности, учитывая, что вор мог бы пробить хлипкую стенку кулаком.

Эва Уилсон молча уставилась на незнакомку у двери. Она была такая же невысокая, как дочь, и выглядела почти так же по-детски. На ней была голубая пижама с мультяшными слониками на штанах. Глаза ее покраснели. Она была моложе Чарли, но в каштановых волосах виднелась седина.

— Я Чарли Куинн, — представилась Чарли. — Мой отец, Расти Куинн, — адвокат вашей дочери. Он попросил меня забрать вас и привезти к нему в офис.

Женщина не двинулась с места. Стояла молча. Именно так выглядит шоковое состояние.

Чарли спросила:

— Вы уже разговаривали с полицией?

— Нет, мэм, — ответила Эва, с характерным для Низины выговором растягивая слова. — Ваш папа сказал мне не отвечать на звонки с незнакомых номеров.

— Он прав. — Чарли переминалась с ноги на ногу. Где-то вдалеке лаяли собаки. Солнце пекло голову. — Послушайте, я понимаю, вы в шоке от того, что случилось с вашей дочерью, но мне надо подготовить вас к тому, что будет дальше. Полиция уже едет сюда.

— Они привезут Келли домой?

Чарли опешила от того, с какой надеждой Эва Уилсон произнесла это.

— Нет. Они будут обыскивать ваш дом. Наверное, они начнут с комнаты Келли, а потом...

— Они возьмут для нее чистую одежду?

Чарли снова была выбита из колеи.

— Нет, они будут обыскивать дом в поисках оружия, любых записей, компьютеров...

— Компьютера у нас нету.

— Ясно, это хорошо. Келли делала уроки в библиотеке?

— Она ничего не сделала, — сказала Эва. — Она не убивала... — Ее голос умолк. Глаза заблестели. — Мэм, вы меня послушайте. Моя девочка ничего такого не сделала, что они говорят.

Чарли много раз общалась с матерями, которые были уверены, что их детей подставили, но сейчас не было времени читать Эве Уилсон лекцию о том, как иногда хорошие люди делают плохие вещи.

— Эва, послушайте меня внимательно. Полицейские войдут в дом вне зависимости от того, пустите вы их или нет. Они выгонят вас из дома. Они обыщут каждый

уголок. Они могут что-то сломать или найти что-то, что вы не хотели бы, чтобы они нашли. Я не думаю, что вас арестуют, но могут, если решат, что вы подменяете улики, поэтому, пожалуйста, не делайте этого. И нельзя, послушайте меня, нельзя ничего говорить им о Келли или почему она могла это сделать или что могло произойти. Они не пытаются вам помочь, и они ей не друзья. Понятно?

Эва не воспринимала информацию. Она просто стояла. Вертолет спустился ниже. Чарли могла разглядеть лицо пилота за выпуклым стеклом. Он говорил что-то в микрофон: возможно, выдавал координаты для ордера на обыск.

Она спросила Эву:

— Мы можем войти в дом?

Женщина не пошевелилась, поэтому Чарли взяла ее за локоть и провела внутрь.

— Ваш муж не звонил?

— Илай не позво2нит, пока работу не закончит, он с автомата у лесопилки зво2нит.

Значит, отец Келли, вероятно, узнает о преступлении дочери по радио в машине.

— У вас есть чемодан или небольшая сумка, куда можно сложить какую-то одежду?

Эва не ответила. Она застыла перед телевизором с выключенным звуком.

В новостях показывали среднюю школу. Аэросъемку крыши спортивного зала, который, видимо, сейчас использовали как штаб. Внизу экрана бежала строка: «САПЕРЫ ОСМОТРЕЛИ ЗДАНИЕ В ПОИСКАХ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ. ДВОЕ ПОГИБШИХ: ШКОЛЬНИЦА 8 ЛЕТ И ДИРЕКТОР ШКОЛЫ, КОТОРЫЙ ГЕРОИЧЕСКИ ПЫТАЛСЯ СПАСТИ ЕЕ».

Люси Александер было всего восемь.

— Она не делала этого, — снова сказала Эва, — не могла она такое сделать.

Холодная ладонь Люси.

Дрожащие пальцы Сэм.

Внезапная восковая белизна кожи Гаммы.

Чарли вытерла глаза. Осмотрела комнату, пытаюсь остановить возобновившееся в ее голове хоррор-слайдшоу. Обстановка у Уилсонов была потрепанная, но аккуратная. У входной двери — распятие. Справа от тесной гостиной — узкая кухня со шкафами по обе стороны. Чистая посуда на сушилке. С края раковины свисает пара желтых перчаток. Столешница заставлена, но во всем чувствуется порядок.

— Вас какое-то время не будут пускать в дом, — предупредила Чарли. — Возьмите сменную одежду и туалетные принадлежности.

— Туалет вот здесь, у вас за спиной.

Чарли попробовала еще раз.

— Вам нужно собрать вещи. — Она остановилась, чтобы убедиться, что Эва ее понимает. — Одежда, зубные щетки. Больше ничего.

Эва кивнула, но оторвать глаз от телевизора не могла или не хотела.

Вертолет за окном поднялся выше. У Чарли нет времени. Коин, наверное, прямо сейчас подписывает ордер на обыск. Поисковая группа уже выдвигается из города, с мигалками и сиренами.

— Помочь вам собрать вещи? — Чарли подождала, пока Эва кивнет. И еще подождала. — Эва, я соберу для вас одежду, а потом мы пойдем во двор ждать полицию.

Стиснув в руке пульт от телевизора, Эва села на край дивана.

Чарли стала открывать кухонные шкафчики, пока не нашла полиэтиленовый пакет. Натянула одну из желтых резиновых перчаток с раковины и прошла мимо ванной по узкому коридору, облицованному деревянными панелями. В доме было две спальни, занимавших разные концы дома. Вход в комнату Келли вместо двери

закрывала фиолетовая занавеска. К ткани пришпилена бумажка: «ВЗРОСЛЫМ ВХОТ ЗАПРЕЩОН».

Чарли знала, что не надо входить в комнату подозреваемой в убийстве, но сфотографировала табличку телефоном Ленор.

Спальня Уилсонов располагалась справа и выходила окнами на крутой холм за домом. Спали они на большой кровати с водяным матрасом, занимающей почти всю комнату. Двери не давал полностью открыться высокий шкаф с множеством ящиков. Выдвигая их, Чарли порадовалась, что догадалась надеть желтую перчатку, хотя, честно говоря, Уилсоны оказались аккуратнее, чем она сама. Она нашла женское белье, несколько трусов-боксеров и джинсы, которые выглядели как детские. Взяла пару футболок и засунула все это в пакет. Кен Коин славился тем, что вечно затягивал обыски. Уилсонам повезет, если их пустят домой к выходным.

Чарли осмотрелась, планируя пойти в ванную, но что-то ее остановило.

«ВХОТ».

Как Келли Уилсон умудрилась дожить до восемнадцати лет и не научиться писать такое простое слово?

Чарли секунду поколебалась и открыла занавеску. Она не собирается входить в комнату. Просто сделает несколько фотографий из коридора. Но это оказалось не так просто. Комната была размером с большой гардероб.

Или тюремную камеру.

Свет просачивался внутрь через узкое горизонтальное окно высоко над односпальной кроватью. Панели на стенах окрашены в нежно-сиреневый. На полу пушистый оранжевый ковер. На покрывале — Хеллоу Китти с плеером и большими наушниками.

Совсем не похоже на комнату девочки-гота. Никаких черных стен и постеров с хеви-метал-группами. Дверца шкафа была открыта. На нижней полке аккуратными стопками сложены футболки. На провисшей штанге — какая-то более длинная одежда. Вся одежда Келли была светлой, с пони и зайчиками, с аппликациями, которые скорее ожидаешь увидеть у десятилетней девочки, чем у восемнадцатилетней девушки, почти женщины. Чарли сфотографировала все, что могла: покрывало, плакаты с котятами, розовый блеск для губ на комоде. Все это время она думала о вещах, которых в комнате не было. Горы косметики, которые обычно есть у восемнадцатилетних девушек. Фотографии с друзьями, записки от потенциальных бойфрендов и свои секреты, о которых они никому не рассказывают.

Сердце Чарли подпрыгнуло, когда она услышала звук подъезжающей машины. Она залезла на кровать и посмотрела в окно. Черный фургон с надписью «Спецназ» на борту остановился перед желтым школьным автобусом. Два парня с винтовками наготове выскочили из фургона и зашли в автобус.

— Как... — начала Чарли, но поняла, что неважно, как они смогли приехать сюда так быстро, потому что как только они осмотрят автобус, они разнесут дом, в котором она сейчас стоит.

Но Чарли не просто стояла в доме. Она стояла на кровати Келли Уилсон в комнате Келли Уилсон.

— Ну охерительно, — прошептала она, потому что ну а что еще тут скажешь.

Она спрыгнула с кровати. Резиновой перчаткой стряхнула грязь, оставшуюся от ее кедров. Следы не были видны на фиолетовой ткани, но внимательный криминалист будет знать размер, марку и номер модели ее обуви еще до заката солнца.

Чарли надо было уходить. Ей надо было вывести Эву наружу с поднятыми вверх руками. Ей надо было

продемонстрировать вооруженным до зубов спецназовцам, что они с Эвой не планируют сопротивляться.

— Просто охерительно, — повторила Чарли.

Сколько у нее времени? Поднявшись на цыпочках, она посмотрела в окно. Двое копов осматривали автобус. Остальные оставались в фургоне. То ли ждали, чтобы застать обитателей дома врасплох, то ли хотели убедиться, что автобус не заминирован.

Чарли заметила какое-то движение около дома. Ленор стояла у своей машины. Она смотрела на Чарли круглыми глазами, потому что любой дурак понял бы, что такое узкое окно может быть только в спальне. Ленор дернула головой в сторону выхода. Неслышно произнесла:

— Выходи.

Чарли запихнула пакет с одеждой в свою сумку и собралась уходить. Сиреневые стены. Хеллоу Китти. Постеры с котятами.

Тридцать, может, сорок секунд. Примерно столько им понадобится, чтобы осмотреть автобус, вернуться в фургон и доехать до входа в дом.

Рукой в перчатке она стала открывать ящики шкафа. Одежда. Белье. Ручки и карандаши. Никакого дневника. Никаких записных книжек. Она встала на колени и пошарила рукой под матрасом, а потом заглянула под кровать. Ничего. Она продолжала поиски среди одежды, сложенной стопочками на нижней полке шкафа, когда услышала, как хлопнули двери и хрустнула грязь под колесами двинувшегося к дому спецназовского фургона.

Она никогда не видела такую аккуратную комнату у подростка. Одной рукой обыскивая крошечный шкаф, Чарли вывалила на пол две обувные коробки с игрушками, стянула одежду с плечиков и сбросила ее на кровать. Она хлопала по карманам и выворачивала

шапки. Встала на цыпочки и вслепую обшарила верхнюю полку.

Резиновая перчатка натолкнулась на что-то плоское и твердое. Фоторамка?

— Господа полицейские, — низкий голос Ленор было слышно через тонкие стены, — в доме две женщины, обе не вооружены.

Копы ее не слушали.

— Назад в машину! Быстро!

Сердце Чарли готово было взорваться в груди. Она потянула ту плоскую вещь с полки. Вещь оказалась неожиданно тяжелой. Падая, она уперлась острым краем в голову Чарли.

Школьный альбом.

Пайквилльская средняя школа, 2012 год.

Входная дверь сотряслась от удара. Стены задрожали.

— Полиция штата! — прогремел мужской голос. — У меня ордер на обыск. Откройте дверь!

— Иду! — Чарли затолкала альбом в сумочку.

Она успела добежать до кухни, когда входную дверь выломали. Эва заорала как раненая.

— На пол! На пол!

По комнате замелькали лазерные прицелы. Дом трясся на шатком фундаменте. Они выбивали окна. Выламывали двери. Мужчины выкрикивали приказы. Эва продолжала визжать. Чарли стояла на коленях, подняв руки и внимательно глядя по сторонам, чтобы знать, кто из них в нее выстрелит.

Никто в нее не выстрелил. Никто не двинулся с места.

Эва резко прекратила визжать.

Шесть крупных копов в полной амуниции заняли все пространство комнаты. Они с таким напряжением держали свои «AP-15», что Чарли видела, какие именно

мышцы удерживают их пальцы от того, чтобы нажать на спусковые крючки.

Чарли осторожно перевела взгляд на свою грудь. В районе сердца светилась красная точка.

Она посмотрела на Эву.

На ее груди было еще пять точек.

Женщина стояла на коленях на диване. Рот ее был открыт, но голосовые связки парализовал страх. Необъяснимым образом в каждой поднятой руке она держала по зубной щетке. Мужчина рядом с Эвой опустил винтовку.

— Зубные щетки.

Еще одна винтовка опустилась.

— А выглядели как гребанные активаторы.

— Не говори!

Остальные винтовки тоже опустились. Кто-то усмехнулся. Напряжение постепенно спало.

С улицы раздался женский голос:

— Господа?

— Чисто! — откликнулся тот, что заговорил первым. Он схватил Эву за локоть и вытолкнул ее за дверь. Повернулся, чтобы проделать то же самое с Чарли, но она вышла сама, держа руки поднятыми.

Она опустила руки, только когда вышла во двор. Сделала глоток свежего воздуха и старалась не думать, что могла бы умереть только потому, что один из этих мужчин перепутал зубную щетку с детонатором пояса смертника.

В Пайквилле.

— О господи, — выдохнула Чарли, надеясь, что это сойдет за молитву.

Ленор стояла у машины. Она смотрела на Чарли с яростью, имея на то полное право, но только кивком головы спросила: «Ты в порядке?»

Чарли кивнула в ответ, но она не чувствовала себя в порядке. Она чувствовала злость на то, что Расти

прислал ее сюда, что она стала так глупо рисковать, что непонятно зачем нарушила закон, что рисковала быть застреленной в сердце из оружия, заряженного, вероятно, разрывными пулями.

И все из-за какого-то дебильного альбома.

Эва прошептала:

— Чего они делают?

Чарли оглянулась на дом, который все еще трясся от снующих по нему тяжелых мужчин.

— Они ищут вещи, которые смогут использовать в суде против Келли.

— Что за вещи?

Чарли стала перечислять вещи, которые и сама она только что искала:

— Признание. Объяснение. План школы. Список людей, на которых Келли была зла.

— Она сроду ни на кого не злилась.

— Эва Уилсон? — К ним подошла высокая женщина в тяжелой боевой экипировке. На боку у нее болталась винтовка. В руке она держала свернутый в трубочку лист бумаги. Вот почему они так быстро приехали. Они получили ордер прямо в фургоне, по факсу. — Вы Эва Уилсон, мать Келли Рене Уилсон?

Эва выпрямилась от ее командного голоса.

— Да, сэр. Мэм.

— Это ваш дом?

— Мы его снимаем, да, мэм. Сэр.

— Миссис Уилсон, — лингвистические тонкости, видимо, мало интересовали женщину-копа, — я капитан Айзек из полиции штата. У нас есть ордер на обыск вашего дома.

— Вы его уже обыскиваете, — заметила Чарли.

— У нас были основания полагать, что будут попытки скрыть улики. — Айзек посмотрела на синяк под глазом Чарли. — Вы получили случайные повреждения во время штурма, мэм?

— Нет, сегодня меня ударил другой полицейский.

Айзек посмотрела на Ленор, которая, очевидно, все еще была в бешенстве, и снова перевела взгляд на Чарли.

— Вы, дамы, вместе?

— Да, — ответила Чарли, — миссис Уилсон хотела бы посмотреть на копию ордера.

Айзек вопросительно посмотрела на желтую перчатку на руке Чарли.

— Перчатка для мытья посуды, — объяснила Чарли, что, в общем-то, было правдой. — Миссис Уилсон хотела бы посмотреть на копию ордера.

— Вы адвокат миссис Уилсон?

— Я адвокат, — уточнила Чарли, — но здесь я нахожусь в качестве друга семьи.

Айзек сказала Эве:

— Миссис Уилсон, по просьбе вашей знакомой передаю вам копию ордера.

Чарли пришлось поднять руку Эвы, чтобы она взяла ордер.

— Миссис Уилсон, есть ли в доме оружие? — спросила Айзек.

Эва покачала головой.

— Нет, сэр.

— Иглы с запрещенными веществами? Колюще-режущие предметы?

Эва еще раз покачала головой, хотя казалось, что этот вопрос ее обеспокоил.

— Взрывчатка? — Эва прикрыла рот рукой. — Там что, утечка газа?

Айзек вопросительно посмотрела на Чарли.

Чарли пожала плечами. Жизнь этой матери только что перевернулась с ног на голову. Вряд ли от нее стоило ожидать логичных умозаключений.

Айзек спросила Эву:

— Мэм, вы согласны на то, чтобы я досмотрела вас?

— Да...

— Нет, — перебила Чарли, — у вас нет разрешения на какой-либо досмотр сверх того, что указано в ордере.

Айзек посмотрела на сумку Чарли, сквозь которую явно проглядывали очертания альбома.

— Мне стоит досмотреть вашу сумку?

У Чарли екнуло сердце.

— У вас есть на то причины?

— Если вы скрыли улики или забрали что-то из дома с целью сокрытия, это...

— Это было бы незаконно, — сказала Чарли. — Так же незаконно, как обыскивать школьный автобус, который не указан в ордере и не расположен на участке, непосредственно прилегающем к дому.

Айзек коротко кивнула.

— Вы были бы правы, но у нас могли быть особые основания.

Чарли сдернула желтую перчатку.

— Я забрала из дома вот это, но не нарочно.

— Спасибо за содействие. — Айзек повернулась к Эве. Она действовала четко по инструкции. — Мэм, вы можете остаться во дворе дома или уехать, но вернуться в дом вы не можете, пока мы его не освободим. Вы меня поняли?

Эва покачала головой.

— Она поняла, — сказала Чарли.

Айзек прошла через двор и присоединилась к своим коллегам внутри дома.

Около двери стояли пластиковые контейнеры. Журналы учета вещественных доказательств. Пластиковые хомуты. Пакеты. Эва смотрела в окно. Телевизор был все еще включен. Экран был такой огромный, что Чарли могла прочесть бегущую внизу строку: «ПОЛИЦИЯ ПАЙКВИЛЛЯ: ЗАПИСИ ВИДЕОКАМЕР ШКОЛЫ ПУБЛИКОВАТЬСЯ НЕ БУДУТ».

Камеры наблюдения. Чарли не заметила их сегодня утром, но сейчас вспомнила, что в конце каждого коридора есть камера.

Где-то есть видеозапись всей этой бойни.

— Что нам делать-то теперь? — спросила Эва.

Чарли не стала отвечать первое, что пришло в голову: «Смотреть, как вашу дочь привяжут к каталке и казнят».

— Мой отец все объяснит вам у себя в офисе. — Она вынула свернутый ордер из вспотевших рук женщины. — В течение сорока восьми часов они должны выдвинуть обвинение. Келли, скорее всего, будет в окружной тюрьме, но потом ее переведут куда-нибудь в другое место. Будет много заседаний суда и много возможностей ее увидеть. Все это будет небыстро. Все процессы займут много времени.

Чарли просмотрела ордер на обыск — это оказалось прямо-таки любовное письмо от судьи, который позволил копам делать все, что им заблагорассудится.

— Это ваш адрес? — спросила она Эву.

Эва посмотрела на ордер.

— Да, мэм, номер дома наш.

Через открытую входную дверь Чарли увидела, как Айзек вытряхивает содержимое кухонных шкафов. Гремели столовые приборы. Ковер содрали с пола. Никто не церемонился. Они топали, высоко поднимая ноги, проверяя, нет ли под полом пустот, тыча пальцами в пятна на потолочных панелях.

Эва взяла Чарли за плечо.

— Когда Келли вернется домой?

— Поговорите об этом с моим отцом.

— Не знаю, как мы за все это заплатим, — забеспокоилась Эва. — Денег-то у нас нет, а вы ведь поэтому приехали.

Расти никогда не интересовали деньги.

— Услуги адвоката будут оплачены из бюджета штата. Это будет небольшая сумма, но я обещаю вам, что мой отец сделает для вашей дочери все, что в его силах.

Эва моргнула. Похоже, она не понимала, что происходит.

— Она еще по дому должна помочь.

Чарли посмотрела в глаза женщины. Зрачки сужены, но это можно объяснить ярким солнцем.

— Вы, случайно, не под чем-то?

— Нет, мэм. У нас раньше был навес во дворе, но он развалился, так что от солнца спрятаться негде.

Чарли ждала, что будет неуместная улыбка, но Эва говорила серьезно.

— Вы принимали какие-то препараты? Или, может, вы покурили, чтобы снять напряжение?

— Да что вы, мэм. Я вожу автобус. Наркотики мне нельзя. Я же за детей отвечаю.

Чарли еще раз заглянула ей в глаза, пытаясь увидеть какие-то признаки понимания.

— Мой отец объяснял вам, что происходит с Келли?

— Он сказал, что работает на нее, но я не знаю. — Она перешла на шепот. — Мне мой брат двоюродный говорил, что Расти Куинн — плохой человек, что он, мол, адвокат для всяких неблагополучных, насильников, убийц.

У Чарли пересохло во рту. Эта женщина, очевидно, не понимает, что ее дочери сейчас нужен именно такой человек, как Расти Куинн.

— Келли показывают. — Эва снова смотрела в телевизор.

Лицо Келли Уилсон занимало весь экран. Видимо, кто-то слил журналистам школьные фотографии. Вместо темного готичного макияжа и черной одежды на Келли была одна из ее футболок с радужными пони.

Фото исчезло, и на экране появилось видео: Расти выходит из Деррикской окружной больницы. Он мрачно посмотрел на журналиста, совавшего микрофон ему в лицо, но Расти не просто так вышел из здания через центральный вход. Он с напускной неохотой остановился и стал давать интервью. Чарли не надо было слышать звук телевизора, чтобы прочесть по губам отца поток его фирменных реплик, произнесенных с южным акцентом, которые будут снова и снова показывать по национальным телеканалам. Так всегда бывает с громкими делами. Расти надо было выступать перед журналистами и рассказывать, что Келли Уилсон — несчастный подросток под угрозой высшей меры наказания, а не чудовище, расстрелявшее ребенка и директора школы.

Эва прошептала:

— Револьвер — это оружие?

У Чарли все внутри перевернулось. Она отвела Эву подальше от дома и встала вместе с ней посреди дороги.

— У вас есть револьвер?

Эва кивнула.

— Илай держит его в бардачке в машине.

— Той машине, на которой он сегодня поехал на работу?

Она снова кивнула.

— Он законно владеет оружием?

— Мы не крадем вещи, мэм. Мы честно зарабатываем.

— Простите, я имею в виду, был ли ваш муж судим за тяжкие преступления?

— Нет, мэм. Он честный человек.

— Вы знаете, сколько в вашем револьвере патронов?

— Шесть, — Эва сказала это довольно уверенно, но добавила: — Думаю, шесть. Я его сто раз видела, но

никогда внимания особо не обращала. Простите, не могу вспомнить.

— Все нормально.

Чарли сейчас почувствовала себя точно так же, как на допросе у Дилии Уофорд. «Сколько выстрелов вы слышали? В какой последовательности? Мистер Гекльби был с вами? Куда делся револьвер?»

Чарли была там, в гуще событий, но страх помешал ей запомнить все подробности.

— Когда вы видели револьвер в последний раз? — спросила она.

— Я не... Ох. — В кармане пижамы у нее зазвонил мобильный. Она вытащила дешевый раскладной телефон, из тех, что продаются вместе с предоплатным поминутным тарифом. — Какой-то незнакомый номер.

Чарли узнала номер. Это номер ее айфона, который, очевидно, все еще был у Гека.

— Садитесь в машину, — сказала она Эве, жестом попросив Ленор помочь. — Я отвечу на звонок.

Эва недоверчиво посмотрела на Ленор.

— Я не знаю...

— Садитесь в машину. — Чарли почти оттолкнула ее.

Она взяла трубку после пятого звонка.

— Алло?

— Миссис Уилсон, это мистер Гекльби, учитель Келли из средней школы.

— Как ты разблокировал мой телефон?

Гек надолго замолчал.

— Надо придумывать пароль посложнее, чем один-два-три-четыре.

Чарли много раз слышала подобное от Бена. Она отошла, чтобы ее никто не слышал.

— Почему ты звонишь Эве Уилсон?

Он опять колебался.

— Я два года был учителем Келли. Я несколько месяцев занимался с ней индивидуально, когда она перешла в старшую школу.

— Это не ответ на вопрос.

— Я четыре часа отвечал на вопросы двух говнюков из Бюро расследований Джорджии и еще час отвечал на вопросы в больнице.

— Каких говнюков?

— Эткинс. Или Эвери. Какой-то вихрастый пацан лет десяти с виду и пожилая негритянка — вот они до меня по очереди и докапывались.

— Черт, — пробормотала Чарли. Видимо, он говорит о Луисе Эвери, агенте ФБР по Северной Джорджии. — Он оставил визитку?

— Я ее выбросил, — сказал Гек. — С рукой, кстати, все в порядке. Пуля прошла навылет.

— У меня сломанный нос и сотрясение мозга, — сообщила Чарли. — Зачем ты звонишь Эве?

По его вздоху Чарли поняла, что он отвечает ей только из любезности.

— Потому что я беспокоюсь о своих учениках. Я хотел ей помочь. Убедиться, что у нее есть адвокат. Что ей помогает кто-то, кто не будет ее использовать и не сделает все еще хуже. — Тут Гек резко изменил свой бодрый тон: — Келли не умная девочка, Шарлотта. Она не убийца.

— Не надо быть умным, чтобы убить человека. На самом деле обычно бывает как раз наоборот.

Она обернулась и посмотрела на дом Уилсонов. Капитан Айзек вытаскивала наружу большой пакет с одеждой Келли.

— Если правда хочешь помочь Келли, держись подальше от журналистов, не попадайся на камеру, не позволяй им себя фотографировать и даже с друзьями не разговаривай о том, что случилось, потому что тогда они попадутся на камеру или поговорят с журналистами

и ты не сможешь контролировать то, что они будут говорить.

— Хороший совет. — Он выдохнул и сказал: — Слушай, я должен попросить у тебя прощения.

— За что?

— Б2. Бен Бернард. Твой муж звонил сегодня утром. Я же чуть не взял трубку.

Чарли почувствовала, что покраснела.

— Я не знал, пока один из копов мне не сказал, — продолжил он. — Это было уже после того, как я с ним поговорил и рассказал ему, чем мы занимались и почему ты пришла в школу.

Чарли схватилась за голову. Она знала, как мужчины определенного типа говорят о женщинах, особенно о тех, кого они трахают в своем пикапе у бара.

— Ты могла бы меня предупредить, — заметил Гек. — А так мы все оказались в идиотском положении.

— То есть ты извиняешься, но говоришь, что я сама виновата? — Чарли не верила своим ушам. — Когда я должна была тебе об этом сказать? Перед тем, как Грег Бреннер мне врезал? Или после того, как ты удалил видео? А может, тогда, когда ты солгал в своих свидетельских показаниях, каким образом мой нос оказался сломан, а это, кстати, тяжкое преступление — я имею в виду врать, чтобы прикрыть задницу копу, а не стоять, засунув язык в жопу, когда рядом бьют женщину. Это как раз вполне законно.

Гек выдавил еще один вздох.

— Ты не знаешь, каково это — вдруг увидеть такое. Люди ошибаются.

— Я не знаю, каково это? — Чарли затрясло от накатившей ярости. — А тебе не кажется, Гек, что я тоже там была? Тебе не кажется, что я прибежала туда раньше тебя, так что я прекрасно знаю, каково это — вдруг увидеть *такое*, и мало того, если ты реально вырос в Пайквилле, то знаешь, что со мной *такое* уже

второй раз, поэтому пошел ты со своим «ты не знаешь, каково это».

— Хорошо, ты права. Прости.

Но Чарли еще не закончила.

— Ты соврал насчет возраста Келли.

— Шестнадцать, семнадцать. — Чарли представила, как Гек мотает головой. — Она в одиннадцатом классе. Какая разница?

— Ей восемнадцать, и разница такая, что это смертный приговор.

Он ахнул. Именно ахнул — резко вдохнул воздух, испытав шок.

Чарли ждала, что он скажет. Она проверила индикатор сигнала на экране.

— Алло?

Он откашлялся.

— Подожди минуту.

Чарли тоже надо было подумать. Она упускает что-то важное. Почему Гека допрашивали четыре часа? Обычно допрос длится от получаса до двух. Разговор с Чарли завершился примерно на сорок пятой минуте. Их с Геком участие в сегодняшних событиях сводилось к менее чем десяти минутам. Почему Дилия Уофорд привела ФБР, чтобы поиграть с Геком в хорошего и плохого полицейского? Вряд ли он будет выступать против стороны, выставившей его свидетелем. Он был ранен в руку. Но он сказал, что допрашивали его до того, как он ездил в больницу. Дилия Уофорд не из тех копов, что нарушают процедуру. А ФБР уж точно не будет просто так сопли жевать.

Так почему они удерживали своего важнейшего свидетеля в полицейском участке четыре часа? Так со свидетелями не обращаются. Так обращаются с подозреваемым, который отказывается сотрудничать.

— Так, я вернулся, — сказал Гек. — Келли — она — как это сейчас называют? Учащийся с

образовательными трудностями? С интеллектуальными особенностями? Она учится по самой простой программе. Не понимает никаких теорий.

— По закону это называется «ограниченная дееспособность», то есть можно было бы сказать, что она не способна прийти в соответствующее умственное состояние для совершения преступления, но доказать это будет очень сложно, — объяснила Чарли. — У государственной системы образования и государственной системы расследования убийств очень разные цели. Одна пытается ей помочь, а другая пытается ее убить.

Он молчал, и слышно было, как он дышит.

— Те два агента, Уофорд и Эвери, говорили с тобой четыре часа подряд или был какой-то перерыв? — уточнила Чарли.

— Что? — Его удивил этот вопрос. — Да, кто-то из них все время был в комнате. И иногда твой муж. И этот мужик, как его зовут? В таком блестящем костюме?

— Кен Коин. Это окружной прокурор. — Чарли решила сменить тактику. — Келли дразнили в школе?

— У меня в классе нет, — ответил он и добавил: — А за пределами школы, в соцсетях — это уже не в нашей власти.

— То есть ее травили?

— Она была не такая, как все, и когда ты ребенок, это всегда плохо.

— Ты был у Келли учителем. Почему ты не знал, что она осталась на второй год?

— У меня каждый год больше ста двадцати учеников. Я не смотрю их личные дела без особой причины.

— А отставание — это не причина?

— Многие мои дети отстают. Она была крепкой троечницей. Никаких особых проблем с ней не было.

До Чарли донеслось легкое постукивание ручкой по краю стола. Гек продолжил:

— Послушай, Келли — хорошая девочка. Не умная, но добрая. Она идет туда, куда ее ведут. Она не делает ничего подобного. На нее это совсем не похоже.

— Вы были с ней близки?

— То есть что ты имеешь...

— Трах. Ебля. Ты знаешь, что я имею в виду.

— Конечно нет, — в его голосе слышалось отвращение. — Она же ребенок, моя ученица. Боже мой.

— Занималась ли она сексом с кем-то другим?

— Нет, я бы сообщил о таком.

— Мистер Пинкман?

— Вот не надо...

— Кто-то из учеников?

— Откуда мне...

— Куда делся револьвер?

Если бы она не прислушивалась к его дыханию, она бы не заметила, как он на мгновение задержал его. И сказал:

— Какой револьвер?

Чарли покачала головой, ругая себя за то, что упустила очевидное.

Давая показания Дилии Уофорд, она была слишком дезориентирована, чтобы сопоставить одно с другим, но теперь Чарли поняла, что агент практически нарисовала ей картинку. «Вы не видели, чтобы мистер Гекльби передавал кому-либо револьвер? Видели ли вы, что он оставил его на себе? Положил на землю?»

— Куда ты его дел? — спросила Чарли.

Он снова сделал паузу, как делал каждый раз, когда врал.

— Я не знаю, о чем ты.

— Тем двум агентам ты сказал то же самое?

— Я сказал им то же, что и тебе. Я не знаю. Там слишком много всего происходило.

Чарли только покачала головой от его глупости.

— Келли говорила тебе что-нибудь там, в коридоре?

— Я не слышал. — Он в сотый раз сделал паузу. — Я уже сказал, там слишком много всего происходило.

Этот парень получил пулю и не поморщился.

Вряд ли страх помешал ему запомнить все подробности.

— Ты на чьей стороне? — спросила Чарли.

— Нет никаких сторон. Есть только правильные поступки.

— Прости, что лезу в твою философию, Горацио, но если есть правильные поступки, то есть и неправильные поступки, и, как человек с юридическим образованием, я могу сказать тебе, что кража орудия двойного убийства и дача ложных показаний агенту ФБР могут привести тебя на неправильную сторону тюремной решетки, и очень надолго.

Он снова замолчал на пару секунд, после чего произнес:

— Я не знаю, попали ли мы туда, но у камер видеонаблюдения есть слепая зона.

— Не надо ничего говорить.

— Но если...

— Заткнись, — предупредила Чарли. — Я свидетель. Я не могу быть твоим адвокатом. То, что ты мне говоришь, не будет конфиденциально с юридической точки зрения.

— Шарлотта, я...

Она нажала «отбой», пока яма, которую Гек рыл себе, не стала еще глубже.

Глава пятая

Старого «Мерседеса» Расти вполне предсказуемо не оказалось на парковке, когда Ленор подъехала на свое место позади здания. Чарли видела по телевизору в прямом эфире, как отец выходит из больницы. Оттуда до офиса полчаса езды, примерно столько же до дома Уилсонов, то есть он, видимо, заехал куда-то еще.

Ленор сказала Эве:

— Расти уже едет сюда.

Это было неправдой, но ей все время приходилось говорить это разным клиентам.

Эву местонахождение Расти, похоже, не интересовало. Она с отвисшей челюстью наблюдала, как за их спиной закрываются тяжелые автоматические ворота. Закрытое пространство с рядами сенсорных фонарей и видеокамер, решетками на окнах и двенадцатифутовым забором с колючей проволокой выглядело как военная база внутри тюрьмы строгого режима.

Годы шли, а Расти все так же получал угрозы: кто-то вечно обещал убить его, потому что он выступал адвокатом бандитов-байкеров, наркоторговцев и убийц детей. А если к списку добавить нелегальных мигрантов, профсоюзы и абортарии, неудивительно, что чуть ли не у каждого жителя штата был зуб на Расти Куинна. У Чарли на этот счет была своя теория: большая часть угроз убийством исходит от Кулпепперов. И только за небольшую их часть надо благодарить честных граждан, искренне верящих, что Расти Куинн служит правой рукой Сатаны.

Страшно подумать, что они сделают, когда разойдется слух о том, что Расти защищает девушку, устроившую стрельбу в школе.

Ленор припарковала свою «Мазду» около «Субару» Чарли. Она повернулась к Эве Уилсон.

— Давайте я покажу, где можно помыть руки.

— А телевизор у вас есть? — спросила Эва.

— Может, лучше не... — начала Чарли.

— Я хочу посмотреть.

Чарли не могла запретить взрослой женщине смотреть телевизор. Она вышла из машины и открыла Эве дверь. Та не шелохнулась. Она сидела, глядя прямо перед собой и сложив руки на коленях.

— Мне ведь это не снится?

— К сожалению, нет, — сказала Чарли.

Женщина медленно повернулась. Ноги ее в пижамных штанах выглядели как тонкие палочки. Бледная кожа казалась прозрачной на ярком солнечном свете.

Ленор мягко закрыла водительскую дверь, но с таким лицом, будто хлопает изо всех сил. Она жутко злилась на Чарли с момента, как заметила ее в окне спальни. Если бы не Эва Уилсон, она оторвала бы Чарли голову и выкинула ее в окно машины.

— Я с тобой не закончила, — выдавила Ленор.

— Супер! — Чарли улыбнулась во весь рот, потому что удержаться и не подлить масла в огонь она не могла.

Ленор не сказала бы Чарли ничего нового о ее идиотских поступках: она сама все прекрасно понимала. Если она в чем-то и преуспела, так это в умении грызть себя.

Она отдала Эве Уилсон пакет с вещами, чтобы поискать свои ключи.

— Я открою. — Ленор разблокировала стальной защитный экран и гармошкой сдвинула его в сторону.

Для тяжелой железной двери понадобился код и еще один ключ, который отпирал засов, идущий через всю дверь и задвигающийся за оба стальных косяка.

Ленор с усилием повернула защелку. Издав низкое «ды-дын», дверь наконец открылась.

— Вы тут вроде как деньги храните? — спросила Эва.

Чарли поежилась. Она пропустила Ленор и Эву вперед.

Знакомый сигаретный запах как-то пробрался в сломанный нос Чарли. Она запретила Расти курить в здании, но опоздала со своим приказом лет на тридцать. Он носил эту вонь с собой, как Пиг-Пен из комиксов «Пинатс». Можно было сколько угодно мыть и красить стены и даже менять ковровые покрытия — запах не исчезал.

— Сюда. — Ленор бросила Чарли еще один многозначительный взгляд и проводила Эву в зону ресепшена — депрессивную темную комнату с металлическими рольставнями, закрывающими вид на улицу.

Чарли пошла к своему кабинету. Прежде всего надо позвонить отцу и сказать, чтобы тащил свою задницу сюда. Нельзя оставлять Эву Уилсон сидеть на продавленном диване и узнавать новости о своей дочери по телевизору.

На всякий случай Чарли пошла длинным путем мимо кабинета Расти: вдруг он припарковался перед зданием. Белая краска на его двери сочилась желтым никотином. Пятна расходились по гипсокартонным стенам и закрывали потолок, как тучи — небо. Даже на дверной ручке — никотиновая пленка. Чарли натянула рукав на пальцы и, подергав ручку, убедилась, что дверь заперта.

Его здесь нет.

Чарли сделала длинный выдох и пошла к своему кабинету. Она специально выбрала для себя противоположное крыло здания, в котором в прошлой жизни располагались офисные помещения сети

канцелярских магазинов. Архитектура одноэтажного строения имела сходство с шалтай-болтайностью фермерского дома. Зона ресепшена у них с отцом была общая, но практика у Чарли была полностью своя. Другие юристы также периодически снимали помещения в здании, оформляя помесечную аренду. Университет Джорджии, Исследовательский университет штата Джорджия, Морхаус-колледж и Университет Эмори иногда присылали стажеров, которым тоже нужны были столы и телефоны. Работающий с Расти детектив, Джимми Джек Литтл, устроил себе кабинет в бывшей кладовке. Как Чарли поняла, Джимми Джек хранил там свои бумаги, надеясь, что полиция два раза подумает, прежде чем обыскивать помещение в здании, доверху набитом юристами.

На стороне Чарли ковролин был пушистее, а обстановка приятнее. Расти повесил на ее дверь табличку «Понять, Простить и Партнеры» — так он подшучивал над ее вечным стремлением урегулировать дела своих подзащитных во внесудебном порядке. Чарли была не против выступить в суде, но большинство ее клиентов были слишком бедны, чтобы позволить себе судебный процесс, и слишком хорошо знали пайквилльских судей, чтобы тратить время на борьбу с системой.

Расти же, наоборот, с удовольствием бы оспаривал в Верховном суде США штраф за парковку, если бы кто-нибудь ему позволил.

Чарли стала искать ключи от кабинета в своей сумке. Ремешок соскользнул с ее плеча. Она раскрыла рот. На школьном альбоме Келли Уилсон красовался мультяшный генерал Ли, потому что воин-конфедерат был символом школы.

«Адвокат, располагающий любым предметом, который в текущих обстоятельствах может служить

вещественным доказательством участия его подзащитного в противозаконных действиях, обязан информировать органы правопорядка о местонахождении данного предмета либо передать им данный предмет».

От внимания Чарли не ускользнул тот факт, что она читала Геку нотацию о сокрытии улики, держа под мышкой альбом Келли Уилсон.

Хотя можно сказать, что Чарли столкнулась с юридическим котом Шредингера. Невозможно узнать, содержит ли альбом улики, пока не откроешь его. Она снова стала искать ключи. Самое простое решение — это бросить альбом на стол Расти, и пусть он сам решает, что с ним делать.

— Пойдем. — Ленор вернулась, готовая высказать все, что у нее накопилось.

Чарли махнула рукой в сторону туалета на другом конце коридора. С полным мочевым пузырем она этот разговор не выдержит. Ленор зашла вслед за ней и закрыла за собой дверь.

— Мой внутренний голос подсказывает, что нет смысла устраивать тебе взбучку, потому что ты слишком глупа, чтобы понять, какая ты дура.

— Пожалуйста, послушай этот голос.

Ленор погрозила пальцем.

— Вот не надо здесь умничать.

Остроумные ответы посыпались в голову Чарли, как из рога изобилия, но она сдержалась. Она расстегнула джинсы и села на унитаз. Ленор мыла Чарли в ванной, когда та была слишком убита горем, чтобы ухаживать за собой. Так что можно писать при ней.

— Ты никогда не продумываешь свои действия, Шарлотта. Ты просто берешь и делаешь. — Ленор мерила шагами тесное помещение.

— Ты права, — сказала Чарли. — И я знаю, что ты права, и еще я знаю, что ты не заставишь меня

чувствовать себя еще хуже, чем я уже чувствую.

— Так просто ты от меня не отделаешься.

— Тебе кажется, это просто? — Чарли широко развела руки, чтобы продемонстрировать свои травмы. — Сегодня утром я попала в зону боевых действий. Пospорила с копом, получила вот это. — Она показала на свое лицо. — Я унизила своего мужа. Который раз. Я потрахалась с парнем, который оказался то ли мучеником, то ли педофилом, то ли психопатом. Я устроила нервный срыв при тебе. И лучше тебе даже не знать, что я там делала, когда приехали спецназовцы. Seriously, лучше тебе ничего не знать, потому что так тебе проще отрицать свою причастность.

Ленор раздула ноздри.

— Я видела, как они целились тебе в грудь, Шарлотта. Шестеро мужчин с винтовками наготове и пальцами на курках, готовые убить тебя в любую секунду, пока я стою во дворе и заламываю руки, как беспомощная старуха.

Чарли вдруг поняла, что Ленор не злится. Она страшно напугана.

— О чем ты вообще думала? — требовала ответа Ленор. — Зачем рисковать жизнью? Что там было такого важного?

— Ничего такого важного.

Чарли и так уже было очень стыдно, а тут еще по щекам Ленор покатились слезы.

— Прости. Ты права. Не надо было мне этого делать. Ничего этого. Я дура и идиотка.

— Полная. — Ленор взяла туалетную бумагу и отмотала кусок, чтобы высморкаться.

— Пожалуйста, наори на меня, — попросила Чарли. — Не могу видеть тебя такой расстроенной.

Ленор глядела в сторону, а Чарли хотелось утонуть в море ненависти к себе. Сколько раз у нее были точно такие же разговоры с Беном? Тот случай в магазине,

когда Чарли толкнула мужчину, который ударил свою жену. Или чуть не попала под машину, пытаясь помочь какому-то водителю с неисправным автомобилем на обочине. Спорила с Кулпепперами, встретив их в центре города. Ездила в Низину посреди ночи. Тратила свою жизнь, защищая грязных наркош и кровожадных ублюдков. Бен говорил, что Чарли побежит и сунет голову под бензопилу, если обстоятельства сложатся соответствующим образом.

— Не будем же мы обе реветь, — сказала Ленор.

— Я не реву, — соврала Чарли.

Ленор передала ей туалетную бумагу.

— Почему ты считаешь, что он психопат?

— Я не могу об этом говорить. — Чарли застегнула джинсы и пошла к раковине помыть руки.

— Мне стоит беспокоиться о том, что ты возьмешься за старое?

Чарли даже думать об этом не хотела.

— У камер наблюдения есть слепая зона.

— Это тебе Бен сказал?

— Ты знаешь, что мы с Беном не говорим о делах. — Чарли вытерла подмышки намоченным бумажным полотенцем. — У психопата мой мобильник. Мне надо его заблокировать и купить новый. Я сегодня два заседания пропустила.

— Суд закрылся, как только появились новости о стрельбе в школе.

Чарли вспомнила, что это стандартная процедура в подобных случаях. Один раз уже была ложная тревога. Как и Эва Уилсон, она с трудом верила в реальность происходящего.

— У тебя на столе контейнер с двумя сэндвичами. Если ты их съешь, я схожу в магазин и куплю тебе телефон, — предложила Ленор.

— По рукам, — согласилась Чарли. — Послушай, прости меня за сегодняшнее. Я постараюсь так больше

не делать.

Ленор закатила глаза.

— Ну да.

Чарли подождала, пока Ленор закроет дверь, и продолжила свое импровизированное подмывание. Протирая интимные места, она изучала свое лицо в зеркале. Выглядела она все хуже и хуже. Под каждым глазом — по синяку, как у жертвы домашнего насилия. Переносица темно-красного цвета, с горбинкой вдобавок к той горбинке, что осталась после прошлого перелома.

Она спросила у своего отражения:

— Может, хватит уже быть такой дурой?

Отражение смотрело на нее так же недоверчиво, как и Ленор.

Чарли вернулась в свой кабинет. Вывалила содержимое сумки, чтобы найти ключи. Потом пришлось думать, как засунуть все обратно. Потом она поняла, что Ленор уже открыла дверь, потому что Ленор всегда была на два шага впереди. Чарли бросила сумку на диван у двери. Включила свет. Ее стол. Ее компьютер. Ее кресло. Приятно быть среди знакомых вещей. Офис не был ей домом, но она больше времени проводила здесь, особенно с тех пор, как Бен переехал, так что это было лучшее из возможного.

Она впихнула в себя один из оставленных Ленор сэндвичей с арахисовым маслом и джемом. Просмотрела электронную почту и ответила на имейлы с вопросом, все ли у нее в порядке. Ей надо было бы прослушать голосовую почту, обзвонить подзащитных и узнать в суде, на какое число перенесены заседания, но ее все еще трясло, и сконцентрироваться было трудно.

Гек почти признался, что забрал оружие убийства с места преступления.

Но зачем?

Вообще-то лучше было бы спросить «как?».

Револьвер — немаленькая штукавина, и, учитывая, что это орудие убийства, полицейские должны были сразу же начать искать его. Как Геку удалось протащить его за пределы здания? В штанах? Засунув его в сумку ничего не подозревающего врача «Скорой помощи»? Возможно, пайквилльские полицейские предоставили Геку свободу действий. Вряд ли они стали обыскивать мирного гражданина, которого сами только что ранили. Кроме того, Гек стер снятое Чарли видео, тем самым доказав, что он на их стороне — с учетом того, насколько мистер Гекльберри верил в существование сторон.

Но агенты Дилия Уофорд и Луис Эвери не были ничем обязаны мистеру Гекльби. Так что они мариновали его четыре часа, пока дырка от пули в его руке медленно сочилась кровью. Вероятно, они подозревали, что он взял пистолет, а также что местные копы как идиоты разрешили ему выйти из здания, не обыскав.

Дача ложных показаний агенту ФБР карается заключением в федеральной тюрьме на срок до пяти лет и штрафом в размере 250 000 долларов. Более того, уничтожение улик, ложь, затрудняющая расследование, и возможное обвинение в соучастии в двойном убийстве после его свершения — и Гек больше никогда не сможет работать в школе, а может, и вообще нигде.

Все это поставило Чарли перед трудным выбором. Если она не хочет разрушить парню жизнь, ей придется найти способ рассказать отцу о пистолете, не упоминая Гека. Она знает, как поступит Расти, если почувствует запах крови. Такого симпатичного, аккуратно постриженного рубаху-парня присяжные, конечно, с говном съедят и не подавятся. Никакие военные заслуги и благородный выбор профессии не помогут, если он будет давать показания в оранжевой тюремной робе.

Обернувшись, она посмотрела на часы над диваном: 14:16. Этот день — просто какой-то блядский бесконечный шар.

Чарли создала новый вордовский документ. Надо напечатать все, что она помнит, и отдать Расти. Он, наверное, уже слышал версию Келли Уилсон. А Чарли может хотя бы рассказать ему то, что уже рассказала следователям.

Она поднесла руки к клавиатуре, но печатать не начала. Она смотрела на мигающий курсор. Не знала, с чего начать. Очевидно, с начала, но это самое трудное.

Режим дня у Чарли обычно был выбит в граните. Она встает в пять утра. Кормит разнообразных животных. Идет на пробежку. Принимает душ. Завтракает. Едет на работу. Едет домой.

Когда Бен ушел, она проводила вечера за чтением рабочих документов, бессмысленным просмотром ТВ и просмотром на часы в ожидании времени, когда ложиться спать уже не позорно рано.

Сегодняшний день прошел совсем по-другому, и Расти надо будет знать почему. Можно начать с малого — найти, как на самом деле зовут Гека.

Она открыла браузер. Набрала в строке поиска «учителя Пайквилльская средняя школа». На экране закрутилось маленькое радужное колесико. В конце концов появилась надпись: «Не удалось открыть страницу».

Она попробовала пойти в обход главной страницы, набирая в адресной строке наименования подразделений, фамилии учителей и даже название школьной газеты. Но ничего загрузить не удалось. Серверы Пайквилльского департамента образования не рассчитаны на сотни тысяч зевак, пытающихся зайти на сайт школы.

Чарли открыла новую вкладку поиска. Набрала «Гекльби Пайквилль».

— Черт, — пробормотала она.

Гугл предложил: «Возможно, вы искали: Гекльберри». Поисковая выдача началась с нескольких новостей о том, как в школах пытаются запретить «Гекльберри Финна». Затем — статья в «Википедии» о чернике «гекльберри», официальной ягоде штата Айдахо. В конце страницы — статья из «Урбан дикшинари» о том, что выражение «Я твоя черника» означает «Я твой мужчина» на сленге девятнадцатого века.

Чарли постучала пальцем по мышке.

Надо бы посмотреть CNN, MSNBC или даже Fox, но она не смогла заставить себя зайти на новостные сайты. Уже целый час она прожила без слайд-шоу в голове. Возобновлять поток жутких воспоминаний не хотелось.

Кроме того, это дело Расти. Чарли, возможно, вызовут в качестве свидетеля обвинения. Она подтвердит то, что расскажет Гек, но для присяжных это будет только один кусочек пазла.

Если кто-то и знает больше, то это миссис Пинкман. Ее кабинет расположен прямо напротив от того места, где должна была стоять Келли, когда начала стрелять. Юдифь Пинкман должна была увидеть все первой. Увидеть, что муж мертв. Что Люси умирает.

«Пожалуйста, помогите нам!»

Чарли все еще слышала, как кричит эта женщина. Четыре выстрела уже прозвучали. Гек уже стащил Чарли за тумбочку. Он звонил в полицию, когда она услышала еще два выстрела.

Чарли оторопела от того, как внезапно и четко она все вспомнила. Шесть выстрелов. Шесть патронов в револьвере.

Иначе Юдифь Пинкман получила бы пулю в упор, открыв дверь своего класса.

Чарли посмотрела на потолок. Эта мысль вытащила из памяти старую картинку, которую она не хотела

видеть.

Ей захотелось выйти из офиса.

Она взяла контейнер со вторым сэндвичем и пошла искать Эву Уилсон. Чарли догадывалась, что Ленор, с ее южной привычкой пытаться всех вокруг накормить, наверняка уже предложила Эве поесть. Она понимала также, что Эва слишком переживает, чтобы есть, но в любом случае не хотела оставлять ее надолго одну.

У ресепшена Чарли обнаружила знакомую картину: Эва Уилсон на диване перед громко орущим телевизором.

— Хотите сэндвич? — предложила она Эве.

Та не ответила. Чарли собиралась спросить еще раз, но поняла, что Эва сидит с закрытыми глазами. Рот немного приоткрыт и сквозь отверстие на месте отсутствующего зуба раздается мягкое посвистывание.

Чарли не стала ее будить. Стресс может выключить тело, если оно не выдерживает. Пусть у Эвы Уилсон сегодня будет хотя бы минута спокойствия. Пульт от телевизора лежал на журнальном столике. Чарли никогда не спрашивала, почему он все время такой липкий. Большинство кнопок не работают. Остальные застревают. Кнопка выключения не работает. Кнопка выключения звука испарилась, оставив вместо себя прямоугольную дырку. Она подошла к телевизору посмотреть, как его выключить.

В новостях был тот период затишья, когда реальной новой информации не поступает, поэтому в студии собирают экспертов и психиатров обсудить, что могло произойти, о чем Келли могла думать и почему она могла поступить так, как поступила.

— И ведь есть прецедент, — говорила симпатичная блондинка, — если вы помните песню «Бумтаун Рэтс»...

Чарли решила выдернуть шнур из стены, но тут ведущий перебил психологиню.

— У нас срочные новости. Включение с пресс-конференции, которая сейчас проходит в Пайквилле, штат Джорджия.

Картинка сменилась, и Чарли увидела трибуну для выступлений, установленную в каком-то знакомом месте. Столовая в полицейском участке. Они убрали столы и повесили на стену синий флаг с гербом Пайквилля.

Полный мужчина в коричневых брюках и белой рубашке стоял за трибуной. Он посмотрел налево, и камера повернулась к Кену Коину, который раздраженно махнул мужчине, чтобы тот начинал.

Коин, очевидно, хотел бы выступить первым.

Мужчина сдвинул микрофон вниз, потом вверх и потом снова вниз. Он наклонился слишком близко к микрофону и произнес:

— Меня зовут Рик Фейхи. Я дядя... — Его голос надломился. — Дядя Люси Александер. — Он вытер слезы тыльной стороной ладони. Лицо его покраснелось. Губы были ярко-розовыми. — Члены нашей семьи попросили меня... Ох...

Фейхи вынул из заднего кармана сложенный лист бумаги. Руки его тряслись, и бумага трепетала, как на ветру. Наконец он расправил листок на трибуне и сказал:

— Члены семьи попросили меня прочитать это заявление.

Чарли обернулась к Эве. Она по-прежнему спала.

Фейхи начал читать:

— «Люси была замечательной девочкой. Все время что-то придумывала. Любила петь и играть со своей собакой Шэгги. Изучала Библию в классе миссис Диллард при баптистской церкви „Маунтин“ и любила там читать Евангелие. Лето она проводила у бабушки с дедушкой на ферме в Эллиджее, и там она помогала им собирать я-я-яблоки... — Он вынул из заднего кармана

платок и вытер пот и слезы со своего круглого лица. — Нашей семье остается только верить, что Бог поможет нам пережить это страшное время. Мы просим всех молиться за нас. Мы также хотим выразить нашу поддержку Управлению полиции Пайквилля и сотрудникам прокурора округа Дикерсон, мистера Кена Коина, которые делают все возможное, чтобы как можно скорее свершилось правосудие над убий... — Его голос снова надломился. — Убийцей Люси».

Он поднял глаза на журналистов и добавил от себя:

— Да, Келли Уилсон — убийца. Она совершила преднамеренное убийство.

Фейхи повернулся к Кену Коину. Они обменялись скорбными кивками, видимо, подтверждая какие-то предварительные договоренности.

Фейхи продолжил:

— «Наша семья просит журналистов и других граждан уважать нашу частную жизнь. Время и место похорон пока неизвестны».

Он посмотрел вдаль, за скопление микрофонов и камер. Думал ли он о похоронах Люси, о том, как ее родителям придется выбирать детский гроб для своей дочери? Она была такой крошечной. Чарли вспомнила, как сжимала в своей ладони нежную ручку девочки.

— Мистер Фейхи, — начал один из репортеров, — расскажите, пожалуйста...

— Спасибо. — Фейхи ушел с трибуны.

Кен Коин дружески похлопал его по плечу, когда они прошли мимо друг друга. Чарли видела, как начальник ее мужа сжал руками трибуну, будто собрался ее трахнуть.

— Я Кен Коин, окружной прокурор, — сообщил он собравшимся. — Я готов ответить на ваши вопросы о расследовании этого жестокого убийства. Будьте уверены, дамы и господа. «Око за око» — вот какая расплата ждет виновных в этом чудовищном...

Чарли вынула телевизионный провод из розетки. Повернулась, чтобы убедиться, что Эва не проснулась. Она сидела в той же позе, все еще в пижаме. Пакет с одеждой стоял на полу у ее ног. Чарли задумалась, есть ли у них где-нибудь одеяло, но тут звякнула, открывшись, и бабахнула, закрывшись, входная дверь.

Только Расти входил в здание с таким грохотом.

К счастью, Эва не проснулась от шума. Она только подвинулась на диване, склонив голову набок.

Чарли оставила сэндвич на столике и пошла искать отца.

— Шарлотта! — прогремел Расти. Дверь его кабинета со стуком открылась. В стене уже и так была дыра от дверной ручки. Он никогда не упускал возможности наделать шуму. — Шарлотта!

— Я здесь, папочка. — Она остановилась у входа. Его офис был завален вещами, и входить было просто некуда. — Эва Уилсон у ресепшена.

— Умничка. — Он не поднимал глаз от бумаг, которые держал в руках. Расти всегда хватался за несколько дел одновременно, никогда не сосредоточиваясь на чем-то одном. Даже сейчас он одновременно притопывал ногой, читал, мурлыкал что-то себе под нос и пытался поддерживать разговор. — Как она?

— Не очень. Она недавно отключилась. — Чарли разговаривала с макушкой его головы. В его семьдесят четыре года он все еще обладал пышной шевелюрой «соль с перцем», которую он слишком сильно отращивал по бокам. — Не набрасывайся на нее. Боюсь, она плохо понимает происходящее.

— Учту. — Он сделал запись в своих бумагах.

Расти держал ручку костлявыми пальцами так же, как сигарету. Когда люди говорили с ним по телефону, они представляли себе нечто среднее между Полковником Сандерсом из KFC и Фоггорном Леггорном

из «Луни Тьюнс». Но он не был ни тем ни другим. Расти Куинн представлял собой высокую поджарую каланчу, но не такого типажа, как Бен, потому что Чарли скорее сбросилась бы со скалы, чем вышла замуж за мужчину, похожего на отца.

Кроме роста и неспособности вовремя выбрасывать поношенное нижнее белье, у двух главных мужчин в ее жизни не было ничего общего. Бен — надежный, но спортивный минивэн. Расти — бульдозер промышленных размеров. Несмотря на два инфаркта и двойное шунтирование, он радостно продолжал предаваться своим порокам. Бурбон. Жареная курица. «Кэмел» без фильтра. Споры до хрипоты. Бена больше привлекали неспешные вдумчивые беседы, крафтовое пиво и фермерские сыры.

На самом деле сейчас Чарли поняла, что у них появилось еще одно сходство: сегодня оба избегали смотреть на нее.

— Что она за человек? — спросила она.

— Девочка? — Расти набрасывал еще одну записку, мурлыча, будто ручка задавала музыкальный ритм. — Девочка-припевочка. Коин обосрется. Присяжные будут от нее без ума.

— Родители Люси Александер с тобой не согласятся.

— Я готов к битве.

Чарли поковыряла ковер носком ботинка.

Он из чего угодно сделает соревнование.

— Можно попробовать заключить сделку с Кеном, чтобы он отказался от требования смертной казни для нее.

— Да прям! — ответил он, потому что оба они знали, что Кен не пойдет на сделку. — Я думаю, нам попался настоящий единорог.

Чарли уставилась на отца. Единорогом они называли невинного подзащитного — редкое

сказочное создание, которого почти никто и никогда не видел.

— Ты серьезно? — изумилась она.

— Конечно, серьезно. С чего бы мне шутить?

— Пап, я была там. — Ей захотелось его встряхнуть. — Я была прямо там, в центре событий.

— Бен мне все рассказал. — Он откашлялся в локоть. — Похоже, тебе там несладко пришлось.

— Слишком мягко сказано.

— Я знаменит своей деликатностью.

Он перебирал бумаги. Снова замурлыкал. Она успела досчитать до тридцати, прежде чем он наконец посмотрел на нее поверх своих очков. Еще секунд десять он блаженно молчал, после чего рот его расплылся в улыбке.

— Вот это фингалы, а ты, мать, сильна! Похожа на бандито-гангстерито.

— Меня ударили локтем в лицо.

— Я уже сказал Коину готовить чековую книжку.

— Я не подавала жалобу.

Он все так же улыбался.

— Вот и правильно, малышка. Месть — это блюдо, которое подают холодным. Не надо пинать свежее говно в жаркий день.

Чарли закрыла глаза рукой. Она слишком устала, чтобы перебрасываться шуточками.

— Пап, мне нужно тебе кое-что сказать.

Ответа не последовало. Она убрала руку от лица.

— Про то, зачем ты была в школе сегодня утром? — Сейчас он уже не отводил от Чарли глаз. Их взгляды встретились на одно неловкое мгновение, и Чарли посмотрела в сторону. — В общем, ты поняла, что я уже знаю.

— Тебе Бен рассказал?

Он покачал головой.

— Старина Кенни Коин не отказал себе в удовольствии.

Чарли решила, что не станет оправдываться перед отцом.

— Я напишу все, что помню о сегодняшнем дне, и все, что я рассказала агенту Бюро расследований Джорджии. Со мной говорила глава местного отделения Бюро Дилия Уофорд. У меня есть ее визитка. Она допрашивала и других свидетелей вместе с агентом по фамилии то ли Эвери, то ли Эткинс. Бен был на моем допросе. Я думаю, весь или почти весь наш разговор слышал и Коин, из-за зеркала или из соседней комнаты.

Расти подождал, пока она закончит, и сказал:

— Шарлотта, я исхожу из того, что если ты не в порядке, ты мне об этом скажешь.

— Рассел, я исхожу из того, что ты достаточно умен, чтобы экстраполировать эту информацию из исходных данных.

— У нас патовая ситуация, как обычно. — Он бросил бумаги на стол. — В прошлый раз, когда я пытался угадать твое настроение, почтовая марка для отправления первого класса еще стоила двадцать девять центов, а ты потом не разговаривала со мной шестнадцать дней и восемнадцать часов.

Чарли уже давно перестала пытаться завоевать его расположение.

— Я слышала, что у школьной системы видеонаблюдения есть слепая зона.

— Откуда ты знаешь?

— От верблюда.

— А что еще он тебе рассказал?

— Они ищут информацию об оружии убийства. Похоже, они точно не знают, куда оно делось.

Он поднял брови.

— Вот это поворот.

— Это только догадка, — сказала Чарли, не желая навлекать подозрения на Гека. — Агент Бюро расследований Джорджии задавала мне кучу вопросов о том, где он был, где я видела его в последний раз, кто его держал, когда, что и где. Револьвер. Я не уверена на сто процентов, но думаю, он шестизарядный.

Расти прищурился.

— Ты ведь еще что-то знаешь? Если мне позволено экстраполировать?

Чарли развернулась и вышла, зная, что он пойдет за ней. Уже пройдя половину здания, она услышала его тяжелую поступь. Он всегда ходил длинными бодрими шагами, считая, что быстрая ходьба сойдет за кардиотренировку. Он щелкал пальцами по стене. Мурлыкал что-то вроде «С днем рожденья тебя». Чарли видела отца в полностью спокойном состоянии только в одной ситуации — в зале суда.

Чарли взяла сумку с дивана в своем кабинете. Вынула альбом. Расти замер и перестал дышать.

— Что это?

— Это школьный альбом. Их еще иногда называют «ежегодник».

Он сложил руки на груди.

— Расскажи-ка поподробнее, а то твой старый папочка не понимает.

— Их покупают в школе в конце года. Туда вклеивают фотографии класса и разных занятий, а ребята пишут в нем разные послания, например: «Я тебя никогда не забуду» или «Спасибо, что помог с биологией». — Она пожала плечами. — Такая глупость. Чем у тебя больше подписей, тем ты более популярен.

— Так вот почему у тебя такого никогда не было.

— Ха-ха-ха.

— И как наша девочка? — спросил он. — Она была популярна или непопулярна?

— Я его не открывала. — Чарли помахала альбомом перед лицом Расти, показывая, что он должен его взять.

Он держал руки скрещенными на груди, но она уже увидела, что внутри его щелкнул переключатель — точно так же, как это происходило в зале суда.

— Где ты это нашла? — поинтересовался он.

— В шкафу Келли Уилсон у нее дома.

— До начала обыска по ордеру?

— Да.

— Кто-либо из представителей правоохранительных органов предупреждал тебя о том, что будет выдан ордер на обыск?

— Нет.

— А мать...

— Эва Уилсон.

— А Эва Уилсон передавала тебе этот предмет?

— Нет.

— Она твоя подзащитная?

— Нет, и спасибо, что помог мне чуть не лишиться лицензии.

— Ты не потеряешь лицензию: тебе поможет лучший адвокат в стране. — Расти кивнул на альбом. — Открой его для меня.

— Бери или брошу на пол.

— Черт побери, ты заставляешь меня скучать по твоей маме. — Его голос дрогнул. Он редко упоминал Гамму, а если и делал это, то только ради сравнения, обычно не в пользу Чарли. Он взял альбом и отдал ей честь. — Большое спасибо.

Он театрально зашагал по коридору. Чарли позвала:

— Эй, засранец.

Расти развернулся и заулыбался, шагая обратно в такой же манере. Он открыл альбом широким жестом. Разворот был покрыт надписями от руки: некоторые черной ручкой, некоторые синей, несколько — розовой. Разные почерки. Разные подписи. Расти перевернул

страницу. Больше разноцветных чернил. Больше наспех нацарапанных посланий.

Если Келли Уилсон была одиночкой, она была самой популярной одиночкой в школе.

— Простите, мисс, — сказал Расти. — Я не нарушу ваши моральные принципы, если попрошу прочитать мне кое-что из этого? — Он постучал по лбу. — Я без очков.

Чарли жестом показала ему перевернуть альбом. Она прочитала первую попавшуюся строку, крупный мальчишеский почерк:

— «Эй малышка спасибо за классный минет. Ты сосешь».

Она подняла глаза на отца.

— Ничего себе.

— Да уж, ничего себе. — Расти ничем не удивишь. Чарли давно прекратила попытки. — Продолжай.

— «Я изнасилую тебя сука». Без подписи.

Она просмотрела соседние записи.

— Еще одна угроза изнасилованием. «Я выибу тебя в жопу сука». «Выибу» через И.

— Через две или одну?

— Одну.

Она поискала розовый курсив, надеясь, что девочки были добрее.

— «Ты ебаная шлюха ненавижу тебя сдохни» — шесть восклицательных знаков. Минди Зовада. Двоеточие и скобка.

— Двоеточие и скобка? — уточнил Расти.

— Улыбающийся смайлик.

— Как мило.

Чарли просмотрела остальные записи — такие же непотребные, как и первые.

— Дальше все в том же духе, папа. Либо называют ее шлюхой, либо упоминают секс, либо предлагают секс, либо угрожают изнасиловать.

Он перевернул страницу, которая была оставлена пустой, чтобы одноклассники могли оставить еще записи. Но записей там не было. Большую часть листа занимал гигантский член с яйцами. Над ним была нарисована девочка с тонкими прядками волос и большими глазами. И открытым ртом. На ее голову указывала стрелка и подпись «Келли».

— Пазл начинает складываться, — заметил Расти.

— Давай дальше.

Он продолжил переворачивать страницы. Снова рисунки. Снова непристойные послания. Снова угрозы изнасилованием. Фотография класса исчеркана: на этот раз член с яйцами, направленный в ее рот, изображен с эякуляцией.

— Похоже, они передавали альбом по всей школе, — сказала Чарли. — Здесь отметились несколько сотен человек.

— Как думаешь, сколько ей было, когда они это сделали?

— Двенадцать-тринадцать?

— И она хранила его все-о-о-о это время. — Он произнес это слово, будто бы репетируя его звучание перед присяжными.

Чарли не разозлилась на это представление. Расти на самом деле держал в руках образцовый экземпляр смягчающего обстоятельства. Келли Уилсон не просто была объектом школьной травли. Сексуальная агрессия в посланиях от одноклассников указывала на что-то гораздо более жестокое.

— Ее мать не говорила о том, что девочка подвергалась сексуальному насилию? — спросил Расти.

— Мать думает, что ее девочка — снежинка.

— Хорошо. Если что-то такое произошло, это должно быть в школьных документах, либо ты можешь спросить у кого-то из окружной прокуратуры, чтобы...

— Нет. — Чарли поняла, что это надо прекращать немедленно. — Ты можешь сказать Эве запросить копию школьных документов Келли, либо ты можешь запросить выписки из суда по делам несовершеннолетних.

— Именно это я и сделаю.

— Тебе нужен хороший компьютерщик, который сможет изучить соцсети как судебный эксперт, — добавила Чарли. — Если в этом альбоме поучаствовало столько детей, они могли даже создать для этого специальную страницу в «Фейсбуке».

— Мне не нужен компьютерщик. У меня есть CNN.

Здесь он был прав. Журналисты уже наняли специалистов по поиску в интернете. Репортеры уже общаются с одноклассниками и учителями Келли, ищут ее друзей или тех, кто представится друзьями, готовых на камеру говорить о Келли Уилсон, и неважно, правда это или нет.

— Тебе удалось пообщаться с миссис Пинкман? — спросила Чарли.

— Я хотел было нанести ей визит вежливости, но она была под большой дозой успокоительного. — Он шумно выдохнул. — Потерять супруга само по себе ужасно, но потерять его таким образом — это сущий ад.

Чарли смотрела на него, пытаясь по тону его голоса определить, что он чувствует. Он уже два раза упомянул Гамму. Наверное, это вина Чарли, учитывая ее участие в сегодняшних событиях в школе. Еще один удар от нее ему под дых.

— Куда ты ездил после больницы?

— Смотался в Кеннесо, дал коротенькое интервью. Сегодня вечером будешь любоваться на своего папочку по всем федеральным каналам.

Чарли планировала сегодня избегать просмотра телевизора любыми способами.

— Пап, поосторожнее с Эвой. Она мало что понимает. И я думаю, дело не только в шоковом состоянии. Она просто по жизни не догоняет.

— У дочки та же проблема. Мне кажется, у нее IQ чуть больше семидесяти. — Он похлопал по школьному альбому. — Спасибо за помощь, милая. Бен до тебя утром дозвонился?

Ее сердце перевернулось так же, как когда она первый раз услышала о звонке Бена.

— Нет, а ты знаешь, что он хотел?

— Знаю.

У нее зазвонил рабочий телефон. Расти засобирался.

— Папа?

— Возьми завтра зонт. Вероятность дождя в первой половине дня — шестьдесят три процента. — Отдав ей честь, он удалился по коридору, опять напевая что-то вроде «С днем рожденья тебя» и высоко, как на параде, поднимая колени.

— Доиграешься до нового инфаркта, — сказала она.

— Не дождетесь!

Чарли закатила глаза. Он обожал эту идиотскую театральщину.

Она взяла трубку.

— Чарли Куинн.

— Слушай, я вроде как не должна тебе звонить. — Это была Терри, младшая из старших сестер Бена. — Но хотела убедиться, что ты в порядке.

— У меня все нормально. — Чарли слышала, как за спиной Терри визжат ее дети-близнецы. Бен называет их «Племяшка и Пельмешка». — Бен сказал, что звонил вам сегодня утром.

— Он злится.

— Злится на меня или из-за меня?

— Ну, ты ж понимаешь, мы эту гребаную тайну уже девять месяцев не можем разгадать.

Для Чарли никакой тайны в этом на самом деле не было, но она понимала, что все сказанное ею Терри будет передано Карле и Пегги, а они скажут матери Бена, поэтому держала язык за зубами.

— Ты еще тут? — спросила Терри.

— Прости, я на работе.

Терри не поняла намека:

— Когда Бен позвонил, я думала, как трудно бывает заставить его говорить о чем-то. Ты его дергаешь, дергаешь, дергаешь, и потом, может быть, он расскажет тебе, что в девяносто восьмом году ты взяла кусочек картошки фри с его тарелки и это очень задело его чувства.

Она продолжала говорить, но Чарли не слушала, сосредоточившись на криках детей, которые пытались убить друг друга. Чарли однажды уже втянулась в общение с сестрами Бена, приняв их расположение за чистую монету, а потом поняла, что Бен не просто так видится с ними только на День благодарения. Эти недалекие сучки вечно пытались держать Бена за яйца. Он только в колледже понял, что мужчинам разрешено писать стоя.

— Мы с Карлой тут обсуждали, что у вас сейчас происходит. Вообще непонятно. Ты знаешь, что он тебя любит? Но что-то он себе напридумывал и молчит. — Она на секунду остановилась, чтобы поорать на детей, и продолжила с того же места: — Бенни тебе говорил что-нибудь? Как-то объяснил это все?

— Нет, — соврала Чарли, подумав, что, если бы они хоть немного знали Бена, то понимали бы, что просто так он никогда бы не ушел.

— Продолжай его дергать. Я уверена, все это ни о чем.

Но это было не ни о чем.

— Он очень чувствительный, когда ему это удобно. Я тебе рассказывала о том случае в Диснейленде,

когда...

— Мы работаем над этим.

— Надо лучше работать, ребята, — сказала Терри. — Девять месяцев — это слишком долго, Чарли. Пегги мне тут сказала, что она за девять месяцев успела целого ребенка выносить, а вы никак в своем дерьме разобраться не можете.

Чарли сжала трубку.

— Дерьме, — повторила Терри. — Ты же знаешь, я сначала говорю, потом думаю. Ничего не могу с собой поделывать.

— Все нормально, правда. Не волнуйся. Слушай, мне клиент звонит по другой линии, — Чарли говорила быстро, чтобы та не могла вставить ни слова. — Спасибо, что позвонила. Всем привет, потом еще поговорим.

Она с размаху положила трубку на телефон.

Обхватила голову руками. Самое ужасное в этом разговоре то, что она не может вечером залезть к Бену в постель, положить голову ему на грудь и пожаловаться, какая ужасная бессердечная сука его сестра.

Чарли устало опустилась в кресло. Оказывается, Ленор выполнила свою часть сделки. К компьютеру был подсоединен новенький айфон. Чарли нажала кнопку «домой». Попробовала пароль 1-2-3-4, но он не подошел. Ввела свой день рождения, и экран разблокировался.

Первым делом она просмотрела список голосовых сообщений. Одно утреннее сообщение от Расти. Несколько от друзей, уже после стрельбы.

От Бена ничего.

По зданию загрохотал голос Расти. Он вел Эву Уилсон в свой кабинет. Чарли догадалась, что именно он говорит, по ритму его голоса. Он произносил свою традиционную речь:

— Вы не обязаны рассказывать мне *всю* правду, но вы должны говорить мне правду.

Чарли задумалась, сможет ли Эва уловить разницу. Еще она надеялась, что Расти не вывалит на Эву свою теорию о единороге. Эва и так тонет в напрасных надеждах. Не надо утяжелять ее бремя.

Чарли нажала кнопку, чтобы разбудить компьютер. Браузер все еще показывал результаты поиска по слову «гекльберри». Она ввела новый запрос: «Минди Зовада Пайквилль».

У девушки, назвавшей Келли Уилсон в школьном альбоме «ебаной шлюхой», была страница на «Фейсбуке». Страница закрытая, но Чарли могла видеть фото обложки с Джастином Бибером. На фото профиля Минди была одета в конфедератскую чирлидерскую форму. Выглядела она точно так, как Чарли ее представляла: симпатичная, противная и самодовольная.

Чарли пролистала списки того, что Минди нравится и не нравится, с раздражением осознав, что она слишком старая и вообще не понимает половины увлечений девушки.

Чарли еще раз кликнула мышкой. У нее было два аккаунта: один — под реальным именем, а второй — под вымышленным. Она создала его в шутку. По крайней мере, сначала ей правда казалось, что это шутка. Но после того, как она сделала для него новую электронную почту и прикрепила в фото профиля изображение свиньи с галстуком-бабочкой, Чарли наконец призналась самой себе, что будет использовать его для слежки за кулпепперовскими девицами, которые мучили ее в старших классах. Тот факт, что все они приняли запрос в друзья от Т.П. Трейлер, подтвердил все предрассудки Чарли относительно их интеллектуальных способностей. Мало того, ее добавили в друзья еще и многочисленные члены какой-

то семьи по фамилии Трейлер, которые слали ей поздравления на выдуманный день рождения и просили помолиться за больных тетушек и троюродных кузенов.

Чарли зашла под аккаунтом Трейлер и отправила Минди Зовада запрос в друзья. Это был выстрел наудачу, но Чарли хотелось знать, что сейчас говорит о Келли Уилсон девушка, которая когда-то так жестоко с ней обходилась. Чарли создала аккаунт для слежки за Кулпепперами, а теперь использовала его для слежки за учителями другой девушки: это наверняка какой-то невроз, но о нем можно будет подумать потом.

Чарли свернула окно браузера. На экране был открыт пустой документ «Ворд». Больше поводов прокрастинировать не нашлось, и она начала печатать свои показания для Расти. Она излагала факты максимально сухо, стараясь думать о событиях этого утра как о какой-то истории, прочитанной в газете. Сначала произошло это, потом то, а потом то.

Ужасные вещи гораздо проще переварить, если убрать эмоции. Школьная часть истории осталась такой же, как она уже изложила Дилии Уофорд. «Вордовский» документ можно было приложить к делу, и, насколько Чарли помнила, он не сильно отличался бы от того, что она рассказала спецагенту. Но кое-что изменилось — ее уверенность. Четыре выстрела до криков миссис Пинкман. Еще два выстрела после них. Чарли перестала набирать текст. Она смотрела на экран, пока слова не поплыли. Миссис Пинкман открыла дверь, потому что услышала четыре первых выстрела? Она закричала, когда увидела мужа и девочку на полу? Келли Уилсон выпустила оставшиеся две пули, чтобы заставить ее замолчать? Если Келли не расскажет Расти, как все было на самом деле, они не узнают правду еще несколько недель, а то и месяцев, пока он не получит доступ к отчетам судмедэкспертов и показаниям свидетелей.

Чарли поморгала, чтобы печатать дальше. Начала новый абзац, пропустив свою беседу с Беном в полицейском участке и перейдя сразу к разговору с Дилией Уофорд. С шаром времени она несла какой-то бред, но то, что спустя несколько часов картина стала яснее, — это факт. Степень ее уверенности снова изменилась. Придется кое-что поменять в своих показаниях для БР Джорджии, прежде чем их подписывать.

На экране выскочило уведомление: «TraylerLvr483@gmail.com: Минди Зовада приняла ваш запрос на добавление в друзья!»

Чарли открыла страницу девушки. Минди поменяла заставку: теперь на ней горела свеча с дрожащим на ветру пламенем.

— Ох, ну и дерьмо, — пробормотала Чарли, проматывая посты.

Шесть минут назад Минди Зовада написала: «незнаю что делать это так грусно я думала Келли хороший человек!!!!!! что делать остается только МОЛИТСЯ!!!!!!»

Очень смешно, учитывая ее мнение о Келли Уилсон пять лет назад.

Чарли прочла комментарии. Первые три пользователя согласились с оценкой Минди, что все в шоке — «В ШОКЕ!!!!!!» — от того, что девочка, которую они травили всей школой, вдруг слетела с катушек. Четвертый ответ был от комментатора из серии «в семье не без урода», потому что смысл «Фейсбука» в том, что всегда найдется один урод, который обосрет любую тему, от невинного фото кота до видео с дня рождения ребенка.

Нейт Маркус написал: «я знаю что с ней не так она всегда была ебаная шлюха она ебалась со всей футбольной командой поэтому она это и сделала потомучто у нее спид!!!!!!!»

Чейз Ловетт ответил: «чувак эту суку повесят она сосала у меня наверно она сделала это потому что наглоталась моей злой спермы».

Алиша Тодд добавила: «сука Кели Уилсон гори в аду RIP++++».

Чарли несколько раз перечитала фразу, прежде чем догадалась, что плюсы символизируют кресты и смерть.

Она выписала себе все эти имена: возможно, Расти захочет с ними побеседовать. Если они учились с Келли в одном классе средней школы, вероятно, кому-то из них уже исполнилось восемнадцать, а значит, Расти не понадобится получать согласие родителей на разговор.

— Ленор повезла Эву Уилсон поговорить с мужем.

Она подпрыгнула от голоса Расти. Самый громкий на свете человек умудрился подойти к ней незаметно.

— Они хотят побыть наедине, обсудить все это. — Расти плюхнулся на диван напротив ее стола. Принялся хлопать руками по коленям. — Не знаю, могут ли они позволить себе отель. Наверное, будут спать в машине. Кстати, револьвера в бардачке нет.

Чарли посмотрела на часы: 18:38. С утра время ползло, а теперь внезапно побежало.

— Ты не говорил ей, что Келли не виновна? — спросила она.

— Нет. — Он откинулся на спинку дивана, одну руку положив на подушки, а другой продолжая хлопать себя по коленям. — Честно говоря, мы особо-то и не поговорили. Я набросал ей на листочке, что будет происходить в ближайшем будущем — пусть покажет мужу. Она думает, что девочка вернется домой.

— Как хороший маленький единорожек?

— Знаешь, Чарли-мишка, есть понятие «безвинный», а есть «невиновный», и одно от другого отличить очень трудно. — Он подмигнул ей. — Подбросишь своего старенького папу домой?

Шарлотта терпеть не могла ездить в фермерский дом, даже чтобы просто подвезти Расти.

Она уже несколько лет не заходила в ШБ.

— А где твоя машина?

— Пришлось отвезти в сервис. — Он стал громче хлопать по коленям. Теперь у постукивания появился определенный ритм. — Ты поняла, почему Бен звонил тебе сегодня?

Чарли покачала головой.

— А ты знаешь?

Он открыл рот, чтобы ответить, но вместо этого хитро улыбнулся.

Она вздохнула.

— Расти, у меня сейчас нет сил на эту хреномундию. Просто скажи мне, в чем дело.

Кряхтя, он встал с дивана.

— «Редко, очень редко раскрывается полная правда при выяснении отношений»^[1].

Он вышел прежде, чем Чарли нашла, чем в него бросить.

Она не спешила выходить к машине, потому что, несмотря на свою суетливость, Расти всегда опаздывал. Чарли распечатала свои показания. Отправила их себе по электронной почте, на случай если решит перечитать дома. Взяла несколько папок, над которыми надо было поработать. Еще раз проверила «Фейсбук» — не появилось ли новых постов. Наконец собрала вещи, закрыла кабинет и встретила отца у задней двери: он курил сигарету.

— Какое сердитое выражение на таком красивом личике, — сказал он, потушив сигарету о подошву ботинка и засунув окурочек в карман пальто. — Не хмурься, а то будут у тебя морщины вокруг рта, как у твоей бабушки.

Чарли бросила сумку на заднее сиденье и села за руль. Подождала, пока Расти закроет здание. Когда он сел, машину наполнил запах сигаретного дыма. К тому моменту, когда она выехала на шоссе, в салоне воняло, как на фабрике «Кэмел». Она опустила стекло, уже раздраженная тем, что надо ехать к фермерскому дому.

— Я даже говорить ничего не буду о том, каким идиотом надо быть, чтобы курить после двух инфарктов и операции на открытом сердце.

— Это называется «паралипсис» или, из греческого, «апофазия», — сообщил Расти, — риторический прием, с помощью которого ты подчеркиваешь важность предмета, заявляя, что ты ничего или почти ничего не будешь о нем говорить. — Он весь сиял и притопывал ногой. — Это также риторический родственник иронии, с которой, мне кажется, ты вместе в школу ходила.

Чарли протянула руку на заднее сиденье и нашла распечатку своих показаний.

— Вот, прочитай. Тишина в машине, пока не приедем в ШБ.

— Есть, мэм. — Расти достал из кармана очки для чтения. Включил свет на потолке. Прочитал первый абзац, притопывая ногой. Потом перестал притопывать.

Она догадалась, что он пристально смотрит на нее, ей даже показалось, что ее щека нагрелась.

— Ну да. Вот так получилось, — сказала Чарли. — Я не знаю, как зовут этого парня.

Страницы хрустнули, когда Расти уронил руку на колено.

Она посмотрела на него. Он снял очки. Он не топал, не хлопал и не дергался. Он повернулся к окну, молча глядя вдаль.

— В чем дело? — спросила она.

— Голова болит.

Отец никогда не жаловался, если у него на самом деле что-то болело.

— Это из-за того парня? — Расти молчал, поэтому она повторила: — Ты злишься на меня из-за этого парня?

— Ну конечно же, нет.

Чарли встревожилась. Как бы она ни храбрилась, ей очень не хотелось разочаровывать отца.

— Завтра я узнаю его имя.

— Это не твоя забота. — Расти положил очки в карман рубашки. — Если, конечно, ты не планируешь дальше с ним встречаться?

Чарли почувствовала, что за этим вопросом стоит что-то большее.

— Разве это важно?

Расти не ответил. Он снова смотрел в окно.

— Пап, начни, пожалуйста, напевать или глупо шутить или еще что-нибудь, — попросила она, — а то мне придется отвезти тебя в больницу и убедиться, что с твоим сердцем все в порядке.

— Меня беспокоит сердце, но не мое. — Без его обычной витиеватости эта фраза прозвучала как-то слащаво. — Что произошло между тобой и Беном?

Чарли чуть педали не перепутала. За все эти девять месяцев Расти ни разу не спросил ее об этом. После того как Бен ушел, она подождала пять дней, прежде чем сказать ему. Она стояла в дверях его кабинета. Она планировала сообщить отцу о том, что Бен ушел, и ничего больше, и именно так и сделала. Но Расти коротко кивнул, словно она напомнила ему, что надо сходить к парикмахеру, и его молчание вызвало у Чарли словесный понос, какого не было у нее с девятого класса. Она говорила без передышки. Рассказала Расти, как она надеется, что Бен вернется к выходным. Надеется, что он начнет отвечать на ее звонки, сообщения, голосовую почту и записки, которые она оставляет на лобовом стекле его машины.

Наконец, возможно, для того чтобы заставить ее замолчать, Расти процитировал первую строфу из «Надежда — штука с перьями» Эмили Дикинсон.

— Папа, — сказала Чарли, но больше ничего придумать не могла.

В глаза ей ударил свет фар встречной машины. Шарлотта проследила, как красные огни удаляются в зеркале заднего вида. Она не хотела говорить этого Расти, но все же произнесла:

— Дело не в чем-то одном. Есть несколько разных проблем.

— Может, лучше будет спросить, как ты планируешь их решать? — уточнил он.

Теперь она поняла, что зря ввязалась в этот разговор.

— Почему ты исходишь из того, что только я могу их решить?

— Потому что Бен никогда бы не стал изменять тебе или как-то специально делать тебе больно, так что дело, видимо, в чем-то, что ты сделала или не сделала.

Чарли до боли прикусила губу.

— Этот мужчина, с которым ты встречаешься...

— Я ни с кем не встречаюсь, — оборвала его она. — Это произошло один раз, первый и последний, и мне не хочется...

— Это из-за выкидыша?

У Чарли перехватило дыхание.

— Это было три года назад.

И шесть лет назад. И тринадцать.

— Кроме того, Бен никогда бы не поступил так жестоко.

— Это правда, Бен не мог бы поступить жестоко.

Чарли задумалась над этим комментарием. То есть он имеет в виду, что она могла бы?

Расти вздохнул. Свернул стопку листов трубкой. Дважды притопнул по полу.

— Знаешь, — сказал он, — у меня было много-много времени подумать об этом, и думаю я вот что: больше всего в твоей матери я любил то, что ее было трудно любить.

Чарли почувствовала укол от неявного сравнения.

— Ее проблемой, единственной проблемой, и я говорю это как мужчина, который ее боготворил, было то, что она была слишком, черт возьми, умная. — Последние три слова он подчеркнул, притопывая ногой. — Гамма знала все на свете и была готова сообщить тебе это, не задумавшись и на минуту. Квадратный корень из трех, например. Просто из головы, она тебе в любой момент сказала бы, что это... Черт, я не знаю, сколько должно быть, но она бы сказала...

— Одна целая семьдесят три сотых.

— Точно, точно. Или кто-нибудь спросил бы, например, какая самая распространенная птица на Земле?

Чарли вздохнула.

— Курица.

— Самое смертоносное животное?

— Комар.

— Основной экспортный товар Австралии?

— М-м... Железная руда? — Она нахмурила лоб. — Папа, к чему ты ведешь?

— Ответь-ка мне на вопрос: какое участие я принимал в нашем обмене репликами только что?

Чарли не поняла, о чем речь.

— Папа, я слишком устала, чтобы отгадывать загадки.

— Наглядная подсказка... — Он стал нажимать кнопку на двери, то слегка опуская стекло, то поднимая, вниз-вверх.

— Я поняла, — сказала она, — твое участие состоит в том, чтобы бесить меня и ломать мою машину.

— Шарлотта, давай я скажу тебе ответ.

— Ладно.

— Нет, дорогая. Ты послушай, что я тебе скажу. Иногда, даже если ты знаешь ответ, надо позволить другому человеку попытаться найти его самому. Если его все время поправлять, у него даже шанса не будет почувствовать свою правоту.

Она снова прикусила губу.

— Вернемся к нашему наглядному пособию. — Расти опять нажал на кнопку, но на этот раз не отпустил ее. Стекло опустилось полностью. Потом она нажал ее в другом направлении, и окно закрылось. — Нежно и аккуратно. Вперед и назад. Как перекидывание мячика на теннисном корте, только в данном случае мне не надо бегать по корту, чтобы показать это тебе.

Он притопывал ногой в такт поворотнику, когда Чарли свернула направо, к фермерскому дому.

— Тебе надо было работать семейным психотерапевтом.

— Я пробовал, но почему-то ни одна женщина не согласилась садиться со мной в машину.

Расти принялся толкать ее локтем, пока она не начала неохотно улыбаться.

— Помню, твоя мама как-то сказала мне: «Рассел, прежде чем я умру, мне надо понять: я хочу быть счастлива или я хочу быть права».

У Чарли защемило сердце, потому что это звучало очень в духе Гаммы.

— Она была счастлива?

— Думаю, она шла к этому. — Он шумно выдохнул. — Она была непостижима. Она была прекрасна. Она говорила мне...

— Хуй соси?

Фары «Субару» выхватили длинную стену фермерского дома. Кто-то аэрозольной краской

гигантскими буквами написал на белой обшивке дома «ХУЙ СОСИ».

— О, забавно, — сказал Расти. — Что касается «хуя», то он здесь уже неделю или две. А «соси» появилось только сегодня. — Он хлопнул себя по коленям. — А что, смотри, как экономно! Первое слово уже написано. И Шекспир не нужен.

— Позвони в полицию.

— Милая, вполне возможно, полиция это и сделала.

Чарли подъехала к кухонному крыльцу. Во дворе загорелись фонари. Они светили так ярко, что видно было каждый сорняк на давно не стриженном газоне.

Ей не хотелось этого делать, но она предложила:

— Мне надо пойти с тобой, чтобы убедиться, что внутри никого нет.

— Да ну. — Он резко открыл дверь и выпрыгнул из машины. — Не забудь завтра взять зонт. Я абсолютно уверен, что будет дождь.

Она смотрела, как он бойко зашагал к дому.

Он стоял на том самом крыльце, где много лет назад Чарли и Сэм оставили свои носки и кроссовки. Расти открыл два замка и толкнул дверь. Он не сразу зашел, а отдал ей честь, прекрасно понимая, что стоит точно между словами «ХУЙ» и «СОСИ».

Он крикнул:

— «Что сделано, то сделано! В постель, в постель, в...»^[2]

Чарли резко сдала назад. Только Шекспира ей тут не хватало.

Глава шестая

Чарли сидела в гараже, обхватив руками руль.
Она ненавидела возвращаться в свой пустой дом.
Их пустой дом.

Она ненавидела вешать ключи на крючок у двери, потому что крючок Бена теперь всегда пустовал. Ненавидела сидеть на диване в гостиной, потому что Бен не сидел рядом, зацепившись своими паучьими пальцами ног за край журнального столика. Она не могла сидеть даже за кухонной стойкой, потому что смотреть на пустой барный табурет Бена было слишком грустно. Теперь по вечерам она просто съедала миску хлопьев над раковиной, глядя в темноту за окном.

Обычно женщины не испытывают таких чувств к мужьям после почти двадцати лет брака, но в отсутствие реального мужа рядом Чарли сгорала от любви как школьница.

Она не стирала наволочку Бена. Его любимое пиво все еще стояло в дверце холодильника. Она оставила его грязные носки у кровати, потому что знала, что если их убрать, он не оставит там новую пару. В первый год после свадьбы они чаще всего ссорились именно из-за этой привычки Бена снимать носки каждый вечер и бросать на пол в спальне. Чарли начала запинывать их под кровать, когда он не видел, и однажды Бен понял, что у него не осталось носков, и Чарли смеялась, а он кричал, и она кричала в ответ, и, поскольку им было по двадцать пять, все закончилось тем, что они потрахались прямо там, на полу. Как по волшебству, то бешенство, в которое ее когда-то приводили эти носки, постепенно смягчилось до легкого раздражения — вроде того, как все немного чешется после молочницы.

Через месяц без Бена, когда до Чарли наконец дошло, что его уход — это не какой-то сбой и что он может никогда и не вернуться, она села на пол рядом с его носками и ревела как ребенок. Это был первый и последний раз, когда она позволила себе оплакать свое несчастье. После той долгой слезной ночи Чарли стала заставлять себя вставать пораньше, чистить зубы не реже двух раз в день, регулярно ходить в душ и делать все остальное, чтобы выглядеть как функционирующий член общества.

Ей было хорошо известно: как только ослабишь самоконтроль, мир кубарем полетит в далекую, но знакомую пропасть.

В первые четыре года колледжа она с головой окунулась в вакханалию, которую только слегка попробовала в старших классах. Поскольку Ленор, которая могла бы вправить ей мозги, рядом не было, Чарли пустилась во все тяжкие. Слишком много выпивки. Слишком много мальчиков. Она нарушала границы, которые имели значение только наутро, когда она не могла узнать парня в своей постели или чьей-то еще постели и не могла вспомнить, сказала она «да» или «нет» или отключилась еще до того, упившись безумным количеством пива.

Чудесным образом она сумела в нужный момент взяться за ум и сдать на «отлично» экзамен для поступления в юридическую школу. Она подала документы только в Дьюкский университет. Чарли хотела начать все с чистого листа. Новый университет. Новый город. И тут, впервые за долгое время, ей действительно повезло. Она встретила Бена на курсе «Введение в профессию: основы права». На третьем свидании они решили, что все равно когда-нибудь поженятся, поэтому можно пойти и пожениться прямо сейчас.

Громкий скрежет прервал ее воспоминания. Сосед тащит свой мусорный бак к обочине. У них дома это была обязанность Бена. С тех пор как он ушел, мусора у Чарли набиралось так мало, что обычно она просто оставляла маленький пакет у дороги раз в неделю.

Она посмотрелась в зеркало заднего вида. Синяки под глазами теперь были глубокого черного цвета, как у футболиста. Все болело. В носу пульсировала кровь. Ей захотелось супа с крекерами и горячего чая, но приготовить их для нее было некому.

Чарли тряхнула головой.

— Ой, бедняжка, твою мать, — сказала она сама себе в надежде, что словесное самоуничтожение поможет выбраться из этого состояния.

Не помогло.

Чарли заставила себя выйти из машины, не поддавшись соблазну закрыть дверь гаража и завести двигатель.

Она не смотрела в сторону пустого места, где Бен обычно парковал свой пикап. В сторону полка с аккуратно подписанными коробками и спортивными принадлежностями, которые он еще не забрал. Она нашла пакет с кошачьим кормом в металлическом шкафу, который Бен собрал прошлым летом.

Между собой они потешались над людьми, чьи гаражи были забиты барахлом так, что машину ставить уже негде. Оба они могли похвастаться своей аккуратностью. По воскресеньям они вместе занимались уборкой. Чарли стирала белье. Бен его складывал. Чарли мыла кухню. Бен пылесосил ковры и вытирал пыль. Они читали одни и те же книги параллельно, чтобы вместе их обсуждать. Они вместе запоем смотрели «Нетфликс» и «Хулу». Уютно устроившись на диване, они обсуждали работу, родственников и планы на выходные.

Она покраснела, вспомнив, как они самодовольно гордились своим образцовым браком. Их мнения совпадали по очень многим вопросам: какой стороной вешать рулон туалетной бумаги, сколько у человека должно быть кошек, сколько лет нужно держать траур, если супруг пропал в море. Когда кто-то из друзей громко ругался на людях или недобро подкалывал других за ужином, Чарли всегда смотрела на Бена, а Бен смотрел на Чарли, и они улыбались, потому что у них-то были охеренно крепкие отношения.

Она его принижала.

Поэтому Бен и ушел.

Чарли превратилась из заботливой жены в разъяренную фурию, и произошло это не постепенно. Казалось, все изменилось за один день: она вдруг потеряла способность к компромиссу. Она не могла спокойно смотреть ни на что. Что бы Бен ни делал, все ее раздражало. Тут было не как с носками. Сексом на полу уже не отделаешься. Чарли знала, что ведет себя отвратительно, но остановиться не могла. Не хотела останавливаться. Больше всего она злилась, когда начинала саркастически изображать интерес к вещам, которые раньше интересовали ее совершенно искренне: интриги у Бена на работе, черты характера их домашних животных или странный бугорок на затылке у одного из коллег Бена.

Она сходила к врачу. С гормонами все было нормально. Щитовидка в порядке. Проблема была не медицинской. Чарли просто оказалась стервозной женой, которая любит командовать. Сестры Бена пришли в экстаз. Она помнила, как они подмигивали друг другу в тот первый раз, когда Чарли набросилась на Бена за ужином на День благодарения: будто она вышла из леса и впервые оказалась в приличном обществе.

«Теперь она одна из нас!»

И конечно же, одна или две из них начали звонить ей почти каждый день, и Чарли выпускала пар как гребаный паровоз. Он сутулится. Он ходит вприпрыжку. Он покусывает кончик языка. Он напевает, когда чистит зубы. Почему он купил обезжиренное молоко, когда она просила двухпроцентное? Почему не отнес пакет с мусором в гараж, а оставил у задней двери, зная, что в него могут залезть еноты?

Потом она начала рассказывать сестрам о личном. О том случае, когда Бен пытался пообщаться с давно пропавшим отцом. О том, почему он шесть месяцев не разговаривал с Пегги, когда она пошла в колледж. О том, что случилось с той девушкой, которая всем им нравилась — конечно, не больше, чем Чарли! — и с которой, по его словам, он сам расстался, но они подозревали, что это она его бросила.

Она ссорилась с ним на людях. Она обрывала его за ужином с друзьями.

Это было не просто принижение. Чарли пилила Бена почти два года, пока от него не остался один пенек. Он обижался, он просил ее не придираться ко всему подряд — да хоть к чему-нибудь не цепляться, — но на нее ничего не действовало. Оба раза, когда ему удалось затащить ее на семейную психотерапию, Чарли так придиралась к Бену, что психолог предложил общаться с ними по отдельности.

Каким-то чудом Бен нашел в себе силы упаковать чемоданы и выйти за дверь.

— Твою ма-а-ать, — протянула Чарли.

Она рассыпала кошачий корм по всему заднему крыльцу. Насчет допустимого количества кошек Бен был прав. Чарли начала кормить бездомных кошек, они размножились, а потом к ней повадились белки и бурундуки, а еще, к ее ужасу, опоссум размером с небольшую собаку, который каждую ночь шуршал на крыльце и смотрел на нее сквозь стеклянную дверь

своими красными глазками, поблескивавшими в свете телевизора.

Чарли принялась ладонями собирать корм.

Она ругнулась на Бена за то, что Тявзилла на этой неделе у него: их обжорливый джек-рассел-терьер смел бы все в считанные секунды. Поскольку утром она ничего не успела, на вечер осталось много дел. Она разложила корм и налила воду в миски, вилами поворошила сено, которое служило подстилкой. Пополнила птичьи кормушки. Помыла террасу. Уличным веником убрала паутину. Сделала все, что могла, чтобы не входить внутрь, но, в конце концов, снаружи оставаться было уже слишком темно и холодно.

У двери ее поприветствовал пустой крючок от ключей Бена. Пустой барный табурет. Пустой диван. Пустота встретила ее и наверху — в спальне, в ванной. К мылу не прилип волос Бена, у раковины не было его зубной щетки, а его бритва не лежала на ее стороне столика.

Чарли дошла до такой степени отравления собственным плачевным состоянием, что, пришлепав вниз в пижаме, решила, что насыпать миску хлопьев — это непосильная задача. Она упала на диван. Читать не хотелось. Смотреть в потолок и стонать — тоже. Она сделала то, чего избегала весь день, — включила телевизор. Он был настроен на CNN. Симпатичная светловолосая девушка-подросток стоит перед Пайквилльской средней школой. В руках у нее свеча, потому что люди организовали что-то вроде траурного дежурства. Внизу экрана ее имя: «КЭНДИС БЕЛМОНТ, СЕВЕРНАЯ ДЖОРДЖИЯ».

Девушка сказала:

— Миссис Александер нам все время рассказывала о своей дочке. Она ее называла «Малыш», потому что она была такой сладкой малышкой. Видно было, что она очень ее любит.

Чарли убрала звук. Журналисты выдаивали эту трагедию, так же как она доит свою жалость к себе из-за Бена. Побывав по ту сторону насилия, живя с его последствиями, она не могла без тошноты смотреть, как подобные истории освещаются в СМИ. Яркие картинки. Зловещая музыка. Кадры с плачущими людьми. Каналы отчаянно борются за зрителя, поэтому сообщают все, что удастся собрать, а правда это или нет — можно разобраться и потом.

Камера отъехала от блондинки на дежурстве и показала симпатичного репортера в рубашке с закатанными на три четверти рукавами на фоне мягкого сияния свечей. Чарли смотрела, как он изображает скорбь, передавая слово коллеге в студии. Ведущий за студийным столом продолжал сообщать новости, которые не были новостями, с таким же траурным выражением лица. Чарли прочла бегущую строку, цитировавшую членов семьи Александер: «ДЯДЯ ДЕВОЧКИ: „КЕЛЛИ РЕНЕ УИЛСОН СОВЕРШИЛА ПРЕДНАМЕРЕННОЕ УБИЙСТВО“».

Келли повысили до тройного имени. Чарли предположила, что какой-то продюсер в Нью-Йорке решил, что это будет звучать более угрожающе. Бегущая строка остановилась. Ведущий исчез. На смену им пришло изображение коридора со шкафчиками. Картинка была трехмерная, но имела странный плоский вид: Чарли предположила, что это сделано специально, чтобы никто не подумал, что она реальная. Но, видимо, их юриста это не удовлетворило. Поэтому в правом верхнем углу экрана мигало красным: «РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙ».

Картинка пришла в движение. В коридоре появилась фигура: она двигалась как-то дергано и была изображена схематично. Длинные волосы и темная одежда должны были показать, что это Келли Уилсон.

Чарли включила звук.

«...Примерно в шесть пятьдесят пять предполагаемая стрелявшая, Келли Рене Уилсон, вошла в коридор». Анимированная Келли остановилась в середине экрана. В руках она держала пистолет, больше похожий на девятимиллиметровый, чем на револьвер. «Сообщается, что Уилсон стояла на этом месте, когда Юдифь Пинкман открыла дверь своего класса».

Чарли сдвинулась на край дивана.

Схематичная миссис Пинкман открыла свою дверь. По каким-то причинам аниматор изобразил ее беловато-светлые волосы серебристо-серыми, убранными в пучок, вместо лежащих по плечам. «Уилсон увидела Пинкман и сделала два выстрела», — продолжил диктор. Пистолет в руке Келли выпустил два облачка дыма. Пули были обозначены прямыми линиями, больше похожими на стрелы. «Оба выстрела прошли мимо, но, услышав стрельбу, из своего кабинета выбежал директор школы Дуглас Пинкман, муж Юдифи Пинкман, проживший с ней в браке двадцать пять лет».

Виртуальный мистер Пинкман выплыл из своего кабинета: движения ног не совпадали с его скоростью.

«Уилсон увидела своего бывшего директора и сделала еще два выстрела». Пистолет снова выпустил облачка дыма. Стрелы-пули пролетели к груди мистера Пинкмана. «Дуглас Пинкман погиб на месте». Чарли смотрела, как виртуальный мистер Пинкман, не сгибаясь, упал набок, прижав руку к груди. В середине его голубой рубашки с короткими рукавами появились две красные кляксы. И это тоже неправильно, потому что рубашка у мистера Пинкмана была белой с длинными рукавами. И волосы он не стриг под машинку.

Похоже, аниматор решил, что директор средней школы должен выглядеть как агент ФБР из семидесятых, а учительница английского — как старушка с пучком на голове.

«Затем, — продолжил ведущий, — в коридор вошла Люси Александер».

Чарли закрыла глаза.

«Люси забыла взять деньги на обед у своей мамы, учительницы биологии, которая была на педсовете в соседнем здании, когда началась стрельба». Ненадолго наступила тишина, и перед глазами Чарли появилась Люси Александер: не схематичный рисунок, который аниматоры все равно нарисовали бы не так, а реальная девочка: вот она, размахивая руками и улыбаясь, выходит из-за угла. «Еще две пули были выпущены в восьмилетнюю девочку. Первая попала в верхнюю часть ее тела. Вторая прошла мимо и попала в стекло кабинета у нее за спиной».

В дверь громко постучали три раза.

Чарли открыла глаза. Выключила звук телевизора.

Еще два стука.

Она запаниковала. Ей всегда было страшно, когда неизвестно кто стучался в дверь.

Чарли встала с дивана. Подумав о пистолете в своей прикроватной тумбочке, выглянула в окно гостиной.

Дверь она пошла открывать, улыбаясь.

Весь день Чарли думала о том, что еще может случиться плохого, но ни разу — о том, что может произойти хорошего.

— Привет. — Бен стоял на крыльце, руки в карманах. — Прости, что я так поздно. Мне нужно забрать одну папку из шкафа.

— Ага. — Это все, что она могла сказать, потому что с трудом справлялась с собой: так сильно она его хотела.

Он, правда, ничего особенного для этого не сделал. Бен переоделся в незнакомые ей спортивные штаны и футболку, что заставило ее задуматься, а не купила ли их ему Кейли Коллинз, двадцатилетняя девица с его работы. Что еще она поменяла? Чарли хотелось

понюхать его волосы, чтобы понять, пользуется ли он их шампунем. Проверить его трусы, чтобы узнать, носит ли он тот же бренд.

— Можно войти? — спросил Бен.

— Это по-прежнему твой дом.

Чарли поняла, что ей надо подвинуться, чтобы он мог пройти. Она сделала шаг назад, придерживая открытую дверь.

Бен остановился перед телевизором. Анимация закончилась. На экране снова появился ведущий.

— Кто-то сливает подробности, но это неправильные подробности, — сказал Бен.

— Я знаю, — отозвалась Чарли.

Они не просто ошибаются насчет того, что и когда произошло, — они ошибаются насчет того, кто как выглядел, где стоял и как двигался. Тот, кто сливает информацию, не занимается расследованием, но это кто-то близкий к источникам, потому что журналисты готовы платить ему за любую сколько-нибудь правдоподобную информацию.

— Ну вот. — Бен почесал руку. Посмотрел в пол. Посмотрел на Чарли. — Мне звонила Терри.

Она кивнула: ну конечно же, сестра звонила ему. Какой смысл был говорить гадости Чарли, если Бен об этом не узнает?

— Сочувствую, что тебе пришлось это выслушивать, — сказал он.

Она пожала плечом.

— Да не важно.

Девять месяцев назад он сказал бы, что важно, но сейчас просто пожал плечами в ответ.

— Ну что, я тогда поднимусь наверх?

Чарли пригласила его на лестницу жестом метрдотеля.

Она слушала, как он легко взбегаёт по ступенькам, и удивлялась, как могла забыть звук его шагов. Его

ладонь скрипнула на перилах, когда он поворачивал на лестничной площадке. В том месте, которого он касался каждый раз, стерся лак.

Как так получилось, что такого пункта до сих пор не было в каталоге ее страданий?

Чарли стояла там, где он ее оставил. Тупо смотрела на телевизионную панель. Она была массивной — даже больше, чем у кого бы то ни было в Низине. Бен тогда целый день возился с подключением. И около полуночи предложил:

— Давай посмотрим шоу на большом экране?

Когда Чарли согласилась, он нажал несколько кнопок на компьютере, и в следующий момент Чарли уже смотрела фильм о Бернарде Шоу.

Она услышала, как наверху открылась дверь. Чарли скрестила руки на животе. Что полагается делать жене, чей муж, проживающий отдельно и не появлявшийся дома девять месяцев, вдруг вернулся в родную гавань?

Бен был в гостевой комнате, в которой на самом деле был склад лишних книг, стояли шкафы с папками и висели специально изготовленные полки, на которых Бен раньше хранил коллекционные фигурки из «Звездного пути».

Именно когда исчезли фигурки, Чарли поняла, что Бен всерьез уходит.

— Привет, — сказала она.

Он был внутри гардеробной, просматривал коробки с файлами.

— Помочь тебе? — спросила она.

— Нет.

Чарли споткнулась о кровать.

Ей лучше уйти? Ей лучше уйти.

— Это для моей сегодняшней сделки о признании вины, — сказал Бен, и она поняла, что он ищет старые записи по этому делу. — Парень соврал о соучастнике.

— Это плохо. — Чарли села на кровать. — Забери пищалку Тявзиллы. Я нашла ее возле...

— Я купил ему новую.

Чарли смотрела в пол. И пыталась не думать о том, как Бен в зоомагазине выбирает игрушку для их собаки без нее. Или с кем-то еще.

— Интересно, тот человек, который слил журналистам неправильную хронологию событий, сделал это ради привлечения внимания или для того, чтобы отделаться от прессы?

— Полиция округа Дикерсон изучает записи с камер наблюдения в больнице.

Чарли не поняла, при чем тут это.

— Отлично.

— Возможно, шины твоему отцу проколол просто какой-то идиот, решивший выпендриться, но они подошли к делу серьезно.

— Вот засранец, — пробормотала Чарли: значит, Расти соврал насчет того, почему его надо подвезти.

Бен высунул голову из гардеробной.

— Что?

— Ничего. Кто-то еще и расписал его дом баллончиком. Написали «хуй соси». Точнее, просто «соси», потому что «хуй» там уже был.

— Да, «хуй» я видел на прошлых выходных.

— А что ты делал в ШБ на прошлых выходных?

Он вышел из гардеробной, держа в руках коробку с папками.

— Я встречаюсь с твоим отцом каждое последнее воскресенье месяца. Ты же знаешь.

У Расти с Беном всегда была какая-то странная дружба. Они общались как ровесники, несмотря на разницу в возрасте.

— Я не знала, что ты по-прежнему это делаешь.

— Ну да. — Бен поставил коробку на кровать. Матрас прогнулся под тяжестью. — Я расскажу Киту,

что там добавилось «соси». — Речь шла о Ките Коине, начальнике полиции и старшем брате Кена Коина. — Он обещал отправить кого-нибудь разобраться с «хуем», но после того, что случилось сегодня...

Он замолк, снимая крышку с коробки.

— Бен. — Чарли смотрела, как он ищет что-то в папках. — У тебя есть ощущение, что я никогда не позволяю тебе отвечать на вопросы?

— А ты разве не позволяешь мне ответить на вопрос прямо сейчас?

Она улыбнулась.

— Я хочу сказать... папа сегодня придумал эту хитрую штуку со стеклом в машине и... короче, неважно. В общем, он сказал, что надо выбирать, быть счастливой или быть правой. Он сказал, что это Гамма говорила ему, что она должна решить, прежде чем умрет, хочет она быть права или быть счастлива.

Он поднял глаза от коробки.

— Не понимаю, почему одно должно противоречить другому.

— Видимо, если ты все время прав, получается, что ты слишком много знаешь или ты слишком умный и даешь людям это понять... — Ей было трудно объяснить. — Гамма знала ответы на очень многие вопросы. На любой вопрос на самом деле.

— И твой отец сказал, что она стала бы счастливее, если бы притворялась не такой умной, какой в действительности была?

Чарли инстинктивно встала на защиту отца.

— Это Гамма сказала, а не папа.

— Это похоже на проблему их брака, а не нашего. — Он положил руку на коробку. — Чарли, не волнуйся, если ты похожа на мать, это хорошо. Насколько я понял, она была замечательным человеком.

От его гребаного благородства у нее перехватило дыхание.

— Это ты замечательный человек.

Он коротко саркастично усмехнулся. Чарли уже пробовала делать это: перекрывать свою стервозность, обращаясь с ним как с ребенком, которому нужна медаль за участие.

— Я серьезно, Бен, — сказала она. — Ты умный, с отличным чувством юмора и...

Удивленное выражение на его лице прервало этот поток похвал.

— Ты что, плачешь?

— Черт. — Чарли старалась не плакать ни при ком, кроме Ленор. — Извини. Весь день сегодня плачу, с утра.

Он не шелохнулся.

— То есть со школы?

Чарли поджала губы.

— Еще раньше.

— Ты хотя бы знаешь, кто этот парень?

Ее уже тошнило от этого вопроса.

— Незнакомцы для того и нужны, чтобы они оставались незнакомцами, и в идеале вы больше никогда друг друга не увидите.

— Буду знать. — Он вынул папку и стал ее пролистывать.

Чарли поднялась на колени, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Я раньше никогда такого не делала. Ни разу. Ни намека.

Бен покачал головой.

— Я никогда даже не смотрела на других мужчин, когда была с тобой.

Он положил папку обратно в коробку и вытянул следующую.

— Ты с ним кончила?

— Нет, — соврала она. — Да, но мне пришлось помогать себе рукой, и я почти ничего не

почувствовала. Как чихнула.

— Чихнула, — повторил он. — Отлично, теперь каждый раз, когда я буду чихать, буду вспоминать, как ты кончаешь с ебаным Бэтменом.

— Мне было одиноко.

— Одиноко, — отозвался он.

— Что мне еще сказать, Бен? Я хочу кончать с тобой. Я хочу быть с тобой. — Она попыталась взять его за руку, но он убрал ее. — Я что угодно сделаю, лишь бы все исправить. Только скажи.

— Ты знаешь, чего я хочу.

Опять он про семейную терапию.

— Нам не нужна какая-то стремная тетка с лицензией социального работника и уродской стрижкой, которая сообщит, что проблема во мне. Я и так знаю, что проблема во мне. Я пытаюсь ее решить.

— Ты попросила сказать, чего я хочу, и я сказал.

— Какой смысл расковыривать что-то, что произошло тридцать лет назад? — Чарли раздраженно вздохнула. — Я знаю, что меня это злит, Бен. Да, я, блядь, в ярости. Я не пытаюсь это скрыть. Я не притворяюсь, что ничего не было. Если бы я только об этом и говорила, она бы тоже сказала, что со мной что-то не так.

— Ты знаешь, что она не это говорила.

— Господи, Бен, какой в этом смысл? Ты вообще меня еще хочешь?

— Конечно, хочу. — Он посмотрел тревожно, будто желая забрать свои слова назад. — Как ты не понимаешь, что это не имеет значения?

— Имеет. — Она подвинулась ближе. — Я скучаю по тебе, милый. А ты по мне не скучаешь?

Он снова покачал головой.

— Чарли, это ничего не исправит.

— Может, немножко исправит. — Она погладила его по волосам. — Я хочу тебя, Бен.

Он продолжал качать головой, но не оттолкнул ее.

— Я сделаю все, что ты хочешь. — Чарли подвинулась еще ближе. Единственное, чего она еще не пробовала, — это наброситься на него. — Скажи мне, и я это сделаю.

— Перестань, — сказал он, но не остановил ее.

— Я хочу тебя. — Она поцеловала его в шею. Почувствовав реакцию его кожи на поцелуй, она чуть не заплакала. Продолжила целовать его, поднимаясь выше, к уху. — Я хочу чувствовать тебя внутри себя.

Бен глухо выдохнул, когда она стала гладить его по груди. Она целовала его, лизала его.

— Разреши мне взять у тебя в рот.

Бен судорожно вдохнул.

— Можешь взять все, что хочешь, милый. Мой рот. Мои руки. Мою задницу.

— Чак, — хрипло сказал он, — не надо нам...

Она поцеловала его в губы и продолжала целовать, пока он наконец не отозвался на поцелуй. Его губы были как шелк. Когда их языки соприкоснулись, она ощутила прилив удовольствия между ног. Каждый ее нерв словно вспыхнул. Его рука коснулась ее груди. Его член стал твердым, но Чарли потянулась вниз, чтобы сделать его еще тверже.

Бен накрыл ее руки своими. Сначала она подумала, что он ей помогает, но вдруг поняла, что он ее останавливает.

— О господи. — Она отпрянула, спрыгнула с кровати и прижалась к стене, смущенная, униженная и отчаявшаяся. — Прости. Прости меня, пожалуйста.

— Чарли...

— Нет! — Она подняла руки, как регулировщик. — Если ты сейчас что-то скажешь, это будет конец, а я не хочу, чтобы все кончилось, Бен. Я не выдержу. После всего, что...

Чарли замолчала, но ее собственные слова зазвенели в ушах, как сигнал тревоги.

Бен смотрел на нее. Сглотнув, спросил:

— После чего?

Чарли слушала, как в ушах пульсирует кровь. Она почувствовала, будто балансирует на краю пропасти. На телефоне Бена заиграла тема из сериала «Полицейские»: «Bad boys, bad boys, whatchu gonna do...»^[3] — он поставил этот рингтон на номер Управления полиции Пайквилля.

— Это по работе, — сказала она. — Тебе надо ответить.

— Нет. Не надо.

Он задрал подбородок в ожидании.

«Бэд бойз, бэд бойз...»

— Расскажи мне, что случилось сегодня.

— Ты же был там, когда я давала показания.

— Ты побежала навстречу выстрелам. Зачем? О чем ты думала?

— Я побежала не навстречу выстрелам. Я побежала к миссис Пинкман, которая звала на помощь.

— Ты имеешь в виду Хеллер?

— Вот именно такую хрень в стиле Опри я бы услышала от психолога. — Ей приходилось орать, чтобы перекрычать его идиотский телефон. — Что я побежала навстречу опасности, потому что тридцать лет назад, когда я была кому-то очень нужна, я убежала прочь.

— И смотри, к чему это привело! — Внезапная вспышка ярости Бена повисла в тишине.

Телефон перестал звонить.

Молчание показалось оглушительным.

— Это еще что, на хрен, значит? — спросила она.

Бен сжал зубы так сильно, что они скрипнули. Он схватил коробку с кровати и швырнул ее обратно в гардеробную.

— О чем ты, Бен? — Чарли всю трясло, будто внутри ее оборвалось какое-то крепление. — Ты хочешь сказать, смотри, к чему это привело тогда, или смотри, к чему это привело сегодня?

Он распахивал коробки на полках.

Она стояла в дверях гардеробной, поймав его в ловушку.

— Нельзя просто так набросать дерьма на вентилятор, а потом повернуться ко мне спиной.

Он ничего не ответил.

Чарли услышала, что где-то внизу в ее сумочке звонит мобильный. Она отсчитала пять долгих звонков, задерживая дыхание в перерывах, пока не включилась переадресация на голосовую почту. Бен продолжал передвигать коробки.

Тишина затянулась. Чарли готова была заплакать: похоже, сегодня это было ее главное занятие.

— Бен? — наконец взмолилась она. — Пожалуйста, скажи, что ты имел в виду.

Он снял крышку с одной из коробок. Провел пальцем по аккуратно подписанным папкам. Она думала, что он будет продолжать игнорировать ее, но он произнес:

— Сегодня третье число.

Чарли отвела глаза. Вот почему Бен звонил утром. Вот почему Расти напевал «С днем рожденья тебя», когда она, как дебилка, стояла и упрашивала его рассказать, что он знает.

— На прошлой неделе я видела в календаре, какой будет день, но...

Телефон Бена снова зазвонил. На этот раз не полиция, а обычный звонок. Один. Второй. Он ответил на третий. Она слушала его короткие реплики: «Когда?», потом: «Насколько тяжелое состояние?», потом, понизив голос: «Что говорят врачи...»

Чарли прислонилась к проему двери. Она много раз слышала этот звонок в разных вариациях. Кто-то в

Низине слишком сильно толкнул жену или взялся за нож, чтобы закончить ссору, а кто-то выхватил пистолет, и теперь помощник окружного прокурора должен ехать в участок и предложить сделку тому, кто первый заговорит.

— Он выживет? — спросил Бен. Потом закивал: — Да. Я с этим разберусь. Спасибо.

Чарли видела, как он нажал «отбой» и положил телефон обратно в карман. Она сказала:

— Дай угадаю, очередного Кулпеппера арестовали?

Он не обернулся. Он схватился за полку, будто не мог стоять на ногах.

— Бен? — спросила она. — Что с тобой?

Бен шмыгнул носом. Он не был железным, но Чарли могла по пальцам одной руки пересчитать, когда она видела мужа плачущим. Только сейчас он не просто плакал. Его плечи тряслись. Казалось, он убит горем.

Чарли тоже начала плакать. Его сестры? Его мама? Его эгоистичный отец, сбежавший, когда Бену было шесть лет?

Она положила руку ему на плечо. Он все еще трясся.

— Милый, что случилось? Ты меня пугаешь.

Он вытер нос. Обернулся. Слезы лились из его глаз.

— Мне очень жаль.

— Что? — произнесла она еле слышно. — Бен, в чем дело?

— Твой папа. — Он сглотнул слезы. — Его доставили в больницу на вертолете. Он...

У Чарли подкосились колени. Бен поймал ее, не дав упасть на пол.

«Он выживет?»

— Его нашел ваш сосед, — сказал Бен. — Он лежал на подъездной дороге.

Чарли представила, как Расти подходит к почтовому ящику — напевая, маршируя, щелкая пальцами — и вдруг хватается за сердце и падает на землю.

Она сказала:

— Он такой...

Глупый. Упрямый. Самонадеянный.

— Сегодня у меня в офисе я говорила ему, что он заработает себе новый инфаркт, и вот...

— Это не сердце.

— Но...

— У твоего отца не инфаркт. Его ударили ножом.

Чарли беззвучно задвигала губами, прежде чем смогла выговорить:

— Ударили ножом? — Она повторила, потому что не могла понять: — Ударили ножом?

— Чак, позвони сестре.

Что случилось с Шарлоттой

Шарлотта повернулась к сестре и выкрикнула:

— Разговор окончен!

Она побежала к ШБ, а Саманта не успела придумать, что ей ответить. Красная пыль летела вверх из-под ног Шарлотты и глинистой пленкой оседала на потных бедрах. Она запрыгнула на крыльцо, скинула кроссовки, стянула носки и толкнула дверь точно в тот момент, когда Гамма произнесла:

— Твою мать!

Мама стояла, наклонившись и держась одной рукой за кухонную столешницу, а другой прикрывая рот, будто только что кашляла.

Шарлотта сказала:

— Мама, это плохие слова.

Гамма выпрямилась. Достала из кармана салфетку и вытерла рот.

— Я сказала «вынимать», Чарли. А ты что слышала?

— Ты сказала... — Чарли поняла, что это ловушка. — Если я скажу эти плохие слова, ты поймешь, что я их знаю.

— Ладно, милая, не надо раскрывать все карты. — Она убрала салфетку обратно в карман и пошла в коридор. — Накрой стол к моему возвращению.

— А ты куда?

— Не установлено.

— Как мне узнать, насколько быстро надо накрыть на стол, если я не знаю, когда ты вернешься?

Она подождала.

В ответ донесся лишь кашель Гаммы.

Шарлотта взяла бумажные тарелки. Вытряхнула на стол пачку пластиковых вилок. Гамма купила в секонд-хенде настоящие столовые приборы и тарелки, но никто

не мог найти ту коробку. Шарлотта знала, что она в кабинете Расти. Завтра им предстоит разбирать кабинет, а это означает, что следующим вечером кому-то придется мыть посуду.

Саманта хлопнула дверью кухни так, что затряслись стены.

Шарлотта не стала поддаваться на провокацию. Она раскидывала по столу бумажные тарелки.

Вдруг, без всякого предупреждения, Саманта бросила ей в лицо вилку. Шарлотта открыла рот, чтобы позвать Гамму, но внезапно зубцы вилки коснулись ее нижней губы. Она инстинктивно захлопнула рот.

Вилка торчала у нее в губах, как дрожащая стрела в центре мишени.

— Офигеть, это было круто! — сказала Шарлотта.

Саманта пожала плечами, словно поймать кувыркающуюся в воздухе вилку губами — это раз плюнуть.

— Сможешь так два раза подряд — я помою посуду, — предложила Шарлотта.

— Попадешь мне в рот один раз, и я буду мыть посуду целую неделю.

— Договорились.

Шарлотта прицелилась, оценивая свои варианты: нарочно заехать Саманте по лицу или действительно постараться попасть вилкой ей в губы?

Вернулась Гамма.

— Чарли, не бросай столовые приборы в сестру. Сэм, помоги мне найти ту сковородку, что я купила на днях.

Шарлотта уже накрыла на стол, но не хотела принимать участие в поисках сковородки. Коробки пахли нафталином и псиной. Она расправила тарелки. Поровнее разложила вилки. Они будут есть спагетти, а значит, понадобятся ножи, потому что Гамма всегда недоваривает макароны и они, слипшись пучками, напоминают сухожилия.

— Сэм. — Гамма снова закашлялась. Показала на оконный кондиционер: — Включи эту штуку, а то здесь дышать нечем.

Саманта посмотрела на гигантский ящик на подоконнике так, будто никогда раньше не видела кондиционера. Она дулась с тех пор, как сгорел дом из красного кирпича. Шарлотта тоже дулась, но не подавала виду, потому что Расти и так было плохо, без лишних напоминаний.

Шарлотта взяла еще одну бумажную тарелку. Она пыталась сложить из нее самолетик, чтобы подарить папе.

— Во сколько нам забирать папу с работы? — спросила Саманта.

— Его подвезет кто-нибудь из суда, — ответила Гамма.

Шарлотта надеялась, что его подвезет Ленор.

Секретарша Расти дала ей почитать книгу под названием «Кружево», о четырех подругах, одну из которых изнасиловал шейх, только мы не знаем которую, и она забеременела, и никто не рассказывал дочке о том, что произошло, но потом она повзрослела, разбогатела и спросила их: «Кто из вас, сучки, моя мама?»

— Все, хрен с ним. — Гамма встала. — Предлагаю сегодня побыть вегетарианцами.

— Мам. — Шарлотта плюхнулась на стул. Она обхватила руками голову, притворяясь, что ее тошнит, и надеясь таким образом выпросить на ужин консервированный суп из банки. — Живот болит.

— Тебе разве не надо делать уроки? — спросила Гамма.

— Химию. — Шарлотта подняла глаза. — Поможешь?

— Это не ракетостроение.

— Ты хочешь сказать, что я справлюсь сама, потому что это не ракетостроение, или имеешь в виду, что

ракетостроение — это единственная область, в которой ты разбираешься, поэтому с химией ты мне не поможешь?

— В этом предложении слишком много союзов, — сказала Гамма. — Иди помой руки.

— По-моему, резонный вопрос.

— Прямо сейчас.

Шарлотта выбежала в коридор. Он был такой длинный, что из кухни можно было играть в боулинг. По крайней мере Гамма так сказала, и Шарлотта планировала попробовать, как только достанет мяч. Она открыла одну из пяти дверей — это оказался спуск в мерзкий подвал. Попробовала другую — коридор в страшную спальню старого фермера.

— Вы-ни-мать! — прорычала Шарлотта, чтобы Гамма ее услышала.

Она открыла еще одну дверь. Гардероб.

Шарлотта улыбнулась, потому что ей удалось разыграть Саманту, хотя, возможно, если ты хочешь, чтобы кто-то описался от страха, это и не называют розыгрышем.

Она пыталась внушить сестре, что ШБ — это дом с привидениями. Накануне Шарлотта нашла в коробке из секонд-хенда странный черно-белый снимок. Она начала его раскрашивать, но, покрыв зубы желтым цветом, придумала положить фото в нижний ящик гардероба, чтобы его нашла Саманта.

Сестра попала на эту удочку и жутко перепугалась, возможно, еще и потому, что накануне Шарлотта скрипела половицами у ее двери и заставила Саманту спуститься за ней в страшную спальню, где умер одинокий фермер, который, как Шарлотта убедила ее, оставил этот дом телом, но не душой. То есть стал призраком.

Шарлотта попробовала открыть еще одну дверь.

— Нашла!

Дернув шнур, она включила свет. Приспустила шорты, но замерла, увидев капельки крови на туалетном сиденье. Кровь не была похожа на ту, что иногда оставляла Саманта во время месячных. Это были мелкие брызги, которые могут вылететь изо рта, если слишком сильно кашлять. Гамма часто сильно кашляла в последнее время. Шарлотта натянула шорты. Включила воду и сложила ладони чашкой. Полила туалетное сиденье, чтобы смыть красные точки. Потом она заметила еще красные точки на полу. Она плеснула немного воды и на пол, а потом на зеркало, потому что и там их заметила. Даже покрытый плесенью угол душевой кабины был забрызган кровью.

На кухне зазвонил телефон. Шарлотта подождала еще два звонка: интересно, возьмут они трубку или нет. Гамма не разрешала девочкам брать трубку, потому что это мог быть Расти. Она все еще злилась из-за пожара, но не дулась, как Саманта. В основном она орала. И еще плакала, но об этом знала только Шарлотта.

Ручка молотка в раковине успела пропитаться водой, когда Шарлотта взяла его, чтобы ударить по крану. Присев на унитаз, она намочила попу. Шарлотта видела, что развела грязь. Кое-где вода порозовела. Она опять натянула шорты. Попыталась вытереть воду комком туалетной бумаги. Бумага начала расползаться, и она взяла еще. И потом еще. Бумага должна была впитывать влагу, но получился только гигантский комок мокрой бумаги, который засорил бы канализацию, если бы она попыталась смыть его в унитаз.

Шарлотта выпрямилась. Осмотрелась. Розового больше не было, но воды все еще полно. Эта комната все равно вечно сырая. Покрытый плесенью душ напоминает киношную черную лагуну, из которой вот-вот выплывет жаброчеловек.

В коридоре звякнула коробка. Сэм охнула, видимо, ударившись ногой.

— Вынимать, — ругнулась Шарлотта, на этот раз от искренней досады.

Комок туалетной бумаги весь порозовел от крови. Она засунула его в передний карман шортов. Времени пописать не осталось. Она закрыла за собой дверь в ванную. Саманта была уже близко. Шарлотта ткнула сестру кулаком в плечо, чтобы та не заметила мокрый комок у нее в шортах. Потом она проскакала до конца коридора галопом, потому что лошади быстрее людей.

— Ужин готов! — позвала Гамма.

Она стояла у плиты, когда Шарлотта влетела на кухню.

— Я здесь, — объявила она.

— А твоей сестры нет.

Шарлотта посмотрела на толстые макароны, которые Гамма выкапывала из кастрюли кухонными щипцами.

— Мам, пожалуйста, не заставляй нас это есть.

— Я не позволю вам голодать.

— Я могу съесть миску мороженого.

— Хочешь неконтролируемый понос?

Шарлотте становилось плохо от любых продуктов с содержанием молока, но ей казалось, что эти веревочные спагетти дадут тот же эффект.

— Мама, что будет, если я съем две миски мороженого? Прямо большие.

— Твой кишечник взорвется, и ты умрешь.

Шарлотта смотрела маме в затылок.

Она не всегда могла понять, серьезно мама говорит или нет.

Трелью зазвенел телефон. Шарлотта схватила трубку прежде, чем Гамма ей запретила.

— Алло?

— Чарли-мишка, как делишки? — Расти хихикнул, будто не произносил эту присказку уже миллион раз. — Могу я поговорить с моей дорогой Гаммой?

Гамма слышала вопрос Расти с другого конца кухни, потому что он всегда слишком громко говорил по телефону. Она покачала головой и неслышно произнесла «нет», чтобы у Шарлотты не осталось сомнений.

— Она чистит зубы, — сказала Шарлотта. — Кажется, она взяла зубную нить. Я слышала какой-то скрип, подумала, что это мышка, но...

Гамма схватила трубку и сказала Расти:

— «Надежда — штука с перьями —
В душе моей поет —
Без слов одну мелодию
Твердить не устает»^[4].

Она повесила трубку на рычаг. И спросила Шарлотту:

— А ты знаешь, что курица — самая распространенная птица на Земле?

Шарлотта покачала головой. Нет, этого она не знала.

— Я помогу тебе сделать химию после ужина, но это будет не мороженое.

— Химия будет не мороженое или ужин?

— Умница моя. — Она нежно взяла Шарлотту за подбородок. — Когда-нибудь ты найдешь мужчину, который будет сгорать от любви к твоей светлой голове.

Шарлотта представила горящего мужчину.

— А что, если он и дом подожжет, когда будет сгорать?

Гамма поцеловала Шарлотту в макушку и вышла из кухни.

Шарлотта откинулась назад, балансируя на задних ножках стула. Она видела, как мама идет к кладовке.

Или к лестнице в подвал. Или к гардеробу. Или к спальне. Или ванной. Она с громким стуком приземлила стул обратно на четыре ножки. Облокотилась на стол.

Шарлотта не знала, хочет ли она, чтобы в нее влюбился мужчина. Один мальчик в школе был влюблен в Саманту. Питер Александер. Он занимался джазовой гитарой и хотел после школы переехать в Атланту и играть в группе. По крайней мере, так он писал в своих длинных скучных письмах, которые Саманта прятала под матрасом.

Из-за потери Питера Саманта дулась больше всего. Шарлотта видела, что Саманта позволяла ему залезать ей под футболку, а значит, он действительно ей нравился, потому что иначе зачем это делать. У него была крутая кожаная куртка, которую он давал ей поносить и которая сгорела в пожаре. Ему досталось от родителей за то, что он ее потерял. Больше он с Самантой не разговаривал.

Многие друзья Шарлотты тоже перестали с ней разговаривать, но Расти объяснил, что это потому, что их родители — дебилы, которые считают, что казнить чернокожего, даже если он не виновен, — это нормально.

Она насвистывала сквозь зубы, складывая бумажную тарелку и снова пытаюсь сделать из нее самолетик. Еще Расти сказал Шарлотте, что из-за пожара все на какое-то время переменялось. Гамма и Саманта, которые обычно отвечали за логическое мышление, поменялись местами с Расти и Шарлоттой, которые обычно отвечали за эмоции. Как в «Чумовой пятнице», только бассет-хаунда не купишь, потому что у Саманты аллергия на собак.

Шарлотта облизала сгибы самолетика, надеясь, что слюна поможет ему удержать форму. Она не сказала Расти, что на самом деле ее логический переключатель не сработал. Она делала вид, что все хорошо, хотя на

самом деле все плохо. Шарлотта тоже много чего потеряла, например все свои книжки про Нэнси Дрю, свою золотую рыбку — а это живое существо! — свои скаутские значки и шесть мертвых насекомых, которых она хранила до следующего года, потому что знала, что на продвинутом курсе биологии для отличников первым заданием будет приколоть насекомых к доске и уметь назвать их.

Шарлотта несколько раз пыталась поговорить о своем огорчении с Самантой, но Саманта тут же принималась перечислять все свои потери, словно это какое-то соревнование. Тогда Шарлотта пыталась поговорить о чем-то еще: о школе, телепередачах или книжках, взятых в библиотеке, но Саманта молча смотрела на нее, и в конце концов Шарлотта, поняв намек, уходила.

По-человечески сестра разговаривала с ней только тогда, когда она в ванной стирала свои футболки, шорты и спортивные лифчики прямо в раковине. Беговая одежда и обувь — единственное, что у них осталось после пожара, но Саманта говорила не об этом. Она медленно, терпеливо объясняла Шарлотте, как должна происходить передача палочки вслепую, будто это единственное, что осталось важного в их жизни.

«Согни опорную ногу, вытяни руку прямо назад, наклонись вперед, к дорожке, но не двигайся, пока я не добегу до своей отметки. Как только почувствуешь удар палочки по руке — беги».

— Не смотри назад, — говорила Саманта. — Ты должна верить, что я сзади. Просто опусти голову и беги.

Саманта всегда любила бег. Она хотела получить легкоатлетическую стипендию, чтобы добежать до колледжа и никогда не возвращаться в Пайквилль, а это значит, что она уедет уже через год, потому что

Гамма планирует разрешить ей пропустить один класс, если она наберет на экзамене максимальный балл — 1600.

Шарлотта отчаялась сложить самолетик и бросила попытки. Тарелка отказывалась принимать другую форму. Она хотела оставаться тарелкой. Надо вырвать лист из какой-нибудь тетради и сделать все, как положено. Шарлотта хотела пустить самолетик с метеорологической вышки. Расти обещал отвести ее туда, потому что он придумал сюрприз для Гаммы.

Старый фермер был «ученым-любителем» в Программе совместного наблюдения Национальной погодной службы. Расти нашел в амбаре коробки с бланками наблюдения за погодой, куда фермер записывал температуру, атмосферное давление, осадки, ветер и влажность воздуха почти каждый день с 1948 года.

По всей стране тысячи таких добровольцев, как он, отсылали свои записи в Национальную администрацию по исследованию океанов и атмосферы, чтобы помогать ученым предсказывать формирование ураганов и торнадо. Фактически надо было делать много расчетов, а если что-то и могло порадовать Гамму, так это заниматься расчетами каждый день.

Метеовышка будет лучшим сюрпризом в ее жизни.

Шарлотта услышала, как к дому подъезжает машина. Она схватила неудавшийся самолетик и порвала его на кусочки, чтобы Расти не догадался, что она затеяла, потому что он уже запретил ей забираться на вышку и бросать с нее самолетики. У мусорного ведра она залезла в шорты и вытащила противные клочки мокрой туалетной бумаги. Вытерла руки о футболку. Побежала к двери встречать папу.

— Мама! — крикнула Шарлотта, но не сказала, что Расти приехал.

Она открыла дверь, улыбаясь, и вдруг перестала улыбаться, потому что на крыльце стояли двое мужчин.

Один из них шагнул назад на ступеньки. Шарлотта видела, как его глаза расширились, словно он не ожидал, что дверь откроется, и тогда она заметила, что на нем черная балаклава, черная рубашка и кожаные перчатки, а потом она увидела дуло дробовика, направленное ей в лицо.

— Мама! — завизжала Шарлотта.

— Заткнись, — шикнул чернорубашечник, толкая Шарлотту обратно на кухню.

Его тяжелые ботинки оставляли рыжие следы от глины со двора. Шарлотта должна была испугаться, должна была кричать, но могла думать только о том, как разозлится Гамма, когда увидит, что пол снова надо мыть.

— Чарли Куинн, — сказала Гамма из ванной, — что ты верещишь, как беспризорник на паперти?

— Где твой папочка? — спросил чернорубашечник.

— П-пожалуйста, — заикаясь, произнесла Шарлотта. Она обращалась ко второму парню. Он тоже был в маске и перчатках, но на нем была белая футболка с Бон Джови, поэтому он казался менее страшным, хоть и держал пистолет. — Пожалуйста, не трогайте нас.

Бон Джови смотрел мимо Шарлотты, в коридор. Она услышала медленные шаги матери. Видимо, Гамма увидела их, когда выходила из ванной. Она поняла, что что-то не так, что Шарлотта на кухне не одна.

— Эй, — чернорубашечник щелкнул пальцами, чтобы привлечь внимание Шарлотты, — где твой ебанный папочка?

Шарлотта покачала головой. Зачем им Расти?

— Есть еще кто в доме? — спросил чернорубашечник.

— Моя сестра в...

Неожиданно Гамма закрыла Шарлотте рот. Впиалась пальцами ей в плечо. Она сказала мужчинам:

— У меня в сумочке есть пятьдесят долларов и еще двести в банке в амбаре.

— На хер надо, — отозвался чернорубашечник. — Зови сюда вторую дочь. И не выебывайся.

— Нет. — Бон Джови, казалось, нервничал. — Они должны были быть на тренировке, чувак. Давай просто...

Шарлотту жестко выдернули из рук Гаммы. Чернорубашечник схватил ее за шею, сомкнув пальцы, как тиски. Ее затылок прижался к его груди. Она почувствовала, как его пальцы сжимаются на ее глотке, вытягивая ее, словно дверную ручку.

— Зови ее, сука, — приказал он Гамме.

— Са... — Гамма была так напугана, что с трудом смогла повысить голос. — Саманта?

Они слушали. Они ждали.

— Заканчивай, чувак. Его здесь нет, — сказал Бон Джови. — Давай сделаем, как она сказала, заберем деньги и уйдем.

— Че ты зассал как девочка, соберись, на хер.

Чернорубашечник крепче сжал горло Шарлотты. Стало нестерпимо больно. Она не могла дышать. Встала на цыпочки. Вцепилась ему в запястье, но он был гораздо сильнее.

— Зови ее сюда, — повторил он, — иначе я...

— Саманта! — голос Гаммы звучал напряженно. — Пожалуйста, удостоверься, что вентиль смесителя закрыт, и быстро иди на кухню.

Бон Джови отошел от проема, ведущего в коридор, чтобы Саманта его не увидела. Он сказал чернорубашечнику:

— Ну все, чувак. Она сделала, что ты сказал. Отпусти ее.

Чернорубашечник медленно ослабил хватку. Шарлотта жадно глотнула воздух. Попыталась шагнуть к матери, но он удержал ее. Ладонью прижал к себе.

— Вам не обязательно это делать, — Гамма говорила с Бон Джови. — Мы вас не знаем. Мы не знаем, как вас зовут. Вы можете уйти прямо сейчас, и мы никому не скажем.

— Заткнись, твою мать. — Чернорубашечник дернулся вперед, потом назад. — Я не идиот, чтобы кому-то из вас верить.

— Вы не... — Гамма закашлялась, прикрывая рот ладонью. — Пожалуйста. Отпустите моих дочерей, и я... — Она снова закашлялась. — Можете отвезти меня в банк. Заберите машину. Я отдам вам все до последнего пенни.

— Я и так, блядь, возьму, че захочу.

Рука чернорубашечника скользнула вниз по груди Шарлотты. Он надавил ей на живот и потерся о нее сзади. Она почувствовала, как сзади в нее уперся его половой орган. Ее вдруг затошнило. Нестерпимо хотелось писать. Лицо вспыхнуло.

— Прекрати. — Бон Джови схватил Шарлотту за локоть. Потянул, потом потянул сильнее и наконец выдернул ее из объятий чернорубашечника.

— Малышка, — Гамма обхватила Шарлотту, крепко обняла за плечи, принялась целовать голову и уши. Шепнула: — Беги, если...

Вдруг Гамма отпустила Шарлотту, чуть ли не оттолкнув ее. Сделала два шага назад и уперлась в столешницу. Руки ее были подняты вверх. Чернорубашечник целился дробовиком ей в грудь.

— Пожалуйста. — Губы Гаммы дрожали. — Пожалуйста. Умоляю вас. — Она говорила тихо, словно в комнате были только она и чернорубашечник. — Делайте со мной все что хотите, только не делайте больно девочке.

— Не волнуйся. — Чернорубашечник тоже перешел на шепот. — Это больно только первые пару десятков раз.

Шарлотту затрясло.

Она поняла, что он имеет в виду. Его жуткий взгляд. Его подвижный язык между влажных губ. Его штуковина, которая уперлась ей в спину.

У нее подкосились колени.

Она упала на стул. Лицо ее покрылось потом. По спине тоже тек пот. Она посмотрела на свои ладони, но с ними было что-то не то. Кости внутри них дрожали, будто в грудь ей воткнули камертон.

— Все хорошо, — сказала Гамма.

— Ниче хорошего, — возразил чернорубашечник.

Теперь они говорили не друг с другом. В дверном проеме стояла Саманта, замерев, как испуганный кролик.

Чернорубашечник спросил:

— Есть еще кто в доме?

Гамма покрутила головой.

— Никого.

— Не ври мне, сука.

Шарлотта перестала различать звуки. Она слышала имя своего отца, видела сердитый взгляд Гаммы.

Расти. Они ищут Расти.

Шарлотта начала раскачиваться вперед-назад, не в состоянии остановиться, инстинктивно пытаясь успокоиться. Это не кино. В доме двое мужчин. У них оружие. Они пришли не за деньгами. Они пришли за Расти, но теперь, когда Расти здесь не оказалось, чернорубашечник решил, что ему нужно кое-что другое. Шарлотта знала, что это. Она читала о таком в книжке Ленор. А Гамма сейчас здесь только потому, что Шарлотта ее позвала, и Саманта здесь только потому, что Шарлотта сказала этим мужчинам, что ее сестра в доме.

— Простите, — прошептала Шарлотта. Она не могла больше сдерживать мочевой пузырь. Почувствовала, как теплая жидкость стекает по ногам. Она закрыла глаза. Качалась взад-вперед. — Простите-простите-простите.

Саманта сжала руку сестры так, что ее косточки сдвинулись со своих мест.

Шарлотта почувствовала, что ее сейчас вырвет. Желудок сжимался, ее крутило, будто на лодке посреди шторма. Она зажмурилась. Начала думать о беге. Как подошвы кроссовок ударяются о землю. Как горят мышцы ног. Как горят легкие. Рядом бежала Саманта, и ее убранные в хвост волосы хлестали по ветру: она улыбалась и говорила Шарлотте, что делать.

«Дыши. Медленно и уверенно. Подожди, и боль пройдет».

— Заткнись, на хер, я сказал! — крикнул чернорубашечник.

Шарлотта подняла голову, но двигалась она будто в густом масле.

Что-то взорвалось, потом ее лицо и шею обдало горячей жидкостью с такой силой, что она упала на Саманту. Шарлотта начала визжать, еще не поняв, что произошло.

Кровь была повсюду, словно ею полили из шланга. Теплая и вязкая, она покрыла ее лицо, руки и все тело.

— Да заткнись ты! — Чернорубашечник влепил Шарлотте пощечину.

Саманта схватила ее. Она рыдала, тряслась, визжала.

— Гамма, — шепнула Саманта.

Чарли прижалась к сестре. Она повернула голову. Заставила себя посмотреть на мать, потому что решила навсегда запомнить, что сделали эти ублюдки.

Ярко-белая кость. Ключья сердца и легких. Жилы, артерии и вены, и жизнь, вытекшая из ее зияющих ран.

— О господи, Зак! — закричал Бон Джови.

Чарли замерла. Она не выдаст себя. Больше никогда.

Захария Кулпеппер.

Она читала материалы его дел. Расти представлял его интересы в судах как минимум четыре раза. Гамма как раз прошлой ночью говорила, что если бы Зак Кулпеппер платил по счетам, их семье не пришлось бы жить в фермерском доме.

— Твою мать! — Зак смотрел на Саманту. Она тоже читала материалы его дел. — Твою мать!

— Мама... — пролепетала Чарли, пытаюсь отвлечь их, показать Заку, что она его не знает. — Мама, мама, мама...

— Все хорошо, — попыталась успокоить ее Саманта.

— Ниче хорошего. — Зак бросил свою маску на пол. От крови Гаммы вокруг глаз у него были круги, как у енота. Он выглядел как его собственное фото из полицейских материалов, только уродливее. — Какого хера? На хера ты сказал мое имя, малыш?

— Я н-не говорил, — ответил, запинаясь, Бон Джови. — Прости.

— Мы никому не скажем. — Саманта смотрела в пол, хотя было уже поздно. — Мы ничего не скажем, обещаю.

— Девочка, я только что разнес твою маму в кусочки. Ты правда думаешь, что выйдешь отсюда живой?

— Нет, — сказал Бон Джови, — мы не для этого пришли.

— Я пришел забрать свои счета, малыш. Но щас я думаю, пускай Расти Куинн сам мне заплатит.

— Нет, — повторил Бон Джови, — я же говорил...

Зак заставил его замолчать, уперев дробовик ему в лицо.

— Давай-ка думать, на хер, стратегически. Нам надо сваливать из города, значит, нам надо много бабла. Все знают, что Расти Куинн хранит наличку в доме.

— Дом сгорел, — сказала Саманта. — Все сгорело.

— Твою мать! — закричал Зак. — Твою мать!

Он толкнул Бон Джови в коридор. Он держал дробовик направленным в голову Саманте, палец на курке.

— Нет! — Чарли потянула сестру на пол, подальше от дробовика. Коленьями почувствовала осколки. Весь пол был в кусочках раздробленной кости. Она посмотрела на Гамму. Взяла ее восковую белую руку. Тело уже начало остывать. Она шепнула: — Не умирай, мама. Пожалуйста. Я тебя люблю. Я так тебя люблю.

Она услышала, как Зак говорит:

— Че ты делаешь вид, что не понимаешь, как все закончится?

Сэм потянула Чарли за руку.

— Чарли, вставай.

— Мы отсюда не уйдем, пока ты тоже не замараешься, — сказал Зак.

— Чарли, вставай, — повторила Сэм.

— Не могу. — Она пыталась расслышать, что говорил Бон Джови. — Я не могу отпустить...

Саманта буквально подняла ее и посадила на стул.

— Беги, как только сможешь. — Она шептала Чарли то же, что пыталась сказать Гамма. — Не оборачивайся. Просто беги.

— О чем это вы шепчетесь? — Зак вернулся к столу. Что-то хрустнуло под его ботинками. Он упер дробовик в лоб Сэм. Чарли видела кусочки плоти Гаммы, прилипшие к стволу. Он спросил Сэм: — Че ты ей сказала? Убегать? Смываться?

Чарли издала горлом какой-то звук, пытаясь отвлечь его. Зак не отвел дробовик от Сэм, но улыбнулся Чарли, демонстрируя ряд кривых желтых зубов.

— Че она тебе сказала делать, куколка?

Чарли старалась не думать о том, как менялся его тон, когда он обращался к ней.

— Ну че ты, детка. — Зак пялился на ее грудь. Опять облизнул губы. — Мы же с тобой подружимся?

— Х-хватит, — сказала Сэм. Дробовик так уперся ей в лоб, что из-под дула потекла капля крови. — Отстань от нее.

— Я разве с тобой разговариваю, сучка? — Зак налег на дробовик. Голова Сэм запрокинулась. — С тобой?

Сэм сжала зубы. Напрягла кулаки. Выглядело это как кастрюля, закипающая на огне, только в ней бурлила не вода, а ярость. Она крикнула:

— Оставь нас в покое, Захария Кулпеппер!

Удивленный таким отпором, Зак качнулся на пятках.

— Я знаю, кто ты такой, ты гребаный извращенец.

Он сжал дробовик. Оскалился.

— Я вырву тебе веки, и ты будешь смотреть, как я вырезаю целку твоей сестры ножом.

Они смотрели друг другу в глаза. Сэм не собиралась отступить. Чарли раньше видела ее в таком состоянии, этот ее взгляд, когда она не хотела никого слушать. Только это был не Расти и не злобные одноклассницы. Это мужчина с дробовиком и без самообладания, который в прошлом году чуть не забил насмерть человека.

Чарли видела фотографии в материалах дела. Читала полицейский отчет. Захария размозжил череп того парня голыми руками. Она издала тихий стон.

— Зак, — вмешался Бон Джови, — пойдем, чувак.

Чарли ждала, что Сэм отведет взгляд, но она этого не сделала. Не хотела. Не могла.

— Мы же договорились? — сказал Бон Джови.

Зак не двигался. Никто не двигался.

— Мы договорились, — повторил Бон Джови.

— Конечно. — Зак отдал дробовик Бон Джови. — Я за свои слова отвечаю.

Он сделал вид, что отходит, но вдруг рука его дернулась, будто атакующая гремучая змея. Он схватил Сэм за лицо и так толкнул ее на раковину, что голова ее звонко ударилась о чугун.

— Нет! — закричала Чарли.

— Я извращенец, говоришь? — Зак так близко наклонился к Сэм, что его слюна брызгала прямо ей в лицо. — Че еще ты хочешь про меня сказать?

Сэм открыла рот, но кричать не могла. Она схватила его руку, цеплялась и царапалась, но ногти Зака впились ей в глаза. Потекли кровавые слезы. Ноги Сэм пинали воздух. Она задышалась.

— Хватит! — Чарли прыгнула на Зака сзади, колотя по нему кулаками. — Прекратите!

Он отшвырнул ее так, что она пролетела через всю кухню. Голова Чарли гулко ударилась о стену. В глазах у нее все двоилось, но ей удалось сфокусироваться на Сэм. Зак оставил ее на полу. Кровь стекала по ее щекам, впитываясь в воротник футболки.

— Сэмми! — вскрикнула Чарли. Она пыталась разглядеть ее глаза и понять, насколько они повреждены. — Сэм? Посмотри на меня. Ты видишь что-нибудь? Посмотри на меня, пожалуйста!

Сэм осторожно попробовала открыть веки. Они были порваны, как клочки мокрой бумаги.

— А это че за хрень? — спросил Зак.

Молоток, которым они закрывали кран в ванной. Он поднял его с пола. Подмигнул Чарли.

— Знаешь, куда я могу его засунуть?

— Хватит! — Бон Джови выхватил у Зака молоток и швырнул его в коридор.

Зак пожал плечами.

— Да ладно, братан, шучу.

— Вставайте обе, — приказал Бон Джови. — Пора с этим заканчивать.

Чарли не двинулась. Сэм моргала кровью.

— Помоги ей встать, — сказал Заку Бон Джови. — Ты обещал, чувак. Не надо делать еще хуже.

Зак так резко рванул Сэм, что ее плечо щелкнуло, будто вылетев из сустава. Она врезалась в стол. Зак толкнул ее к двери. Сэм врезалась в стул. Чарли схватила ее за руку, помогая устоять на ногах.

Бон Джови открыл дверь.

— Вперед.

Чарли шла первой, немного боком, помогая Сэм спуститься с крыльца. Свободную руку Сэм вытянула вперед, как слепая. Чарли посмотрела на их кроссовки и носки. Если бы можно было их надеть, они бы убежали. Но только если бы Сэм могла видеть, куда бежать.

— Ты видишь что-нибудь? — спросила Чарли. — Сэм, ты видишь что-нибудь?

— Да, — ответила Сэм, но, очевидно, соврала.

Она даже не могла до конца открыть веки.

— Сюда, — сказал Бон Джови, указывая на поле за ШБ.

Земля была недавно засеяна. Вообще-то по ней ходить нельзя, но Чарли пошла, куда было велено, ведя Сэм за собой и помогая ей шагать по глубоким бороздам.

Чарли спросила Бон Джови:

— Куда мы идем?

Зак упер дробовик в спину Сэм.

— Иди давай.

— Не понимаю. — Чарли повернулась к Бон Джови. — Почему вы это делаете?

Он помотал головой.

— Что мы вам сделали, мистер? — спросила она. — Мы же просто дети. Мы ничего этого не заслужили.

— Молчи, — предупредил Зак. — Заткнитесь вы обе.

Сэм еще крепче сжала руку Чарли. Она приподняла голову, как принюхивающаяся собака. Чарли чувствовала и понимала, чем занята сестра. Позавчера Гамма показывала им топографическую карту местности. Теперь Сэм пыталась вспомнить основные точки, чтобы сориентироваться.

Чарли тоже пыталась.

Соседская земля уходит за горизонт, но в ту сторону местность совершенно плоская. Даже если у Чарли получится бежать зигзагами, Сэм в конце концов запнется и упадет. Деревья окаймляют дальнюю правую сторону участка. Если удастся отвести туда Сэм, можно попробовать спрятаться там. За лесом есть ручей, который проходит под метеовышкой. За ней — асфальтированная дорога, но ею никто не пользуется. В полумиле к северу — заброшенный амбар. Вторая ферма в двух милях на восток. Это был бы лучший вариант. Если получится довести Сэм до той фермы, они позвонят Расти, и он их спасет.

— Что это? — спросил Зак.

Чарли обернулась на фермерский дом. Она увидела фары, две далекие плывущие точки. Это не фургон Ленор.

— Машина.

— Черт, они в два счета вычислят мой пикап. — Зак ткнул Саманту в спину дробовиком, направляя ее им как рулем. — Давайте шевелитесь, а то застрелю вас прямо здесь.

«Прямо здесь».

Чарли оцепенела. Она надеялась, что Сэм не услышала этих слов и не поняла, что они значат.

— Из этой ситуации есть другой выход. — Сэм повернулась к Бон Джови, хотя и не видела его.

Зак пренебрежительно хмыкнул.

— Я сделаю все, что вы хотите. — Сэм откашлялась. — Все, что угодно.

— Черт, — сказал Зак, — а ты не подумала, что я и так возьму все, что хочу, тупая ты шлюха?

Чарли сглотнула горечь во рту. Она увидела впереди поляну. Можно было бы побежать туда вместе с Сэм и найти место для укрытия.

— Мы не скажем, что это вы, — продолжала Сэм. — Мы скажем, что вы все время были в масках и...

— Ага, с моим пикапом у дома и трупом вашей мамы на кухне? — Зак снова насмешливо хмыкнул. — Вы, Куинны, мать вашу, думаете, что вы — самые умные. Думаете, вы можете кого угодно заболтать.

Чарли не знала укромных мест в здешнем лесу. После переезда она только и делала, что распаковывала коробки, и исследовать окрестности времени не было. Лучше всего для Чарли и Сэм было бы побежать назад в ШБ, куда уже приехала полиция. Чарли могла бы провести Сэм через поле. Сестре придется довериться ей — так же, как она говорила Чарли довериться ей при передаче палочки вслепую. Сэм быстро бегают, быстрее, чем Чарли. Если она не запнется...

— Послушайте, — сказала Сэм, — вам все равно придется уехать из города. Вам совсем не обязательно нас убивать. — Она повернулась к Бон Джови. — Пожалуйста, подумайте об этом. Просто свяжите нас. Оставьте нас где-нибудь, где нас не найдут. Вам так и так придется уехать отсюда. Зачем вам лишняя кровь на руках?

Чарли почувствовала, как кто-то провел ей пальцем по спине снизу вверх. Она вздрогнула, и Зак рассмеялся.

— Отпустите мою сестру, — сказала Сэм. — Ей тринадцать. Она еще ребенок.

— Тоже мне ребенок, — Зак изобразил руками пощипывание. — Сисечки вон как торчат.

— Заткнись, — предупредил Бон Джови. — Я серьезно.

— Она никому не скажет. — Сэм сделала еще одну попытку. — Она скажет, что это был кто-то незнакомый. Правда, Чарли?

— Может, черный? — спросил Зак. — Как тот парень, которого твой папочка отмазал от срока за убийство?

Чарли почувствовала, как он пальцами коснулся ее груди. Она повернулась к нему и заорала:

— Ага, как он отмазал тебя от срока за то, что ты показывал свою пипиську маленьким девочкам?

— Чарли, — взмолилась Сэм, — пожалуйста, молчи.

— Пусть говорит, — ответил Зак. — Мне нравится, когда они сопротивляются.

Чарли посмотрела ему в глаза. Она пошла быстрее через лес, таща за собой Сэм, пытаюсь идти не слишком быстро, но поторапливаясь, чтобы Зак не шел рядом.

— Нет, — шепнула Чарли. — Зачем торопиться?

Наоборот, надо идти медленно. Чем дальше они уйдут от ШБ, тем опаснее будет бежать назад. Чарли остановилась. Развернулась. Свет на кухне фермы был уже едва различим.

Зак снова упер дробовик в спину Сэм.

— Шевелись.

Они брели все глубже в лес, и в ноги Чарли впивались сосновые иглы. Стало прохладнее. Шорты затвердели от высохшей мочи. Натерли бедра с внутренней стороны. Ей казалось, что с каждым шагом с них сходит слой кожи.

Она оглянулась на Сэм. Та шла с закрытыми глазами, вытянув перед собой руку. Под ногами шуршала листва. Чарли остановилась, чтобы помочь Сэм перешагнуть через упавшее дерево. Они перешли ледяной ручей. Облака прорезала полоса лунного света. Чарли увидела очертания метеовышки вдалеке: ржавая

железная конструкция скелетом вырисовывалась на фоне темного неба.

Чарли поняла, где они находятся. Если башня слева, значит, они идут на восток. Вторая ферма примерно в двух милях к северу, справа.

Две мили.

Лучшим результатом Чарли была миля за 7:01. Сэм могла пробежать ее за 5.52 по ровной поверхности. В лесу поверхность неровная. Да и лунный свет непредсказуем.

Сэм ничего не видит. Возможно, они смогут пробежать милю за восемь минут, если Чарли будет внимательно смотреть вперед и не оглядываться.

Она стала всматриваться в даль в поисках удобной тропинки ровной траектории.

Но было поздно.

— Сэм. — Чарли резко остановилась. По ее ноге снова скатилась струйка мочи. Чарли обхватила сестру. — Там лопата. Лопата.

Ощупав руками лицо, Сэм подняла свои веки. Она тихо ахнула, увидев то, что было впереди.

В шести футах от них темная сырая земля была разрыта.словно рана в лесной почве.

Чарли снова застучала зубами. Так, что было слышно стук. Зак и Бон Джови вырыли могилу для Расти, и теперь закопают туда Сэм и Чарли.

Надо бежать.

Чарли почувствовала это всем своим существом. Сэм что-то видит — ведь могилу она разглядела. А значит, сможет и бежать. Выбора нет. Нельзя вежливо стоять здесь и ждать, пока их убьют.

Да еще и сделают то, что у Захарии Кулпеппера на уме.

Чарли сжала руку Сэм. Сэм ответным нажатием показала, что тоже готова. Осталось только дожидаться подходящего момента.

— Ладно, малыш. Твоя очередь. — Зак упер приклад дробовика в бедро. Другой рукой вытащил из кармана выкидной нож и раскрыл его. — От выстрелов будет много шума. Вот, возьми. Перережь ей горло, да и все: представь, что режешь свинью.

Бон Джови стоял, не двигаясь.

— Давай как договаривались, — поторопил Зак. — Ты берешь эту. Младшенькую оставь мне.

— Она права, — сказал Бон Джови. — Нам необязательно это делать. Мы не планировали трогать женщин. Их вообще здесь не должно было быть.

— Чего-чего?

Сэм еще сильнее сжала руку Чарли. Они смотрели и ждали.

— Что сделано, то сделано. Давай не будем больше никого убивать, так будет только хуже, — настаивал Бон Джови. — Они ни в чем не виноваты.

— О господи. — Зак закрыл нож и сунул его обратно в карман. — Мы же все порешали на кухне, чувак. Тут без вариантов.

— Мы можем сдать полицию.

— Хрена с два.

Сэм прислонилась к Чарли, столкнув ее на несколько шагов правее, готовясь бежать вместе.

— Я сдам, — продолжил Бон Джови. — Возьму вину на себя.

— Хер тебе. — Зак ударил Бон Джови в грудь. — Я не собираюсь садиться за убийство только потому, что у тебя вдруг совесть проснулась.

Сэм отпустила руку Чарли.

У Чарли сердце упало.

Сэм шепнула:

— Чарли, беги.

— Про тебя я никому не скажу, — сказал Бон Джови, — скажу, что это все я.

Чарли попыталась снова взять Сэм за руку. Надо держаться поближе, чтобы она могла показать Сэм, куда бежать.

— На моем долбаном пикапе?

Сэм замахала на Чарли, шепча:

— Беги.

Чарли помотала головой. Что Сэм имеет в виду? Она не побежит без нее. Она не оставит сестру здесь.

— Ублюдок. — Зак прицелился Бон Джови в грудь. — Вот что мы сделаем, малыш. Ты возьмешь мой нож и перережешь этой суке горло, или я проделаю в твоих ребрах дыру размером с Техас. — Он топнул ногой. — Прямо сейчас.

Бон Джови навел свой пистолет на голову Зака.

— Мы идем в полицию.

— Убери от меня долбаную пушку, ты, сраное ссыкло.

Сэм ткнула Чарли локтем, пытаясь заставить ее бежать.

— Беги.

Чарли не двинулась с места. Она не оставит сестру. Бон Джови сказал:

— Я сейчас тебя убью, а не их.

— Ты не выстрелишь, кишка тонка.

— Увидишь.

Чарли опять услышала стук собственных зубов.

Что делать — бежать? А Сэм побежит за ней? Может, она это имеет в виду?

— Убегай, — умоляла Сэм, — тебе надо бежать.

Не смотри назад. Ты должна верить, что я сзади.

— Сраный мажор. — Зак выбросил вперед руку. Бон Джови наотмашь ударил по дробовику.

— Беги! — Сэм сильно толкнула сестру. — Чарли, беги!

Чарли упала на попу, ударившись о землю. Она увидела яркую вспышку выстрела, услышала взрыв,

вытолкнувший из ствола пулю. А потом из головы Сэм, сбоку, взметнулось облачко брызг.

Она волчком завертелась в воздухе, почти как кувыркающаяся пластиковая вилка, и упала в разверстую пасть могилы.

Хлоп.

Чарли смотрела в разрытую землю и ждала, просила, молилась, чтобы Сэм села, посмотрела вокруг и сказала что-нибудь, все что угодно, лишь бы понять, что она жива.

— Черт, — сказал Бон Джови. — Господи. О господи.

Он отбросил пистолет, словно тот был пропитан ядом. Чарли видела, как пистолет сверкнул металлом, падая на землю. Видела вспышку паники на лице Бон Джови. Видела внезапную белизну зубов Зака, когда он улыбнулся.

Ей.

Он смотрел на Чарли и улыбался.

Она поползла назад, как краб, на руках и пятках.

Зак двинулся к ней, но Бон Джови схватил его за футболку.

— Что, блядь, нам теперь делать?

Чарли ударилась спиной о дерево. Она встала. Колени тряслись. Руки тряслись. Все тело тряслось. Она посмотрела на могилу. Ее сестра в могиле. Сэм выстрелили в голову. Чарли не видела ее и не знала, жива она или мертва, нужна ей помощь или...

— Все хорошо, кошечка, — сказал ей Зак. — Стой там, я иду к тебе.

— Я т-только что... — заикался Бон Джови. — Я только что убил... Я...

«Убил».

Он не мог убить Сэм. В пистолете пуля маленькая, это же не дробовик. Может, она ее и не задела особо. Может, Сэм жива-здоровая, прячется там, в могиле, и ждет, когда можно будет выскочить и побежать.

Но она не выскакивала. Она не двигалась, не говорила, не кричала, не указывала всем вокруг, что им делать.

Чарли очень хотелось, чтобы сестра заговорила и сказала ей, что делать. Что сказала бы Сэм прямо сейчас? Что она сказала бы Чарли делать?

— Закопай эту сучку. А мы с малой ненадолго отойдем.

— Боже.

Сэм бы сейчас не говорила, она бы орала в бешенстве от того, что Чарли просто стоит, упуская свой шанс, и не делает то, чему ее учила Сэм.

Не смотри назад... верь, что я сзади... опусти голову и...

Чарли побежала.

Ее руки мотались вдоль тела. Ноги пытались удержать сцепление с землей. Ветки хлестали ее по лицу. Она задыхалась. В легкие будто вбивались иглы.

Дыши. Медленно и уверенно. Подожди, и боль пройдет.

Они были лучшими подругами. Они все делали вместе. А потом Сэм пошла в старшую школу, а Чарли осталась, и единственный способ завоевать внимание сестры был попросить ее научить Чарли бегать.

Не держи напряжение. Два шага — вдох. Один шаг — выдох.

Чарли ненавидела бегать, потому что это было глупо и больно — и в процессе, и потом, — но ей хотелось проводить время с Сэм, делать что-то вместе с ней, может быть, когда-нибудь сделать это лучше, чем она, и поэтому Чарли ходила бегать с сестрой, записалась в школьную беговую команду и каждый день замеряла свое время, потому что каждый день она бегала быстрее.

— А ну-ка назад! — заорал Зак.

Две мили до второго фермерского дома. Двенадцать, может, тринадцать минут. Чарли не умела бегать быстрее мальчиков, но могла бегать дольше. Она вынослива, натренирована. Она умеет игнорировать боль. Продолжать дышать даже тогда, когда воздух бритвой режет легкие.

К чему она никогда не готовилась, так это к панике от звука тяжелых ботинок, врезающихся в грязь за ее спиной, — от резонирующего в ее груди «бух-бух-бух».

Захария Кулпеппер догонял ее.

Чарли побежала быстрее. Она прижала руки к бокам. Убрала напряжение из плеч. Представила, что ее ноги — это поршни в быстром двигателе. Выключила ощущения впивающихся в голые ступни шишек и острых камней. Она думала о мышцах, которые помогают ей двигаться.

Икроножные мышцы, квадрицепсы, задняя поверхность бедра, напряги корпус, береги спину.

Захария приближался. Она слышала, что он надвигается на нее, как паровоз.

Чарли перескочила через упавшее дерево. Она глянула налево, потом направо, зная, что по прямой бежать нельзя. Надо было понять, где метеовышка, чтобы убедиться, что она бежит в правильном направлении, но она понимала, что если оглянется, то увидит Захарию Кулпеппера, а это усилит ее панику, она запнется, а если она запнется, она упадет.

И тогда он ее изнасилует.

Чарли взяла правее, цепляясь за землю пальцами ног, чтобы не упасть на повороте. В последний момент она заметила еще одно упавшее дерево. Она перебросила себя через него и неловко приземлилась. Подвернула стопу. Почувствовала, как лодыжка коснулась земли. Боль прорезала ногу.

Она продолжила бежать.

И бежать.

И бежать.

Стопы стали липкими от крови. По всему телу стекал пот. Грудь горела, но не так сильно, как если Захария снова ущипнет ее. Внутренности свело, в кишечнике что-то плескалось и бурлило, но все это было ерундой по сравнению с тем, что она почувствует, если Захария засунет в нее свою штуковину.

Чарли посмотрела вперед в поисках света, каких-то признаков цивилизации. Сколько времени уже прошло? Сколько еще он сможет бежать за ней?

Представь себе финишную черту. Ты должна стремиться к ней сильнее, чем человек позади тебя.

Захария чего-то хочет. Чарли хочет чего-то другого: убежать, позвать на помощь сестре, найти Расти, чтобы он придумал, как все наладить.

Внезапно голова Чарли дернулась так резко, что ей показалось, она оторвется.

Ее ноги взлетели в воздух.

Спина со всей силы ударилась о землю.

Она видела, как выдох вылетел из ее легких. Захария навалился на нее. Его руки были повсюду. Тискали ее груди. Стягивали ее шорты. Его зубы впились в ее закрытый рот. Она царапала его глаза. Пыталась ударить коленом ему в пах, но не смогла согнуть ногу.

Захария выпрямился, оседлав ее.

Чарли продолжала шлепать его по лицу, безуспешно пытаясь сбросить с себя его жутко тяжелое тело. Он расстегнул свой ремень. Она открыла рот. Задохаясь, она не могла кричать. Ее тошнило. Рвота жгла горло. Она закрыла глаза и увидела, как Сэм летит, крутясь в воздухе. Услышала «хлоп», с которым тело сестры приземлилось в могилу, так четко, будто это происходит опять. А потом она увидела Гамму. На полу кухни. Спина к шкафчику.

Ярко-белая кость. Ключья сердца и легких. Жилы, артерии и вены, и жизнь, вытекающая из ее зияющих ран.

— Нет! — завизжала Чарли, сжав кулаки.

Она ударила Захарию в грудь, сильно врезала ему в челюсть, так что его голова дернулась вбок. Из рта у него брызнула кровь — крупными каплями, не как у Гаммы — крошечными точечками.

— Ебаная сука. — Он занес руку, чтобы ударить ее.

Чарли увидела боковым зрением какое-то движение.

— Отойди от нее!

Бон Джови пролетел над Чарли и повалил Захарию на землю. Его кулаки ходили туда-сюда. Он оседлал Захарию так же, как Захария оседлал Чарли. Бон Джови размахивал руками, как ветряная мельница, вбивая напарника в землю.

— Ублюдок! — орал он. — Убью, на хер!

Чарли отползла от них. Проваливаясь руками в грунт, заставила себя встать. Она споткнулась. Вытерла глаза. От пота высохшая кровь на лице и шее снова стала жидкой. Покрутилась на месте, ослепшая, как Сэм. Она не могла понять, где находится. Не знала, в какую сторону бежать, но понимала, что надо двигаться.

Бросившись обратно в лес, Чарли чуть не взвыла от резкой боли в лодыжке. Она не искала метеовышку. Не прислушивалась к ручью, не пыталась найти Сэм или выйти к ШБ. Она просто бежала, потом шла, а потом так устала, что хотела ползти.

Наконец она сдалась и упала на четвереньки.

Она прислушалась, нет ли шагов сзади, но различила только свое собственное тяжелое дыхание.

Ее вырвало. Желчь ударилась о землю и плеснула обратно ей в лицо. Ей хотелось лечь, закрыть глаза, заснуть и проснуться через неделю, когда все это закончится.

Сэм.

В могиле.

С пулей в голове.

Гамма.

На кухне.

Ярко-белая кость.

Куски сердца и легких.

Жилы, артерии и вены, и ее жизнь, закончившаяся вспышкой дробовика Захарии Кулпеппера.

Чарли знает его имя. Знает телосложение Бон Джови, его голос. Она запомнила, как он молча стоял и смотрел, как Гамму убивают, запомнила, как его рука изогнулась, когда он выстрелил Сэм в голову, как Захария называл его братом.

Братом.

Она должна увидеть, как они оба умрут. Она будет смотреть, как палач пристегивает каждого из них к деревянному стулу, надевает на голову железную шапку с мокрой губкой под ней, чтобы они не загорелись, и она будет смотреть Захарии Кулпепперу между ног, чтобы увидеть, как там потечет моча, когда он поймет, что его сейчас казнят на электрическом стуле.

Чарли встала.

Она споткнулась, потом пошла, потом медленно побежала и в конце концов увидела свет на крыльце второго фермерского дома.

Глава седьмая

Сэм Куинн чередовала руки — левая, правая и снова левая, — прорезая узкий канал в прохладной воде бассейна. На каждом третьем гребке она поворачивала голову и делала глубокий вдох. Энергично работала ногами. Ждала следующего вдоха.

Левая-правая-левая-вдох.

Она всегда любила кроль за размеренность и простоту: в этом стиле она сосредоточивалась на плавании ровно настолько, чтобы из головы ушли все лишние мысли. Под водой не звонят телефоны. Ноутбуки не пищат напоминаниями о срочных встречах. В бассейне не считаешь электронную почту.

Она увидела двухметровую линию, обозначающую приближение конца дорожки, и прекратила грести — вскоре ее пальцы коснулись стенки.

Тяжело дыша, Сэм уперлась коленями в пол бассейна с неглубокой стороны и проверила свои умные часы: 2,4 километра, 150 секунд на 100 метров, то есть 37,5 секунды на 25 метров.

Эти цифры всего на несколько секунд отличались от вчерашних, и ее кольнуло разочарование: спортивные амбиции встречали яростное противостояние ее физических возможностей. Сэм оценила длину бассейна, прикидывая, не сделать ли еще один рывок.

Нет.

Сегодня у Сэм день рождения. Она не собирается изнурять себя до такой степени, что придется идти на работу с тростью.

Она подтянулась и вылезла на край бассейна. Быстро смыла с себя под душем соленую воду. Сморщенными огрубевшими подушечками пальцев ощутила мягкость полотенца из египетского хлопка.

Где-то в глубине сознания Сэм возник голос матери, который сообщил ей, что сморщивание пальцев рук и ног — это реакция тела на длительное пребывание в воде, в результате которого улучшается сцепление пальцев с поверхностью. Гамме было сорок четыре, когда она умерла, — столько же, сколько Сэм сейчас.

Точнее, должно исполниться через три с половиной часа.

Сэм поднялась в лифте в свою квартиру, не снимая плавательные очки с диоптриями. Она смотрела на свое волнистое отражение в хромированных внутренних дверях лифта. Стройная фигура. Черный слитный купальник. Сэм взъерошила пальцами волосы, чтобы они быстрее высохли. Двадцать восемь лет назад она вошла в лес за фермерским домом с волосами цвета воронова крыла. Почти месяц спустя она очнулась в больнице и обнаружила, что на ее обритой голове отрастает густая седая щетина.

Сэм уже привыкла, что люди странно приглядываются к ней и меняются в лице, вдруг поняв: седая женщина, которая садится за заднюю парту в классе, или покупает вино в супермаркете, или гуляет в парке, — это на самом деле молодая девушка.

Хотя надо признать, в последнее время такое происходит все реже и реже. Муж предупреждал Сэм, что когда-нибудь ее лицо наконец станет соответствовать цвету ее волос.

Двери лифта открылись.

Сквозь панорамные окна квартиры подмигивало солнце. Далеко внизу уже проснулся Финансовый округ: гудки машин, гул подъемных кранов и прочий гвалт приглушенно доносился сквозь тройное остекление.

Сэм прошла на кухню, по пути выключая свет. Сменила плавательные очки на обычные. Положила еды коту. Налила воды в чайник. Подготовила ситечко с

заваркой, кружку и ложку, но прежде чем кипятить воду, пошла к коврику для йоги в гостиной.

Она сняла очки. Сделала несколько упражнений на растяжку, чтобы вернуть мышцам мягкость. Села на коврик, скрестив ноги. Положила ладони тыльной стороной на колени. Мягко соединила кончики средних и больших пальцев. Закрыла глаза, сделала глубокий вдох и сфокусировала внимание на своем мозге.

Несколько лет спустя после ранения психиатр показал Сэм рисунок гомункулуса — проекцию тела на двигательные зоны мозга. Он хотел, чтобы Сэм увидела, какой путь прошла пуля и какие зоны были задеты. Он сказал ей думать об этих зонах хотя бы один раз в день, проводить как можно больше времени, думая о каждом изгибе и бороздке и визуализируя свой мозг, работающий в идеальном тандеме с телом, как это было до травмы.

Сначала Сэм противилась. Это упражнение казалось ей по меньшей мере попыткой выдать желаемое за действительное, а по большей — каким-то вудуизмом. Теперь же это было единственным способом усмирять головные боли и сохранять хоть какое-то равновесие. Сэм проходила всесторонние обследования мозга, смотрела снимки МРТ и изучала тома сложных книг по неврологии, но тот первый рисунок так и остался ее главным помощником в медитации.

В ее памяти поперечные сечения левой части двигательной и сенсорной коры мозга навсегда остались окрашенными в ярко-желтый и зеленый. Каждая секция коры мозга подписана той частью тела, которой она соответствует. Пальцы ног. Голень. Колено. Бедро. Корпус. Плечо. Запястье. Пальцы рук. Сэм мысленно путешествовала от одной части своего тела к другой, поочередно ощущая покалывание в каждой из них.

Пуля вошла в ее череп слева над ухом. Левая часть мозга контролирует правую сторону тела, а правая — левую. С медицинской точки зрения была травмирована поверхностная часть мозга. Сэм всегда казалось, что слово «поверхностная» в данном случае некорректно. Действительно, пуля не задела средний мозг и не вошла в глубь лимбической системы, но и зона Брока, ответственная за формирование речи, и зона Вернике, ответственная за понимание речи, так же как и различные области, контролирующие движения правой части тела, получили необратимые повреждения.

«Поверхностный [по-ве2рх-ност-ный] — находящийся, происходящий на поверхности, у поверхности, не входящий в существо дела, несерьезный, ограничивающийся несущественным».

У нее в голове металлическая пластина. Над ухом у нее шрам длиной и шириной с указательный палец.

У Сэм сохранились обрывочные воспоминания о том дне. Она была уверена только в нескольких вещах. Она помнила грязь, которую Чарли развела в ванной. Помнила братьев Кулпепперов, их запах и почти буквальный вкус угрозы, которая от них исходила. Она не помнила, как погибла Гамма. Не помнила, как выбиралась из могилы. Она помнила, что Чарли описалась. Помнила, как кричала на Захарию Кулпеппера. Помнила, как ей сильно, до боли хотелось, чтобы Чарли убежала, чтобы она была в безопасности, чтобы она выжила, несмотря на то, чего это будет стоить Сэм.

Физическая терапия. Эрготерапия. Логотерапия. Когнитивная терапия. Речевая терапия. Акватерапия. Сэм пришлось заново учиться ходить. Заново учиться думать. Заново учиться общаться. Строить отношения. Писать. Читать. Понимать. Одеваться. Принимать то, что с ней произошло. Признавать, что все изменилось. Заново учиться учиться. Вернуться в школу. Выражать

свои мысли. Понимать речь, логику, движение, функции и формы.

Сэм часто сравнивала первый год своего выздоровления со старой грампластинкой. Она просыпалась в больнице, и все играло на неправильной скорости. Ее слова сливались. Мысли будто пробирались сквозь жидкое тесто. Казалось, снова заставить эту пластинку крутиться на скорости $33\frac{1}{3}$ оборота в минуту невозможно. Никто не верил, что она сможет. Но врачи считали, что возраст мог стать волшебным компонентом. Как сказал ей один хирург, если планируешь получить пулю в голову, лучше сделать это, пока тебе пятнадцать.

Что-то ткнулось в руку Сэм. Граф Фоско, ее кот, закончил завтракать и требовал внимания. Она почесала ему уши, слушая его умиротворяющее урчание и думая, а не стоит ли вместо медитации просто завести еще несколько кошек.

Она надела очки. Вернулась на кухню и включила чайник. Солнце светило со стороны Нижнего Манхэттена. Она закрыла глаза, пригревшись в теплых лучах. Когда она их открыла, то увидела, что Фоско делает то же самое. Похоже, он обожает подогреваемый пол на кухне. Сэм до сих пор не привыкла к тому, как тепло обволакивает ее голые ноги, когда она встает по утрам. В ее новой квартире имелись все современные примочки, которых не было в старой. Для этого и нужна новая квартира: ничто здесь не напоминает о старой.

Засвистел чайник. Она налила воды в кружку. Поставила таймер на три с половиной минуты, чтобы чай заварился. Взяла из ящика ложку, достала из холодильника йогурт и замешала в него гранолу. Сняла свои обычные очки и надела очки для чтения: к мультифокальным она так и не приспособилась.

Включила телефон.

Там было несколько рабочих писем, несколько поздравлений с днем рождения от друзей, но Сэм прокручивала список, пока не нашла то, чего ожидала, — праздничное послание от Бена Бернарда, мужа сестры. Они виделись однажды давным-давно. Возможно, они и не узнали бы друг друга, столкнувшись на улице, но Бен очень мило нес ответственность за Чарли: он даже делал за жену то, чего она сама делать не могла.

Открыв его письмо, Сэм улыбнулась: это было фото мистера Спока с вулканским приветствием и подписью «Логика подсказывает, что тебя надо поздравить с днем рождения».

На письмо от Бена она ответила только один раз, 11 сентября, сообщив, что жива и здорова.

Прозвенел таймер. Она налила молока в горячий чай и села около кухонной стойки. Вытащила из портфеля ноутбук и ручку. Стала разбирать рабочую почту: на какие-то письма ответила, какие-то переслала, сделала пометки, и работала, пока чай не остыл, а йогурт с гранолой не закончился. Фоско запрыгнул на стойку проверить опустевшую миску.

Сэм глянула на часы. Пора принимать душ и идти в офис.

Она посмотрела на телефон. Постучала пальцами по стойке.

Провела по экрану и открыла список голосовых сообщений. Еще одно ожидаемое поздравительное послание.

Сэм не видела отца больше двадцати лет. Они прекратили общаться, когда она училась в юридической школе. Они не поссорились и никак официально не прервали контакты, просто вчера Сэм была хорошей дочерью, которая звонит папе раз или два в месяц, а на следующий день перестала ею быть.

Сначала Расти пытался с ней связаться, но Сэм не отвечала, и он стал звонить во время ее занятий и оставлять сообщения по телефону общежития. Он не навязывался. Если Сэм оказывалась в общежитии, он не просил позвать ее к телефону. Он никогда не просил ее перезвонить. В своих сообщениях он говорил, что всегда готов помочь, если нужно, или что думает о ней, или что ему захотелось просто сказать «привет». Все последующие годы он неизменно звонил ей во вторую пятницу каждого месяца и на ее день рождения.

Когда Сэм переехала в Портленд работать в Управлении окружного прокурора, он стал оставлять сообщения по ее рабочему телефону во вторую пятницу каждого месяца и на ее день рождения — секретари записывали их на розовых бланках «В ваше отсутствие».

Когда она переехала в Нью-Йорк и начала карьеру в патентном праве, он оставлял сообщения по ее рабочему телефону во вторую пятницу каждого месяца и на ее день рождения.

Потом вдруг появилась такая вещь, как мобильные телефоны, и во вторую пятницу каждого месяца и на ее день рождения Расти оставлял голосовые сообщения на ее «раскладушке», потом «Мотороле», потом «Нокии», и потом «Блэкберри», а теперь айфон сообщил Сэм, что папа звонил в 5:32 сегодня утром, в ее день рождения.

Сэм заранее знала если не точное содержание звонка, то его примерный план. С годами Расти выработал специальную формулу. Он начинал с бурного приветствия, затем переходил к отчету о погоде, потому что, по неизвестным причинам, считал, что погода в Пайквилле имеет какое-то значение, потом добавлял какую-нибудь странную подробность о причине своего звонка — о дне ее рождения или той конкретной второй пятнице, в которую звонил, — и

заканчивал каким-нибудь non sequitur^[5] вместо прощания.

Когда-то Сэм морщилась, увидев имя Расти на розовом бланке, удаляла его голосовые сообщения не раздумывая или оттягивала их прослушивание до тех пор, пока они сами не удалялись.

Но сегодня она включила воспроизведение.

— Доброе утро, Сэмми-Сэм! — прорычал отец. — Рассел Т. Куинн к вашим услугам! Температура воздуха за окном сорок три градуса, ветер юго-западный, две мили в час. Влажность воздуха тридцать девять процентов. Атмосферное давление тридцать дюймов ртутного столба. — Сэм недоуменно покачала головой. — Я звоню тебе сегодня, в тот самый день, когда в тысяча пятьсот тридцать шестом году Анна Болейн была арестована и переправлена в лондонский Тауэр, и напоминаю тебе, моя дорогая Саманта, не терять голову на свой сорок четвертый день рождения. — Он засмеялся, потому что всегда смеялся своим выдумкам. Сэм подождала, что будет на прощание. — «Убегает, преследуемый медведем»^[6].

Сэм улыбнулась. Она собиралась стереть сообщение, но тут Расти внезапно добавил кое-что еще.

— Твоя сестра передает привет.

Сэм нахмурилась. Она отмотала сообщение назад, чтобы переслушать окончание.

— ...медведем, — сказал Расти, а потом, после короткой паузы: — Твоя сестра передает привет.

Очень маловероятно, что Чарли действительно просила передать что-то подобное.

Последний раз, когда они говорили с Чарли, и вообще последний раз, когда они находились в одном помещении, они резко и окончательно прекратили общаться, поняв, что ни у одной из них нет ни желания, ни потребности в этом.

Чарли тогда последний год доучивалась в Дьюкском университете. Она прилетела в Нью-Йорк навестить Сэм и пройти собеседования в нескольких топовых юридических компаниях. Сэм тогда поняла, что Чарли не столько гостит у нее, сколько использует ее квартиру как бесплатное жилье в одном из самых дорогих городов на планете, а с тех пор, как она была ее маленькой сестренкой, прошло уже почти десять лет, и Сэм хотелось, чтобы они заново познакомились как взрослые.

Первым шоком от визита Чарли стало не то, что она привезла с собой какого-то странного мужчину, а то, что этот странный мужчина оказался ее мужем. Чарли встречалась с Беном Бернардом меньше месяца, после чего связала себя законным браком с этим совершенно незнакомым человеком. Это было безответственное и опасное решение, и, если бы Бен не оказался одним из добрейших и достойнейших людей на планете, не говоря уже о том, что он, несомненно, сгорал от любви к Чарли, Сэм ужасно злилась бы на сестру за столь глупый и необдуманный поступок.

Вторым шоком стало то, что Чарли отменила все свои собеседования. Сэм выслала ей деньги на приличный деловой костюм, а Чарли вместо этого купила билеты на концерт Принца в «Мэдисон-сквер-гарден».

И тогда выяснилось обстоятельство, ставшее третьим и самым сильным шоком.

Чарли сказала, что собирается работать с Расти.

Она настаивала, что просто будет в одном здании с отцом, не имея никакого отношения к его практике, но Сэм не видела большой разницы между одним и другим.

Расти на работе рисковал и приносил эти риски домой. Посетители его офиса — того самого, что Чарли вскоре разделит с ним, — это люди, которые сжигают твое жилище, приходят к тебе домой и, не обнаружив

тебя там, убивают твою мать, стреляют в твою сестру и гонятся за тобой по лесу с дробовиком, чтобы тебя изнасиловать.

Последняя размолвка Сэм и Чарли произошла не одновременно. Они ссорились на протяжении трех долгих дней визита Чарли, который должен был продлиться пять дней.

Затем, на четвертый день, Сэм наконец взорвалась.

Она всегда закипала медленно. Именно поэтому она заорала на Захарию Кулпеппера, когда ее мертвая мать лежала рядом, сестра сидела в собственной моче, а забрызганный кровью дробовик был нацелен ей в лицо.

После травмы мозга характер Сэм стал практически неуправляемым. Есть много исследований, демонстрирующих, как определенные травмы фронтальных и височных долей могут провоцировать импульсивные проявления гнева и даже насилия, но неистовая ярость Сэм выходила за рамки научных объяснений.

Она еще ни разу никого не ударила, что уже можно считать мизерной победой, но она кидала вещи, крушила их, могла, как безумная, разломать даже что-то ценное и любимое.

Но материальные разрушения блекли в сравнении с тем уроном, который наносил ее острый язык. Когда ее охватывала ярость, Сэм открывала рот и плевалась ненавистью, будто кислотой.

Теперь медитация помогала ей привести эмоции в порядок.

Наматывание кругов в бассейне помогало ей перенаправить свою тревожность в позитивное русло.

Но в те времена ничто не могло остановить ядовитый поток ее злости.

Чарли испорченная. Эгоистичная. Она ребенок. Она шлюха. Она слишком стремится угодить отцу. Она никогда не любила Гамму. Она никогда не любила Сэм.

Это из-за нее все они тогда оказались на кухне. Это из-за нее Гамма погибла. Это она оставила Сэм умирать. Она убежала тогда точно так же, как собирается убежать теперь.

По крайней мере последнее оказалось правдой.

Чарли с Беном сорвались обратно в Дарэм посреди ночи.

Они даже не забрали свои немногочисленные вещи.

Сэм извинялась. Конечно, она извинялась. Тогда у студентов не было голосовой или электронной почты, поэтому Сэм отправила заказное письмо на адрес квартиры, которую Чарли снимала около кампуса, вместе с заботливо упакованной коробкой оставленных ими в Нью-Йорке вещей.

Написание этого письма стало, несомненно, самым трудным делом за всю жизнь Сэм. Она писала сестре, что любит ее и всегда любила, что она и их отношения очень много для нее значат. Что Гамма восхищалась ею и обожала ее. Что Сэм понимает, как Расти нужна Чарли. Что Чарли нужно, чтобы отец в ней нуждался. Что Чарли заслуживает того, чтобы быть счастливой, наслаждаться замужеством и иметь детей — много детей. Что она достаточно взрослая, чтобы самой принимать решения. Что все очень гордятся ею и счастливы за нее. Что Сэм сделает все, чтобы Чарли ее простила.

«Пожалуйста, — писала Сэм в конце, — поверь мне. Единственное, что помогло мне пережить месяцы агонии, годы выздоровления и целую вечность непрекращающейся боли, — это то, что моя жертва и даже жертва Гаммы дали тебе шанс убежать, быть живой и здоровой».

Шесть недель спустя Сэм получила ответное письмо. Ответ Чарли состоял из одного честного сложноподчиненного предложения.

«Я люблю тебя, я знаю, что ты любишь меня, но каждый раз, когда мы видим друг друга, мы видим то, что случилось, и ни ты, ни я не сможем построить свою жизнь, если всегда будем оглядываться назад».

Младшая сестра оказалась гораздо умнее, чем ожидала от нее Сэм.

Она сняла очки. Мягко потерла глаза. Шрамы на веках были на ощупь как шрифт Брайля. Хоть ей и не нравилось слово «поверхностный», она очень тщательно маскировала свои травмы. Не потому, что стеснялась, а потому, что люди излишне любопытны. Нет лучшего способа испортить беседу, чем сказать «мне выстрелили в голову».

Макияж скрывал розовые рубцы на веках. Стрижка за триста долларов скрывала шрам на боковой стороне черепа. Она носила просторные черные брюки и рубашки, чтобы скрыть неровность походки. Когда она говорила, то говорила четко, а когда усталость грозила нарушить ее речь, она держала язык за зубами.

Иногда Сэм приходилось брать трость для ходьбы, но с течением лет она поняла, что единственная награда за физические усилия — это еще больше физических усилий. Если она задерживалась в офисе и хотела проехать шесть кварталов до дома на машине, она брала машину.

Сегодня она прошла шесть кварталов до офиса относительно легко. В честь дня рождения она добавила к своему обычному черному костюму цветной шелковый платок. Она повернула налево на Уолл-стрит, и тут на нее налетел порыв ветра.

Платок капюшоном поднялся над головой. Сэм, смеясь, несколько мгновений боролась с ним. Она обернула его вокруг шеи и слегка придерживала за концы, шагая по своему новому району.

Сэм поселилась здесь недавно, но всегда любила его историю: когда-то Уолл-стрит была земляным валом

— стеной^[7], защищавшей Нью-Амстердам с севера, а Перл-стрит, Бивер-стрит и Стоун-стрит названы в честь товаров^[8], которыми голландские купцы торговали вдоль грязных рядов, врезавшихся в море между доками с высокими деревянными парусниками.

Семнадцать лет назад, когда Сэм переехала в Нью-Йорк, она могла выбирать из нескольких юридических фирм, которые были готовы ее взять. В мире патентного права ее стэнфордский магистерский диплом в области инженерной механики весил значительно больше, чем ее степень магистра права, полученная в Северо-Западном университете. Сэм с первой попытки приняли и в Нью-Йоркскую ассоциацию адвокатов, и в Ассоциацию адвокатов патентного права. Она была одной из немногих женщин в этой традиционно мужской сфере, отчаянно нуждавшейся в разнообразии. Представители юридических фирм едва ли не на коленях умоляли ее идти работать к ним.

Она выбрала первую фирму, предложившую ей за вступление в должность такую премию, которой хватило на первоначальный взнос за квартиру в кондоминиуме с лифтом и подогреваемым бассейном.

Милое довоенное здание небольшой этажности располагалось в Челси, потолки в нем были высокими, а бассейн в подвале напоминал викторианскую купальню. Несмотря на то, что финансовое положение Сэм год от года стремительно улучшалось, она счастливо жила в тесной квартирке с двумя спальнями, пока не умер ее муж.

— С днем рождения! — Элдрин, ее помощник, ждал на этаже у дверей лифта.

Сэм придерживалась четко выверенного графика, так что он мог предсказать ее передвижения с точностью до секунды.

— Спасибо. — Она позволила ему взять свой портфель, но не сумочку.

Он шел с ней через офис, привычно рассказывая о расписании на день.

— Совещание по UXN в десять тридцать в переговорной номер шесть. В три часа звонок из Атланты, но я предупредил Лоренса, что не позже пяти вам нужно уйти на очень важную встречу.

Сэм улыбнулась. Она собиралась пойти выпить с подругой по случаю дня рождения.

— Есть одно неотложное дело по встрече партнеров на следующей неделе, — сказал он. — Надо подготовить для них убедительные аргументы. Я оставил бумаги у вас на столе.

— Спасибо.

Сэм остановилась у офисной кухни. Она не просила Элдрина заваривать ей чай, но из-за их утреннего ритуала ему приходилось просто стоять и ждать, пока она сделает это сама.

— Утром я получила письмо от Кертиса. — Она взяла пакетик чая из коробки на столешнице. — На следующей неделе мне нужно в Атланту, хочу присутствовать при даче показаний по делу «Кока-Колы».

У фирмы «Стелик, Элтон, Мэллори и Сандерс» было несколько региональных офисов, в том числе в Атланте. Сэм каждый месяц бывала там, останавливалась в «Фор Сизонс», ходила через два квартала в офисное здание на Пичтри-стрит и полностью игнорировала тот факт, что Пайквилль находится всего в двух часах езды.

— Я сообщу тревел-менеджеру. — Элдрин достал из холодильника пакет молока. — Я еще могу спросить, есть ли у Грейнджера... О нет... — Он смотрел на включенный без звука телевизор в углу. На экране зловеще светилась надпись «СТРЕЛЬБА В ШКОЛЕ». Сэм, сама пережившая насилие со стрельбой, испытывала

особенный ужас каждый раз, когда слышала о подобных инцидентах, но, подобно большинству американцев, уже как-то привыкла, что такое происходит почти каждый месяц.

На экране появилась фотография девочки — очевидно, из школьного альбома. Под фотографией — имя: ЛЮСИ АЛЕКСАНДЕР.

Сэм налила молока в чай.

— В школе я встречалась с мальчиком по имени Питер Александер.

Элдрин вышел за ней из кухни с удивленным видом. Она редко делилась подробностями своей личной жизни.

Сэм продолжила идти к своему кабинету. Элдрин продолжил изложение расписания на день, но она слушала его вполуха. Она давно не вспоминала Питера Александера. Он был угрюмым парнем и любил долго и нудно рассуждать о том, какая это мука — быть творческим человеком. Сэм разрешала ему трогать ее грудь, просто потому что ей хотелось попробовать, на что это похоже.

Честно говоря, это было похоже на что-то потное, потому что Питер и сам не знал, что и как надо делать.

Сэм бросила сумочку у массивного стола из стекла и стали, возвышающегося посреди залитого солнцем углового кабинета. Вид из него открывался на здание напротив, как из большинства кабинетов в Финансовом округе. Когда строился Уолл-стритский «каньон», никаких красных линий еще не существовало. Всего двадцать футов тротуара отделяют большинство зданий от проезжей части. Она поставила чай на подстаканник около компьютера, и Элдрин как раз закончил свою речь.

Сэм подождала, пока он уйдет. Села в кресло. Достала из портфеля очки для чтения. Начала

просматривать свои записи к совещанию, назначенному на половину одиннадцатого.

Принимая решение строить карьеру в патентном праве, Сэм понимала, что суть ее работы будет состоять в перетягивании крупных сумм денег: одна очень богатая корпорация подает в суд на другую очень богатую корпорацию за то, что та использовала похожие полосы на своих новых кроссовках или включила определенный цвет в свой логотип, и очень дорогие юристы спорят в присутствии очень скупающих судей о процентной доле цианового в определенном оттенке по «Пантону».

Прошли те времена, когда Ньютон спорил с Лейбницем за право называться изобретателем математического анализа. Сэм тратила большую часть своего времени на выискивание блох в дизайн-схемах и изучение патентных заявок, которые иногда датировались началом промышленной революции.

Она наслаждалась каждой секундой этой работы.

Она обожала быть на стыке науки и права и пребывала в восторге от того, что умудрилась создать себе хорошую жизнь, сделав выжимку из главных талантов и матери, и отца.

Элдрин постучал в ее стеклянную дверь.

— Хотел сказать, чтобы вы были в курсе. Похоже, эта стрельба в школе произошла в Северной Джорджии.

Сэм кивнула. «Северной Джорджией» абстрактно называют все что угодно в окрестностях Атланты.

— Уже известно, сколько там жертв?

— Всего двое.

— Спасибо.

Сэм постаралась не придирается к слову «всего», потому что Элдрин был прав: это небольшое число убитых. Возможно, уже завтра эта история пропадет из новостей.

Она повернулась к компьютеру. Открыла черновик сводки по делу, с которым хотела ознакомиться к совещанию в половине одиннадцатого. Молодой коллега попробовал свои силы в написании ответа на ходатайство об упрощенном делопроизводстве по делу «„СаниЛеди“, подразделение „Ю-Экс-Эйч Файненшл Холдингс, Лтд.“, против „ЛедиМейт Корп.“, подразделение „Ниппон Девелопмент Ресорсес, Инк.“».

После шести лет перетягивания каната, двух неудачных попыток посредничества и одного совещания по принципу «кто кого перекричит», преимущественно по-японски, это дело все-таки передали в суд.

Предметом спора была конструкция петли, удерживающей крышку урны для прокладок и тампонов, которую устанавливают на перегородки в общественных туалетах. Корпорация «ЛедиМейт» изготовила несколько поколений вездесущего контейнера, от «ФемиГени» до оригинального «ЛедиМейт» и даже, внезапно, «ПауэрМэн».

Сэм была единственной из всех задействованных в тяжбе, кто реально использовал эти контейнеры. Если бы их разработчики проконсультировались с ней, она бы предложила по-честному назвать их «Твою Мать», потому что это первое, что приходит в голову женщины, когда она вынуждена пользоваться этой урной. Сэм также посоветовала бы «Ниппону» выбрать пружинную рояльную петлю из двух частей, которая добавила бы к стоимости три сотых цента, а не ставить одинарную, рискуя получить иск о нарушении патентных прав, который грозит шестизначными гонорарами адвокатам, не говоря уже о компенсации ущерба в случае проигрыша. Если бы сводка по делу, которую она сейчас открыла, могла на что-то повлиять, компании «Ю-Икс-Эйч» этой компенсации не видать. Патентное право — не самая замысловатая область правосудия, но молодой

коллега написал сводку с изяществом медведя. Именно поэтому Сэм в свое время на три года уходила работать в Управление окружного прокурора Портленда. Она хотела научиться говорить на языке судебных заседаний.

Сэм прокручивала документ, делая пометки: ей пришлось переписать длинную фразу, написанную очень простым языком, сделав ее чуть более витиеватой, потому что она знала, что это запутает юриста противоположной стороны: при первой встрече с Сэм он попросил принести ему кофе и два сахара и передать ее начальнику, что он не любит ждать.

Гамма оказалась права. Сэм Куинн пользовалась куда бо2льшим уважением, чем то, на которое могла рассчитывать Саманта Куинн.

Сэм вошла в большую переговорную последней ровно в десять тридцать четыре. Она задержалась намеренно. Не любила отчитывать опаздывающих.

Она заняла место во главе стола. Посмотрела на скопление молодых белых мужчин с дипломами Мичигана, Гарварда и МТИ, надутых от чувства собственной важности. А может, им действительно было от чего раздуваться. Они сидели в сияющих стеклянных офисах одной из крупнейших патентных фирм в мире. Если они считают себя лидерами в своей сфере, то, возможно, потому, что очень скоро на самом деле ими станут.

Но пока что им предстояло показать Сэм, на что они способны. Она слушала их сообщения, комментировала предлагаемые ими планы и в целом позволила им перекидываться идеями, пока не почувствовала, что они ходят по кругу. Сэм была немногословна на своих совещаниях, и это многим не нравилось. Она попросила проверить прецеденты, переписать сводки к завтрашнему дню и включить в работу одну патентную заявку из шестидесятих.

Она встала, и остальные сделали то же самое. Произнесла нейтральную фразу о том, что будет ждать результатов по принятым решениям, и вышла из комнаты.

Они на расстоянии последовали за ней, потому что работали в той же части здания. Сэм часто думала, что в этой прогулке от переговорной к кабинету ее будто преследует стадо гусей. Вечно один из них вырывается вперед, надеясь, что его запомнят, или чтобы доказать остальным, что он ее не боится. Кто-то отстал и направился на другие встречи, поздравив ее с днем рождения. Кто-то спросил, как прошла ее недавняя поездка в Европу. Один из молодых людей, слегка гиперактивный, поскольку прошел слух, что Сэм скоро станет одним из именных партнеров, проводил ее до самого кабинета, рассказывая длинную историю, окончившуюся тем, что его бабушка родилась в Дании.

Муж Сэм тоже родился в Дании. Антон Миккелсен, профессор, на двадцать один год старше Сэм, вел у нее в Стэнфорде курс о технологиях в обществе под названием «Техника в строительстве Римской империи». Антон был так увлечен предметом, что это заворожило Сэм. Ее всегда влекло к людям, которые восхищались миром, смотрели вовне, а не внутрь.

Антон же не оказывал никаких знаков внимания, пока Сэм была его студенткой: он, наоборот, отстранялся, и она была уверена, что все делает не так. Он написал ей только после выпуска, когда она уже второй год училась в юридической школе Северо-Западного университета. В Стэнфорде Сэм была одной из немногих женщин на факультете. Иногда ей приходили электронные письма от некоторых преподавателей. Поле «тема письма» обычно сочетало в себе отчаяние и что-то вроде эллипсиса: «Я все время думаю о тебе...» или «...Ты должна... мне помочь...» Будто они сходят с ума от желания и только Сэм может

унять эту боль. Эта их неуверенность стала одной из причин, по которым она решила поступать в юридическую школу, а не в аспирантуру. Одна мысль о том, что кто-то из этих жалких лысеющих ловеласов станет руководить ее диссертацией, была невыносимой.

Отправляя первое письмо Сэм, Антон знал, какой репутацией пользуются его коллеги. «Прошу прощения, если вам неприятно будет получить это послание, — написал он. — Я ждал три года, чтобы зона моей профессиональной ответственности никак не пересекалась с выбранной вами сферой деятельности».

Он рано ушел на пенсию из Стэнфорда. Устроился консультантом в европейской технологической компании. Обосновался в Нью-Йорке, чтобы быть ближе к ней. Они поженились спустя четыре года после того, как Сэм начала работать в юридической фирме.

Антон открыл Сэм жизнь, о которой она и не догадывалась.

Их первая поездка за границу была волшебной. Не считая дурацкой вылазки в Тихуану на первом курсе, Сэм никогда не бывала за пределами Соединенных Штатов. Антон отвез ее в Ирландию, где ребенком проводил лето у родственников матери. В Данию, где он полюбил дизайн. В Рим, чтобы показать ей развалины, во Флоренцию, чтобы показать ей Дуомо, в Венецию, чтобы показать ей любовь.

Поженившись, они все время путешествовали: то Антон соглашался на какой-то проект, то Сэм регистрировалась на конференцию с одной лишь целью — посетить новые места. Дубай. Австралия. Бразилия. Сингапур. Бора-Бора. В каждой новой стране, каждом иностранном городе, куда приезжала Сэм, она думала о Гамме, о том, как мама хотела, чтобы она уехала, увидела мир и жила где угодно, только не в Пайквилле.

К тому же Сэм путешествовала с мужчиной, которого обожала, а это делало каждую поездку еще

прекраснее.

У Сэм зазвонил рабочий телефон.

Она откинулась в кресле. Посмотрела на часы. Это звонок из Атланты, назначенный на три. Она снова забылась в работе, пропустила обед, погрузившись в тонкости патентного дизайна узкой оцинкованной штифтовой петли.

Лоренс Ван Лун, голландец, живет в Атланте и специализируется в их компании на международном патентном праве. Он звонил по поводу кейса «Ю-Икс-Эйч», но, так же как и Сэм, он был заядлым путешественником и, прежде чем перейти к делу, начал расспрашивать ее о том, как она съездила в Европу около месяца назад, о ее десятидневном туре по Италии и Ирландии.

Когда-то Сэм рассказывала о городах мира с точки зрения их культуры, архитектуры и людей, но время и деньги увеличили ее склонность говорить об отелях.

Она рассказала Лоренсу о том, как останавливалась в дублинском «Меррионе», где люкс с видом на сад выходит не на сад, а на боковой проход. Что «Аман» на Гранд-канале просто потрясающий, с безупречным сервисом, а дворик, где она пила чай по утрам, — одно из самых безмятежных мест в городе. Во Флоренции она остановилась в «Вестин Эксельсиор» с великолепным видом на Арно, но покой ее люкса периодически нарушался шумом из бара на крыше. В Риме, как она рассказала Лоренсу, она выбрала «Кавальери», из-за бань и отличных бассейнов.

Но насчет этого она соврала.

Сэм забронировала номер в «Рафаэлло», том самом дешевом отеле, который они с Антоном могли себе позволить в то первое волшебное путешествие в Рим.

Но для Лоренса Сэм немного отошла от правды, рекомендуя рестораны и музеи, которые она посещала в какие-то другие разы. Она не сказала ему, что в

Дублине стояла в Длинном зале Старой библиотеки Тринити-колледжа, глядя на чудесный сводчатый потолок со слезами на глазах. Не упомянула Сэм и о том, что во Флоренции она сидела на одной из скамеек в галерее Академии изящных искусств, там, где стоит микеланджеловский Давид, и рыдала.

В Риме ей досталось поровну ностальгии и скорби. Фонтан Треви, Испанская лестница, Пантеон, Колизей и Пьяцца Навона, где Антон сделал ей предложение, когда они пили вино под луной.

Сэм впервые увидела все эти чудесные места вместе с мужем, и теперь, когда Антон умер, она никогда не посмотрит на них с прежним удовольствием.

— Похоже, у тебя было потрясающее путешествие, — сказал Лоренс. — Ирландия и Италия. Значит, страны на «и», хотя тогда надо было еще добавить Индию.

— Исландию, Индонезию, Израиль... — Сэм улыбнулась, когда он засмеялся. — Думаю, нам придется закончить обсуждение отелей и перейти к восхитительному миру контейнеров для использованных прокладок.

— Да, конечно, — отозвался Лоренс. — Но я хочу кое о чем тебя спросить... Надеюсь, я не слишком лезу не в свое дело...

Сэм напряглась, готовясь говорить об Антоне, потому что даже год спустя ей продолжали задавать вопросы.

— Та стрельба в школе, — Лоренс замялся.

Сэм стало стыдно, что она совсем забыла о ней.

— Тебе неудобно сейчас говорить?

— Нет, нет. Это ужасно, конечно... Но я видел по телевизору мужчину... Адвокат подозреваемой, его зовут Рассел Куинн.

Сэм сжала трубку с такой силой, что пальцы задрожали. Она как-то об этом не подумала, но вообще

для Расти нет ничего более естественного, чем вызваться защищать того, кто убил двух человек в школьной стрельбе.

— Я знаю, что ты из Джорджии, поэтому подумал, может, вы родственники, — сказал Лоренс и добавил: — Похоже, он суперпрогрессивный адвокат.

Сэм не знала, что сказать. Наконец она выдавила:

— Это распространенная фамилия.

— В самом деле? — Лоренс был всегда рад узнать что-то новое о городе, в который переехал.

— Да. Куинны жили в тех местах еще до Гражданской войны. — Сэм покачала головой, потому что можно было придумать нечто более правдоподобное. Но сейчас оставалось только перевести тему. — В общем, юристы «Ю-Икс-Эйч» говорят, что «Ниппону» предстоит переполох в угловых кабинетах.

Лоренс, немного поколебавшись, перешел к обсуждению рабочих вопросов. Сэм слушала его пересказ кулуарных новостей, но ее внимание переключилось на экран компьютера.

Она открыла сайт «Нью-Йорк таймс». Люси Александер. Стрельба произошла в Пайквилльской средней школе.

Той, которую окончила Сэм.

Она всмотрелась в лицо девочки, ища знакомую форму глаз, изгиб губ, которые могли напомнить Питера Александера, но сходства не нашла. И все-таки Пайквилль — крошечный город. Очень вероятно, что девочка — родственница бывшего парня Сэм.

Она просмотрела статью в поисках подробностей стрельбы. Восемнадцатилетняя девушка принесла в школу оружие. Она открыла огонь прямо перед первым звонком. Пистолет у нее вырвал безымянный учитель, бывший морпех с кучей наград, который теперь преподает подросткам историю.

Сэм прокрутила вниз до следующей фотографии — второго погибшего.

Дуглас Пинкман.

Телефон выскользнул из рук Сэм. Ей пришлось поднимать его с пола.

— Прости, — сказала она Лоренсу слегка дрожащим голосом, — мы можем вернуться к этому вопросу завтра?

Сэм едва расслышала, как он согласился. Она видела перед собой только фотографию.

Когда она училась в школе, Дуглас Пинкман тренировал и футбольную, и беговую команды. Он стал для Сэм первым авторитетом, человеком, который верил, что если она будет упорно тренироваться, усердно работать над собой, то сможет выиграть стипендию в любом университете по своему выбору. Сэм знала, что благодаря своему интеллекту может получить и это, и даже больше, но ее заинтересовала перспектива заставить свое тело работать так же эффективно, как и ум. Кроме того, она действительно любила бег. Свежий воздух. Пот. Выброс эндорфинов. Уединение.

А теперь при плохом самочувствии Сэм была вынуждена ходить с тростью, а мистера Пинкмана расстреляли около его кабинета.

Она прокрутила статью дальше. Два выстрела в грудь разрывными пулями. Смерть Пинкмана, по сообщению анонимных источников, была мгновенной.

Сэм открыла «Хаффингтон пост», зная, что они уделяют этому событию больше внимания, чем «Таймс». Вся их первая страница была посвящена этой истории. Баннер вверху: «ТРАГЕДИЯ В СЕВЕРНОЙ ДЖОРДЖИИ». Рядом фотографии Люси Александер и Дугласа Пинкмана.

Сэм просмотрела ссылки:

«ГЕРОЙ-МОРПЕХ ПРЕДПОЧЕЛ ОСТАТЬСЯ АНОНИМНЫМ».

«АДВОКАТ ПОДОЗРЕВАЕМОЙ СДЕЛАЛ ЗАЯВЛЕНИЕ, ЧТО И КОГДА ПРОИЗОШЛО: ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ».

«СУПРУГА ПИНКМАНА ВИДЕЛА, КАК УМИРАЕТ МУЖ».

На адвоката подозреваемой Сэм смотреть не хотела. Она нажала на последнюю ссылку.

Открыла рот от удивления.

Мистер Пинкман женился на Юдифи Хеллер.

Какая странная штука — жизнь.

Сэм никогда не встречала мисс Хеллер лично, но, конечно, знала, кто это. После того как Дэниэл Кулпеппер выстрелил в Сэм, после того как Захария пытался изнасиловать Чарли, но не успел, Чарли побежала на ферму Хеллеров звать на помощь. Пока они общались с мисс Хеллер, ее пожилой отец сидел на крыльце, вооруженный до зубов, на случай если кто-то из Кулпепперов появится раньше, чем полиция.

По понятным причинам, Сэм узнала эти подробности сильно позже. В первый месяц лечения она вообще не могла восстановить последовательность событий. Она до сих пор смутно помнила, как Чарли сидела на краешке ее больничной кровати, снова и снова рассказывая, как они выжили: кратковременная память Сэм представляла собой решето. Глаза ее все еще были завязаны. Она была слепа и беспомощна. Она брала Чарли за руку, не сразу узнавая ее голос, и все время задавала одни и те же вопросы.

«Где я? Что случилось? А где Гамма?»

Каждый раз — десятки, а может, и сотни раз — Чарли отвечала: «Ты в больнице. Тебя ранили в голову. Гамма убита».

Потом Сэм засыпала или проходило несколько минут, и она снова касалась Чарли, и снова спрашивала: «Где я? Что случилось? А где Гамма?»

«Гамма умерла. Ты жива. Все будет хорошо».

Сэм много лет не задумывалась, какие эмоциональные последствия для тринадцатилетней Чарли могло иметь то, что ей приходилось пересказывать эту историю опять и опять. Она знала, что через какое-то время Чарли перестала плакать. Эмоции ослабли или по крайней мере стали не так очевидны. Чарли не выказывала нежелания говорить о произошедшем, но начала делать это отстраненно. Не так, будто все случилось с кем-то другим, но будто хотела показать, что эта катастрофа больше не имеет над ней власти.

Это было особенно заметно по протоколам судебных заседаний. На протяжении жизни Сэм несколько раз просматривала этот документ на тысячу двести пятьдесят восемь страниц в качестве упражнения для памяти. Со мной произошло это, потом это, потом это, и так я сумела выжить.

Показания Чарли на прокурорском допросе были сдержанными, похожими на репортаж. С Гаммой произошло это. С Сэм произошло это. Захария Кулпеппер пытался сделать это. Когда мисс Хеллер открыла дверь, она сказала это.

К счастью, свидетельства Юдифи Хеллер добавляли красок в сухие строчки показаний Чарли. На суде она рассказала, какой шок испытала, увидев на своем крыльце испуганную девочку, всю в крови. Чарли сначала так трясло, что она не могла говорить. Когда она наконец вошла и смогла сложить звуки в слова, она вдруг попросила миску мороженого.

Мисс Хеллер не знала, что еще делать, поэтому, пока ее отец звонил в полицию, она выполнила просьбу. Она также не знала, что от мороженого Чарли станет плохо. Чарли съела две миски и побежала в туалет. И только через закрытую дверь Чарли сказала мисс Хеллер, что ее мама и сестра убиты.

Громкие гудки отвлекли Сэм от ее мыслей.

Лоренс давно отключился, но Сэм все еще держала телефон в руке. Она положила трубку. Ее рука задержалась на аппарате.

Задумайся об этимологии фразы «повесить трубку».

Страница «Хаффингтон пост» автоматически обновилась. В прямом эфире шла пресс-конференция семьи Александер.

Сэм уменьшила звук. Она смотрела видео. Мужчина по имени Рик Фейхи говорил от имени семьи. Она слушала его просьбы о невмешательстве в частную жизнь, зная, что они не будут услышаны. Сэм подумала, что кома после ранения дала ей преимущество: не пришлось выслушивать бесконечное обсуждение ее истории в новостях.

На экране показывали Фейхи, смотрящего прямо в камеру. Он сказал:

— Да, Келли Уилсон — убийца. Она совершила преднамеренное убийство.

Фейхи повернул голову. Обменялся взглядами с мужчиной — это, несомненно, был Кен Коин. Вместо плохо сидящей полицейской формы он теперь носил блестящий синий костюм. Сэм знала, что он занимает должность окружного прокурора в Пайквилле, но не помнила, откуда ей это известно.

В любом случае этот обмен взглядами означал одно: обвинение будет требовать смертной казни. Поэтому Расти и стал в этом участвовать. Он был давним и активным противником смертной казни. Как адвокат защиты, как человек, непосредственно принимавший участие в освобождении осужденных, он считал, что вероятность ошибки слишком велика.

Из протоколов суда над Кулпеппером Сэм знала, что ее отец говорил с трибуны почти целый час, искренне и убедительно излагая просьбу освободить Захарию Кулпеппера от смертного приговора на том основании,

что у государства нет морального права забирать человеческую жизнь.

Чарли с почти таким же пылом выступала за смертный приговор. Мнение Сэм было где-то посередине. Она тогда не могла четко выразить свои мысли. В письме к суду она попросила приговорить Захарию Кулпеппера к пожизненному заключению. Причиной тому было не сочувствие. Сэм тогда жила в Центре реабилитации пациентов с травмами спинного мозга имени Шефердов в Атланте. Она провела там несколько изнурительных месяцев и, несмотря на профессионализм и доброжелательность сотрудников, чувствовала себя как заяц, попавший в капкан.

Она не могла лечь или встать с кровати без посторонней помощи.

Она не могла сходить в туалет без посторонней помощи.

Она не могла выйти из комнаты без посторонней помощи.

Она не могла поесть, когда хотела, или то, что хотела.

Ее пальцы не справлялись с пуговицами и застежками, поэтому она не могла носить одежду, которую хотела.

Она не могла завязать шнурки на кроссовках, поэтому ей приходилось носить уродливые ортопедические туфли на липучках.

Помыться, почистить зубы, причесаться, прогуляться, вообще выйти на улицу под дождь или на солнце — во всем этом она от кого-то зависела.

Расти, исходя из своих высоких моральных принципов, просил судью приговорить Захарию Кулпеппера к пожизненному заключению. Чарли, горевшая жаждой мести, желала смертного приговора. Сэм просила приговорить Захарию Кулпеппера к долгому мучительному существованию, лишенному

всякой независимости, потому что на своей шкуре узнала, каково это — быть в заключении.

Можно сказать, что желания каждого из них сбылись. Из-за апелляций, отсрочек и юридических уловок Захария Кулпеппер в настоящее время был одним из заключенных, которые дольше всех ожидали исполнения смертного приговора в штате Джорджия.

Он продолжал изображать невиновность перед каждым, кто соглашался его слушать. Он продолжал утверждать, что Чарли и Сэм сговорились, чтобы подставить его и брата, потому что он был должен Расти несколько тысяч долларов за адвокатские услуги. Оглядываясь назад, сейчас Сэм попросила бы его казнить. Она закрыла браузер на экране компьютера.

Открыв почту, она отправила письмо с извинениями подруге, которая хотела выпить с ней вечером в честь дня рождения. Она попросила Элдрина ни с кем ее не соединять. Она надела очки для чтения.

Она опять сосредоточилась на узкой оцинкованной штифтовой петле.

Когда Сэм оторвала глаза от компьютера, за окнами было совершенно темно. Элдрин ушел. В офисе стояла тишина. Как это часто бывало, она осталась одна на всем этаже.

Сэм слишком долго не двигалась. Сидя, она сделала несколько упражнений на растяжку. Тело затекло, но спустя какое-то время она смогла встать, не без усилий. Она разложила телескопическую трость, которую хранила в нижнем ящике стола. Обернула платок вокруг шеи. Думала вызвать машину, но решила, что пока автомобиль приедет, она уже пройдет шесть кварталов до дома. Об этом решении она пожалела, как только шагнула на улицу.

С реки дул пронизывающий ветер. Одной рукой Сэм схватила платок. Другой крепко держалась за трость. Портфель и сумочка тяжело висели на сгибе локтя.

Надо было подождать машину. Надо было поехать выпить с подругой. Надо было многое сегодня сделать по-другому.

Ночной консьерж поздравил Сэм с днем рождения, когда она входила в здание. Она остановилась поблагодарить его и спросить, как поживают его дети, но нога болела так, что стоять было невыносимо.

Она поднималась в лифте в одиночестве.

Она смотрела на свое отражение в дверях лифта. На нее глядела одинокая фигура с белыми волосами.

Двери открылись. На кухонном полу катался и потягивался Фоско. Она заставила себя съесть остатки тайской еды, которую заказывала на субботнюю вечеринку в честь дня рождения. Сидеть на барном стуле было неудобно. Уперев ноги в пол, она устроилась на самом краешке. Нога разрывалась от боли, будто мышцу вспарывали горячим лезвием.

Сэм посмотрела на часы. Слишком рано, чтобы идти спать. Она слишком устала, чтобы сосредоточиться на работе. Слишком вымотана, чтобы читать новую книгу, подаренную на день рождения.

В ее старой квартире в Челси они с Антоном не смотрели телевизор. Сэм и так целый день сидела за компьютером. Еще немного голубого света — и ее голова начинала раскалываться от боли.

В новой квартире уже был установлен большой телевизор — в отдельном кабинете. Сэм обнаружила, что ее нередко тянет в эту темную комнату, одну из тех коробок без окон, что застройщики именуют «дополнительным пространством», потому что спальней это назвать нельзя.

Сэм села на диван. Поставила на журнальный столик пустой бокал. Рядом с ним — бутылку Tenuta Poggio San Nicolò 2011 года.

Любимое вино Антона.

Фоско прыгнул ей на колени. Сэм машинально почесала его между ушей. Рассмотрела изысканную этикетку винной бутылки с изящными завитками по краям и красной сургучной печатью посередине.

Жидкость внутри бутылки была равноценна яду.

Сэм верила, что ее мужа убили такие вина, как San Nicolò.

По мере расширения консалтингового бизнеса Антона и продвижения Сэм по карьерной лестнице они стали позволять себе более качественные вещи. Пятизвездочные отели. Полеты первым классом. Люксы. Частные туры. Высокую кухню. Антон увлекался вином всю жизнь. Он любил насладиться бокалом за обедом и еще одним, может, двумя за ужином. Особенно он любил сухие красные вина. Изредка, когда Сэм не было рядом, он мог добавить к вину сигару.

Врачи Антона сказали, что это судьба и, возможно, сигары, но Сэм считала, что его убили вина с высоким содержанием танинов.

Рак пищевода.

Меньше двух процентов всех раковых заболеваний относятся к этому типу.

Танин, натуральное дубильное вещество, служит некоторым растениям защитой от насекомых и хищников. Это химическое соединение содержится во многих фруктах, ягодах и бобовых. У танинов есть несколько практических применений. Растительные и синтетические танины применяются в кожевенной промышленности. В фармацевтике соли дубильных кислот используют в производстве антигистаминных и противокашлевых препаратов.

В красном вине танин служит структурным компонентом, будучи продуктом реакции от соприкосновения кожицы винограда с косточками. Считается, что вина с высоким содержанием танинов хранятся лучше вин с низким содержанием танинов, то

есть чем более зрелое вино, тем дороже бутылка и тем выше концентрация танинов.

Танин также содержится в чае, но его вяжущие свойства могут быть нейтрализованы молочными белками.

По убеждению Сэм, белки вместе с танинами были виноваты в болезни Антона: в частности, гистатины — белки, содержащиеся в слюне и выделяемые железами в задней части языка. Они обладают антимикробными и антигрибковыми свойствами, а также играют ключевую роль в заживлении ран.

Возможно, эта функция имеет жизненно важное значение.

В конце концов, рак — это результат аномального роста клеток. Если гистатины не защищают и не заживляют ткани, выстилающие пищевод, то может измениться ДНК клеток и начаться их неконтролируемый рост.

Известно, что танины подавляют выработку гистатинов во рту.

Каждый тост, который поднимал Антон, каждое его salut^[9] способствовало росту злокачественных клеток в тканях, выстилавших его пищевод, распространению их в его лимфоузлы и, наконец, во внутренние органы.

По крайней мере такова была версия Сэм. Долгих два года наблюдая угасание своего прекрасного жизнелюбивого мужа, она держалась за то, что казалось разумным объяснением: причина А привела к результату Б. У Антона не обнаружили ВПЧ — вирус, ответственный за примерно семьдесят процентов случаев раковых заболеваний головы и шеи. Курил он редко. Он не был алкоголиком. У его ближайших родственников не было случаев онкологии. Ergo^[10], танины.

Допустить, что в его болезни сыграл роль случай, что молния ударила в Сэм не два, а три раза, было за пределом ее интеллектуальных и эмоциональных возможностей.

Фоско уткнул голову в локоть Сэм. Это был кот Антона. Возможно, у него выработался условный рефлекс на запах вина, как у собаки Павлова. Сэм мягко отстранила его, сдвинувшись на край дивана. Налила бокал вина, который не выпьет, за своего мужа, которого никогда больше не увидит.

Потом она сделала то, чего избегала с трех часов дня.

Она включила телевизор.

Женщина, которая осталась в памяти Сэм как мисс Хеллер, стояла у входа в Больницу округа Дикерсон. Вид у нее, естественно, был совершенно безутешный. Длинные блондинисто-серые волосы растрепались, и пряди колыхались на ветру. Глаза покраснели. Тонкая линия губ была почти бесцветной.

— Если мы казним еще одну девочку, это не отменит сегодняшней трагедии. — Она остановилась. Сжала губы. Было слышно, как щелкают фотокамеры, покашливают репортеры. Голос ее звучал уверенно. — Я молюсь за семью Александер. Я молюсь за душу моего мужа. За мое собственное спасение. — Она снова сжала губы. В ее глазах блеснули слезы. — Но также я молюсь и за семью Уилсонов. Потому что сегодня они страдают так же, как и все мы. — Она смотрела прямо в камеру, расправив плечи. — Я прощаю Келли Уилсон. Я прощаю ей эту ужасную трагедию. Как сказано в Евангелии от Матфея: «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный».

Женщина повернулась спиной и ушла обратно в больницу. Охранники закрыли двери, не давая репортерам пойти за ней.

Сэм шумно выдохнула воздух, который держала глубоко в груди.

На экране появился ведущий. Он сидел за столом с группой самопровозглашенных экспертов. Их слова проносились над Сэм, когда она усаживала Фоско себе на колени.

Один британский друг говорил ей, что Англия лишилась своих поджатых губ в день смерти принцессы Дианы. Вся их культура сарказма вместо эмоций в одночасье превратилась в рыдающее месиво. Тот друг называл этот феномен еще одним нежелательным этапом американизации — «британцы вечно жалуются на Америку, при этом жадно поглощая американские товары и культуру» — и говорил, что публичные скорбные излияния по поводу смерти Дианы навсегда изменили то, как его соотечественники считают приемлемым реагировать на трагедии.

Возможно, его теория была в чем-то верной, даже в части возложения вины на Америку, но Сэм считала, что худший результат этих, судя по всему, бесконечных национальных трагедий — это то, что сложилась некая формула их проживания. Взрывы на Бостонском марафоне. Сан-Бернардино. Ночной клуб «Пульс».

Люди негодовали. Люди приклеивались к телевизорам, к веб-сайтам, к лентам «Фейсбука». Они много говорили о своей скорби, ужасе, ярости, боли. Они требовали перемен. Они собирали деньги. Они умоляли действовать.

А потом они возвращались к своим жизням до следующего громкого события.

Сэм снова посмотрела на экран. Ведущий новостей говорил:

— Сейчас мы покажем видео, которое уже демонстрировали. Для тех, кто только что к нам присоединился, повторю, что это реконструкция событий, произошедших сегодня утром в Пайквилле,

городе примерно в двух часах езды к северу от Атланты.

Сэм смотрела, как неказистые персонажи неловко движутся по экрану: это больше похоже на симуляцию, чем на реконструкцию.

Ведущий начал комментировать:

— Примерно в шесть пятьдесят пять утра сегодняшнего дня, предполагаемая стрелявшая, Келли Рене Уилсон, вошла в коридор.

Сэм смотрела, как фигура передвинулась к середине коридора.

Открылась дверь. Пожилая женщина уклонилась от двух выпущенных пуль. Сэм закрыла глаза, но продолжила слушать.

Пуля попала в мистера Пинкмана. Пуля попала в Люси Александер. Еще две фигуры входят в кадр. Ни одна из них не названа по имени. Мужчина и женщина. Женщина бежит к Люси Александер. Мужчина пытается выхватить оружие у Келли Уилсон. Сэм открыла глаза. На лбу у нее выступил пот. Она заметила, что сжимала кулаки так сильно, что на ладонях полумесяцами остались следы от ногтей.

Зазвонил мобильный. Он лежал на кухне. В ее сумочке.

Сэм не двинулась с места. Она смотрела телевизор.

Ведущий разговаривал с лысым мужчиной в галстук-бабочке, указывавшем на его вероятную принадлежность к профессии психиатра.

— Обычно мы видим, что стрелки такого типа действуют в одиночку, — сказал он. — Они чувствуют себя покинутыми, нелюбимыми. Зачастую это жертвы травли.

Телефон перестал звонить.

«Бабочка» продолжил:

— Тот факт, что в данном случае убийца — женщина...

Сэм выключила телевизор. В комнате наступила непроглядная темнота, но она привыкла в ней ориентироваться. Она удостоверилась, что Фоско спит рядом. Аккуратно нащупав бутылку и бокал, она отнесла их на кухню, где содержимое обоих отправилось в раковину.

Сэм проверила телефон. Звонок был с незнакомого номера. Скорее всего, спам, хотя она и вносила свой номер в реестр абонентов, не желающих получать подобные звонки. Большим пальцем Сэм переключила экран и заблокировала номер.

Телефон завибрировал: пришло уведомление о новом письме. Она посмотрела на время. В Гонконге начался рабочий день. Если и было в жизни Сэм что-то постоянное, то это равномерный, неумещающийся объем работы. Ей не хотелось искать очки для чтения, если только это не что-то срочное. Она прищурилась, прокручивая список новых писем. Ни одно открывать не стала.

Сэм положила телефон на кухонный стол. Приступила к своим вечерним делам. Убедилась, что все миски Фоско наполнены. Выключила свет, нажала кнопки, чтобы закрыть шторы, проверила, что будильник включен.

Она пошла в ванную и почистила зубы. Выпила свои вечерние таблетки. В гардеробной переоделась в пижаму.

На столике у кровати лежал очень хороший роман, но Сэм хотелось отдохнуть, оставить этот день позади и встать завтра утром со свежей головой.

Она залезла в постель. Фоско тут же возник рядом. Он занял свое место на подушке у ее головы. Она сняла очки. Выключила свет. Закрыла глаза. Сделала длинный выдох. Медленно выполнила свои ночные упражнения, напрягая, а потом расслабляя каждую мышцу тела, от

flexor digitorum brevis^[11] в стопах до galea aponeurotica^[12] под кожей головы.

Она ждала, когда ее тело расслабится и придет сон, но оно отказывалось сотрудничать. Тишина в комнате была слишком полной. Даже Фоско не издавал своих привычных вздохов, причмокиваний и похрапываний.

Сэм открыла глаза.

Она смотрела на потолок и ждала, когда темнота станет серой, а серость уступит место теням, которые падают от крошечного просвета, всегда остающегося между штор.

— Ты видишь что-нибудь? — спросила Чарли. — Сэм, ты видишь что-нибудь?

— Да, — соврала Сэм.

Она чувствовала свежезасеянную землю босыми ногами. С каждым шагом слой темноты в поле ее зрения становился гуще. Чарли была серым пятном. Дэниэл был высоким и худым, как угольный карандаш. Захария Кулпеппер был черным квадратом угрожающей ненависти.

Сэм села, свесив ноги с края кровати. Сжала руками бедра, разминая перетруженные мышцы. Тепло от пола согрело ступни.

Она чувствовала, как бьется сердце. Медленно и четко. Синоатриальный узел, атриовентрикулярный узел, сеть волокон Гиса-Пуркинье, которая посылает импульсы в мышечные стенки желудочков, заставляя их попеременно сжиматься и расслабляться.

Сэм встала. Вернулась на кухню. Достала из портфеля очки для чтения. Взяла телефон. Открыла новое письмо от Бена.

«Ты нужна Чарли».

Глава восьмая

Сэм вертела в руке свой телефон, сидя на заднем сиденье черного «Мерседеса», пока водитель выруливал на шоссе 575.

Два десятилетия прогресса не прошли бесследно для ландшафта Северной Джорджии. Изменилось буквально все. Торговые центры повывезли тут и там, как сорняки. Повсюду понатыкали билбордов. Даже буйные полевые цветы, когда-то украшавшие разделительные полосы шоссе, исчезли. На смену им пришли широкие платные реверсивные полосы, проложенные в угоду всем этим Джон-Боям на пикапах, которые каждое утро гоняют в Атланту на работу, а вечером едут назад и ругают безбожных либералов, которые наполняют их карманы и субсидируют их коммунальные услуги, здравоохранение, школы и школьные обеды.

— Час примерно, и на месте, — сказал водитель Станислав с сильным хорватским акцентом. — Ремонт дороги... — Он выразительно пожал плечами. — Кто знает?

— Все нормально. — Сэм смотрела в окно.

Приезжая в Атланту, она всегда вызывала Станислава. Он понимал, что ей нужна тишина, а это редкость для водителя. А может, он думал, что она боится ездить на автомобиле. Откуда ему знать, что Сэм настолько привыкла к задним сиденьям черных седанов, что редко обращала внимание на дорогу.

Сэм так по-настоящему и не научилась водить машину. Когда ей исполнилось пятнадцать, Расти начал обучать ее вождению на универсале Гаммы, но, как и большинство семейных дел, эта затея вскоре потонула в его рабочих делах, которые вечно оказывались

важнее занятий с Сэм. Тогда за это дело взялась Гамма, но она была крайне придирчивым водителем и невероятно язвительным пассажиром. В эту гремучую смесь добавилась склонность Гаммы и Сэм к яростным агрессивным перепалкам, так что в конце концов они решили, что Сэм начнет учиться водить осенью, когда пойдет в старшую школу.

Но потом на их кухне появились братья Кулпепперы.

Пока сверстницы Сэм проходили курс для получения учебного водительского удостоверения, она была занята восстановлением связей между пальцами ног, ступнями, лодыжками, голеньями, коленями, бедрами, ягодицами и тазобедренными суставами, надеясь когда-нибудь снова научиться ходить.

Ограниченная подвижность стала не единственным препятствием для вождения. Повреждения, нанесенные ее глазам Захарией Кулпеппером, были в основном опять-таки «поверхностными». Остаточная чувствительность к свету была решаемой проблемой. Порванные веки зашил пластический хирург. Короткие обкусанные ногти Захарии повредили склеру, но не задели сосудистую оболочку, глазной нерв, сетчатку или роговицу.

Зрение нарушилось из-за кровоизлияния, последовавшего за разрывом врожденной аневризмы сосудов головного мозга во время операции, в результате чего были повреждены волокна, передающие зрительную информацию от глаз к мозгу Сэм. Острота зрения восстановилась до 0,5, что достаточно для получения прав в большинстве штатов, но угол бокового обзора правого глаза был меньше двадцати градусов.

Поэтому с юридической точки зрения Сэм считалась слепой.

К счастью, у нее и не было необходимости садиться за руль. Она заказывала машину в аэропорт и обратно.

Она ходила пешком на работу, на рынок или на разные встречи и мероприятия недалеко от дома. Если надо было поехать чуть дальше от исторического центра Манхэттена, она брала такси или просила Элдрин прислать водителя. Она не принадлежала к тому типу ньюйоркцев, которые говорят, что очень любят город, но, как только могут позволить себе купить второй дом, сбегает в Хэмптонс или Мартас Виньярд. Сэм с Антоном даже не обсуждали такой вариант. Если им хотелось на море, они ехали на Палиохори или в Корчулу, а не запирались в подобии манхэттенского пляжного «диснейленда».

У Сэм завибрировал телефон. Увидев следы пота на краях экрана, она поняла, как крепко сжимала его.

После того как она ответила на письмо Бена прошлой ночью, он время от времени присылал ей новости о ситуации. Сначала Расти был в операционной, потом в реанимации, потом опять в операционной из-за кровотечения, которое в первый раз не заметили, и потом снова в реанимации.

Новое сообщение оказалось таким же, как то, что она получила перед вылетом:

«Без изменений».

Сэм посмотрела на часы. Бен отследил рейс «Дельты», номер которого Сэм ему прислала. Его письмо пришло ровно через десять минут после посадки. Он не знал, что Сэм соврала по поводу номера рейса и по поводу самого полета тоже. У фирмы «Стелик, Элтон, Мэллори и Сандерс» есть бизнес-джет для старших партнеров. Имя Сэм еще не появилось на стальной табличке у выхода из лифта, но все контракты уже были подписаны, сделка по покупке доли фирмы совершена, и джет был готов, как только Элдрин по ее просьбе сделал заявку.

Но прошлой ночью Сэм не уехала.

Она нашла номер утреннего рейса «Дельты» и отправила его Бену. Собрала сумку. Написала человеку, который придет покормить кота. Села за кухонный стол. Послушала, как Фоско храпит и урчит, устроившись рядом на стуле, и заплакала.

От чего она отказывается, возвращаясь в Пайквилль? Она обещала Гамме, что никогда не вернется.

Хотя, если бы мама была жива, если бы Гамма все еще жила в фермерском шалтай-болтайском доме, Сэм, конечно, приезжала бы на Рождество, а может, и на другие праздники. Гамма приезжала бы в Атланту пообедать с Сэм, когда она бывала там в командировках. Сэм возила бы мать в Бразилию, или Новую Зеландию, или куда еще захотелось бы Гамме. Не было бы разрыва с Чарли. Сэм была бы хорошей сестрой, хорошей свояченицей, а может, даже и тетей.

Отношения Сэм с Расти, скорее всего, были бы такими же, если не хуже, потому что ей пришлось бы с ним видаться, но Расти любил подобные трудности. Может, и Сэм их полюбила бы — в той, другой жизни, которая была бы у нее без ранения в голову.

Сэм не была бы инвалидом.

По утрам она бегала бы, а не нарезала скучные круги в бассейне. Она могла бы ходить без боли. Могла бы поднять руку, не задумываясь, насколько высоко получится. Была бы уверена, что ее рот четко произнесет именно те слова, что появляются у нее в голове. Она могла бы сама ездить по шоссе между штатами. Она наслаждалась бы свободой осознания, что ее тело, разум и мозг едины.

Сэм сглотнула горечь. Она не позволяла себе погружаться в эти размышления — «что было бы, если» — с тех пор, как выписалась из Центра Шеферда. Если сейчас позволить себе роскошь погрузиться, это ее парализует.

Она посмотрела на экран телефона и прокрутила его до первого письма от Бена.

«Ты нужна Чарли».

Он нашел именно те слова, на которые Сэм откликнулась. Правда, не сразу. Не без того, чтобы потянуть время.

Вчера ночью, когда Сэм наконец прочла письмо, она не знала, что делать. Она ходила по квартире до такой усталости в ногах, что начала хромать. Приняла горячий душ. Заварила кружку чая, попробовала сделать растяжку, начала медитировать, но навязчивое любопытство сгрызло все ее поводы для прокрастинации.

Никогда раньше Чарли не нуждалась в Сэм.

Вместо того чтобы написать Бену сообщение с очевидными встречными вопросами «Почему? Что случилось?», Сэм включила новости. Через полчаса по MSNBC передали сообщение о нападении на Расти. Информация была крайне скудной. Его нашел кто-то из соседей. Расти лежал лицом вниз в конце подъездной дороги. По земле были разбросаны конверты из почтового ящика. Сосед вызвал полицию. Полицейские вызвали «Скорую». Врачи «Скорой» вызвали вертолет, и теперь Сэм возвращается в город, никогда не возвращаться в который она обещала матери.

Сэм напомнила себе, что формально она едет не в сам Пайквилль. Больница округа Дикерсон находится в получасе езды, в городке Бридж Гэп. Когда Сэм была подростком, Бридж Гэп был ближайшим большим городом в округе, тем самым, куда можно поехать, если у твоего бойфренда или друга есть машина и если родители разрешат.

Возможно, когда Чарли была помладше, она ездила в Бридж Гэп с мальчиком или друзьями. Расти точно разрешил бы: строгим родителем у них всегда была Гамма. Сэм знала, что без уравнивающего влияния

Гаммы Чарли пустилась во все тяжкие. Худшее время пришлось на колледж. Чарли несколько раз звонила Сэм поздней ночью из Атенса, где она училась в бакалавриате Университета Джорджии. Она просила деньги на еду, на квартиру, на врача и один раз на то, что, как потом выяснилось, было не беременностью, а ложной тревогой.

«Так ты мне поможешь или нет?» — требовала Чарли, агрессивно обрубая упреки, которые Сэм даже не успевала высказывать. Судя по Бену, Чарли удалось исправиться. На самом деле она не столько изменилась, сколько просто стала прежней Чарли. Она никогда не была бунтаркой. Она была одной из дружелюбных, популярных девчонок, из тех, кого везде приглашают, из тех, кто легко находит со всеми общий язык. Она обладала природной приветливостью, которой вечно не хватало Сэм, даже до всего произошедшего.

Но как Чарли живет теперь?

Сэм даже не знала, есть ли у ее сестры дети. Она предполагала, что есть. Чарли всегда любила малышей. До того, как сгорел дом из красного кирпича, она успела поработать нянькой у половины соседских детей. Она всегда заботилась о бродячих животных: оставляла орехи для белок, мастерила птичьи кормушки на своих скаутских встречах, а один раз построила крольчатник на заднем дворе, хотя, к полнейшему разочарованию Чарли, кролики почему-то предпочли пустующую собачью будку у соседей.

Как Чарли теперь выглядит? Седая, как Сэм? По-прежнему худая, мускулистая и вечно в движении? Узнает ли Сэм сестру, если встретит ее?

Когда встретит ее.

За окном промелькнул знак «Добро пожаловать в округ Дикерсон».

Надо было сказать Станиславу ехать помедленнее.

Сэм открыла браузер на телефоне. Перезагрузила первую страницу MSNBC и увидела новости о Расти. «Состояние пациента: под тщательным наблюдением». Проведя полжизни в больницах, Сэм понятия не имела, что это значит. Лучше, чем критическое? Хуже, чем стабильное?

Когда Антона под конец его жизни госпитализировали, никаких сводок по состоянию здоровья не было: только понимание, что сегодня ему комфортно, на следующий день некомфортно, а потом только мрачное, бессловесное общее понимание, что никакого завтра уже не будет.

Сэм открыла «Хаффингтон пост»: нет ли у них подробностей. У нее перехватило дыхание от удивления, когда на экране появилась свежая фотография Расти.

Неизвестно почему, но всегда, слушая его голосовые сообщения, Сэм представляла Берла Айвза из рекламы чая «Луизиана»: крепкий круглолицый мужчина в белой шляпе и костюме, с черным галстуком-шнурком, скрепленным аляповатым медальоном из серебра.

Ее отец никогда таким не был. Ни раньше, ни, конечно, сейчас.

Густые черные волосы Расти почти полностью поседели. Лицо имело текстуру, если не цвет, вяленой говядины. Он, как и раньше, выглядел отощавшим, словно только что выбрался из джунглей. Впалые щеки. Круги под глазами. На фотографиях Расти всегда получался хуже, чем в реальности. В жизни он был вечно в движении, ерзал и жестикулировал, как волшебник страны Оз, так что за этой завесой не был виден слабый старик.

Сэм задумалась, по-прежнему ли он с Ленор. Даже подростком Сэм понимала, почему Гамма так недолюбливает эту женщину, с которой Расти проводил большую часть своего времени. Поступил ли он, как

предполагает стереотип, — женился ли на секретарше после предписываемого приличиями траура? Когда Гамму убили, Ленор была молодой женщиной. Ждет ли Сэм встреча с единокровной сестрой или братом в больнице?

Сэм бросила телефон обратно в сумочку.

— О,кей, — сказал Станислав, — осталась миля, по навигатору. — Он показал на свой айпад. — Говорите, два часа и едем назад?

— Примерно так, — ответила Сэм. — Может, меньше.

— Я возьму обед в ресторане. Больничные кафе, плохая еда. — Он дал ей свою визитку. — Напишите мне сообщение. Пять минут, я у входа.

Сэм хотелось попросить его подождать в машине с включенным двигателем и колесами, повернутыми в сторону Атланты, но она ответила:

— Хорошо.

Станислав включил поворотник. Основанием ладони провел по рулю, плавно поворачивая на извилистую дорожку к больнице.

У Сэм свело живот.

Больница округа Дикерсон оказалась сильно больше, чем она помнила, а может быть, за последние без малого тридцать лет она действительно расширилась. До того, как в их жизни появились Кулпепперы, семья Куинн только один раз была здесь в отделении неотложной помощи. Чарли тогда сломала руку, упав с дерева. Произошло это по типичной для Чарли причине: она пыталась спасти кота. Сэм до сих пор помнила, как Гамма читала лекцию в машине, перекрикивая вопли Чарли, пока они ехали в больницу: не о том, какая это глупость — спасать существо, каждый нерв и мускул которого приспособлены природой для спуска с дерева без посторонней помощи, но об анатомии человека.

«Кость, которая идет от плечевого сустава к локтю, называется „плечевая кость“.

Мы называем эту часть „плечо“ или просто „верхняя часть руки“. Плечевая кость соединяется с двумя костями в локтевом суставе: лучевой костью и локтевой костью, которые вместе образуют предплечье».

Ни один из этих фактов не способен был унять крики Чарли. В кои-то веки Сэм не могла сказать, что сестра слишком бурно реагирует. Ее сломанная плечевая кость, или «верхняя часть руки», как сказала Гамма, торчала из разодранной кожи, словно акулий плавник.

Водитель загнал «Мерседес» под широкий бетонный козырек у главного входа. Станислав был крупным мужчиной. Когда он вылез из-за руля, машина качнулась. Он обошел машину сзади и открыл дверь Сэм. Ей пришлось поднять правую ногу руками, чтобы выйти. Сегодня она решила взять трость, потому что здесь и так все знают, что с ней произошло.

— Пишите мне, пять минут, я здесь, — сказал Станислав и вернулся в машину.

Сэм смотрела, как он удаляется, чувствуя странный спазм в горле. Ей пришлось напомнить себе, что в сумочке лежит его визитка, что можно попросить его вернуться, что у нее есть безлимитная кредитка, бизнес-джет в распоряжении и возможность сбежать в любой момент.

И все равно ей казалось, что по мере того, как автомобиль отъезжает, на ней затягивается смиренная рубашка.

Сэм повернулась. Посмотрела на больницу. Рядом со входом на лавке сидели два журналиста с пресс-картами на шее и камерами у ног. Они подняли глаза на входящую в здание Сэм и вернулись обратно к экранам телефонов.

Она огляделась в поисках Бена, в глубине души надеясь, что он ждет ее где-то здесь. Но увидела только слоняющихся по лобби пациентов и посетителей. Сэм заметила стойку информации, но предпочла ориентироваться по цветным стрелкам на полу, в которых хорошо разбиралась. Она пошла по зеленой линии к лифтам. Провела пальцем по списку отделений и нашла пункт «Реанимация взрослых пациентов».

Сэм поднималась в лифте в одиночестве. Ей казалось, что она всю жизнь только и делает, что ездит вверх-вниз на лифте, пока все остальные ходят по лестнице. На каждом этаже панель управления издавала «дзиньк». В кабине было чисто, но смутно пахло болезнью.

Она смотрела прямо перед собой, стараясь не считать этажи. Металл на внутренней части дверей был матовым, чтобы не были заметны отпечатки пальцев, но она видела свои искаженные очертания: отстраненный вид, цепкие голубые глаза, короткие светлые волосы, кожа бумажной белизны и острый язык, который тоже можно сравнить с бумагой, ведь он порой наносил крошечные порезы в самых болезненных местах. Даже в размытом отражении Сэм различала неодобрительный изгиб своих тонких губ. Перед ней стояла сердитая грустная женщина, которая никогда не покидала Пайквилль.

Двери лифта открылись.

Черная линия на полу, похожая на линию на дне бассейна, вела к закрытым дверям реанимации.

К Расти. К сестре.

К мужу сестры. К неизвестности.

Ноги ее горели, будто их жалила тысяча ос, когда Сэм шла по длинному безлюдному коридору. Тяжелый стук сердца и удары ботинок по больничной плитке слились в едином барабанном ритме. Пот приклеил

волосы к затылку. Тонкие лодыжки и запястья, казалось, вот-вот треснут от напряжения.

Сэм продолжила идти, глотая стерильный воздух, преодолевая боль.

Автоматические двери раздвинулись еще до того, как она к ним подошла.

В середине прохода стояла женщина. Высокая, спортивная, с длинными темными волосами и голубыми глазами. Нос выглядел так, будто его недавно сломали. Под каждым глазом — по синяку.

Сэм заставила себя идти быстрее. Жилы в ногах взвыли. Осы теперь впивались в легкие. Трость норовила выскользнуть из потной ладони.

Она сильно нервничает. Почему она нервничает?

— Ты похожа на маму, — сказала Чарли.

— Правда? — голос Сэм дрожал.

— Только у нее волосы были черные.

— Потому что она ходила в салон красоты. — Сэм провела рукой по волосам. Наткнулась пальцами на борозду, оставшуюся от пули. — Ученые из Университетского колледжа Лондона проводили исследование в Латинской Америке и обнаружили ген, отвечающий за седые волосы, IRF4.

— Потрясающе.

Чарли держала руки скрещенными на груди. Что им делать — обняться? Пожать друг другу руки? Продолжать стоять и таращиться друг на друга, пока у Сэм нога не отвалится?

— Что у тебя с лицом? — спросила Сэм.

— А что с ним?

Сэм ждала, что Чарли как-то объяснит синяки под глазами и сломанный нос, но сестра, как всегда, не собиралась оправдываться.

— Сэм? — Бен нарушил неловкое молчание.

Он обнял Сэм, крепко прижав руки к ее спине: с тех пор, как умер Антон, никто ее так не обнимал.

Она почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы. Увидела, что Чарли смотрит, и отвела взгляд.

— Состояние Расти стабильное, — сообщила Чарли. — Все утро было то хуже, то лучше, но сейчас врачи говорят, что он скоро придет в себя.

Бен продолжал придерживать Сэм. Он сказал ей:

— Ты совсем не изменилась.

— Спасибо, — пробормотала она, смутившись.

— Шериф должен приехать, — добавила Чарли. — Кит Коин. Помнишь этого дебила?

Сэм помнила.

— Они выпустили какое-то говенное заявление, мол, все ресурсы брошены на поиски того, кто напал на Расти, но оболящаться не стоит. — Она по-прежнему держала руки крепко скрещенными на груди. Все та же колкая, заносчивая Чарли. — Я не удивлюсь, если это дело рук его помощников.

— Папа представляет интересы той девушки, — сказала Сэм, — которая стреляла в школе.

— Келли Уилсон. Я не буду тебе пересказывать эту длинную скучную историю.

Сэм удивил такой выбор прилагательных. Двое застрелены насмерть. У Расти ножевые ранения. Не похоже, что в этой истории есть что-то слишком длинное или скучное. Но, одернула себя Сэм, она приехала не для того, чтобы выяснять подробности.

Она приехала из-за письма.

Сэм попросила Бена:

— Можешь оставить нас ненадолго?

— Конечно. — Бен задержал руку на ее спине, и она поняла, что этот жест связан с ее инвалидностью, а не с его особым расположением к ней.

Сэм замерла.

— Я в порядке, спасибо.

— Конечно. — Бен погладил ее по спине. — Мне надо идти работать. Если понадобится, я рядом.

Чарли потянулась, чтобы взять его за руку, но Бен, повернувшись, уже пошел к выходу.

Раздвижные двери закрылись за ним. Сэм смотрела через стекло, как он удаляется легкой размашистой походкой. Подождала, пока он завернет за угол. Она повесила трость на руку. Жестом пригласила Чарли пройти к ряду пластиковых кресел.

Чарли шла первой, привычно и уверенно отталкиваясь ногами от пола. Походка Сэм была более шаткой. Без трости ей казалось, что она ступает по наклонному полу в музее смеха. Но до кресла она дошла. Опершись рукой, с облегчением села.

— Расти нападение почему, — сказала она.

Сэм закрыла глаза, поняв, что перепутала слова.

— Я хочу сказать...

— Они считают, что это из-за того, что он представляет Келли Уилсон, — ответила Чарли. — Кому-то в городе это не нравится. Юдифь Хеллер можно вычеркнуть из списка. Она провела всю ночь здесь. Она вышла замуж за мистера Пинкмана двадцать пять лет назад. Странно, да?

Не доверяя своему языку, Сэм в ответ просто кивнула.

— Так что остается только семья Александеров. — Чарли тихонько притопывала ногой. Сэм и забыла, что сестра бывает такой же непоседливой, как Расти. — С Питером они не родственники. Ты же помнишь Питера из старшей школы, да?

Сэм снова кивнула, стараясь не осуждать Чарли за то, что она вернулась к старой привычке заканчивать любую фразу вопросительным «да», будто желая освободить Сэм от речевой нагрузки сверх простого кивка или покачивания головой.

— Питер переехал в Атланту, но несколько лет назад его сбила машина. Я это прочитала у кого-то в «Фейсбуке». Так жалко, да?

Сэм кивнула в третий раз и неожиданно ощутила укол горечи, узнав об этой потере.

— Папа работает над еще одним делом, — продолжила Чарли. — Не знаю, с кем оно связано, но он в последнее время часто задерживался на работе. Ленор мне ничего не говорит. Ее он бесит так же, как и всех остальных, но она хранит его секреты.

Сэм подняла брови.

— Удивительно, да? Как она умудрилась проработать с ним все эти годы и не убить его? — Чарли внезапно рассмеялась. — Если что, она была дома, когда на папу напали.

— Где? — спросила Сэм.

Она хотела узнать, где живет Ленор, но Чарли поняла вопрос по-другому.

— Мистер Томас, один из соседей, нашел его в конце подъездной дороги. Крови почти не было видно, только порез на ноге и немного на рубашке. Кровоизлияние произошло в основном внутри брюшной полости. Видимо, так бывает при этом типе ранений. — Она показала себе на живот. — Сюда, сюда и сюда. Как заточкой в тюрьме — тык-тык-тык, поэтому я и думаю, что это может быть связано с тем, другим делом. У папы талант бесить эков.

— Ясен хрен, — сказала Сэм грубо, но в точку.

— Может, ты у нее что-нибудь разузнаешь? — Чарли встала, когда двери открылись. Видимо, она заметила Ленор через стекло.

Сэм тоже ее увидела. И раскрыла рот.

— Саманта. — Знакомый хриплый голос Ленор отозвался в Сэм детским воспоминанием о звонке кухонного телефона, извещавшем о том, что Расти задерживается. — Твой отец будет рад, что ты приехала. Ты хорошо долетела?

Сэм снова ограничилась кивком, на этот раз от шока.

— Вы тут, видимо, беседуете так, будто ничего никогда не было и все хорошо? — Ленор не стала дожидаться ответа. — Пойду посмотрю, как там ваш отец.

Она пожала плечо Чарли и пошла дальше по коридору. Сэм смотрела, как Ленор засунула под мышку синий клатч, подходя к сестринскому посту. На ней были синие туфли на высоком каблуке и короткая юбка в тон, сильно выше колена.

— Ты ведь не знала, да? — спросила Чарли.

— Что она была... — Сэм пыталась подобрать слова. — Что она, то есть я хочу сказать...

Чарли прикрыла рот рукой. Затряслась от смеха.

— Ничего смешного, — заметила Сэм.

Чарли прыснула в ладонь.

— Хватит. Это неуважительно.

— Только с твоей точки зрения, — ответила Чарли.

— Просто не верится... — Сэм не смогла закончить мысль.

— Ты всегда была слишком умной, чтобы догадаться, какая ты глупая. — С лица Чарли не сходила улыбка. — Ты правда не подозревала, что Ленор — трансгендер?

Сэм снова вернулась к жестам: покачала головой. В Пайквилле она была домашней девочкой, но все равно удивительно, что гендерная идентичность Ленор не вызывала у нее вопросов. Как Сэм умудрилась не заметить, что Ленор родилась мужчиной? Она ростом под два метра. Голос у нее ниже, чем у Расти.

— Леонард, — пояснила Чарли. — В колледже они с папой были лучшими друзьями.

— Гамма ее ненавидела. — Сэм встревоженно повернулась к Чарли. — Мама была трансфобкой?

— Нет. Вряд ли. Она сначала встречалась с Ленни. Они собирались пожениться. Я думаю, она злилась,

потому что... — Чарли замолчала, потому что и так все было понятно. Потом продолжила:

— Гамма обнаружила, что Ленор примеряет ее одежду. Она не сказала какую, но первое, что приходит в голову, — это нижнее белье. Она в смысле Ленор. Гамма ничего мне об этом не говорила. А ты действительно не догадывалась?

Сэм опять только покачала головой.

— А я думала, Гамма считала, что у них роман.

— Этого я бы никому не пожелала, — отозвалась Чарли. — Я имею в виду Расти. Никому не пожелаешь...

— Девочки! — Ленор цокала каблуками по плитке, шагая к ним. — Он в сознании, насколько это возможно для Расти. К нему пускают не больше двух человек одновременно.

Чарли вскочила с места. Протянула руку Сэм.

Сэм тяжело оперлась на трость и встала сама. Она не позволит им обращаться с собой как с инвалидом.

— Когда мы сможем поговорить с врачами?

— Обход через час, — сообщила Ленор. — Помнишь Мелиссу ЛаМарш из класса мистера Пендлтона?

— Да, — сказала Сэм, хотя не поняла, почему Ленор запомнила имена одной из подруг Сэм и ее учителя из старших классов.

— Теперь она доктор ЛаМарш. Она оперировала Расти вчера ночью.

Сэм вспомнила Мелиссу и то, как она плакала каждый раз, получив за контрольную оценку ниже «отлично». Пожалуй, Сэм хотелось бы, чтобы именно такой человек оперировал отца.

Отца.

Она много лет не называла Расти этим словом.

— Иди первая, — Чарли обратилась к Ленор. Ее стремление увидеть Расти вдруг куда-то улетучилось. Она остановилась возле ряда больших окон. — Мы с Сэм пойдем потом.

Ленор молча удалилась.

Чарли не сразу заговорила. Она подошла к окнам. Посмотрела вниз, на парковку.

— У тебя еще есть шанс.

Уехать, она имеет в виду. Пока Расти ее не видел. Пока Сэм не засосало обратно в этот мир.

— Я правда была нужна тебе здесь? — спросила Сэм. — Или это все Бен?

— Это я, а Бен, спасибо ему, связался с тобой, потому что я не могла. Или не могла себя заставить. Но я думала, что папа умирает. — Она прислонилась лбом к стеклу. — У него был инфаркт два года назад. До того был еще один, несильный, но после последнего ему делали шунтирование и были осложнения.

Сэм ничего не ответила. Она не знала, что у Расти проблемы с сердцем. Он не пропустил ни одного звонка. Сэм думала, что он был здоров все это время.

— Мне надо было принимать решение, — продолжила Чарли. — В какой-то момент он не мог дышать самостоятельно, и мне пришлось решать, подключать его к ИВЛ или нет.

— У него нет завещательного распоряжения? — спросила Сэм.

Она имела в виду форму «НР», «Не реанимировать», документ, в котором пациент указывает, хочет ли он умереть естественной смертью или получить сердечно-легочную реанимацию и поддержание сердечной деятельности, — такой обычно подписывают вместе с завещанием.

Чарли еще не успела ответить, как Сэм поняла, в чем проблема.

— У Расти нет завещания.

— Именно так. — Чарли повернулась спиной к окну. — Очевидно, я сделала правильный выбор. То есть сейчас это понятно, потому что он выжил и выздоровел, но в этот раз, когда Мелисса вышла из операционной и

сказала, что они не могут остановить кровотечение, и что у него неустойчивое сердцебиение, и что, возможно, мне придется принимать решение, подключать ли системы жизнеобеспечения...

— Ты хотела, чтобы я приехала и убила его.

Чарли встревоженно посмотрела на Сэм, но не из-за ее откровенности. Дело было в тоне ее голоса, в нотках гнева, бурлящего за ее словами.

— Если ты будешь злиться, давай лучше выйдем отсюда, — предложила Чарли.

— Чтобы журналисты все услышали?

— Сэм. — Чарли нервничала, будто смотрела на обратный отсчет на ядерной боеголовке. — Давай выйдем на улицу.

Сэм сжала кулаки. Она почувствовала, как внутри закипает давно забытая тьма. Она сделала глубокий вдох, потом еще и еще, пока тьма не свернулась обратно в маленький шарик в груди.

Она сказала сестре:

— Шарлотта, ты глубоко заблуждаешься насчет моего желания или способности лишить кого-либо жизни.

Сэм пошла к сестринскому посту, тяжело опираясь на трость. Она посмотрела на белую доску за пустой стойкой и нашла номер палаты Расти. Она подняла руку, чтобы постучать, но Ленор открыла дверь до того, как костяшки ее пальцев коснулись поверхности.

— Я сказала ему, что ты здесь. Не хочу, чтобы у него случился инфаркт.

— Ты хотела сказать, еще один инфаркт, — заметила Сэм.

Она не стала ждать ответа Ленор.

Вместо этого она вошла в палату к отцу. Воздух показался ей слишком разреженным.

Свет — слишком ярким.

Она поморгала, отгоняя головную боль, зарождающуюся где-то в глубине черепа.

Палата Расти в реанимации выглядела как знакомая, но экономичная версия люксовой палаты в частном госпитале, где умер Антон. Здесь не было деревянных панелей на стенах, мягкого дивана, телевизора с плоским экраном или письменного стола, за которым могла работать Сэм, но аппараты были те же самые: плавающий кардиомонитор, шипящий кислородный концентратор, тонометр, манжета которого издавала шуршащий звук, надуваясь вокруг руки Расти.

Он выглядел так же, как на фотографии, только лицо полностью бесцветное. Но ни один фотоаппарат не мог уловить дьявольские искорки в его глазах и ямочки на жестких щеках.

— Сэмми-Сэм! — прорычал он и закашлялся. — Иди сюда, моя девочка. Дай посмотрю на тебя поближе.

Сэм не двинулась с места. Она поморщила нос. От Расти пахло сигаретным дымом и «Олд Спайсом» — два аромата, которых она была счастливо лишена в повседневной жизни.

— Черт меня побери, если ты не вылитая мама. — Он радостно рассмеялся. — Чему твой старый папочка обязан подобным удовольствием?

Вдруг справа от Сэм появилась Чарли. Она знала, что это ее слепая зона. И непонятно было, сколько она уже там стоит.

— Папа, мы думали, ты умираешь, — сказала Чарли.

— Я сплошное разочарование для женщин в моей жизни. — Расти почесал подбородок. Он тихонько дрыгал ногой под простыней, словно притопывая. — Я рад, что ни одна из вас не обратила на другую пращи и стрелы [\[13\]](#).

— Не при тебе. — Чарли обошла кровать с другой стороны. Скрестила руки на груди. Она не стала брать его за руку. — Ты в порядке?

— Ну, — Расти, казалось, задумался, — меня ударили ножом. Или, на языке улиц, «пырнули».

— Удар, что он нанес, из всех ударов был самый злой^[14].

— Трижды в живот, единожды в ногу.

— Да что ты говоришь.

Сэм не стала слушать их шуточки. Она никогда не получала удовольствия от шоу «Расти и Чарли». Отец же, наоборот, упивался им. Он, очевидно, все еще был в восторге от Чарли, и когда она перешучивалась с ним, глаза его буквально светились.

Сэм посмотрела на часы. Невероятно, но с тех пор, как она вышла из машины, прошло всего шестнадцать минут. Перекрикивая их галдеж, она спросила:

— Расти, что произошло?

— В каком смысле что... — Он посмотрел на свой живот. С обоих боков свисали хирургические дренажи. Он поднял глаза на Сэм, изображая шок. — «Меня убили!»^[15]

На этот раз Чарли не стала ему подыгрывать.

— Пап, у Сэм обратный рейс сегодня вечером.

Сэм вздрогнула от этого напоминания. Каким-то образом на мгновение она позволила себе забыть, что может уехать.

— Давай, пап. Расскажи, что случилось.

— Ладно, ладно. — Расти закричал, пытаясь сесть в постели.

Сэм подумала, что он впервые за все время как-то показал, что ранен.

— Ну... — Он закашлялся, и в груди его раздалось мокрое бульканье. Поморщившись от напряжения, он

еще раз разразился кашлем, потом опять поморщился и подождал, пока все пройдет.

Когда он наконец смог говорить, обратился к Чарли, своей самой благодарной слушательнице:

— Когда ты меня привезла в тепло родного дома, я немного перекусил, может, капельку выпил и вдруг понял, что не проверил почтовый ящик.

Сэм не могла вспомнить, когда ей в последний раз присылали что-либо в почтовый ящик. Это казалось ритуалом из прошлого века.

Расти продолжил:

— Я надел уличную обувь и вышел во двор. Вчера была прекрасная ночь. Переменная облачность, утром возможны дожди. Ой... — Он будто бы вспомнил, что утро уже прошло. — Утром был дождь?

— Да. — Чарли покрутила рукой, подгоняя его. — Ты видел, кто это сделал?

Расти снова закашлялся.

— Это сложный вопрос со столь же сложным ответом.

Чарли ждала. Они обе ждали.

— Ну, значит, я пошел к ящику проверить почту. Прекрасная ночь. Светит луна. С подъездной дороги поднимается тепло, накопленное за солнечный день. Картина маслом, не правда ли?

Сэм поймала себя на том, что кивает вместе с Чарли, будто не прошло почти тридцать лет и они, все еще маленькие девочки, слушают, как отец рассказывает одну из своих историй.

Похоже, это внимание доставляло ему удовольствие. Щеки его слегка порозовели.

— Я повернул на изгибе дороги и услышал над головой какой-то звук — решил, что птица. Помнишь, Шарлотта, я рассказывал тебе про того ястреба?

Чарли кивнула.

— Я уж решил, что мой старый приятель опять поймал бурундука, как вдруг — опа! — Он хлопнул в ладоши. — Ногу обожгло болью.

Сэм почувствовала, как покраснели ее щеки. Как и Чарли, она подпрыгнула при хлопке.

— Я посмотрел вниз, пытаюсь понять, что произошло, и тут увидел. Из задней поверхности бедра торчит здоровенный охотничий нож.

Сэм закрыла рот рукой.

— Итак, я повалился на землю, как камень в воду, потому что нож в бедре — это больно. И тут ко мне подходит этот товарищ и начинает меня пинать. Пинает и пинает, по рукам, ребрам и голове. А вокруг валяется моя почта, но, я хочу сказать, я пытаюсь встать, а у меня все еще нож в ноге. А тот товарищ, он еще раз пинает мою голову, а я хватаю его ногу двумя руками и бью ему прямо в пах.

У Сэм заколотилось сердце. Она знала, каково это — драться за свою жизнь.

— Потом мы еще поборолись, он прыгал вокруг, потому что я держал его ногу, а я пытался встать, и тут этот товарищ, видимо, вспомнил, что у меня нож в ноге. Так что он за него схватился, вытащил и давай колоть меня в живот. — Расти показал рукой крученые удары ножом. — Мы оба уже вымотались к тому моменту. Гайки разболтались. Я пытаюсь от него отойти, придерживая свои кишки. Он стоит там. А я думаю, смогу ли дойти до дома и вызвать полицию, и тут он вытаскивает оружие.

— Оружие? — поразилась Сэм. У Расти еще и огнестрельное ранение?

— Пистолет, — подтвердил Расти. — Какая-то иностранная модель.

— Какого хрена, пап, — пробормотала Чарли. — А потом ты сбросил ему на голову морской контейнер?

— Ну...

— Финальная сцена из «Смертельного оружия — 2». Ты мне рассказывал, что на днях его смотрел.

— Правда? — Расти принял невинный вид, который только подтверждал его вину.

И то, какая Сэм идиотка.

— Ну что ты за засранец. — Чарли положила руки на пояс. — Как все было на самом деле?

Сэм открыла рот, но говорить не смогла.

— На меня напали с ножом. Было темно. Я его не разглядел. — Он пожал плечами. — Простите старика за попытку привлечь крохи внимания своих требовательных дочерей.

— Ты все выдумал? — Сэм сжала свою сумочку обеими руками. — Все это пересказ какого-то дурацкого кино?

Вне себя от ярости она врезала отцу по голове сумочкой.

— Ты засранец, — прошипела она вслед за Чарли. — Зачем ты это сделал?

Расти смеялся, пытаясь руками защититься от удара.

— Засранец, — повторила она, ударив его еще раз.

Расти дернулся. Положил руку на живот:

— Странное дело: поднимаю руки, а болит живот.

— Тебе вспороли мышцы пресса, тупица лживый. Это называется «мышцы ко2ра» или «глубокие мышцы туловища», потому что это центральная, основополагающая часть мускулатуры твоего тела, — объяснила Сэм.

— О боже, — сказал он. — Я как будто слушаю Гамму.

Сэм уронила сумочку на пол, а подняв, еще раз стукнула его. Руки ее тряслись. Ее охватила злость, горечь, негодование — все те бешеные чувства, из-за которых она так долго избегала своей семьи.

— Господи боже мой, — почти заорала она, — да что с вами такое?

Расти начал загибать пальцы.

— Меня несколько раз ударили ножом. У меня больное сердце. Я злой на язык, и, очевидно, это унаследовали мои дочери. Курение и выпивку, наверное, надо считать отдельно, но...

— Заткнись, — оборвала его Чарли: похоже, выплеск эмоций Сэм подогрел и ее гнев. — Ты хоть понимаешь, чего мы все натерпелись этой ночью? Я спала на стуле, мать твою. Ленор рвала на себе волосы. Бен... Ну, Бен скажет, что он в порядке, но это не так, папа. Он был очень расстроен, и это ему пришлось сообщить мне, что на тебя напали, и ты понимаешь, как это ужасно, а потом ему пришлось написать Сэм, а Сэм уж точно хотелось бы сейчас быть где угодно, только не здесь. — Она наконец вдохнула воздух. На глаза у нее навернулись слезы. — Мы думали, что ты умираешь, ты, старый эгоистичный козел.

Расти не шелохнулся.

— Смерть смеется над нами, моя дорогая. Вечный Страж не будет вечно держать мое пальто [\[16\]](#).

— Засунь своего Пруфрока знаешь куда! — Чарли вытерла слезы рукой. Обернулась к Сэм. — Я, наверное, могу зайти в интернет и попробовать поменять твой рейс на более ранний. — Затем обратилась к Расти: — Ты пробудешь в больнице еще как минимум неделю. Я попрошу Ленор сообщить твоим подзащитным. Я могу отложить слушания на...

— Нет. — Расти сел, его шутливое настроение мгновенно испарилось. — Мне нужно, чтобы ты пришла на предъявление обвинения Келли Уилсон завтра.

— С какой... — Чарли подняла руки, застигнутая врасплох. — Расти, мы это уже обсуждали. Я не могу...

— Он имеет в виду меня, — сказала Сэм, потому что Расти произнес свою просьбу, неотрывно глядя на нее. — Он хочет, чтобы я пошла на предъявление обвинения.

В глазах Чарли мелькнула ревность, хоть она и отказалась заниматься этим.

Расти пожал плечами, глядя на Сэм.

— Завтра в девять. Проще простого. Туда и обратно, десять минут на все про все.

— У нее нет лицензии в Ассоциации адвокатов штата, — заметила Чарли. — Она не может...

— Есть у нее лицензия, — Расти подмигнул Сэм. — Скажи ей, что я прав.

Сэм не стала спрашивать отца, как он узнал, что она сдала экзамен в адвокатскую ассоциацию Джорджии. Вместо этого она посмотрела на часы. — У меня уже забронирован рейс на сегодня.

— Планы можно поменять.

— Дельта возьмет с меня плату за изменение бронирования и...

— Я дам тебе в долг, чтобы покрыть эти расходы.

Сэм смахнула невидимую пылинку с рукава своей блузки стоимостью шестьсот долларов.

Все они понимали, что дело не в деньгах.

— Мне надо всего несколько дней, чтобы встать на ноги, — сказал Расти, — и я сразу подхвачу это дело. Копать надо будет глубоко. Там не все так просто. Поможешь старому папочке подтолкнуть эту телегу?

Сэм покачала головой, хоть и знала, что, скорее всего, Расти — это единственный шанс Келли Уилсон получить настоящую защиту в суде. Даже если понизить планку до обязательного адвоката, вряд ли удастся найти кого-то так быстро, особенно учитывая, что на ее нынешнего адвоката совершено нападение.

Но как бы то ни было, это проблема Расти.

— У меня рабочие задачи в Нью-Йорке. Свои дела. Очень важные дела. Мы выходим в суд в ближайшие три недели.

Все вдруг замолчали. Они оба смотрели на нее.

— Что?

— Сэм, присядь, — тихо сказала Чарли.

— Я не хочу садиться.

— Ты глотаешь слова.

Сэм знала, что она права. Она также знала, что черта лысого она будет садиться из-за какой-то дизартрии, вызванной усталостью.

Надо просто немного передохнуть.

Она сняла очки. Взяла салфетку из коробки около кровати Расти. Протерла линзы, словно проблема лишь в пятнышке, которое можно легко убрать.

— Детка, может, спустишься с сестрой вниз, перекусишь чего-нибудь, и мы поговорим, когда тебе будет получше?

Сэм замотала головой.

— Я...

— Не-а, — прервала их Чарли. — Это не моя работа, мистер. Сам рассказывай ей про своего единорога.

— Не надо, — шикнул он. — Ей сейчас необязательно это знать.

— Она не дура, Расти. Она рано или поздно об этом спросит, и я не хочу, чтобы мне пришлось отвечать.

— Я вас слышу. — Сэм надела очки. — Может, перестанете разговаривать так, будто меня здесь нет?

Чарли прислонилась к стене. Снова скрестила руки на груди.

— Если ты пойдешь на предъявление обвинения, тебе придется сделать заявление о невиновности.

— И что? — спросила Сэм.

На обвинении редко делают заявления о виновности.

— Я имею в виду не формальности. Папа действительно думает, что Келли Уилсон не виновна.

— Не виновна? — Теперь и слуховое восприятие подвело Сэм. Им таки удалось вызвать короткое замыкание в последних работающих частях ее мозга. — Конечно, она виновна.

— Все вопросы вот к этому Фоггорну Леггорну, доктору юридических наук. Он считает, что Келли не виновна.

— Но...

Чарли подняла руки в знак капитуляции.

— Блаженны верующие.

Сэм повернулась к Расти. Она не смогла задать напрашивающийся вопрос, но не из-за своей травмы. Очевидно, отец все-таки сошел с ума.

— Поговори сама с Келли Уилсон. Поешь и езжай в полицию. Скажи им, что ты ее второй адвокат, работаешь со мной. Поговори с Келли наедине. Пять минут максимум. Ты поймешь, о чем я.

— Вот видишь? — сказала Чарли. — Она убила взрослого мужчину и маленькую девочку в трезвом уме и твердой памяти. Что тут еще понимать? Я была там меньше чем через минуту. Я видела в руках у Келли дымящийся — в буквальном смысле! — пистолет. Я видела, как умирала девочка. Но наш мистер Айронсайд считает, что она не виновна.

Сэм понадобилось время, чтобы осознать слова Чарли и спросить:

— Что ты там делала? На месте преступления? Как ты...

— Неважно. — Чарли переключилась обратно на Расти: — Подумай, о чем ты просишь, пап. Каково ей будет этим заниматься? Ты хочешь, чтобы на Сэм тоже напал какой-нибудь маньяк-мститель? — Она саркастически усмехнулась. — Еще раз?

Расти не боялся таких ударов ниже пояса.

— Сэмми-Сэм, смотри, просто поговори с девчонкой. Мне в любом случае пригодится альтернативное мнение. Даже такой великий адвокат, как я, может ошибаться. Мне важна твоя помощь как профессионала.

Его лесть только рассердила ее.

— Массовая стрельба относится к вопросам интеллектуальной собственности? — спросила она. — Или ты забыл, в какой сфере я работаю?

Расти подмигнул ей.

— Управление окружного прокурора Портленда только и занималось что патентными делами, да?

— Портленд был давным-давно.

— А теперь ты слишком занята, потому что помогаешь «Херне Инкорпорейтед» засудить «Херню Лимитед» из-за какой-то херни?

— Каждый имеет право на свою херню. — Сэм не дала ему сбить себя с толку. — Я не такой адвокат, какой нужен Келли. Больше нет. Да и никогда не была. Я бы больше пригодилась обвинению, потому что всегда выступаю на этой стороне.

— Неважно, обвинение или защита: надо только почувствовать баланс сил в зале суда, а это у тебя в крови. — Расти снова попытался сесть. Откашлялся, прикрывшись рукой. — Дорогая, я понимаю, что ты приехала издалека, чтобы проводить меня в последний путь, и торжественно обещаю, рано или поздно мы к этому придем, но сейчас я скажу тебе что-то, чего ни разу не сказал за все твои сорок четыре прекрасных года на этой земле: я прошу тебя сделать это для меня.

Сэм замотала головой, больше от раздражения, чем от несогласия. Она не хотела быть здесь. Ее мозг истощен. Она услышала, как из ее собственных губ исходит змеиное шипение:

— Я уезжаю.

— Конечно, только завтра, — подхватил Расти. — Детка, о Келли Уилсон некому больше позаботиться.

Она одна в целом свете. Ее родители не в состоянии понять, в какую беду она попала. Сама она себе не поможет. Она не может выступать в свою защиту, и никому нет до этого дела. Ни полиции. Ни следователям. Ни Кену Коину. — Расти протянул руку Сэм. Коричневыми от никотина пальцами провел по рукаву ее блузки. — Они убьют ее. Они вставят ей в руку иглу и прервут жизнь этой восемнадцатилетней девушки.

— Ее жизнь прервалась тогда, когда она решила принести в школу заряженный пистолет и убить двух человек, — парировала Сэм.

— Саманта, я не буду с тобой спорить, — сказал Расти. — Но, пожалуйста, ты можешь просто поговорить с ней? Дай ей шанс быть услышанной. Стань ее голосом. Пока я лежу здесь, ты единственный человек, которому я могу доверить ее защиту.

Сэм закрыла глаза. Сердце стучало в ее висках. Аппараты жужжали. Свет был слишком ярким.

— Поговори с ней, — взмолился Расти. — Я серьезно, только ты можешь быть ее защитником. Если ты не согласна на заявление о невиновности, просто сходи на обвинение и попробуй разыграть карту ограниченной дееспособности. В этом, по крайней мере, мы все друг с другом согласны.

— Это ситуация ложного выбора, Сэм. Так или иначе он хочет затащить тебя в суд.

— Да, Чарли, я знаю, что такое псевдоаргументы.

У Сэм заболел живот. Она не ела уже пятнадцать часов. А не спала еще дольше. Она глотала слова, если вообще могла построить предложение. Она не могла идти без трости. Она злилась, очень злилась, впервые так сильно за много лет. И она слушала Расти, будто это ее отец, а не человек, который сделает все что угодно и пожертвует кем угодно ради подзащитного.

Даже своей семьей.

Она подняла сумочку с пола.

— Ты куда? — спросила Чарли.

— Домой, — ответила Сэм. — Мне это дерьмо
сдалось так же, как еще одна дырка в голове.

Расти все еще хохотал, когда она выходила за
дверь.

Глава девятая

Сэм сидела на деревянной скамейке в большом саду за больничным корпусом. Она сняла очки. Закрыла глаза.

Она повернула лицо к солнцу. Вдохнула свежий воздух. Скамейка стояла на огороженной территории с питьевым фонтанчиком около калитки с надписью «САД БЕЗМЯТЕЖНОСТИ — ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» прямо над табличкой с перечеркнутым мобильным телефоном.

Видимо, из-за нее садик и пустовал. Сэм наслаждалась безмятежностью в одиночестве. Точнее, пыталась обрести хоть какую-то безмятежность.

С момента, когда Станислав оставил ее у входа, до момента, когда она оставила Расти в его палате, прошло всего тридцать шесть минут. Еще тридцать минут прошло с тех пор, как она обнаружила Сад безмятежности. Сэм не постеснялась бы прервать обед своего водителя, но ей нужно было время прийти в себя. Ее руки тряслись. Она не могла нормально говорить. У нее давно так не раскалывалась голова.

А свое лекарство от мигрени она оставила дома.

Дома.

Она подумала, как Фоско выгибает спину буквой «С», развалившись на полу. Как солнце льется в окна. Как тепло в бассейне. Как комфортно в ее постели.

А еще об Антоне.

Она позволила себе на какое-то мгновение задуматься о муже. О его больших сильных руках. О его смехе. О том, как он любил новые блюда, новые впечатления, новые страны.

Она никак не могла его отпустить.

И даже тогда, когда это действительно было нужно. И даже тогда, когда он просил ее, упрашивал, умолял

положить конец невыносимости его существования.

Изначально они боролись вместе. Они ездили в центр Андерсона в Хьюстон, в клинику Майо в Рочестер и обратно в Нью-Йорк, в центр Слоан Кеттеринг. Каждый специалист, каждый всемирно известный эксперт оценивал шансы Антона на выживание от семнадцати до двадцати процентов.

Сэм не сомневалась, что он сможет превысить эти прогнозы. Фотодинамическая терапия. Химиотерапия. Лучевая терапия.

Эндоскопия с дилатацией. Эндоскопическое стентирование. Электрокоагуляция. Антиангиогенная терапия. Ему удалили пищевод, подняв желудок и прикрепив его к ротоглотке. Ему удалили лимфоузлы. Провели еще несколько реконструктивных операций. Установили гастростому. Калоприемник. Провели клинические исследования. Применили экспериментальное лечение. Парентеральное питание. Паллиативную хирургию. Снова экспериментальное лечение.

В какой момент Антон решил сдаться?

Когда потерял голос и больше не мог говорить? Когда почти полностью потерял способность двигаться и не мог даже пошевелить тощими ногами в больничной кровати? Сэм не помнила точного момента, когда он признал поражение, не заметила этого изменения. Когда-то он говорил, что влюбился в нее, потому что она настоящий борец, но в конце концов ее неспособность сдаться продлила его страдания.

Сэм открыла глаза. Надела очки. Что-то сине-белое появилось с краю ее слепой зоны справа.

— Не надо так, — сказала она Чарли.

Чарли вошла в поле зрения. Она опять скрестила руки на груди.

— Что ты тут делаешь?

— А что мне там делать?

— Хороший вопрос. — Чарли села на скамейку напротив. Кроны деревьев зашуршали от ветерка, и она посмотрела вверх.

Сэм всегда знала, что унаследовала резкие черты Гаммы: холодное равнодушие ее лица многих отталкивало. Миловидный же вид Чарли явно был унаследован не по материнской линии. Даже в синяках ее лицо оставалось несомненно красивым. Своим остроумием она умела рассмешить, а не оттолкнуть. «Неутомимо радостная, — говорила о ней Гамма. — Все вокруг ее любят».

Правда, не сегодня. Что-то с Чарли было не так, в ней появилась какая-то почти осязаемая грусть, и, похоже, дело не в состоянии Расти.

Почему же она попросила Бена написать Сэм?

Чарли отклонилась на спинку скамейки.

— Ты очень пристально на меня смотришь.

— Помнишь, как мама привозила тебя сюда? Ты тогда сломала руку, спасая кошку.

— На самом деле, — призналась Чарли, — я пыталась достать с крыши свой пневматический пистолет.

— Который Гамма закинула туда, чтобы ты прекратила с ним играть.

— Именно так. — Чарли закатила глаза, развалившись на скамейке. Ей сорок один, а будто снова тринадцать. — Не дай ему уговорить тебя остаться.

— Я и не собиралась. — Сэм поискала свой стаканчик. Она купила в столовой стакан кипятка и сэндвич, который не смогла доест. Достала из сумочки пакет с зиплоком. В нем она привезла пакетики чая.

— У нас тут есть чай, — заметила Чарли.

— Я люблю именно такой.

Сэм опустила пакетик в воду. На секунду запаниковала, посмотрев на свой безымянный палец. Но

тут же вспомнила, что оставила обручальное кольцо дома. Чарли заметила ее тревогу.

— Что случилось?

Сэм покачала головой.

— У тебя есть дети?

— Нет. — Чарли не стала задавать встречный вопрос. — Я позвала тебя не для того, чтобы убить Расти. Он сам это сделает рано или поздно. У него слабое сердце. Кардиолог сказал, что фактически от смерти его отделяет один кишечный запор. Он никак не бросит курить. Не желает меньше пить. Ты знаешь, какой он упрямый осел. Никого не хочет слушать.

— Поверить не могу, что он не написал завещания: мог бы сделать это ради тебя.

— Ты счастлива?

Этот странный вопрос застал Сэм врасплох.

— Когда как.

Чарли легонько постукивала ногой по земле.

— Иногда я думаю, как ты сидишь там одна, в этой ободранной квартирке, и мне становится грустно.

Сэм не стала говорить ей, что продала ободранную квартиру за три миллиона двести тысяч долларов. Вместо этого она процитировала:

— «Представьте себе, как я, сжав зубы, гонюсь за радостью».

— Фланнери О'Коннор. — Чарли всегда помнила кучу цитат. — Гамма ведь читала «Навык существования», да? Я уже и забыла об этом.

Сэм не забыла. Она до сих пор помнила, как удивилась, когда мама принесла этот сборник из библиотеки. Гамма всегда открыто презирала религиозный символизм, то есть большую часть классической англоязычной литературы.

— Папа рассказал, что она пыталась стать счастливой перед смертью, — сказала Чарли. — Может, потому что она знала, что больна.

Сэм опустила глаза, глядя в свой стакан. Когда Гамме делали вскрытие, патологоанатом обнаружил, что ее легкие изъедены раком. Если бы ее не убили, она все равно не прожила бы больше года.

Захария Кулпеппер использовал этот аргумент в свою защиту, будто несколько драгоценных месяцев с живой Гаммой ничего не значили.

— Она говорила, что я должна позаботиться о тебе, — произнесла Сэм. — Тогда в ванной. Она говорила очень настойчиво.

— Она всегда говорила настойчиво.

— Ну да. — Сэм перекинула нитку чайного пакетика через край стакана.

— Я помню, как вы с ней спорили, — сказала Чарли. — Я с трудом понимала, о чем вы говорите. — Она ладонями изобразила разговор. — Папа утверждал, что вы как два магнита, которые подзаряжаются друг от друга.

— Магниты не заряжаются: они либо притягиваются, либо отталкиваются в зависимости от расположения их северных и южных полюсов. Север и юг притягиваются, юг и север тоже, а север с севером или юг с югом отталкиваются, — объяснила Сэм. — Если магниты заряжать — видимо, он имел в виду электрическим током, — то полярность только усилится.

— Ого, как ты мне все по полочкам разложила.

— Хватит умничать.

— Хватит тупить.

Сэм поймала ее взгляд. Они обе улыбнулись.

— «Фермилаб» занимается разработкой нейтронной терапии для лечения рака, — сообщила Чарли.

Сэм удивилась, что сестра следит за такими новостями.

— У меня есть кое-какие ее бумаги. Статьи, я имею в виду. Опубликованные.

— Ее статьи?

— Очень старые, еще из шестидесятых. Я видела ссылки на ее работы в примечаниях, а оригинальные статьи не встречала. Мне удалось скачать только две штуки из Международной базы данных по современной физике.

Сэм открыла сумочку и достала толстую стопку листов, которые распечатала утром в аэропорту Тетерборо.

— Не знаю, зачем я их привезла. — Это было самое откровенное, что она сказала сестре с момента своего приезда. — Я подумала, ты захочешь получить их, потому что...

Сэм замолчала. Они обе знали, что все остальное сгорело в пожаре. Старые домашние видеозаписи. Школьные дневники. Альбомы. Молочные зубы. Отпускные фотографии.

У них сохранился один-единственный случайно сделанный снимок Гаммы. Она стоит посреди поля. Смотрит через плечо назад, но не в камеру, а на кого-то за кадром. Ее лицо видно вполоборота. Поднятая темная бровь. Разомкнутые губы. Эта фотография стояла на столе в офисе Расти, когда дом из красного кирпича поглотило пламя.

Чарли прочла заголовок первой статьи:

— «Фототрансмутирующее обогащение межзвездной среды: исследование по данным наблюдения за туманностью Тарантул». — Она изобразила похрапывание и пролистала до следующей статьи. — «Доминантные пути р-процессов в оболочках сверхновых».

Сэм осознала свою ошибку.

— Может, ты их не поймешь, но приятно же иметь их у себя.

— Да, приятно. Спасибо. — Чарли бегала глазами по строчкам, пытаясь уловить хоть какой-то смысл. —

Чувствую себя полной дурой, когда понимаю, насколько же она была умная.

Сэм только сейчас вспомнила, что точно так же чувствовала себя в детстве. Может, они и были магнитами, но разной мощности. Обо всем, что знала Сэм, Гамма знала больше.

— Ха, — засмеялась Чарли. Видимо, прочла особенно заковыристую строчку.

Сэм тоже засмеялась.

Вот то, чего ей не хватало все эти годы? Этих воспоминаний? Этих историй? Этого непринужденного общения с Чарли, которое, как Сэм думала, умерло вместе с Гаммой?

— Ты правда на нее очень похожа. — Чарли сложила листы вместе и положила на скамейку. — У папы на столе все еще стоит та самая фотография.

Та самая фотография.

Сэм всегда хотелось иметь ее копию, но она была слишком гордой, чтобы доставить Расти удовольствие сделать ей такое одолжение.

— Он правда думает, что я пойду защищать кого-то, кто застрелил двух человек? — спросила она.

— Да, но Расти считает, что может уговорить кого угодно на что угодно.

— А ты как считаешь, мне стоит это сделать?

Чарли задумалась.

— Стала бы этим заниматься та Сэм, с которой я росла? Возможно, хотя и не ради Расти. Она бы разозлилась точно так же, как я злюсь из-за любой несправедливости. А здесь явная несправедливость, потому что на сотню миль вокруг любой адвокат будет видеть в Келли Уилсон не человека, а обузу. Но что сделала бы та Сэм, которой ты стала сейчас? — Она пожала плечами. — Правда в том, что я совсем тебя не знаю. Так же, как и ты меня.

Сэм почувствовала в этих словах упрек, хотя они были вполне справедливы.

— Ты права.

— Права ли я была, когда попросила тебя приехать?

Сэм не сразу нашлась что ответить, и это оказалось непривычно для нее.

— Почему — на самом деле — ты хотела, чтобы я приехала?

Чарли покачала головой. Помедлила с ответом. Поковыряла ниточку на джинсах. Со свистом выдохнула своим сломанным носом.

— Вчера ночью Мелисса спросила, хочу ли я, чтобы она принимала экстренные меры. Фактически это означает: «Дать ему умереть? Или не дать? Ответ прямо сейчас». Я запаниковала, но не от испуга или нерешительности, а потому что подумала, что не имею права самостоятельно принимать такое решение. — Она подняла глаза на Сэм. — Когда у него были сердечные приступы, мне казалось, что я должна бороться. Я знаю, что он сам этого добился своим курением и выпивкой, но в той ситуации я чувствовала, что это внутренняя борьба, что-то природное, и я должна помочь ему победить.

Сэм проходила через это с Антоном.

— Кажется, я понимаю, о чем ты.

Чарли недоверчиво улыбнулась.

— Я думаю, если снова придется принимать решение об отключении аппаратуры, я закрою тебя с ним в палате, и ты просто забьешь его своей сумочкой.

Тут Сэм нечем было гордиться.

— Раньше я хотя бы оправдывала себя тем, что, несмотря на свой характер, ни разу никого не ударила.

— Да ладно, это же папа. Я его все время поколачиваю. Потерпит.

— Я серьезно.

— Ты и меня один раз чуть не побила. — Чарли повысила голос, словно заглушая плохие воспоминания.

Она имела в виду тот последний раз, когда они виделись. Сэм помнила испуганные глаза Бена, которому пришлось буквально собой отгородить их друг от друга.

— Прости меня, — сказала она. — Я была вне себя. Я могла бы тебя ударить, если бы ты не ушла. Допускаю, что такое и правда могло бы произойти, и очень об этом жалею.

— Я знаю, что ты жалеешь, — ответила Чарли без всякой язвительности, и от этого Сэм почему-то было только больнее.

— Я теперь не такая. Знаю, в это трудно поверить, учитывая, как я только что повела себя, но, когда я приезжаю сюда, во мне просыпается какая-то злоба.

— Значит, тебе надо вернуться в Нью-Йорк.

Сэм понимала, что сестра права, но сейчас, именно сейчас, в это короткое мгновение наедине с Чарли, она не хотела уходить.

Она сделала глоток чая. Вода совсем остыла. Она вылила ее на траву за скамейкой.

— Расскажи, зачем ты приходила в школу вчера утром, когда там началась стрельба.

Чарли сжала губы.

— Ты остаешься или уезжаешь?

— Твой ответ не может от этого зависеть. Правда есть правда.

— В этом деле нет сторон. Есть только добро и зло.

— Какая изящная логика.

— Да.

— Так ты мне расскажешь, почему у тебя лицо в синяках?

— Расскажу ли я? — Чарли поставила вопрос так, будто это был философский диспут.

Она снова скрестила руки. Оглянулась на деревья. Сжала зубы. Сэм видела, как на ее шее натянулись жилы. В Чарли сквозила такая невыносимая грусть, что Сэм хотелось пересесть к ней на скамейку и обнимать сестру, пока она не расскажет, что случилось.

Но Чарли, скорее всего, оттолкнула бы ее.

Сэм повторила свой вопрос:

— Что ты делала в школе вчера утром?

Детей у нее нет. Ей незачем было туда приходить, особенно до восьми утра.

— Чарли?

Чарли пожала одним плечом.

— Большая часть моих судебных процессов идет по делам несовершеннолетних. Я ходила в среднюю школу за рекомендательным письмом от одного из учителей.

Это было очень похоже на то, что Чарли действительно сделала бы для своего подзащитного, но в ее тоне слышалась фальшь.

— Мы были в его классе, когда раздались выстрелы, — продолжила Чарли, — а потом услышали, как какая-то женщина зовет на помощь, и я побежала к ней.

— Кто была эта женщина?

— Не поверишь, мисс Хеллер. Когда я прибежала туда, она была рядом с девочкой. Мы смотрели, как она умирала. Люси Александер. Я держала ее руку. Она была холодной. Не когда я прибежала, а когда она умерла. Ты знаешь, как быстро они остывают.

Сэм знала.

— Ну вот. — Чарли набрала в легкие воздуха и на мгновение задержала дыхание. — Гек забрал у Келли пистолет — это был револьвер. Он уговорил ее отдать ему оружие.

У Сэм вдруг волосы на затылке встали дыбом.

— Какой Гек?

— Мистер Гекльби. Тот учитель, с которым я встречалась. Для одного из подзащитных. А еще он раньше был учителем у Келли...

— Мейсон Гекльби?

— Я только фамилию запомнила. А что?

Сэм затрясло.

— Как он выглядит?

Чарли непонимающе мотнула головой.

— А какая разница?

— Примерно твоего роста, светло-коричневые волосы, чуть старше меня, вырос в Пайквилле? — По реакции сестры Сэм поняла, что все именно так. — Ох, Чарли. Держись от него подальше. Ты что, не знала?

— Не знала чего?

— Сестру Мейсона звали Мери-Линн Гекльби. Ее изнасиловал тот парень — как его звали? — Сэм напрягла память. — Какой-то Митчелл из Бридж Гэпа. Кевин Митчелл, что ли?

Чарли продолжала качать головой.

— Почему все это знают, кроме меня?

— Он ее изнасиловал, а потом она повесилась в амбаре, а наш отец помог ему избежать наказания.

Чарли внезапно озарило.

— Он сказал мне позвонить отцу. Гек, Мейсон или как его там. Когда Келли арестовали, полицейские вели себя... ну, как полицейские. А Гек сказал мне позвонить папе, чтобы он взял Келли под защиту.

— Видимо, Мейсон Гекльби знает, какими делами занимается Расти.

Чарли явно была потрясена.

— Я совсем забыла об этом деле. Его сестра училась в колледже.

— Да, и приехала домой на летние каникулы. Она ездила в Бридж Гэп в кино с друзьями. Пошла в туалет, и Кевин Митчелл на нее напал.

Чарли опустила глаза.

— Я видела фотографии в папиных документах.
Сэм тоже их видела.

— Мейсон тебя узнал? В тот момент, когда ты попросила его помочь со своим несовершеннолетним подзащитным?

— Мы особо не разговаривали. — Она снова пожала одним плечом. — Столько всего произошло. Все случилось очень быстро.

— Ужасно, что тебе пришлось это увидеть. Та девочка. Да еще и рядом с мисс Хеллер — представляю, какие у тебя были воспоминания.

Чарли продолжала смотреть на свои ладони, потирая пальцы.

— Было тяжело.

— Хорошо, что Бен тебя поддерживает. — Сэм ждала, что она скажет что-то про Бена и станет понятно, откуда взялась неловкость между ним и Чарли.

— Хорошо ты папе ответила про еще одну дырку в голове. — Чарли продолжала тереть большой палец.

Сэм вглядывалась в сестру. Чарли — мастер сменить тему.

— Обычно я стараюсь не грубить, но тут уж не удержалась.

— Ты говоришь точно как она. Выглядишь как она. Даже стоишь как она. — Голос Чарли стал нежнее. — У меня такое странное чувство возникло в груди, когда я увидела тебя в коридоре. На долю секунды я увидела Гамму.

— У меня тоже такое бывает, — призналась Сэм. — Гляну в зеркало и... — Поэтому она и не любила смотреться в зеркало. — Я сейчас как раз ее возраста.

— А, точно. С днем рождения.

— Спасибо.

Чарли так и не подняла глаза. Продолжала крутить свои пальцы.

Они выросли и, возможно, стали чужими друг другу, но было и что-то неподвластное коварству возраста. Сутулость плеч Чарли. Слабость ее голоса. Изгиб ее губ от накативших эмоций. У нее сломан нос. Синяки под глазами. Из ее общения с Беном пропала легкость. Она, очевидно, что-то скрывает, возможно, много чего, но также очевидно, что у нее есть на то свои причины.

Вчера утром Чарли держала за руку умирающую девочку, и еще не пробила полночь, как она узнала, что отец при смерти: не в первый раз и, несомненно, не в последний, но тогда, именно в тот момент, она попросила Бена написать Сэм.

Чарли позвала Сэм не для того, чтобы помочь ей принять решение, которое она уже когда-то принимала.

И Чарли не написала Сэм сама, потому что даже когда была ребенком, она всегда просила то, чего ей хочется, а не то, что ей действительно нужно.

Сэм снова подставила лицо солнцу. Закрывает глаза. Вообразила, как стоит перед зеркалом в ванной на первом этаже фермерского дома. Позади нее Гамма. Их общее отражение смотрит из зеркала.

«Ты должна уверенно вкладывать палочку в ее руку каждый раз, вне зависимости от того, где она находится. Это ты должна ее найти. Не жди, что она найдет тебя».

— Тебе, наверное, пора, — напомнила Чарли.

Сэм открыла глаза.

— Ты же не хочешь опоздать на рейс.

— А ты разговаривала с этой девушкой, Уилсон?

— Нет. — Чарли выпрямилась. Вытерла глаза. — Гек сказал, что у нее задержка развития. Расти считает, что ее IQ чуть больше семидесяти. — Она наклонилась к Сэм, уперев локти в колени. — Я общалась с ее мамой. Она тоже не особо умная. Просто славные деревенские люди, раз уж сегодня мы цитируем Фланнери О'Коннор. Ленор вчера вечером поселила их в гостиницу. К

заключенным не пускают посетителей до предъявления обвинения. Наверняка они безумно хотят ее увидеть.

— Значит, как минимум ограниченная дееспособность, — сказала Сэм. — В ее защиту.

Чарли снова пожала плечом.

— Получается, это вообще единственная стратегия во всех этих случаях массовой стрельбы. С какой стати вообще кто-то будет такое делать, если он не сумасшедший?

— Где ее держат?

— Наверное, в городской тюрьме в Пайквилле.

В Пайквилле.

Название осколком вонзилось в грудь Сэм.

— Я не могу участвовать в заседании на предъявлении обвинения, потому что я свидетель. Не то чтобы папу сильно беспокоила этическая сторона вопроса, но... — Чарли покачала головой. — В любом случае у папы есть старый приятель, профессор юриспруденции Картер Граль. Он вышел на пенсию и поселился здесь несколько лет назад. Ему девяносто лет, он алкоголик и всех ненавидит. Он вполне сможет подменить папу завтра.

Сэм с усилием встала со скамьи.

— Я сделаю это.

Чарли тоже встала.

— Не надо.

Сэм нашла в сумочке карточку Станислава. Достала телефон. Отправила ему сообщение: «Подъезжайте ко входу».

— Сэм, не надо этого делать. — Чарли пошла за ней, чуть не наступая на пятки, как щенок. — Я не позволю тебе. Езжай домой. Живи своей жизнью. Не становись злобной.

Сэм посмотрела на сестру.

— Шарлотта, ты правда считаешь, что я настолько изменилась, что позволю своей младшей сестре

указывать мне, что мне делать?

Чарли аж зарычала от ее упрямства.

— Не слушай меня. Послушай свое сердце. Нельзя позволить Расти победить.

Станислав прислал ответ: «ПЯТЬ МИНУТ».

— Дело не в Расти. — Сэм надела сумочку на руку. Взяла трость.

— Что ты делаешь?

— Я оставила вещи в машине. — Сэм планировала остановиться в «Фор Сизонс» и, заехав утром в офис в Атланте, улететь обратно в Нью-Йорк. — Я могу попросить водителя отвезти меня в полицию или поехать с тобой. Выбирай.

— Зачем все это? — Чарли прошла за ней к калитке. — Ну серьезно. Почему ты должна что-то делать для этого старого засранца?

— Ты сама уже все сказала. На стороне Келли Уилсон нет никого, и это несправедливо. — Сэм открыла калитку. — Я все так же не люблю несправедливость.

— Сэм, остановись. Пожалуйста.

Сэм повернулась к сестре.

— Я понимаю, каково тебе, — сказала Чарли. — Понимаю, что, вернувшись сюда, ты будто тонешь в зыбучих песках.

— Я такого не говорила.

— Это и так понятно. — Чарли взяла Сэм за локоть. — Я бы никогда не позволила Бену отправить то письмо, если бы знала, как это на тебя подействует.

— Ты так говоришь, потому что я несколько слов перепутала? — Сэм смотрела на извилистую мощеную дорожку, ведущую обратно к больнице. — Если бы я слушалась врачей, которые говорили, чего мне нельзя делать, я бы умерла прямо в больничной кровати.

— Я не говорю, что тебе нельзя этого делать. Я спрашиваю, надо ли.

— Неважно. Я все решила.

Не придумав другого способа завершить беседу,
Сэм закрыла калитку прямо перед Чарли, сказав ей:
— Разговор окончен.

Глава десятая

Пока Чарли везла ее в машине, Сэм поняла, что никогда раньше не боялась ездить пассажиром, потому что никогда не ездила с Чарли. Она меняла полосы, едва глянув в зеркало. Постоянно гудела. Ворчала на окружающих водителей, требуя от них ехать то быстрее, то медленнее, то убираться с дороги.

Сэм начала сильно чихать. У нее слезились глаза. Машина Чарли, какой-то гибрид универсала и внедорожника, пахла сырым сеном и животными.

— У тебя собака?

— Временно сдала его в Музей Гуггенхайма.

Чарли снова резко вильнула, и Сэм схватилась за приборную панель.

— Ты не рано выключила сигнал поворота?

— Похоже, у тебя опять речь нарушилась, — сказала Чарли. — Ты сказала «ты не рано выключила», а хотела сказать «ты рано выключила».

Сэм рассмеялась, хоть это было и не очень уместно по пути в городскую тюрьму.

Защита Келли Уилсон была для Сэм только второй по важности причиной остаться: главное — надо узнать, что случилось с Чарли, и в физическом смысле — с синяками, и в моральном — со всем остальным, но и задачу защиты стрелявшей девушки в суде Сэм восприняла серьезно. Впервые за много лет она нервничала по поводу предстоящего разговора с клиентом и, хуже того, выступления в незнакомом зале суда.

— Когда я работала в Портленде, там все процессы проходили в суде по делам семьи, — пояснила она. — Я еще никогда не сталкивалась с обвиняемыми в убийстве.

Чарли внимательно посмотрела на Сэм, будто с ней что-то не так.

— Сэмми, мы обе с ними сталкивались.

Сэм отмахнулась. Ей не хотелось объяснять, как она делит свою жизнь на категории. Та Сэм, которая сидела за кухонным столом напротив братьев Кулпепперов, была другой, не той же самой Сэм, которая вела юридическую практику в Портленде.

— Я очень давно не работала с уголовными обвинениями, — сказала она.

— Это просто предъявление обвинения. Ты сразу все вспомнишь.

— Я никогда не выступала на стороне защиты.

— Ну, главное отличие в том, что судья не будет целовать тебя в задницу.

— В Портленде тоже никто не целовал. Даже у копов на бамперах были наклейки «На хер власть».

Чарли покачала головой. Она, похоже, в подобных местах и не бывала.

— У меня обычно есть пять минут на разговор с подзащитным перед заседанием суда. Говорить там особо не о чем. Как правило, мой клиент сделал именно то, в чем его обвиняют: покупал наркотики, продавал наркотики, что-то украл или продал краденое, чтобы купить наркотики. Я смотрю его бумаги, чтобы понять, есть ли причины заявить отвод или поместить его в реабилитационную клинику, а потом рассказываю ему, что будет происходить. Именно это обычно их и интересует. Даже если они уже тысячу раз были в суде, им хочется знать последовательность предстоящих событий. А что потом? А потом что? А после этого? Я им сто раз это пересказываю, но они все равно каждый раз переспрашивают.

Сэм подумала, как это чертовски похоже на то, что Чарли делала во время ее, Сэм, восстановления.

— И тебе не скучно?

— Я напоминаю себе, что они дико напуганы и что знание последовательности событий дает им какое-то чувство контроля над ситуацией, — объяснила Чарли и спросила: — А откуда у тебя лицензия в Джорджии?

Сэм ждала этого вопроса.

— У моей фирмы несколько офисов в Атланте.

— Вот как? У вас же есть местный представитель. А ты, значит, тот самый противный партнер, который прилетает раз в несколько месяцев и стоит у него над душой.

Сэм снова засмеялась. Чарли в целом верно описала ситуацию. Технически Лоренс Ван Лун — их главный представитель в Атланте, но Сэм нравилось держать руку на пульсе. Ей также доставило удовольствие прийти на экзамен в ассоциацию и выйти в полной уверенности, что она сдала его успешно, не потратив и минуты на подготовку.

— У адвокатской ассоциации Джорджии есть онлайн-справочник. Я там числюсь сразу перед Расти, а он сразу перед тобой, — сказала Чарли.

Сэм представила, как три их имени выглядят вместе.

— А Бен тоже работает с папой?

— Не «тоже», потому что я с папой не работаю, и нет, потому что Бен — помощник окружного прокурора, под Кеном Коином.

Сэм не стала обращать внимания на ее враждебный тон.

— А это не приводит к конфликту интересов?

— Преступников хватает на всех. — Чарли махнула рукой в сторону улицы. — Здесь делают хорошие тако с рыбой.

Сэм подняла бровь. На обочине стоял фуд-трак с тако — точной такой же, как где-нибудь в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе. Очередь перед ним выстроилась человек двадцать. Рядом были и другие фургоны с еще

более длинными очередями: корейское барбекю, курица пири-пири и еще что-то под названием «Фьюжн Атака».

— Где это мы? — спросила она.

— Примерно минуту назад въехали в Пайквилль.

Сэм автоматически схватилась за сердце. Она не заметила, как пересекла демаркационную линию. Но ни потрясения, ни страха, ни отчаяния, которые, как она ожидала, знаменуют ее возвращение, она не почувствовала.

— Вот это место Бен обожает, а я терпеть не могу. — Чарли показала на здание в альпийском стиле, соответствующем названию: «Биргартен».

Шале оказалось не единственной новинкой в ландшафте. Центр изменился до неузнаваемости. На верхних этажах двух- и трехэтажных кирпичных зданий разместились апартаменты в стиле «лофт», а внизу — магазины с одеждой, антиквариатом, оливковым маслом и крафтовым сыром.

— Неужели кто-то в Пайквилле покупает сыр за такие деньги? — изумилась Сэм.

— Сначала покупали туристы, которые приезжают на выходные. Потом народ стал переезжать сюда из Атланты. Беби-бумеры на пенсии. Состоятельные технари. Несколько геев. Кстати, в нашем округе отменили сухой закон. Распоряжение вышло пять или шесть лет назад.

— И что на это сказала старая гвардия?

— Окружные чиновники были рады: продажи алкоголя — это налоговые поступления и хорошие рестораны. Долбанутые прихожане были в ярости. Мет на каждом углу продается, а за разбавленным пивом надо было ехать в Дактаун. — Чарли остановилась на светофоре. — Я, правда, думаю, что долбанутые были правы. С алкоголем все изменилось. Начался строительный бум. Мексиканцы из Атланты валят сюда в поисках работы. Туристы целыми автобусами едут к

палатке с сидром. В гавани — прокат катеров и корпоративы на воде. «Ритц Карлтон» строит здесь гольф-клуб. А хорошо это или плохо, зависит от того, зачем ты вообще живешь именно здесь.

— Кто сломал тебе нос?

— Мне сказали, он на самом деле не сломан. — Чарли повернула направо, не включая поворотник.

— Ты не отвечаешь, потому что не хочешь, чтобы я знала или чтобы просто меня позлить?

— Это сложный вопрос со столь же сложным ответом.

— Если ты будешь цитировать папу, я выпрыгну из машины.

Чарли притормозила.

— Я шучу.

— Я поняла.

Она свернула на обочину. Поставила рычаг в положение «паркинг». Повернулась к Сэм.

— Слушай, я рада, что ты приехала. Ужасно, что по такому тяжелому поводу, но я рада с тобой поговорить.

— Ты рада, но?...

— Но не надо оставаться ради меня.

Сэм смотрела на синяки под глазами сестры, на сдвиг на носу, где хрящ был явно сломан.

— Речь идет о предъявлении обвинения Келли Уилсон — при чем тут ты?

— Это просто повод, — ответила Чарли. — Не надо обо мне заботиться, Сэм.

— Кто сломал тебе нос?

Чарли раздраженно закатила глаза.

— Помнишь, как ты учила меня делать слепую передачу?

— Как такое забудешь? Ты никак не могла научиться. Ты меня не слушала. Все время медлила, каждый раз.

— Да, я постоянно оглядывалась назад, — сказала Чарли. — И ты думала, что проблема в этом: что я не могу бежать вперед, потому что оглядываюсь.

Сэм услышала отголоски письма, которое Чарли написала много лет назад: «Ни ты, ни я не сможем построить свою жизнь, если всегда будем оглядываться назад».

Чарли подняла руку.

— Я левша.

— Как и Расти, — отозвалась Сэм. — Хотя наследование леворукости или праворукости считается полигенным, существует менее чем двадцатипятипроцентная вероятность того, что ты унаследовала от папы один из сорока локусов, которые...

Чарли начала громко храпеть и продолжала, пока Сэм не замолчала.

— Я хочу сказать, что ты учила меня принимать передачу правой рукой.

— Но ты была третьей в эстафете. Таковы правила: палочка передается из правой руки в левую, из левой — в правую и так далее.

— Но ты меня даже ни разу не спросила, в чем проблема.

— А ты мне ни разу не сказала, в чем проблема. — Сэм новый аргумент Чарли не казался убедительным. — Ты бы не смогла бежать второй или четвертой. Ты всегда делаешь фальстарт. Ты ужасно пробегаешь повороты. У тебя хватило бы скорости бежать финишную часть, но ты всегда любила бежать впереди.

— Хочешь сказать, я только тогда бежала достаточно быстро, когда могла прибежать первой?

— Да, именно это я и имею в виду. — Сэм начала раздражаться. — На позиции третьего бегуна использовались все твои сильные стороны: ты быстро стартуешь и скорость у тебя была лучшая в команде.

Оставалось только освоить передачу: при должной практике даже шимпанзе может научиться передавать палочку на двадцати метрах. Не понимаю, в чем проблема. Ты хотела победить или нет?

Чарли сжимала руль. Ее нос снова присвистывал при дыхании.

— Кажется, я пытаюсь с тобой поссориться.

— И у тебя получается.

— Прости. — Чарли повернулась обратно к дороге. Включила передачу и выехала на шоссе.

— Мы закончили? — спросила Сэм.

— Да.

— Мы поссорились?

— Нет.

Сэм перематывала в голове их разговор, вспоминая моменты, когда Чарли ее провоцировала.

— Никто не заставлял тебя вступать в команду.

— Знаю. Я зря все это сказала. Сто лет прошло.

Сэм все еще была на взводе.

— Дело ведь не в команде, да?

— Твою мать. — Чарли затормозила и остановилась посреди дороги. — Кулпепперы.

Сэм затошнило еще до того, как ее мозг обработал значение произнесенного слова.

Точнее, фамилии.

— Это пикап Дэнни Кулпеппера, — сказала Чарли. — Младшего сына Захарии. Они назвали его в честь Дэниэла.

Дэниэл Кулпеппер.

Человек, который выстрелил ей в голову.

Человек, который похоронил ее заживо. У Сэм в легких не осталось воздуха.

Она не могла не посмотреть туда, куда был направлен взгляд Чарли. Тюнингованный черный пикап с золотым обвесом и спицевыми дисками занял два единственных места для инвалидов перед полицейским

участком. На тонированном заднем стекле — зеркальная золотая надпись «Дэнни». В увеличенной кабине могли разместиться четверо. Две молодые женщины стояли, привалившись к закрытым дверям. Каждая держала по сигарете в коротких пальцах. Красный лак на ногтях. Красная помада. Черные тени на веках. Густая подводка. Выбеленные волосы. Облегающие черные штаны. Еще более облегающие блузки. Высокие каблуки. Мрачные. Злобные. Агрессивно-невежественные.

— Я могу высадить тебя позади здания, — сказала Чарли.

Сэм хотела, чтобы она так и сделала. Если и был список причин, по которым она уехала из Пайквилля, Кулпепперы занимали в нем первое место.

— Они все еще думают, что мы врали? Что придумали какой-то заговор, чтобы подставить братьев?

— Конечно. Они даже создали на эту тему страницу в «Фейсбуке».

Когда Чарли заканчивала старшую школу, Сэм еще не полностью оторвалась от пайквилльской жизни. Тогда она ежемесячно получала новости о коварных кулпепперовских девицах, о том, как эта семейка уверена, что Дэниэл был дома в ночь нападения, что Захария был на заработках в Алабаме, а сестры Куинн, одна — врунья, а вторая — слабоумная, подставили их, потому что Захария был должен Расти двадцать тысяч долларов за адвокатские услуги.

— Это те же девушки, с которыми ты училась в школе? — спросила Сэм. — Выглядят слишком молодо.

— Дочери или племянницы — они все на одно лицо.

Сэм затрясло только от того, что они были рядом.

— Как ты справляешься с тем, что приходится видеть их каждый день?

— Не каждый: если повезет, я могу их и не встретить. Давай высажу тебя за зданием, — еще раз предложила Чарли.

— Нет, им меня не запугать. — Сэм сложила трость и запихнула ее в сумочку. — И с этой хреновиной они меня тоже не увидят.

Чарли медленно въехала на парковку. Большинство мест занимали патрульные машины, фургоны криминалистов и черные седаны без опознавательных знаков. Ей пришлось встать в заднем ряду, более чем в дюжине ярдов от здания.

Чарли выключила двигатель.

— Ты сможешь дойти?

— Смогу.

Чарли не двинулась.

— Не хочу говорить гадости, но...

— Давай говори.

— Если ты упадешь на глазах у этих сучек, они будут ржать. А может, и что похуже, и тогда мне придется их поубивать.

— Если дойдет до этого, возьми мою трость. Она металлическая.

Сэм открыла дверь. Схватила за подлокотник и с усилием поднялась.

Чарли обошла машину, но не для того, чтобы помочь ей выйти. Для того, чтобы пойти вместе с Сэм. Плечом к плечу навстречу девицам из клана Кулпепперов.

Пока они шли через парковку, поднялся ветер. Сэм вдруг показалась себе совершенно нелепой. Идет — и чуть ли не шпоры по асфальту бренчат. Девицы Кулпеппер прищурились. Чарли подняла голову. Это могла бы быть сцена из вестерна или комедии Джона Хьюза, если бы Джон Хьюз снимал комедии об обиженных женщинах на пороге среднего возраста.

Полицейский участок располагался в невысоком правительственном здании в стиле шестидесятых с

узкими окнами и футуристичной крышей, устремленной в горы. Чарли заняла последнее свободное место на парковке, самое дальнее. Чтобы добраться до тротуара, им предстояло пройти примерно сорок футов, преодолевая небольшой уклон. Здание стояло на возвышении, без всякого пандуса — только три широких лестничных пролета, после них — еще пятнадцать футов дорожки с кустами самшита по бокам и, наконец, стеклянные входные двери.

Такая дистанция Сэм под силу. Чтобы подняться по лестнице, понадобится помощь Чарли. Хотя, может, достаточно будет держаться за перила. Трудность в том, что нужно будет опираться на них, делая вид, что она просто положила руку. Придется сначала занести левую ногу, затем подтянуть правую, а затем надеяться, что правая выдержит ее вес без поддержки, пока она будет снова как-то заносить левую.

Она провела руками по волосам.

Нащупала рубец над ухом. Сердце забилось чаще.

Снова подул ветер. Она слышала голоса кулпепперовских девиц. Та, что повыше, указывала сигаретой в сторону Чарли и Сэм. Повысив голос, она сказала:

— Похоже, кто-то все-таки надрал жопу этой уродине.

— Фингалы-то на оба глаза. Видно, с первого раза до нее не дошло, — заржала вторая. — Когда снова пойдете прошвырнуться, девчули, захватите миску мороженого для своей принцессы.

У Сэм задрожали мышцы правой ноги. Она взялась за локоть Чарли, будто они прогуливаются в парке.

— А я и забыла, как звучит социолект коренных жителей Аппалачей.

Чарли засмеялась. Положила ладонь на руку Сэм.

— Чего? — сказала та, что повыше. — Как она тебя назвала?

Стеклянные двери с грохотом распахнулись.

Все подпрыгнули от внезапного стука.

Угрожающего вида молодой человек тяжело зашагал по дорожке. Невысокий, но накачанный. Позвякивание вдруг стало реальным: на боку у него болталась цепь, соединяющая кошелек с ремнем. Одежда его представляла собой чек-лист стереотипного южанина-реднека: от засаленной бейсболки и красно-черной фланелевой рубашки с оторванными рукавами до грязных драных джинсов.

Дэнни Кулпеппер, младший сын Захарии. Вылитый папочка.

Тяжело топая ботинками, он быстро спустился с трех лестничных пролетов. Уставился круглыми глазками на Чарли. Изобразил рукой пистолет и сделал вид, что взял ее на мушку.

Сэм сжала зубы. Она пыталась не видеть в коренастом молодом человеке Захарию Кулпеппера. Его самодовольная походка. То, как он причмокнул толстыми губами, вытаскивая изо рта зубочистку.

— А это у нас кто такой? — Он остановился перед ними, уперев руки в бока и полностью загородив проход. — Вы, дамочка, мне кого-то напоминаете.

Сэм крепче сжала руку Чарли. Она не хотела показывать этому существу свой страх.

— А, понял. — Он щелкнул пальцами. — Я видел твою фотку на суде над папой, но из-за пули у тебя тогда вся башка распухла.

Сэм впилась ногтями в локоть Чарли. Она молча просила свою ногу не подгибаться, тело — не трястись, а эмоции — успокоиться, чтобы не попытаться испепелить этого урода прямо у полицейского участка.

Она только сказала:

— Отойдите с дороги.

Он не отошел с дороги. Вместо этого он начал хлопать в ладоши и топать ногами. И запел:

— Две сестренки Куинн по городу ходили. Выебли одну, вторую подстрелили.

Девицы разразились лающим смехом.

Сэм попробовала его обойти, но Чарли сжала ее руку, оставаясь на месте.

— Трудно выебать тринадцатилетнюю девочку, если хер не стоит, — сказала она Дэнни.

Парень харкнул.

— Сука.

— Уверена, твой папочка разогреет его как следует для своих приятелей в тюрьме.

Оскорбление оказалось незатейливым, но эффективным. Дэнни уткнул палец в лицо Чарли.

— Думаешь, я не достану винтовку и не отстрелю твою тупую башку прямо здесь, у дверей полиции?

— Только подойди поближе, — предложила Сэм. — Кулпепперы меткостью не славятся.

Молчание прорезало воздух.

Сэм постучала пальцем по виску.

— К счастью для меня.

Чарли нервно засмеялась. Она продолжала хохотать, когда Дэнни Кулпеппер прошел мимо, задев ее плечом.

— Ебанные суки, — бросил он и обратился к девицам: — Залазьте в машину, домой пора.

Сэм потянула Чарли за руку. Она боялась, что Чарли не остановится на достигнутом, что скажет еще какую-то гадость, и Дэнни Кулпеппер вернется.

— Пойдем, — шепнула Сэм и потянула сильнее, — хватит.

Только когда Дэнни сел за руль пикапа, Чарли позволила ей себя увести.

Рука об руку они подошли к лестнице. Сэм совсем забыла о ступенях.

Она слышала, как позади взревел дизель Дэнни Кулпеппера. Он специально разгонял мотор. Казалось,

проще попасть под его колеса, чем подняться по лестнице.

— Я не... — начала Сэм.

— Я тебя держу. — Чарли не дала ей остановиться. Она подставила вторую руку под согнутый локоть Сэм, давая ей опору. — Раз, два...

Сэм занесла левую ногу, прислонилась к Чарли, чтобы передвинуть правую, затем перенесла вес на левую и поднялась по лестнице.

Шоу прошло без зрителей.

Позади них завизжали шины. В воздух поднялся дым. Пикап двинулся, оглашая округу какофонией из рэп-музыки и рыка мотора. Сэм остановилась передохнуть. До входа оставалось пять футов. Она запыхалась.

— Зачем они сюда приезжали? Из-за папы?

— Если бы я занималась расследованием нападения на папу, Дэнни Кулпеппер был бы первым подозреваемым.

— Ты же не хочешь сказать, что его вызывали на допрос?

— Я не думаю, что они всерьез расследуют это дело, во-первых, потому, что у них есть дела поважнее, то есть школьная стрельба, а во-вторых, потому, что им все равно, что папу кто-то пытался убить, — объяснила Чарли. — Когда полицейские вызывают тебя на допрос о покушении на убийство, вряд ли они позволяют тебе приехать с родственницами на своей машине. Они выбивают дверь, вытаскивают тебя за шиворот и делают все, чтобы ты обосрался от страха.

— То есть Дэнни случайно здесь оказался?

Чарли пожала плечами.

— Он наркодилер. Он часто здесь бывает.

Сэм поискала в сумочке салфетку.

— Значит, этим он заработал на свою похабную тачку?

— Он не настолько хорош в наркоторговле. — Чарли смотрела, как пикап со свистом уносится по встречной полосе одностороннего проезда. — В местном «Салоне Похабных Тачек» все очень недешево.

— Да, я читала об этом в «Таймс».

Сэм вытерла салфеткой пот с лица. Она сама не понимала, зачем вообще заговорила с Дэнни Кулпеппером, тем более что целой жизни не хватит, чтобы объяснить ему смысл ее слов. В Нью-Йорке Сэм всячески скрывала свою инвалидность. А здесь, похоже, она склонна использовать ее как оружие.

Она положила салфетку обратно в сумочку.

— Я готова.

— У Келли был школьный альбом, — сказала Чарли, понизив голос. — Знаешь, такой альбом, в котором...

— Я знаю, что такое школьный альбом.

Чарли кивком предложила ей отойти назад, к лестнице.

Сэм очень хотела взять трость, но прошла десять футов назад без поддержки. И только тогда увидела кривой лист фанеры, уложенный на покрытый травой склон по другую сторону лестницы. Видимо, это пандус для инвалидов.

— Ну и дыра, — пробормотала Сэм. Она прислонилась к металлическим перилам. — Какой у нас план?

Чарли оглянулась на двери, словно боялась, что их подслушают. Перешла чуть ли не на шепот:

— Альбом был у Келли в комнате, спрятан на верхней полке шкафа.

Сэм не поняла. Стрельба была вчера утром.

— Папа уже получил какие-то материалы следствия?

Чарли выразительно подняла бровь, и Сэм догадалась, откуда взялась улика.

Она издала звук, похожий и на вздох, и на рычание. Эти отцовские приемчики были ей известны.

— И что в этом альбоме?

— Куча мерзостей: какая Келли шлюха и как она трахается с футболистами.

— Ничего особенного для старшей школы. Девочки бывают очень жестокими.

— Средней школы, — сказала Чарли. — Это было пять лет назад, когда Келли было четырнадцать. Но это не обычная жестокость. Все страницы исписаны. Сотни людей поучаствовали. Большинство вообще вряд ли ее знали.

— «Керри», пайквилльская версия, без свиной крови. — Осознав очевидное, Сэм добавила: — Впрочем, кровь все-таки пролилась.

— Точно.

— Это смягчающее обстоятельство. Ее травили и, возможно, бойкотировали. Возможно, это поможет избежать смертной казни. Хорошо. — она тут же оговорила: — Я имею в виду для папиного дела.

Но Чарли еще не все сказала.

— В школьном коридоре, прежде чем отдать Геку пистолет, Келли что-то сказала.

— Что? — У Сэм горло першило от шептания. — Почему ты все это говоришь мне сейчас, около полицейского участка, а не когда мы были в машине?

Чарли показала на дверь.

— Там внутри только один толстяк за бронированным стеклом.

— Ответь мне, Шарлотта.

— Потому что в машине я на тебя злилась.

— Я так и знала. — Сэм схватилась за перила. — Почему?

— Потому что ты осталась здесь ради меня, хотя я тебе сказала, что ты мне не нужна, и ты врешь, как всегда, потому что тебя ведет это неуместное чувство

долга перед Гаммой, и притворяешься, что дело в предъявлении обвинения, и только когда мы поднимались по лестнице, я подумала, что надо прекратить это идиотское перетягивание каната. Все-таки речь идет о жизни Келли. И ради нее нужно, чтобы ты была на высоте.

Сэм выпрямила спину.

— Я всегда на высоте, когда речь идет о моих подзащитных. Я очень серьезно отношусь к своим обязанностям.

— Здесь все гораздо сложнее, чем ты думаешь.

— Тогда дай мне информацию. Не заставляй меня идти туда вслепую. — Она показала на свой глаз. — У меня и так здоровенная слепая зона.

— Пошути уже про что-нибудь другое.

Наверное, Чарли была права.

— Так что Келли сказала в коридоре?

— Это было после выстрелов, когда она там сидела. Они пытались заставить ее отдать пистолет. Я видела, что губы Келли двигались и что Гек слышал, что она сказала, но он не рассказал ФБР, но там еще был коп, который тоже ее слышал, и, как я уже сказала, я все это видела, но не расслышала, но то, что она там сказала, ему явно не понравилось.

— Что у тебя вдруг за беда с местоимениями? — Сэм запуталась в разрозненной информации. Чарли вела себя, словно ей снова тринадцать: восторженно что-то пересказывала, краснея и запинаясь. — И вся эта информация оказалась менее важной по сравнению с необходимостью пожаловаться на неправильную позицию в эстафете тридцатилетней давности?

— Еще кое-что насчет Гека, — сказала Чарли.

— Так.

Чарли посмотрела вдаль. Ни с того ни с сего глаза ее наполнились слезами.

— Чарли?

Сэм почувствовала, что у нее и самой глаза на мокром месте. Ей всегда было невыносимо видеть, что сестре плохо.

— В чем дело?

Чарли посмотрела на свои ладони. Откашлялась.

— Я думаю, что Гек забрал оружие убийства с места преступления.

— Что? — Сэм чуть не вскрикнула. — Как?

— У меня просто такое чувство. Тетка из Бюро расследований Джорджии спрашивала меня о...

— Подожди, тебя допрашивало Бюро расследований Джорджии?

— Я свидетель.

— У тебя был адвокат?

— Я сама адвокат.

— Чарли...

— Согласна, моя клиентка в данном случае полная дура. Не волнуйся. Я не сказала никаких глупостей.

Сэм не стала спорить с этим внутренне противоречивым утверждением.

— Агент Бюро расследований Джорджии спрашивала тебя, знаешь ли ты, где оружие убийства?

— Косвенно. Она умело не раскрывала карты. Орудием убийства был револьвер, возможно, шестизарядный. А позже, когда я говорила с Геком по телефону, он сказал, что они его тоже об этом спрашивали, только его допрашивало еще и ФБР: «Когда вы в последний раз видели пистолет? У кого он был? Куда он делся?» Но у меня было такое ощущение, что Гек этот пистолет и забрал. Просто такое чувство. И конечно, я не могла об этом сказать папе, потому что, если папа бы узнал, он бы сразу отправил Гека под арест. А я понимаю, что его надо арестовать, но он пытался поступить правильно, а когда вмешивается ФБР, это квалифицируется как тяжкое преступление, так что... — Она тяжело вздохнула. — Вот так.

В этом рассказе прозвучало столько тревожных звонков, что Сэм даже не все их запомнила.

— Шарлотта, тебе никогда больше нельзя разговаривать с Мейсоном Гекльби, по телефону или как-либо еще.

— Я знаю. — Чарли свесила пятки со ступеньки, растягивая голени и балансируя на своих крепких ногах. — Можешь не говорить, я это уже сделала: сказала Геку не пытаться со мной встретиться, не звонить и найти себе хорошего адвоката.

Сэм посмотрела на парковку. Патрульные машины шерифа. Полицейские машины. Фургоны криминалистов. Черные седаны. Вся эта публика, против которой играет Расти, и Чарли ввязалась в эти игры за компанию с ним.

— Готова? — спросила Чарли.

— Дашь мне минутку собраться с мыслями?

Чарли молча кивнула.

Чарли редко просто молча кивала. Как и Расти, она не умела противостоять желанию заговорить, объяснить свой кивок, обосновать свое движение головой вверх и вниз.

Сэм собиралась спросить, что еще она скрывает, но тут Чарли спросила:

— А Ленор что здесь делает?

Сэм заметила красный седан, быстро выруливающий на парковку. Солнце блеснуло в лобовом стекле, и машина поехала к ним. Еще один резкий поворот, и колеса со свистом остановились.

Опустилось стекло. Ленор замахала, чтобы они поспешили.

— Предъявление обвинения назначено на три часа.

— Твою мать, у нас полтора часа максимум. — Чарли быстро помогла Сэм спуститься по лестнице. — А кто судья?

— Лайман. Он сказал, что перенес на пораньше, чтобы избежать скопления прессы, но половина журналистов уже рассаживается по местам. — Она жестом поторопила их садиться в машину. — Он назначил Картера Граля выступать за Расти.

— Черт, да он собственноручно Келли и повесит. — Чарли открыла заднюю дверь и обратилась к Ленор: — Возьми Сэм. Я попробую не дать Гралю поговорить с Келли и узнать, что вообще происходит. Я быстрее добегу.

— Быстрее... — начала Сэм.

Но Чарли уже исчезла.

— У Граля длинный язык, — сказала Ленор. — Если Келли ему что-нибудь расскажет, об этом будут знать все.

— Уверена, судья вовсе не поэтому его назначил. — У Сэм не оставалось иного выбора, как сесть в машину Ленор.

Суд, большое строение с куполом, располагался прямо напротив полицейского участка, но из-за одностороннего движения пришлось объезжать. Поскольку Сэм было тяжело идти, им понадобилось проехать вперед, остановиться на красный, затем объехать здание суда и снова вывернуть на улицу.

Сэм видела, как Чарли стрелой пронеслась мимо какого-то грузовика и перепрыгнула через бетонный бордюр. Бежала она красиво: локти прижаты к корпусу, голова вперед, плечи назад.

Сэм отвела глаза.

— Это нечестный прием, — сказала она Ленор. — Слушание было назначено на завтрашнее утро.

— Лайман делает что хочет. — Ленор перехватила ее взгляд в зеркале. — Ээки называют Картера «Святой Грааль». Если он выпьет перед твоим судом, ты, скорее всего, получишь пожизненное.

— На самом деле это называется «потир». Чаша для причастия в христианской традиции.

— Я отправлю Индиане Джонсу телеграмму. — Ленор завернула на парковку.

Сэм смотрела, как Чарли бежит по газону суда. Перескакивает через кусты. Перед дверью стояла очередь, но Чарли пронеслась мимо, перепрыгивая через ступеньки.

— Можно тебя кое о чем спросить?

— Почему бы и нет.

— Как давно моя сестра спит с Мейсоном Гекльби?

Ленор сжала губы.

— Неожиданный вопрос.

Сэм и сама не думала, что задаст такой вопрос, но, к ее ужасу, он напрашивался сам собой. Отчуждение между Чарли и Беном. То, как Чарли чуть не расплакалась, заговорив о Мейсоне Гекльби.

— Ты сказала Чарли, кто он такой? — спросила Ленор.

Сэм кивнула.

— И теперь она будет чувствовать себя полным дерьмом, — заметила Ленор. — Еще большим, чем до того.

— Защитников у нее хватает.

— А ты много знаешь для человека, который приехал пять минут назад.

Ленор обогнула здание суда и подъехала к нему сзади. Она остановилась перед площадкой, явно предназначенной для погрузки-разгрузки.

— Иди по пандусу, — сказала она Сэм. — Лифт справа. Спустись на один уровень, в нижний подвальный этаж. Помещение для задержанных там. И послушай... — Ленор развернулась к ней лицом. — Расти вчера ни звука не выдавил из Келли. Может, она раскроется перед женщиной. Какую информацию ты ни

вытащила бы из нее, это будет лучше, чем то, что есть, потому что сейчас у нас полный ноль.

— Поняла. — Сэм раздвинула трость.

Выйдя из машины, она почувствовала, что стоит на ногах увереннее. Адреналин всегда был ее союзником. Сразу же подоспел и второй союзник — гнев, — как только она начала подниматься по пандусу, построенному для тележек с туалетной бумагой и мусорных контейнеров. Из баков доносилось зловоние гниющей пищи.

Внутри здание выглядело так же, как любой другой суд, где Сэм доводилось бывать, только здесь было больше хорошо выглядящих мужчин и женщин в костюмах, готовых в любой момент выступить на камеру. Благодаря своей трости Сэм быстро оказалась в начале очереди. Два помощника шерифа дежурили у металлодетектора. Сэм показала удостоверение личности, зарегистрировалась, положила сумочку и трость на ленту рентгеновского сканера, показала свои адвокатские документы, чтобы ей позволили оставить при себе телефон, потом подождала сотрудницу женского пола, которая ощупала ее, потому что металлодетектор запищал от пластины в ее черепе.

Лифт был справа. Подвальных этажей было два, но Ленор сказала спуститься на один уровень, поэтому Сэм нажала нужную кнопку и подождала. Кабина заполнилась мужчинами в костюмах. Она стояла позади них. Чтобы перенести вес с ноги, прислонилась к стене. Когда двери открылись, все мужчины подвинулись, чтобы она смогла выйти из лифта первой.

По некоторым манерам южан Сэм все-таки скучала.

— Привет. — Около двери стояла Чарли.

Она держала салфетку у носа, из которого потекла кровь: возможно, из-за пробежки. Сделав вдох, она затараторила:

— Я сказала Коину, что ты второй адвокат. Он просто счастлив — на самом деле нет. Так же и Лайман, так что постарайся его особо не бесить. Я слышала, что Граль не успел поговорить с Келли, но узнай на всякий случай еще раз. С тех пор как ее привезли, ей все время плохо. Туалет забила. Говорят, там ужасная грязь.

— В каком смысле плохо?

— Ее рвет. Я звонила в тюрьму. Она без проблем съела завтрак и обед. Больше никто не заболел, так что это не пищевое отравление. Она блевала, когда ее привезли сюда полчаса назад. Она не алкоголичка и не наркоманка. Видимо, нервы. Это Мо, — Чарли показала на пожилую женщину за рабочим столом. — Мо, это моя сестра Саманта.

— Не капай кровью на мой стол, Куинн. — Мо не подняла глаз от клавиатуры.

Она щелкнула пальцами, требуя у Сэм удостоверение личности и адвокатские документы. Нажала несколько клавиш на компьютере. Взяла телефонную трубку. Показала на журнал регистрации посетителей.

Журнал был почти заполнен. Сэм написала свое имя в последней строке, под именем Картера Граля. Судя по отметкам времени входа и выхода, он провел с Келли менее трех минут.

— Лайман служит здесь около двенадцати лет, — сообщила Чарли. — Приехал сюда из Мариетты поработать на пенсии. Он дико заморочен на тему дисциплины. У тебя есть с собой платье или юбка?

— На черта они мне?

— Неважно.

— Вот именно.

Мо положила трубку.

— У вас осталось семнадцать минут, — сообщила она Сэм. — Три минуты выпил Граль. Разговаривать придется в камере.

Чарли грохнула кулаком по стойке.

— Какого хера, Мо?

— Чарли, я разберусь. — Сэм обратилась к Мо: — Если переговорная комната сейчас недоступна, вам следует известить судью о том, что слушание требуется отложить, пока я не смогу провести необходимое время наедине с моей подзащитной.

Мо крякнула. Она смотрела на Сэм, ожидая, что та отступит. Но она не отступила, поэтому Мо сказала:

— А я думала, из вас двоих ты та, что поумнее. — Она потянулась под стол и нажала звонок. Подмигнула Сэм: — Комната справа. Шестнадцать минут.

Чарли погрозила ей кулаком и стремглав понеслась к лестнице. Ступала она легко, едва слышно.

Сэм перевесила сумочку на другое плечо. Опираясь на трость, преодолела первую дверь. Остановилась перед второй, оказавшись практически в ловушке, потому что первая захлопнулась за ее спиной. Еще один звонок, и открылась вторая дверь.

На Сэм навалились давно забытые запахи камеры временного содержания: протухшая рвота, аммиачная вонь пота и мочи, смрад канализации из единственного туалета, обслуживающего нужды примерно сотни заключенных ежедневно.

Сэм с тростью пробиралась дальше. Туфли шлепали по лужам коричневой воды. В засорившемся туалете уборки так и не было. В камере осталась всего одна задержанная: пожилая беззубая женщина сидела на корточках на длинной бетонной лавке. Безразмерная оранжевая кофта торчала на ней, как одеяло. Она медленно покачивалась взад-вперед. Ее слезящиеся глаза следили за Сэм, пока она шла к закрытой двери по правой стороне.

Сэм хотела постучать, но ручка повернулась раньше. Вышла дородная сотрудница шерифа и

враждебно посмотрела на нее. Она закрыла дверь, прижавшись спиной к матовому стеклу.

— Вы второй адвокат?

— Фактически третий. Саманта Куинн.

— Старшая дочка Расти.

Сэм кивнула, хотя это был не вопрос.

— Заключение рвало примерно четыре раза за последние полчаса. Я дала ей пачку сырных крекеров и банку колы, перелитую в пенопластовый стакан. Я спросила, нужна ли ей медицинская помощь. Она отказалась. У вас пятнадцать минут, после чего я вхожу обратно. — Она постучала пальцем по наручным часам. — Если я вошла и что-то услышала, то я это услышала. Понятно?

Сэм достала телефон. Поставила таймер на четырнадцать минут.

— Рада, что мы друг друга поняли, — женщина открыла дверь.

В комнате было так темно, что Сэм пришлось подождать, пока привыкнут глаза. Два стула. Прикрученный к полу металлический стол. Мигающая флуоресцентная лампа, криво закрепленная на двух мохнатых от пыли цепочках.

Келли Рене Уилсон сидела, склонившись на стол. Она спрятала голову, сложив руки коконом. Когда дверь открылась, она вскочила, вытянув руки по швам и расправив плечи, будто Сэм скомандовала «смирно».

— Ты можешь сесть.

Келли ждала, пока Сэм сядет первой.

Сэм взяла пустой стул, стоявший около двери. Прислонила трость к краю стола. Взяла блокнот и ручку из сумочки. Поменяла очки на те, что для чтения.

— Меня зовут Саманта Куинн. Сегодня я буду твоим адвокатом. Вчера ты встречалась с моим папой, Расти.

— Вы чудно² говорите, — сказала Келли.

Сэм улыбнулась. Ньюйоркцы считали, что она говорит с южным акцентом, а южане считали, что она говорит как янки.

— Я живу в Нью-Йорке.

— Потому что вы — калека?

Сэм чуть не рассмеялась.

— Нет, я живу в Нью-Йорке, потому что мне там нравится. А трость я беру, только когда нога устает.

— У моего дедушки была трость, но она была деревянная. — Девушка говорила спокойно, но по звяканью наручников было ясно, что она нервно подергивает ногой.

— Тебе нечего бояться, Келли. Я на твоей стороне. Я здесь не для того, чтобы вставлять тебе палки в колеса. — Она записала на верхней странице своего блокнота имя Келли, ее фамилию и дату. Дважды подчеркнула. В животе у нее ни с того ни с сего запорхали бабочки. — Ты разговаривала с мистером Гралем, юристом, который заходил к тебе какое-то время назад?

— Нет, мэм, потому что меня тошнило.

Сэм внимательно смотрела на девушку. Она говорила медленно, почти как если бы была под наркотиками. Судя по букве S на груди оранжевой арестантской кофты, ей дали взрослый размер S, но и он оказался велик для ее хрупкой фигурки. Вид у Келли был болезненный. Волосы жирные, в кусочках рвоты. Но, несмотря на неудобу, личико у нее было круглое, ангельское. Сэм напредила себе, что у Люси Александер тоже было ангельское личико.

— Ты принимаешь какие-то препараты?

— Вчера в больнице мне вливали раствор. — Келли показала Сэм синяк на сгибе правого локтя. — Вот сюда.

Сэм дословно записала то, что она сказала. Расти понадобится информация из больничной медкарты девушки.

— Ты думаешь, они вливали тебе физраствор, без препаратов?

— Да, мэм, так они сказали. Потому что я была шокирована.

— В шоковом состоянии? — уточнила Сэм.

Келли кивнула.

— Да, мэм.

— Ты не принимаешь и не принимала никакие запрещенные препараты?

— Запрещенные препараты? — спросила девочка. — Нет, мэм, это было бы неправильно.

Сэм снова дословно записала сказанное.

— И как ты себя чувствуешь сейчас?

— Вроде нормально. Уже получше.

Сэм посмотрела на Келли Уилсон поверх очков. Она сидела, сцепив руки под столом и ссутулившись, отчего выглядела еще меньше, чем на самом деле. Красный пластиковый стул было видно по обе стороны ее спины.

— Нормально или вроде нормально?

— Мне страшно, — сказала Келли. — Там такие злые люди.

— Лучший вариант для тебя сейчас — это не обращать на них внимания.

Сэм сделала несколько пометок о внешнем виде Келли, о том, что она немытая, неопрятная. Ногти обгрызены. На пальцах заусенцы с запекшейся кровью.

— Как твой желудок сейчас?

— Обычно в это время меня только немного мутит.

— «Обычно в это время», — зафиксировала Сэм, добавив точное время. — А вчера тебя тошнило?

— Да, мэм, но я никому не сказала. У меня такое обычно само проходит, но эта женщина меня пожалела и дала крекеров.

Сэм смотрела в блокнот. Она намеренно отвела глаза, потому что, глядя на Келли, невольно смягчала свое отношение. Девушка никак не была похожа на

убийцу и уж тем более на школьного стрелка. Но, возможно, Сэм просто знала таких персонажей, как Захария и Дэниэл Кулпепперы, и имела искаженное представление о преступниках. На самом деле любой человек может оказаться убийцей.

— Я буду помогать моему отцу, Расти Куинну, пока он не поправится, — объяснила Сэм. — Тебе говорили, что он в больнице?

— Да, мэм. Там в тюрьме охранники говорили про это. Что мистера Расти ударили ножом.

Сэм подумала, что вряд ли охранники говорили о Расти что-то хорошее.

— Итак, мистер Расти сказал тебе, что работает на тебя, а не на твоих родителей? И что все, что ты говоришь ему, остается между вами?

— Такой закон, — сказала Келли. — Мистер Расти никому не может говорить, что я ему сказала.

— Совершенно верно, — подтвердила Сэм. — И со мной точно так же. Мы оба давали присягу о конфиденциальности. Ты можешь говорить со мной, а я могу обсуждать это с мистером Расти, но никому другому мы твои секреты не расскажем.

— Трудно, наверно, хранить столько чужих секретов?

Вопрос обезоружил Сэм.

— Бывает трудно, но это моя работа, и, когда я решила стать юристом, я знала, что мне придется хранить чужие секреты.

— Наверно, надо много лет учиться, чтобы стать юристом.

— Да, и я училась много лет. — Сэм посмотрела на телефон. Она обычно получала почасовую оплату и не привыкла так сокращать свое время. — Мистер Расти объяснил тебе, что такое предъявление обвинения?

— Это не суд.

— Все правильно.

Сэм вдруг поняла, что говорит другим голосом, словно с ребенком. Девушке-то восемнадцать, а не восемь.

Люси Александер было восемь. Сэм откашлялась.

— В большинстве случаев закон требует предъявить обвинение в течение сорока восьми часов после ареста подозреваемого. Это фактически относится к случаям, когда сначала проводится следствие, а потом начинается судебный процесс по уголовному делу. Будет официально зачитано уголовное обвинение или обвинительный акт в присутствии ответчика для информирования ответчика, то есть тебя, о выдвинутых против тебя обвинениях и предоставления тебе возможности внести в протокол свое объяснение по вопросу виновности или невиновности. Звучит сложно, но на все про все обычно уходит меньше десяти минут.

Келли моргнула.

— Ты поняла то, что я тебе сейчас сказала?

— Вы так быстро говорите.

Сэм сотни часов работала над тем, чтобы научиться нормально говорить, и теперь необходимость замедлиться требовала от нее отдельных усилий. Она попробовала:

— Во время предъявления обвинения не будут вызывать никаких полицейских и свидетелей. Понятно?

Келли кивнула.

— Не будут предъявлять никаких доказательств. Никто не будет оценивать или выяснять твою вину или невиновность.

Келли ждала.

— Судья попросит внести в протокол твое заявление о виновности или невиновности. Я скажу ему, что ты заявляешь о невиновности. Позже, если захочешь, ты сможешь изменить свое заявление. — Сэм сделала паузу. Похоже, она опять разогналась. — Потом судья, истец и я обсудим даты, процедуры и другие судебные

дела. Я попрошу, чтобы все это отложили до того, как мой отец, мистер Расти, поправится, а это будет, скорее всего, на следующей неделе. Тебе не придется ничего говорить ни на каком этапе. За тебя буду говорить я. Понимаешь?

— Ваш папа сказал мне ни с кем не говорить, и я не говорила. Только охранникам, что меня тошнит. — Келли еще сильнее ссутулилась. — Но они меня жалели, как я уже сказала. Все со мной тут хорошо обращаются.

— Кроме тех, что злые?

— Да, мэм, злые тоже были.

Сэм посмотрела на свои записи. Расти был прав. Келли со всем соглашается. Похоже, она не понимает, насколько все серьезно. Необходимо провести экспертизу ее психической дееспособности. Сэм подумала, что сможет найти специалиста в Нью-Йорке, который согласится сделать эту работу на общественных началах.

— Мисс Куинн? — обратилась к ней Келли. — Можно спросить, а мама с папой знают, что я здесь?

— Да. — Сэм поняла, что последние двадцать четыре часа Келли провела в полном неведении. — Твоим родителям не разрешено посещать тебя в тюрьме до предъявления обвинения, но они очень хотят тебя увидеть.

— Они злятся на меня за то, что произошло?

— Они беспокоятся о тебе. — Сэм могла только предполагать. — Но они тебя очень любят. Вы вместе со всем справитесь. Что бы ни произошло.

Губы Келли задрожали. Из глаз полились слезы.

— Я их тоже очень люблю.

Сэм откинулась на спинку стула. Она напонила себе о Дугласе Пинкмане, о том, как он подбадривал ее на каждой тренировке, даже после того, как она перешла в старшую школу. Он чаще бывал у нее на мероприятиях, чем ее собственный отец.

И теперь Сэм сидит напротив девушки, которая его убила.

— Твои родители будут в зале суда там, наверху, но ты не сможешь их коснуться или поговорить с ними, только поздороваться. — Сэм надеялась, что в суде не будет камер. Надо будет предупредить родителей Келли. — Когда тебя переведут обратно в тюрьму, ты сможешь с ними встречаться, но запомни: все, что ты скажешь своим родителям или кому-либо еще в тюрьме, будет записываться. И в комнате для посещений, и по телефону — всегда кто-то прослушивает. Не говори с ними о том, что произошло вчера. Хорошо?

— Да, мэм, а можно спросить, у меня все очень плохо?

Сэм поискала в ее лице признаки притворства.

— Келли, ты помнишь, что произошло вчера утром?

— Да, мэм. Я их убила, двое людей. Пистолет был у меня в руке.

Сэм пыталась оценить ее состояние, увидеть какие-то признаки раскаяния. Их не было.

Келли описывала события так, будто они произошли не с ней.

— Почему ты... — Сэм решила сформулировать вопрос по-другому: — Ты знала Люси Александер?

— Нет, мэм. Она, наверно, из началки, совсем маленькая.

Сэм открыла рот и вдохнула немного воздуха.

— А что насчет мистера Пинкмана?

— Ну, я слышала, что он неплохой человек, но меня никогда к директору не вызывали.

Значит, жертвы были выбраны случайно, что почему-то усугубляло весь ужас ситуации.

— Значит, они оба, мистер Пинкман и Люси Александер, просто оказались в коридоре в неудачное время?

— Наверное, — ответила Келли. — Как я говорила, пистолет был у меня в руке, а потом мистер Гекльби засунул его себе в штаны.

У Сэм сердце подскочило в груди. Она бросила взгляд на таймер на телефоне. Убедилась, что за дверью не стоит чья-нибудь тень.

— Ты говорила моему отцу то, что сейчас сказала мне? — спросила она.

— Нет, мэм. Я мало говорила с вашим папой вчера. Я была расстроена, потому что они держали меня в больнице, и живот у меня болел, как обычно, и они говорили, что оставят меня на ночь, а я знаю, что это очень дорого.

Сэм закрыла блокнот. Надела колпачок на ручку. Сменила очки для чтения на обычные.

Ее положение оказалось в своем роде уникальным. Как адвокат защиты она не имеет права привлекать свидетеля, если знает, что свидетель будет лгать. Из-за этого правила адвокаты обычно не хотят, чтобы подзащитные говорили им всю правду. На полной правде редко можно построить хорошую защиту. Сэм сохранит в секрете все, что рассказала ей Келли, но не она будет вызывать свидетеля или устраивать перекрестный допрос, так что ее руки не будут связаны. Она может просто опустить неблагоприятные факты, пересказывая Расти свой разговор с Келли, и пусть он сам позаботится обо всем остальном.

— Мой дядя Шейн умер в больнице, — сказала Келли, — и его жена и все они потеряли дом, потому что счета были очень большие.

— Тебе не выставят счет за пребывание в больнице. Она улыбнулась. Зубы как белые бусинки.

— А мои родители знают? Им так будет гораздо спокойнее.

— Я обязательно им скажу.

— Спасибо, мисс Куинн. Я очень благодарна вам и вашему папе за все, что вы делаете.

Сэм катала ручку между пальцев. Она вспомнила кое-что из вчерашних теленовостей.

— Ты не знаешь, в средней школе есть камеры наблюдения?

— Да, мэм. По одной в каждом коридоре, кроме той, что у приемной. По ней кто-то двинул, и ее развернуло, и там дальше ничего не видно.

— Существует слепая зона?

— Не знаю, слепая или нет, но где-то после середины коридора она ничего не видит.

— Откуда ты это знаешь?

Келли подняла худые плечи и секунду подержала их так, прежде чем опустить.

— Да это все знают.

— Келли, у тебя много друзей в школе?

— То есть знакомых?

Сэм кивнула.

— Ну да.

— Я, наверно, почти всех знаю. Я уже долго там учусь. — Она опять улыбнулась. — Правда, не так долго, чтобы стать юристом.

Сэм невольно улыбнулась в ответ.

— У тебя есть кто-нибудь особенно близкий?

Щеки Келли густо покраснели.

Сэм узнала этот румянец. Она открыла блокнот.

— Можешь сказать, как его зовут. Никто другой не узнает.

— Адам Хамфри. — Келли, очевидно, приятно было говорить о нем. — У него каштановые волосы, карие глаза, и он не очень высокий, но водит «Камаро». Но мы с ним не гуляем. Это не то, что официально или что-то такое.

— Хорошо, а подруги? Ты дружишь с кем-нибудь из девочек?

— Нет, мэм. Не так чтобы близко, чтобы в гости звать или что-то такое. — Она что-то вспомнила и добавила: — Кроме Лидии Филипс, мы с ней в началку ходили, но она уехала, когда ее папу перевели по экономической причине.

Сэм записала эти подробности в блокнот.

— А с кем-то из учителей ты общаешься?

— Ну, мистер Гекльби раньше мне помогал с историей, но это уже давно. Доктор Джоди сказал, что даст мне какие-то задания вместо нескольких уроков, которые я пропустила на прошлой неделе, но пока не дал. А миссис Пинкман...

Келли резко опустила голову.

Сэм дописала строчку в блокноте. Отложила ручку. Посмотрела на девушку.

Келли замерла.

— Миссис Пинкман помогала тебе с английским? — спросила Сэм.

Келли не ответила. Так и продолжала сидеть, опустив голову. Волосы закрывали лицо. Сэм слышала, как она шмыгает носом. Ее плечи затряслись. Она плакала.

— Келли, почему ты расстроилась?

— Потому что мистер Пинкман был не плохой. — Она снова зашмыгала. — И та девочка совсем малышка.

Сэм стиснула руки. Оперлась локтями на стол.

— Зачем ты пришла в среднюю школу вчера утром?

— Потому что...

— Потому что что?

— Потому что я притащила пистолет из папиного бардачка. — Она шмыгнула носом. — И я держала его в руке, когда я убила двое людей.

Обвинитель внутри нее хотел дожать обвиняемую, но Сэм была здесь не затем, чтобы сломать девушку.

— Келли, ты наверняка уже устала выслушивать от меня одно и то же, но это очень важно. Никому и

никогда не говори то, что ты только что сказала мне. Хорошо? Ни родителям, ни знакомым, ни незнакомым — особенно никому в тюрьме.

— Они мне не друзья, так мистер Расти сказал. — Каскад густых волос приглушал голос Келли. — Они могут навлечь на меня беду, потому что сами хотят вылезти из беды.

— Все правильно. Никто из тех, кого ты там увидишь, тебе не друг. Ни охрана, ни сокамерники, ни уборщики — никто.

Девушка шмыгнула носом. Цепочка наручников снова зазвенела под столом.

— Я ни с кем там не говорила. Просто молчала, как обычно.

Сэм вытащила все оставшиеся салфетки из сумочки и отдала Келли.

— Я поговорю с твоими родителями до того, как ты их увидишь, и скажу им, что они не должны спрашивать у тебя о том, что случилось. — Сэм предполагала, что Расти уже прочитал Уилсонам эту лекцию, но, прежде чем она уедет из города, им придется выслушать это и в ее исполнении. — Все, что ты мне рассказала про вчерашний день, остается между нами. Хорошо?

Она опять шмыгнула носом.

— Хорошо.

— Высморкайся. — Она подождала, пока Келли выполнит это указание, и продолжила: — Расскажи об Адаме Хамфри. Вы познакомились в школе?

Келли покачала головой. Сэм все еще не видела ее лица. Только макушку головы.

— Ты познакомилась с Адамом, когда ходила куда-то? В кино или в церкви, например?

Келли снова покачала головой.

— Расскажи о школьном альбоме у тебя в шкафу.

Келли резко подняла голову. Сэм ожидала увидеть гнев, но это был страх.

— Пожалуйста, не говорите никому.

— Не скажу, — пообещала Сэм. — Запомни, у нас с тобой все строго конфиденциально.

Держа платок в руке, Келли вытерла нос рукавом.

— Можешь сказать мне, почему про тебя там написали все эти вещи? — спросила Сэм.

— Это плохие вещи.

— Я не считаю, что действия, которые они описывали, плохие. Я считаю, что очень нехорошо поступили люди, которые все это написали.

Келли выглядела озадаченно. Сэм не могла ее винить. Не самый удачный момент для того, чтобы излагать основы феминизма восемнадцатилетней девушке, совершившей двойное убийство.

— Так почему они все это написали про тебя?

— Не знаю, мэм. Надо их спросить.

— Было ли на самом деле что-то из того, о чем они написали?

Келли опять опустила глаза.

— Не так, как они говорили, но, наверно, что-то такое.

Сэм с удивлением выслушала, как Келли вывернула эту фразу. А девушка не настолько глупа, чтобы не уметь уходить от прямого ответа.

— Ты злилась на них за то, что они тебя дразнят?

— Нет, — ответила Келли. — Было обидно, потому что это мое личное, и я почти никого из них вообще не знала. Но это же уже давно было. Наверно, много кто уже и школу закончили.

— Твоя мама видела этот альбом?

Келли вытаращила глаза. На этот раз она по-настоящему перепугалась.

— Пожалуйста, не показывайте его маме.

— Не буду, — пообещала Сэм. — Я же говорю, все, что ты говоришь мне, конфиденциально, помнишь?

— Нет.

У Сэм дернулась левая бровь.

— Как только я вошла сюда, я объяснила тебе, кто я такая, и что я работаю со своим отцом, и что мы оба давали присягу о конфиденциальности.

— Нет, мэм, вот это последнее я не помню.

— «Конфиденциальность» означает, что я должна хранить твои секреты.

— А, да, точно, и ваш папа это говорил, про секреты.

Сэм посмотрела на часы. Осталось меньше четырех минут.

— Келли, мне сказали, что вчера утром, сразу после выстрелов, когда мистер Гекльби просил тебя отдать ему револьвер, ты сказала что-то, что слышал только мистер Гекльби и, возможно, один из полицейских. Ты помнишь, что ты сказала?

— Нет, мэм. Мне тогда было не до разговоров.

Сэм сделала еще одну попытку:

— Ты что-то сказала. Полицейский слышал. И мистер Гекльби слышал.

— Хорошо. — Келли медленно кивнула. — Я что-то сказала.

Сэм удивилась, насколько быстро девушка изменила показания.

— Ты помнишь, что ты сказала?

— Не знаю. Я не помню, как я это говорила.

Сэм почувствовала, как стремление Келли угодить ей начинает мешать их общению. Она попыталась подойти к вопросу с другой стороны.

— Келли, вчера утром в коридоре ты сказала мистеру Гекльби и полицейскому, что шкафчики синие?

— Да, мэм. — Келли ухватилась за подсказку. — Они синие.

Сэм закивала.

— Я знаю, что они синие. Но ты произнесла именно это в тот момент? Ты правда сказала им, что шкафчики

синие? Это точно то, что ты сказала мистеру Гекльби и полицейскому? Что шкафчики синие?

Келли начала кивать вместе с ней.

— Да, я это сказала.

Сэм понимала, что девушка говорит неправду. В тот момент Келли Уилсон только что застрелила насмерть двух человек. Ее бывший учитель просил отдать ему оружие убийства. Полицейский, вне сомнений, нацелил пистолет ей в голову. Келли не стала бы делать ремарки по поводу школьного интерьера.

— Ты помнишь, что ты им обоим сказала, что шкафчики синие? — продолжила Сэм.

— Да, мэм. — Келли отвечала так уверенно, что наверняка прошла бы тест на детекторе лжи.

— Хорошо. Итак, там был мистер Гекльби, — сказала Сэм, задумавшись, до какой степени она могла бы продавить девушку. — Миссис Пинкман тоже была там. Был ли там кто-нибудь еще? Кто-нибудь незнакомый?

— Еще женщина в футболке с дьяволом. — Она показала себе на грудь. — Дьявол в синей маске и подпись «Девилс».

Сэм вспомнила, как паковала вещи Чарли после ее приезда в Нью-Йорк, который закончился катастрофой. На каждой футболке Чарли были какие-то вариации логотипа «Дьюк Блю Девилс».

— Та женщина в футболке «Девилс». Она ударила кого-нибудь?

— Нет, мэм. Она сидела там напротив мистера Пинкмана и смотрела на свои руки.

— Ты уверена, что она никого не ударила? — Сэм заговорила строгим тоном. — Это очень важно, Келли. Ты должна сказать мне, ударила ли кого-нибудь женщина в футболке «Девилс».

— Ну, — Келли изучала лицо Сэм в поисках подсказки. — Я не знаю, да или нет, потому что я сидела.

Сэм снова начала кивать, очень медленно.

— Я думаю, что ты видела, как женщина в «Девилс» кого-то ударила, хотя ты и сидела. Улики показывают, что ты видела это, Келли. Нет смысла обманывать.

Келли снова начала колебаться.

— Я не хочу вас обманывать. Я знаю, что вы стараетесь мне помочь.

— Тогда признай правду, — твердо сказала Сэм. — Ты видела, что женщина в футболке «Девилс» кого-то ударила.

— Да, мэм. — Келли тоже закивала. — Теперь я подумала и поняла, что, наверно, она кого-то ударила.

— Она ударила тебя?

Келли засомневалась. Она пригляделась к выражению лица Сэм, чтобы понять, что от нее требуется.

— Может быть?

— Слово «может быть» не поможет тебе, Келли. — Сэм предприняла еще одну попытку и твердо заявила: — Ты видела, что женщина в футболке «Девилс» ударила кого-то в коридоре.

— Да, мэм. — Теперь казалось, что Келли больше уверена в том, что говорит. Она продолжала кивать, словно это движение помогало ей думать. — Я это видела.

— Эта женщина ударила миссис Пинкман? — Сэм наклонилась ближе. — Потому что миссис Пинкман была прямо там, Келли. Ты сказала мне об этом буквально только что. Ты думаешь, женщина в футболке «Девилс» могла ударить миссис Пинкман?

— Думаю, да. — Келли продолжила кивать, действуя по шаблону.

Сэм поняла, что Келли отрицает некое утверждение, потом допускает, что утверждение может быть верным, потом принимает это утверждение как факт. Все, что требовалось, — это говорить властным

тоном, подсказать девушке правильный ответ, несколько раз кивнуть и ждать, что эта ложь будет тут же пересказана в ответ.

— Показания свидетелей доказывают, Келли, что ты точно видела, что сделала эта женщина.

— Хорошо, — сказала Келли. — Я видела, как это произошло. Что она ее ударила.

— А как женщина в футболке «Девилс» ударила миссис Пинкман? — Сэм помахала руками, пытаясь придумать примеры. — Она ее пинала? Ударила кулаком?

— Она дала ей пощечину.

Сэм посмотрела на свою ладонь, движение которой и стало подсказкой для Келли.

— Ты уверена, что видела, как женщина в футболке дала пощечину миссис Пинкман?

— Да, мэм, все так и было, как вы сказали. Она ее ударила ладонью по лицу, и я слышала шлепок через весь коридор.

Сэм осознала масштаб своей лжи. Не задумываясь, она обвинила сестру в нападении на человека.

— Итак, ты утверждаешь, что ты своими глазами видела, как женщина в футболке «Девилс» дала миссис Пинкман пощечину?

Келли продолжала кивать. В глазах у нее были слезы. Ей, очевидно, очень хотелось угодить Сэм, будто, угодив ей, она найдет ключ к выходу из кошмара, в котором оказалась.

— Простите, — прошептала Келли.

— Все хорошо. — Сэм не стала больше давить, потому что эксперимент подтвердил ее гипотезу.

Если Келли Уилсон задавать определенные вопросы определенным тоном, она, вероятно, скажет, что Чарли задушила Юдифь Пинкман своими собственными руками.

Девушка настолько легко поддавалась внушению, словно была под гипнозом.

Сэм проверила телефон. Осталось девяносто секунд плюс минута в запасе.

— Полицейские разговаривали с тобой вчера до мистера Расти?

— Да, мэм. Они говорили со мной в больнице.

— Прежде чем говорить с тобой, они зачитывали тебе «правило Миранды»? — Келли явно не поняла, о чем речь. — Они говорили тебе «вы имеете право хранить молчание; вы имеете право на адвоката»? Что-то из этого они тебе говорили?

— Нет, мэм, в больнице нет, потому что это как в кино, я бы запомнила.

Сэм снова склонилась через стол ближе к ней.

— Келли, это очень важно. Ты говорила что-то полицейским до того, как общалась с моим папой?

— Там один такой постарше, он все говорил со мной. Он поехал со мной в больницу на «Скорой», а потом остался со мной в палате, чтобы у меня все было хорошо.

Сэм подумала, что едва ли его интересовало благополучие Келли.

— Ты отвечала на его вопросы? Он тебя допрашивал?

— Не знаю.

— На тебе были наручники, когда он говорил с тобой?

— Вроде нет. В «Скорой»-то?

— Да.

— Не, вроде нет. Не припомню такого.

— Ты помнишь, когда точно на тебя надели наручники?

— В какой-то момент.

Сэм захотелось швырнуть ручку через всю комнату.

— Келли, очень важно, чтобы ты постаралась вспомнить. Тебя допрашивали в больнице до того, как мой папа сказал тебе не отвечать ни на какие вопросы?

— Простите, мэм. Я плохо помню, что вчера было.

— Но тот мужчина, что постарше, был все время рядом с тобой?

— Да, мэм, кроме того момента, когда ему надо было в туалет, и тогда пришел полицейский и сидел со мной.

— А тот, что постарше, был в полицейской форме?

— Нет, мэм. Он был в костюме и галстук.

— Он сказал тебе, как его зовут?

— Нет, мэм.

— Ты помнишь, когда тебе зачитали «правило Миранды»... Когда они сказали «вы имеете право хранить молчание; вы имеете право на адвоката»? — Она подождала. — Келли, ты помнишь, когда тебе это говорили?

Келли явно поняла, что это важно.

— Может, в полицейской машине по пути в тюрьму сегодня утром?

— Но не в больнице?

— Нет, мэм. Это было сегодня утром, но я не помню, во сколько точно.

Сэм откинулась на спинку стула. Она пыталась это обдумать. Если Келли зачитали «правило Миранды» только сегодня утром, то технически все, что она говорила до того, суд не должен принимать к рассмотрению.

— Ты уверена, что они впервые зачитали тебе твои права сегодня утром?

— Ну, я помню, что сегодня утром тот мужчина постарше это сделал. — Она пожала узкими плечами. — Может, он и раньше это делал, надо на видео посмотреть.

— Каком видео?

— Когда они снимали меня в больнице.

Глава одиннадцатая

Сэм сидела в одиночестве за столом защиты. Сумочка на полу. Сложенная трость внутри. Она просматривала свои записи разговора с Келли Уилсон, делая вид, будто не знает, что за спиной у нее сидит минимум сотня человек. Несомненно, большинство зрителей — местные. От их накалившейся добела ярости по ее спине струился пот.

Среди них мог быть человек, напавший с ножом на Расти.

По их злобному шепоту Сэм поняла, что многие были бы рады и ее тоже заколоть.

Кен Коин откашлялся, прикрыв рот рукой. Окружной прокурор сидел в окружении целой группы поддержки: пухлый розовощекий второй обвинитель, пожилой мужчина с щеткообразными усами, а также неременная симпатичная блондинка. В Нью-Йорке женщина такого типа была бы одета в костюм по фигуре и дорогие туфли на каблуках. Пайквилльская версия скорее напоминала католическую монахиню.

Кен снова откашлялся. Он хотел, чтобы Сэм посмотрела на него, но она не стала. Формальное рукопожатие — это все, что он от нее получил. Коин считал, что она должна быть ему благодарна за то, что он убил Дэниэла Кулпеппера, но, если она что-то такое и испытывала, это испарилось из-за его бессовестного поведения. Сэм не живет в Пайквилле. И не собирается возвращаться. Нет нужды изображать симпатию к мерзкому ублюдку, ведущему свою грязную игру. Как прокурор, Кен бросал тень на всех представителей своей профессии. Не только из-за того, что устроил из предъявления обвинения «кошки-мышки», но и из-за видеозаписи, которую он сделал в больнице.

Что бы ни было на том видео, оно может привести Келли Уилсон на виселицу.

Неизвестно, что им сказала девушка. Проведя с ней пятнадцать минут, Сэм поняла, что Келли Уилсон можно уговорить признаться в убийстве Авраама Линкольна. С юридической точки зрения вопрос состоит в том, может эта съемка являться доказательством в суде или нет, и, возможно, это будет самое важное ходатайство Расти. Если они не зачитали Келли «правило Миранды» до того, как она начала говорить на камеру, либо если было очевидно, что она не понимает своих прав, то видео нельзя демонстрировать присяжным.

Теоретически должно быть так.

Но это юридический вопрос. А значит, в нем могут быть лазейки. Кен Коин может возразить, что «правило Миранды» было необязательным, потому что Келли сделала заявление на камеру добровольно. Но на пути такой аргументации есть одно большое препятствие. Чтобы использовать видео в суде, Коину придется доказать, что любой «разумно мыслящий» человек — к счастью, сама Келли Уилсон не считается — подумал бы, что Келли не была задержана полицией на момент записи показаний. Если Келли имела основания полагать, что находится под арестом, что ей предстоит надевание наручников, снятие отпечатков пальцев и фотографирование анфас и в профиль, то ей должны были зачитать ее права.

Ergo, не было «правила Миранды» — не будет демонстрации видео присяжным. По крайней мере, так это должно быть.

В этой системе есть и другие слабые звенья, включая настроение судьи. Очень редко в судейском кресле сидит полностью непредвзятый человек. Обычно он склоняется на сторону либо обвинения, либо защиты. Ни один судья не любит апелляции, но по мере движения дела вверх по цепочке адвокату становится

все сложнее и сложнее доказать, что где-то была допущена ошибка.

Ни один судья не любит отменять решение нижестоящего судьи.

Сэм закрыла блокнот. Оглянулась. Уилсоны сидят с Ленор. Сэм не успела поговорить с ними и пяти минут, прежде чем в зал суда пустили всех желающих.

Защелкали камеры: фотографы подловили, как Сэм переглядывается с родителями убийцы. Похоже, видеокамеры были запрещены, но куча журналистов строчила в блокноты, описывая буквально все, что происходит вокруг.

Обстановка не располагала к ободряющим улыбкам, поэтому Сэм просто кивнула Эве, а затем Илаю. Они кивнули в ответ, сидя прижавшись друг к другу и стиснув зубы. Вся их одежда была только что из магазина, с явными складками от вешалок и сгибами на руках и плечах. Первое, о чем они спросили Сэм, — где находится Келли, а второе — когда им можно будет вернуться домой.

На второй вопрос Сэм не смогла ответить определенно.

Уилсоны восприняли отсутствие информации с безропотностью, которая, похоже, была врожденной. Они, очевидно, принадлежали к ныне забытому типу бедных сельских жителей. Они привыкли ждать, пока система развернется, и обычно не в их пользу. Их опустошенный взгляд напомнил Сэм фотографии беженцев из журналов. Возможно, у них действительно было что-то общее с беженцами. Эва и Илай Уилсоны оказались растерянны, выброшены в незнакомый мир, лишенные своих главных ценностей — безопасности и покоя.

Сэм напомнила себе, что Люси Александер и Дуглас Пинкман тоже кое-чего лишились — жизни.

Ленор, наклонившись к Эве, что-то шепнула. Та кивнула. Сэм записала время. Слушание должно вот-вот начаться.

Перед появлением Келли Уилсон все издалека услышали звон цепей, будто за стеной появился Санта-Клаус на своих санях. Пристав открыл дверь. Защелкали камеры. По залу прокатился приглушенный гомон.

Келли сопровождали четыре вооруженных охранника, таких огромных, что девушка терялась в этой гряде плоти. Ей пришлось шаркать по полу, потому что на нее надели кандалы. Охранник справа придерживал Келли. Ее локоть полностью исчез в его огромном кулаке. Мужчина был настолько накачан, что мог бы одной рукой поднять девушку и отнести на место.

Сэм обрадовалась, что он рядом с Келли. Как только девушка увидела родителей, у нее подкосились колени. Охранник помог ей не упасть на пол. Келли завывала.

— Мама... — Она попыталась протянуть руки, но они были пристегнуты к поясу. — Папа! — Закричала она. — Пожалуйста!

Сэм оказалась рядом с Келли, не успев понять, как ей удалось так быстро переместиться на другой конец помещения. Она взяла Келли за руки.

— Посмотри на меня.

Девушка не отводила глаз от родителей.

— Мама, прости меня.

Сэм сильнее, до боли сжала руки Келли.

— Посмотри на меня, — потребовала она.

Келли посмотрела на Сэм. Лицо, мокрое от слез. Из носа течет. Зубы стучат.

— Я здесь, — сказала Сэм, крепко держа ее за руки. — Все хорошо. Смотри на меня.

— Все нормально у нас? — спросил пристав. Несмотря на почтенный возраст, он уверенно держал

ладонь на рукояти электрошокера, готовый действовать.

— Да. У нас все нормально, — ответила Сэм.

Охранники отстегнули цепи от лодыжек, запястий и талии Келли.

— Я так не могу, — прошептала Келли.

— Ты справишься, — настаивала Сэм, желая, чтобы это действительно было так. — Вспомни, как мы говорили о том, что люди смотрят на тебя.

Келли кивнула. Продолжая держаться с Сэм за руки, вытерла нос рукавом.

— Ты должна быть сильной. Не расстраивай своих родителей. Они хотят, чтобы ты была большой девочкой. Хорошо?

Келли снова кивнула.

— Да, мэм.

— Ты справишься, — повторила Сэм.

Кандалы упали на пол. Один из охранников, наклонившись, собрал их.

Сэм прошла к столу плечом к плечу с девушкой. Села. Нажав на плечо Келли, охранник усадил ее на стул рядом с Сэм.

Келли оглянулась на родителей.

— Я справлюсь, — сказала она им дрожащим голосом. — Я справлюсь.

Открылась дверь в судейскую комнату.

Секретарь суда сказала:

— Судья Стэнли Лайман. Всем встать.

Сэм кивком показала Келли, что нужно подняться. Пока судья шел на свое место, Келли снова взяла Сэм за руку. Ее ладони были влажными от пота.

Стэн Лайман был примерно ровесник Расти, только без энергичной походки доброго дядюшки. Судьи бывают разных типов. Некоторые достаточно в себе уверены, чтобы просто пройти и сесть. Другие же пытаются продемонстрировать свою власть, как только

входят в зал. Стэн Лайман относился ко второму типу. Нахмурившись, он оглядел собравшуюся публику и группу за столом обвинения. Остановился на Сэм. С механической бесстрастностью оценил каждую часть ее тела, будто сканируя на МРТ. Последний раз она подвергалась такому подробному осмотру только у врача.

Он стукнул молотком, все еще глядя на Сэм.

— Садитесь.

Сэм села и потянула Келли, чтобы та села рядом. Бабочки снова против ее воли запорхали в животе. Ей стало любопытно, наблюдает ли Чарли из зала.

Секретарь объявила:

— Слушается дело номер ОА 15-925, округ Дикерсон, против Келли Рене Уилсон, предъявление обвинения. — Она повернулась к Кену Коину: — Представитель обвинения, пожалуйста, назовите ваше имя для протокола.

Коин встал и обратился к судье:

— Здравствуйте, Ваша честь. Округ представляют Кеннет С. Коин, Дэррен Никлби, Юджин Коттон Хендерсон и Кейли Коллинз.

Лайман сдержанно кивнул.

— Здравствуйте.

Сэм снова встала.

— Ваша честь, Саманта Куинн, представляю интересы присутствующей здесь мисс Уилсон.

— Здравствуйте. — Лайман снова кивнул. — Данное предъявление обвинения квалифицируется как слушание о достаточности оснований. Мисс Куинн, прошу вас и мисс Уилсон встать для предъявления обвинения.

Сэм кивнула Келли, чтобы она встала рядом. Девушку опять затрясло. Сэм не стала брать ее за руку. Келли предстоят годы регулярного присутствия в залах суда. Надо учиться стоять самостоятельно.

— Мисс Куинн. — Лайман смотрел на Сэм сверху вниз. Он отошел от протокола. — Вам придется снять темные очки в моем зале суда.

Это требование ошарашило Сэм. Она даже не помнила, как давно начала носить очки с затемненными линзами.

— Ваша честь, эти очки назначены врачом. Они затемнены по медицинским показаниям.

— Подойдите сюда. — Он сопровождал свою просьбу жестом. — Дайте я на них посмотрю.

Сердце Сэм заколотилось часто-часто. Сто пар глаз впились ей в спину. Камеры защелкали. Репортеры записывали каждое слово. Кен Коин опять откашлялся в кулак, но заступаться за Сэм не стал.

Сэм оставила трость в сумке. Сгорая от унижения, она поковыляла к судье. Фотоаппараты трещали, будто десятки кузнечиков, потирающих лапки. Эти фотографии появятся в газетах и, возможно, в интернете, где их смогут увидеть коллеги Сэм. В сопровождающих текстах, вероятно, будут разбираться причины, по которым ей понадобились очки. А люди в зале суда, давнишние местные жители, будут только рады рассказать все в подробностях. Они и сейчас вглядываются в каждое движение Сэм, пытаются понять, какие увечья остались у нее после ранения.

Она — общепризнанный урод в этом шапито.

У судейского стола Сэм дрожащей рукой сняла очки. Роговицу ошпарил жестокий флуоресцентный свет. Она сказала судье:

— Пожалуйста, осторожнее. У меня нет запасной пары.

Лайман грубо схватил очки и принялся их разглядывать.

— Вам что, не сказали, что у меня в зале суда нужно одеваться прилично?

Сэм посмотрела на свою одежду, стандартный комплект из черной шелковой блузки и свободных черных брюк, из тех, что она носит каждый день.

— Прошу прощения?

— Во что вы одеты?

— В «Армани», — ответила она судье. — Вы не могли бы вернуть мои очки?

Он положил очки перед ней, намеренно брякнув ими по столу.

— Можете вернуться на место.

Сэм посмотрела, не осталось ли на стеклах отпечатков. Нацепила очки. Развернулась. Поискала глазами Чарли, но увидела в толпе только полужнакомые постаревшие лица каких-то людей, которых она помнила из детства.

Путь назад занял больше времени, чем путь до судьи. Она оперлась на свой стол. В последний момент заметила Бена, который сидел в зале прямо позади Кена Коина. Он подмигнул ей и ободряюще улыбнулся.

Келли, стоявшая рядом с Сэм, взяла ее за руку. Она вернула Сэм ее же слова поддержки:

— Вы справитесь.

— Да, спасибо. — Сэм не стала убирать руку. Ее все еще трясло.

Судья Лайман несколько раз откашлялся. Судя по всему, он понял, что за ад только что устроил Сэм, но ее это не утешило. По опыту она знала, что некоторые судьи прикрывают свои ошибки, наказывая того адвоката, который их заметил.

— Мисс Куинн, вы отказываетесь от оглашения полного текста обвинения против мисс Уилсон? — осведомился судья.

У Сэм был соблазн сказать «нет», но отступление от нормы только растянуло бы процедуру.

— Отказываемся.

Лайман кивнул секретарю.

— Объявите обвинение против мисс Уилсон и сообщите ей о ее правах.

Секретарь снова встала.

— Келли Рене Уилсон, вы арестованы по подозрению в двойном убийстве первой степени. Мисс Куинн, вы готовы сделать заявление о виновности или невинности?

— Мы просим суд принять заявление ответчика о невинности, — заявила Сэм.

По не ожидавшей такого поворота событий аудитории прокатились удивленные смешки. Лайман поднял молоток, но шум стих прежде, чем он успел ударить им.

Секретарь сказала:

— От имени ответчика подано заявление о невинности по всем пунктам. — Она повернулась к Келли. Круглое лицо секретаря показалось Сэм знакомым. Тоже девочка из школы, давно забытая. И она тоже не заступилась за Сэм, когда судья потребовал снять очки.

Секретарь продолжила:

— Келли Рене Уилсон, у вас есть право на безотлагательное рассмотрение дела судом присяжных. У вас есть право на защиту. У вас есть право не свидетельствовать против себя. Эти права остаются неизменными и неотъемлемыми на протяжении всего судебного разбирательства.

— Спасибо. — Лайман махнул рукой сверху вниз. Сэм сказала Келли сесть. — Мой первый вопрос к стороне обвинения: мистер Коин, считаете ли вы, что после созыва большого жюри будет составлен обвинительный акт?

Сэм сделала пометку в блокноте, пока Кен Коин двигался к трибуне. Еще один его дешевый трюк, попытка показать свою значимость. С такими как с детьми: лучшая тактика — игнорировать.

— Ваша честь, — Коин облокотился на трибуну, — такая вероятность определенно есть.

— Вы знаете конкретные даты? — спросил Лайман.

— Конкретных нет, Ваша честь. Срок созыва — в течение ближайших двух недель.

— Спасибо, господин прокурор, вы можете пройти обратно к своему столу. — Лайман, как старый судья, тоже хорошо знал эти игры юристов. — Где будет находиться ответчик во время ожидания судебного рассмотрения дела?

Коин вернулся за свой стол, обращаясь к судье:

— Ответчик будет содержаться либо в городской, либо в окружной тюрьме в зависимости от того, что будет расценено как наиболее безопасное место для нее.

— Мисс Куинн? — спросил судья.

Сэм понимала: нет никаких шансов, что Келли Уилсон отпустят под залог. Она сказала:

— В настоящее время я не имею возражений по поводу местонахождения моей подзащитной, Ваша честь. Что касается вопроса, упомянутого ранее, я хотела бы отозвать право мисс Уилсон на рассмотрение обвинений большим жюри. — Келли уже обвиняется по достаточным основаниям в двойном убийстве первой степени. Сэм не хотела, чтобы в результате созыва большого жюри к этим обвинениям добавились новые. — У моей подзащитной нет намерения тормозить процесс.

— Очень хорошо. — Лайман опять что-то записал. — Мистер Коин, намерены ли вы вести это дело как открытое, то есть с раскрытием всех относящихся к делу документов и фактов?

Коин раскинул руки — Христов апостол, не иначе.

— Всегда, Ваша честь. Если на то нет юридических оснований, наше управление всегда стремится вести дела открыто.

Сэм раздула ноздри. Она напомнила себе, что Расти придется побороться за больничную видеозапись.

— Мисс Куинн, вы удовлетворены этим ответом? — спросил Лайман.

— На данный момент да, Ваша честь. Я сегодня выступаю в качестве второго адвоката. Мой отец займется подачей ходатайств в суд, как только будет в состоянии приступить.

Лайман отложил ручку. Впервые за все время в его взгляде на нее не было осуждения.

— Как себя чувствует ваш отец?

— Рвется развивать бурную деятельность в защиту мисс Уилсон, Ваша честь.

Лайман скосил губы набок, очевидно, не вполне разгадав ее тон.

— Вы понимаете, что это дело об убийстве при отягчающих обстоятельствах, мисс Куинн, то есть сторона обвинения, вероятно, будет требовать смертной казни, на что она имеет полное право?

— Да, Ваша честь, я понимаю.

— Я не знаю традиции тех мест, откуда вы родом, мисс Куинн, но мы здесь очень серьезно относимся к обвинениям в преступлениях, наказуемых смертной казнью.

— Ваша честь, я родом с Уиндер-роад, примерно в шести милях езды отсюда. Я понимаю, насколько серьезны эти обвинения.

Лайману явно не понравилось хихиканье в зале.

— Почему у меня есть ощущение, что вы на самом деле не выступаете вторым адвокатом вместе со своим отцом? — Он сделал широкий жест рукой. — Другими словами, что вы не намерены продолжать эту работу на протяжении всего процесса.

— Полагаю, что мистера Граля вы ставили в такое же положение, Ваша честь, но, уверяю вас, я вовлечена в дело и намерена полностью поддерживать мисс

Уилсон любыми способами, которые от меня потребуются во исполнение обязанностей по ее защите.

— Хорошо. — Он улыбнулся, и у Сэм кровь застыла в жилах, потому что она попала в его ловушку. — Есть ли у вас вопросы или сомнения по поводу способности ответчицы сотрудничать с вами или понимать суть данного процесса?

— В настоящий момент я не поднимаю этот вопрос, Ваша честь.

Лайман не собирался так быстро ее отпускать.

— Давайте поможем себе, мисс Куинн. Если вы, как второй адвокат, поднимете этот вопрос в будущем...

— Я бы делала это только на основании научной проверки, Ваша честь.

— Научной проверки? — с подозрением переспросил он.

— Мисс Уилсон продемонстрировала высокую степень внушаемости, Ваша честь, и я уверена, что обвинение может это подтвердить.

Коин вскочил с места.

— Ваша честь, я не могу...

Сэм продолжила, не давая ему сказать:

— Речевой интеллектуальный запас мисс Уилсон представляется ограниченным для восемнадцати лет. Я бы хотела провести оценку ее памяти касательно визуально-невербальной коммуникации, языковой функции, нарушений воспроизведения словесной и кодированной информации, а также оценку ее эмоционального и интеллектуального развития.

Коин усмехнулся.

— И вы считаете, что округ за все это заплатит?

Сэм повернулась и посмотрела на него.

— Я слышала, что вы здесь очень серьезно относитесь к обвинениям в преступлениях, наказуемых смертной казнью.

Публика разразилась смехом.

Лайману пришлось несколько раз стукнуть молотком, прежде чем все успокоились. Сэм увидела, как уголки его губ едва заметно дернулись — он сдерживал улыбку. Судьи редко получали удовольствие от происходящего в зале суда. Этот человек сидел за судейским столом так долго, что наверняка считал, что ничего нового он здесь уже не увидит.

— Ваша честь, — Сэм осторожно зондировала почву, — могу ли я поднять еще один вопрос?

Он с подчеркнутой щедростью кивнул, показывая, что готов предоставить некоторую свободу действий.

— Почему нет?

— Спасибо, Ваша честь. Родители мисс Уилсон с нетерпением ждут возможности вернуться домой. Мы будем признательны, если сторона обвинения сможет обозначить конкретные сроки, в которые дом Уилсонов будет освобожден.

Кен Коин снова вскочил из-за стола.

— Ваша честь, на настоящий момент округ не имеет конкретных сроков окончания обысков местожительства Уилсонов. — Он, видимо, понял, что у него не получается соответствовать официальному стилю речи Сэм. Он расплылся в улыбке перед судьей. — Такие вещи очень трудно предсказать, господин судья. Нам необходимо время на тщательный обыск, проведенный в полном соответствии с инструкциями, указанными в ордере.

Сэм мысленно пнула себя за то, что не прочитала ордер заранее.

— Вот ответ на ваш вопрос, мисс Куинн, такой, какой есть, — сказал Лайман.

— Спасибо, Ваша честь.

Сэм смотрела, как он поднимает молоток.

Она еще раз обдумала его слова: «какой есть». Почувствовала момент уверенности: инстинкт подсказал ей, что сейчас самое время.

— Ваша честь?

Лайман отложил молоток.

— Мисс Куинн?

— Что касается следствия...

— Я считаю, мы рассмотрели этот вопрос.

— Я понимаю, Ваша честь, но дело в том, что существует видеозапись мисс Уилсон, сделанная вчера в то время, когда она была задержана в больнице.

— Ваша честь! — Коин снова был на ногах. — «Была задержана»?

— Содержалась под стражей, — уточнила Сэм.

— Вот давайте не будем... — Тон Коина сочился презрением. — Вы не можете...

— Ваша честь...

Лайман поднял руку, чтобы они оба замолчали. Он откинулся в кресле. В задумчивости сложил ладони домиком. В суде это не редкость: судьи могут остановить процесс, чтобы обдумать тонкости поступившего запроса. Обычно они откладывают проблему на потом: предлагают написать ходатайство или просто сообщают, что решение будет оглашено позже.

Иногда они перебрасывают проблему обратно на представителей сторон, а это значит, что надо быть готовым либо быстро изложить свои аргументы, либо рисковать получить предвзятое отношение судьи на весь оставшийся процесс.

Сэм напряглась, будто замерев в стартовой позиции на дорожке стадиона. Лайман упомянул следствие в самом начале, то есть он, скорее всего, считает, что Кен Коин склонен следовать букве, а не духу закона.

Лайман кивнул Сэм.

Она рванула вперед:

— Мисс Уилсон содержалась под стражей сотрудником полиции в штатском, который сопровождал ее от школы до больницы. Он был с ней в

машине «Скорой помощи». Он оставался с ней ночью в больничной палате. Он ехал с мисс Уилсон в полицейской машине в тюрьму сегодня утром, и в его присутствии сегодня утром ей зачитали «правило Миранды». Если я использую слова «задержана» или «под стражей», то это потому, что любой разумный человек...

— Ваша честь, — перебил Коин, — это предъявление обвинения или специальная серия «Как избежать наказания за убийство»?

Лайман сурово глянул на Сэм, но позволил ей продолжить:

— Мисс Куинн?

— В соответствии с заявленной прокурором позицией открытого следствия мы просим в максимально сжатые сроки предоставить копию снятого в больнице видео мисс Уилсон, дабы она могла принять обоснованное решение о дальнейших действиях.

— «О дальнейших действиях», — передразнил ее Коин, будто она предложила что-то нелепое. — Келли Уилсон нам сказала, что...

— Мистер Коин, — Лайман повысил голос ровно настолько, чтобы его было слышно на самых задних рядах. Слегка откашлялся в полной тишине. И произнес: — Советую вам очень тщательно обдумать ваши слова.

Коин сбавил пыл.

— Да, Ваша честь. Спасибо.

Лайман взял ручку. Начал медленно открывать ее, специально растягивая паузу, чтобы притормозить Коина. Даже Келли Уилсон знала, что на предъявлении обвинения об уликах речь не идет.

— Мистер Коин, когда вы сможете подготовить копию видео, снятого в больнице? — спросил Лайман.

— Нам нужно будет конвертировать видео, сэр, — ответил Коин. — Оно было снято на «айфон»,

принадлежащий шерифу Киту Коину.

— Ваша честь? — Сэм скрипнула зубами. Кит Коин был настоящим воплощением властного мужчины. Он легко убедил бы Келли спрыгнуть со скалы. — Разрешите уточнить — как вы понимаете, я долго отсутствовала, — Шериф Коин приходится братом прокурору Коину?

— Ты знаешь, что да, Саманта. — Коин наклонился в сторону судьи, схватившись за край стола. — Ваша честь, мне сообщили, что нам понадобится вызвать специалиста из Атланты, который сможет правильно конвертировать видео. В какое-то облако или вроде того. Я не специалист в таких вещах. Я человек из прошлого и скучаю по телефонам, которые весили двадцать фунтов и стоили два бакса в месяц за аренду в «Мамаше Белл». — Он улыбнулся судье — своему ровеснику. — Сэр, на такие вещи нужны деньги и время.

— Потратьте деньги и поторопите время, — ответил Лайман. — Мисс Куинн, что-нибудь еще?

На Сэм накатила эйфория от того, что судья склонился на ее сторону. Она решила попытать удачу.

— Ваша честь, что касается видеозаписей, мы также просим, чтобы записи с камер видеонаблюдения в школе были предоставлены в кратчайшие сроки, дабы наши эксперты успели их проанализировать.

Коин, которого эта просьба, очевидно, застала врасплох, ударил костяшками пальцев по столу.

— На это тоже понадобится время, Ваша честь. Даже мои сотрудники еще не просмотрели эти записи. Мы несем ответственность за неприкосновенность частной жизни других людей, которые были в школе во время стрельбы, так что нам надо убедиться, что мы предоставляем только те улики, на которые ответчик имеет право в соответствии с правилами следствия.

— Вы сами еще не смотрели записи с камер наблюдения? — спросил Лайман с сомнением.

Коин отвел глаза.

— Мои сотрудники еще не просмотрели их, нет, сэр.

— Их должны просмотреть все ваши сотрудники?

— Специалисты, сэр. — Коин хватался за соломинку. — Нам необходимо...

— Давайте-ка я вам помогу. — Лайман начал заметно раздражаться. — Сколько времени понадобится «вашим сотрудникам» на просмотр видеозаписей — неделя? Две недели?

— Не рискну предполагать, Ваша честь. Качество изображения...

— Жду вашего ответа на мой вопрос до конца недели. — Он поднял молоток, собираясь закончить слушание.

— Разрешите, Ваша честь, — сказала Сэм.

Движением молотка он показал ей поспешить.

— Не мог бы господин прокурор также сообщить, понадобится ли нам специалист по экспертизе аудиозаписей? На поиск специалистов с нужной квалификацией может потребоваться время.

— По моему опыту, — вмешался Лайман, — чтобы найти специалиста по судебной экспертизе, достаточно помахать стодолларовой купюрой на парковке любого университета. — Несколько журналистов засмеялись этой позаимствованной шутке, и он улыбнулся. — Мистер Коин?

Коин смотрел в стол. Рука на колене, пиджак расстегнут, галстук сполз набок.

— Ваша честь.

Сэм подождала. Коин больше ничего не сказал.

Лайман поторопил его:

— Мистер Коин, ваш ответ на вопрос об аудио?

Коин постучал по столу указательным пальцем.

— «Малыша больше нет?»

Никто не ответил.

— «Малыша больше нет?» — Коин снова постучал по столу — отбивая каждое слово. — «*Малыша* больше нет?»

Сэм понимала, что его не остановить, но не могла не сказать:

— Ваша честь.

Лайман недоуменно пожал плечами.

— Это то, что хочет знать мисс Куинн, — объяснил Коин. — Она хотела знать, что сказала Келли Уилсон там, в коридоре, после того как в трезвом уме и твердой памяти убила мужчину и ребенка.

Лайман поморщился.

— Мистер Коин. Это неуместно.

— «Малыш»...

— Мистер Коин.

— Так родители называли Люси Александер...

— Мистер Коин.

— Так ее при своих учениках называла Барбара Александер. А также Фрэнк Александер при учениках старшей школы...

— Мистер Коин, последнее предупреждение.

— ...Где мистер Александер собирался поставить незачет Келли Уилсон. — Коин повернулся к публике. — Келли хотела знать, действительно ли Малыша больше нет.

Лайман стукнул молотком.

Коин повернулся к Келли.

— Да, Малыша больше нет.

— Пристав!

Коин повернулся обратно к судье.

— Ваша честь...

— Я? — Лайман изобразил удивление. — А я думал, вы меня не заметили.

В зале не было даже нервного смеха. Слова Коина возымели эффект. Газетные заголовки предопределены на несколько дней вперед.

— Приношу свои глубочайшие извинения, Ваша честь. Я только что был на вскрытии тела Люси и...

— Хватит! — Лайман поискал глазами пристава. Тот стоял наготове. — Вы правильно сказали, мистер Коин. Это предъявление обвинения, а не сериал «Как избежать наказания за убийство».

— Да, сэр. — Коин, успокоившись, стоял спиной к залу, опершись пальцами на стол. — Прошу прощения, Ваша честь. Меня захлестнули эмоции.

— А с меня хватит ваших выступлений, — Лайман был в бешенстве.

Сэм снова решила поднажать.

— Ваша честь, правильно ли я понимаю, что записи со школьных камер наблюдения содержат аудиодорожку?

— Я думаю, уже все в зале это поняли, мисс Куинн. — Лайман подпер кулаком щеку. Какое-то время он обдумывал последствия того, что произошло только что. Размышлял он недолго. — Мисс Куинн, прокурор доставит к вам в офис и секретарю суда к завтрашнему дню, ровно к пяти часам, сообщение о сроках выполнения следующих задач...

Сэм приготовила блокнот и ручку.

— Скорейшее возвращение местожительства Уилсонов в их распоряжение. Предоставление полной, неотредактированной видеозаписи, сделанной в больнице. Предоставление абсолютно всех записей с камер видеонаблюдения, неотредактированных, с камер внутри и около средней школы, соседнего здания начальной школы и старшей школы, расположенной через дорогу.

Коин открыл рот, но передумал возражать.

— Мистер Коин, вы сумеете удивить меня точностью и скоростью. Я прав?

— Вы правы, Ваша честь.

Судья наконец ударил молотком.

— Всем встать, — провозгласила секретарь.

Лайман вышел, хлопнув дверью.

Зал облегченно выдохнул.

За Келли пришли охранники. Они медленно готовили кандалы, великодушно позволив Келли провести несколько мгновений с родителями.

Коин не протянул Сэм руку для традиционного рукопожатия. Сэм едва обратила внимание. Она продолжала тщательно записывать в свой блокнот для Расти все, что он должен получить завтра, потому что протокол заседания суда будет готов не раньше чем через неделю. Судья потребовал действительно много — больше, чем она надеялась. Сэм пришлось писать вокруг своих предыдущих заметок, которые она делала во время разговора с Келли.

И тут она остановилась.

Посмотрела на подчеркнутую цитату: «Обычно в это время меня только немного мутит».

Сэм перевернула страницу. И еще одну. Просмотрела свой конспект слов Келли Уилсон.

«...Живот у меня болел, как обычно... Обычно само проходит... Тошнило вчера в это же время... Уроков, которые я пропустила на прошлой неделе...»

— Келли. — Сэм повернулась к девушке.

Ее ноги уже заковали. Охрана собиралась надеть наручники, но Сэм подошла ближе и заключила ее в объятия. Оранжевая кофта сбилась у Келли под мышками. Ее живот уперся в Сэм.

— Спасибо, мисс Куинн, — прошептала Келли.

— Ты справишься, — сказала Сэм. — Помни, что я тебе говорила ни с кем не разговаривать.

— Да, мэм. Буду молчать.

Она протянула тонкие запястья, и охранники надели на нее наручники. Вокруг талии обернули цепь.

Сэм чуть не сказала им, что не надо слишком туго затягивать.

Люси Александер — это не тот малыш, о котором беспокоилась Келли Уилсон.

Глава двенадцатая

Сэм осторожно спустилась по грузовому пандусу с задней стороны здания суда. Смрад гниющей пищи рассеялся, а может, она просто к нему привыкла. Она посмотрела на небо. Оранжевый солнечный свет тронул далекие вершины гор. Через несколько часов стемнеет. Она не знала, где будет ночевать сегодня, но, прежде чем уехать из города, ей надо было поговорить с Расти.

Надо сказать ему, что Келли Уилсон, возможно, носит под сердцем мотив своих преступлений.

Токсикоз не всегда означает тошноту по утрам. Иногда тошнить может и днем, но главное — это случается ежедневно примерно в одно и то же время, обычно в первом триместре. Это объясняет, почему Келли пропускала уроки в школе. Это также объясняет округлость ее живота, которую Сэм почувствовала, крепко обняв девушку.

Келли Уилсон беременна, и срок уже несколько недель.

Машина Ленор, сделав широкий круг, остановилась в нескольких футах от пандуса.

— Сэмми! — С переднего сиденья выскочила Чарли. — Ты была охеренно хороша! О господи! — Она обхватила Сэм за талию. — Давай я тебе помогу.

— Подожди минутку, — сказала Сэм. Ее тело было в таком состоянии, когда стоять проще, чем сесть. — Ты могла бы предупредить меня насчет судьи.

— Я тебе говорила, что он заморочен на дисциплине, — ответила Чарли. — Но, черт возьми, ты заставила его улыбнуться! Я никогда не видела, чтобы он улыбался. А Коин-то — брызгал слюной, как сломанный душ. Этот дебил выложил все свои аргументы прямо на предъявлении обвинения.

Ленор вышла из машины.

Чарли сияла.

— Смотри-ка, моя старшая сестра только что развела Кена Коина, как ребенка, правда ведь?

Ленор произнесла, словно что-то цитируя:

— Она неохотно сказала: «Я впечатлена».

— Этот судья... — сняв очки, Сэм стала тереть глаза. — Я забыла, что...

— Что выглядишь как викторианский Дракула?

— Действие «Дракулы» и так происходит в викторианские времена. — Сэм надела очки. — Сейчас главная задача Расти — найти специалиста, чтобы оценить способности Келли. Она либо слабоумна, либо, наоборот, достаточно умна, чтобы прикидываться. Возможно, она всех нас водит за нос.

Чарли усмехнулась.

— Папу — возможно, но тебя-то не обманешь.

— Разве не ты мне сказала, что я всегда была слишком умной, чтобы догадаться, какая я глупая?

— Ты права. Нам нужен специалист. Еще нам понадобится кто-то, кто разбирается в ложных признаниях. Можно доказать, что она давала показания на камеру, надеясь на смягчение приговора.

— Возможно. — Сэм опасалась, что Кен и Кит Коины не настолько глупы, чтобы раскрывать все карты. Давать надежду на смягчение приговора или склонять задержанного к признанию вины в обмен на более мягкое обвинение — незаконно. — Я могу найти специалиста в Нью-Йорке. Надо, чтобы кто-то тщательно просмотрел записи и убедился, что они ничего не вырезали. У Расти есть детектив?

— Джимми Джек Литтл, — ответила Ленор.

Дурацкое имя Сэм не смутило.

— Джимми Джеку надо найти молодого человека по имени Адам Хамфри.

— А кто это? — спросила Ленор.

— Возможно, тот, с кем Келли делилась своими секретами.

— Она трахалась с ним или он пытался трахнуть ее?

Сэм пожала плечами, потому что не могла сказать больше, не нарушив конфиденциальность.

— Насколько я поняла, он не одноклассник Келли. Возможно, выпускник. Единственное, что я узнала, — он водит «Камаро».

— Шик, — откликнулась Чарли. — Может, он есть в альбоме? Его фото или подпись. Келли сказала, что он ее бойфренд?

— Не установлено, — сказала Сэм. Возможно, Келли Уилсон и не вполне понимает, что такое присяга о конфиденциальности, но для Сэм это не шутки. — Расти знает, что отец Люси Александер был учителем у Келли? — Он может стать вторым подозреваемым в отцовстве. Она попросила Ленор: — Не могла бы ты составить для Расти список всех учителей Келли...

— Как мы поняли, это версия обвинения, — вставила Чарли. — Келли разозлилась, что мистер Александер поставит ей нечет, поэтому она принесла в школу пистолет и убила его дочь.

Они не смогут использовать этот аргумент, если тест на беременность окажется положительным. Чарли открыла рот, чтобы сказать еще что-то.

— Тссс. — Ленор кивком показала на кого-то у них за спиной.

По пандусу спускался Бен: руки в карманах, волосы взъерошены ветром. Он улыбнулся Сэм.

— Когда вырастешь, иди в юристы.

Она улыбнулась в ответ.

— Я подумаю.

— Ты потрясающе выступила. — Бен сжал ее плечо. — Расти будет очень горд тобой.

Сэм почувствовала, как улыбка сползает с ее лица. Последнее, чего она добивалась, — это одобрение

Расти.

— Спасибо.

— Милый, — сказала Чарли, — круто моя сестра их сделала, да?

Он кивнул.

— Да, круто.

Чарли протянула руку, чтобы пригладить его волосы, но Бен успел шагнуть назад. Потом снова сделал шаг вперед, но она уже убрала руку. Между ними снова ощущалась напряженность.

Сэм сделала попытку:

— Бен, может, мы все вместе поужинаем?

— Я буду занят собиранием своего босса обратно из кусочков, на которые ты его порвала, но спасибо за предложение. — Он стрельнул глазами в Чарли и отвел их. — Слушай, Сэм. Я не знал про больничное видео. Я вчера весь день был в участке. И узнал о предъявлении обвинения за полчаса до начала. — Он пожал одним плечом точно так же, как это делала Чарли. — Я в такие грязные игры не играю.

— Я тебе верю, — сказала Сэм.

— Мне надо идти обратно. — Бен протянул руку Ленор. — Помоги им, пожалуйста, спокойно добраться до дома.

Он поднялся по пандусу, засунув руки глубоко в карманы.

Чарли откашлялась. Она смотрела на него с такой тоской, что у Сэм кольнуло сердце. Сегодня ее сестра плакала больше, чем когда была ребенком. Сэм хотелось схватить Чарли, притащить ее к Бену и заставить вымаливать прощение. Она же такая упрямая. Ни за что не извинится.

— Садитесь в машину. — Ленор села за руль. Хлопнула дверь.

Сэм вопросительно посмотрела на Чарли, но та, пожав плечами, залезла поглубже на заднее сиденье,

оставив место для сестры.

Ленор тронулась, когда Сэм еще закрывала дверь.

— Куда мы едем? — спросила Чарли.

— В офис. — Ленор выехала на основную дорогу. Пролетела на желтый свет.

— Моя машина стоит у полицейского участка, — напомнила Чарли. — Есть причина, почему мы едем в офис?

— Да, — только и сказала Ленор.

Похоже, Чарли этот ответ удовлетворил. Она развалилась на сиденье. Повернулась к окну. Сэм предположила, что она думает о Бене. На нее накатило почти непреодолимое желание схватить Чарли и трясти, пока она не одумается. Почему сестра ставит под угрозу свой брак? Бен — это единственное хорошее, что есть в ее жизни.

Ленор свернула в переулок. Сэм наконец поняла, где находится. Они приехали в неблагополучную часть города, куда не доходят туристические доллары. Все здания здесь выглядели такими же заброшенными, как и тридцать лет назад.

Ленор подняла руку и показала миниатюрный звездолет «Энтерпрайз».

— Смотрите, что мне дал Бен.

Сэм не поняла, с какой стати он подарил Ленор игрушку.

А Чарли, похоже, поняла.

— Ему не следовало этого делать.

— А он сделал, — отозвалась Ленор.

— Выброси, — сказала Чарли. — Засунь его в блендер.

— Может мне кто-нибудь... — начала Сэм.

— Это флешка, — пояснила Чарли. — И я думаю, что на ней что-то, что поможет нам с делом.

— Наверняка, — отозвалась Ленор.

— Выкинь ее, на хрен, — Чарли произнесла каждое слово по отдельности. — У него будут неприятности. Его уволят. Или что похуже.

Ленор засунула флешку себе в лифчик.

— Я отказываюсь в этом участвовать. — Чарли подняла руки. — Если Бена лишат лицензии, я вам этого никогда не прощу.

— Занеси это в свой список. — Ленор повела машину по следующей небольшой улице. Бывший склад канцтоваров подвергся некоторым изменениям. Витринные стекла защиты досками. Оставшиеся окна закрыты решеткой с толстыми прутьями. Вход с воротами тоже относительно новый. Сэм вспомнила зону диких животных в Зоопарке Сан-Диего, когда ворота со звоном открылись, запустив их в огороженное убежище за зданием.

— Ты планируешь открывать эту флешку? — спросила Чарли.

— Я планирую открывать эту флешку, — ответила Ленор.

Чарли обернулась к Сэм за поддержкой.

Сэм пожала плечами.

— Он сам дал ее нам.

— Твою мать, ненавижу вас обеих. — Чарли выскочила из машины. Открыла железную дверь, потом обычную дверь, а Сэм так и не успела ничего сказать.

— Можем открыть файл у меня в кабинете, — предложила Ленор.

Чарли скрылась за углом, громко топая и зажигая свет по пути. Сэм поколебалась, идти за Чарли или подождать, пока та немного остынет. Она опасалась ее реакции. Чарли болтало из стороны в сторону: то она перевозносит сестру за выступление в суде, то гнобит ее, когда Сэм просто делает свою работу. Внутри Чарли будто течет подземная река горя, которая рано или поздно вырывается на поверхность и смывает все.

— Сюда. — Ленор кивнула на другую сторону здания.

Сэм пошла за ней по длинному коридору, пропахшему сигаретами Расти. Она попробовала вспомнить, когда ей в последний раз приходилось быть пассивным курильщиком. Возможно, в Париже, еще до того, как там запретили курить в помещениях.

Они миновали закрытую дверь с именем Расти на табличке. Сэм и так поняла бы, что это его кабинет — по запаху. На правильный ответ наводила и никотиновая пленка, лучами расходящаяся от двери.

— Он уже много лет не курит в здании. Видимо, на одежде притаскивает, — сказала Ленор.

Сэм поморщилась. Она столько намучилась со своим искалеченным телом, что просто не могла представить, зачем кому-то может понадобиться намеренно наносить себе вред. Если два сердечных приступа ничему не научили Расти, тут уже ничего не поможет.

Ленор вынула из сумочки связку ключей. Зажав клатч под мышкой, открыла дверь. Щелкнула выключателем. Сэм сощурилась от неожиданно яркого света.

Когда зрачки наконец привыкли, ее встретило аккуратное и уютное пространство. Кабинет Ленор был выдержан в синих тонах. Голубые стены. Синий ковер. Нежно-голубой диван с декоративными подушками в оттенках синего.

— Люблю синий цвет, — пояснила Ленор.

Сэм остановилась у дивана.

— Очень симпатично.

— Ты можешь сесть.

— Думаю, мне лучше стоять.

— Как тебе удобнее, — Ленор села за свой рабочий стол.

— Моя нога...

— Не надо ничего объяснять. — Она наклонилась и вставила флешку в компьютер. Повернула монитор к Сэм. — Мне выйти?

Сэм не хотелось выглядеть еще грубее, чем до этого.

— Как считаешь нужным.

— Я останусь. — Ленор открыла папку флешки. — Один файл. Просто последовательность чисел в названии. Тебе видно?

Сэм кивнула. Файл имел расширение. mov, то есть это видео.

— Открывай.

Ленор кликнула на файл. Открылось видео.

Она развернула его на весь экран.

Изображение выглядело как фотография, но в углу бежал счетчик времени: 07:58:47. Стандартный школьный коридор. Синие шкафчики. Бежевая плитка на полу. Камера наклонена слишком низко. В поле зрения только половина коридора, примерно пятьдесят футов. На дальнем крае кадра — тонкая полоса света: возможно, от открытых дверей. На стенах плакаты. На шкафчиках граффити. Пространство совершенно пустое. Изображение зернистое. Цвета блеклые, ближе к сепии.

Ленор прибавила громкость на колонках.

— Звука нет.

— Смотри, — Сэм показала на монитор: от стены вдруг откололся кусок бетона.

— Выстрел, — сказала Ленор.

Сэм посмотрела на круглую дыру от пули. В коридор выбежал мужчина.

Он появился из-под камеры. Спина к ним. Белая рубашка. Темные брюки. Серые волосы, классическая мужская стрижка: сзади коротко, сбоку пробор.

Он резко остановился, вытянув руки вперед.

«Нет, не делай этого».

Ленор втянула воздух сквозь зубы, когда мужчина резко дернулся, потом еще раз и еще.

Брызнула кровь.

Он свалился на пол. Сэм увидела его лицо. Дуглас Пинкман.

Один выстрел в грудь. Два в голову. Вместо правого глаза — черная дыра.

Кровь ручьем потекла вокруг тела.

Сэм прикрыла рот рукой.

— О господи, — сказала Ленор.

Маленькая фигурка вышла из-за угла. Она тоже шла спиной к камере. Над ушами подпрыгивали хвостики.

Рюкзак с принцессами, ботинки с подсветкой, руки движутся туда-сюда при ходьбе. Она резко остановилась.

Мистер Пинкман. Мертвый на полу.

Люси Александер упала быстро, приземлившись на свой рюкзак.

Голова запрокинута. Ноги раскинуты в стороны. Носки ботинок смотрят в потолок.

Девочка безуспешно пыталась поднять голову. Поднесла пальцы к открытой ране на шее.

Ее губы двигались.

Юдифь Пинкман побежала в сторону камеры. Ее красная кофта на экране отображалась как бледно-ржавая. Руки она занесла за спину, по бокам, будто крылатое существо, пытающееся взлететь. Она пробежала мимо мужа и упала на колени рядом с Люси.

— Смотри, — сказала Ленор.

В кадре наконец появилась Келли Уилсон.

Далеко. Немного не в фокусе. Девушка была на самом краю изображения. Одета полностью в черное. Жирные волосы болтаются по плечам. Глаза расширены. Рот приоткрыт. В правой руке — револьвер.

«Как я говорила, пистолет был у меня в руке».

Келли села на пол. Левая часть ее тела осталась вне поля зрения камеры. Она прижалась спиной к шкафчику. Револьвер лежал рядом с ней на полу. Она смотрела прямо перед собой.

— С того момента, как пуля вошла в стену, — сказала Ленор, — прошло чуть меньше одиннадцати секунд. — Она указала на счетчик времени в углу. — Я насчитала всего пять выстрелов. Один в стену. Три в Пинкмана. Один в Люси. В реконструкции по телевизору было не так. Они сказали, в Юдифь Пинкман выстрелили дважды и оба раза не попали.

Сэм разрешила себе еще раз посмотреть на Люси. Юдифь Пинкман с открытым ртом, кричит что-то в потолок. Сэм попробовала прочесть по ее губам, что именно.

«Помогите мне».

Где-то в школе Чарли услышала ее зов.

Ленор взяла со стола коробку салфеток и протянула Сэм.

Сэм взяла несколько штук. Вытерла глаза. Высморкалась. Она смотрела, как Юдифь Пинкман подставила руку под голову Люси. Безуспешно пыталась остановить кровь, льющуюся из раны на шее. Кровь сочилась сквозь ее пальцы, будто она отжимает губку. Женщина явно рыдала и выла от отчаяния.

Чарли появилась ниоткуда, впрыгнув в кадр.

Она прибежала по коридору навстречу камере, навстречу Люси и мистеру Пинкману. На лице ее была полнейшая паника. Она едва взглянула на Дугласа Пинкмана. Упала на колени. Она сидела боком к камере, и они могли хорошо разглядеть ее лицо. Чарли сжала руку Люси Александер. Она говорила с девочкой. Качалась взад-вперед, стараясь успокоить их обеих.

Сэм только один раз до этого видела, чтобы Чарли так качалась.

— Вот Мейсон, — сказала Ленор. И шумно высморкалась.

Мейсон Гекльби тоже был спиной к камере. Он, очевидно, говорил с Келли, пытаясь выманить у нее пистолет. Девушка по-прежнему сидела на полу, но отодвинулась чуть дальше по коридору. Теперь лица ее не было видно. Виднелась только правая нога и рука с револьвером.

Рукоять пистолета лежала на полу.

Мейсон опустил на колени. Наклонился вперед. Протянул руку ладонью вверх. Осторожно приблизился к Келли. Медленно-медленно. Сэм могла только догадываться, что он говорит. «Дай мне пистолет. Просто отдай его мне. Не надо этого делать».

Мейсон знал Келли Уилсон: он был ее учителем и репетитором. Он понимал, что ее можно уговорить.

На экране он все ближе и ближе придвигался к ней, и тут Келли неожиданно подняла пистолет за пределы кадра.

У Сэм упало сердце.

Мейсон быстро отодвинулся от Келли.

— Она повернула пистолет к себе, — сказала Ленор. — Поэтому он не поднял руки, а опустил.

Сэм снова посмотрела на Чарли. Она была рядом с Люси, напротив миссис Пинкман. Женщина, очевидно, молилась, подняв голову к потолку и закрыв глаза. Чарли сидела на полу, скрестив ноги. Она держала ладони передо собой. Терла пальцы, уставившись на кровь, будто никогда не видела ничего подобного.

А может, наоборот, она думала о том, как когда-то уже видела что-то очень похожее.

Чарли медленно повернула голову. Она смотрела не в камеру. По полу пролетел дробовик и остановился в нескольких футах от нее. Чарли не двинулась. Прошла еще секунда. Появившийся полицейский схватил дробовик. Побежал дальше по коридору. Его

бронежилет болтался вокруг талии. Он упал на одно колено и упер дробовик прикладом себе в плечо.

Он прицелился в Мейсона Гекльби, а не в Келли Уилсон.

Мейсон стоял на коленях спиной к Келли, закрывая ее собой.

Похоже, Чарли всего этого не замечала. Она смотрела вниз на свои ладони, будто зачарованная видом крови. Она по-прежнему покачивалась, но с меньшей амплитудой — теперь это больше походило на вибрацию по всему телу.

— Бедная моя девочка, — прошептала Ленор.

Сэм пришлось отвести взгляд от Чарли. Мейсон все еще стоял на коленях спиной к Келли Уилсон. Дробовик был нацелен ему в грудь.

Дробовик был нацелен ему в грудь.

Сэм снова нашла глазами Чарли. Та не сдвинулась с места. Все еще качалась. Похоже, она была в сомнамбулическом состоянии. Она не заметила, как мимо пробежал еще один полицейский.

Сэм проследила за его движением по коридору. Как и предыдущий полицейский, он был спиной к камере, но в руке виднелся пистолет. Он остановился в нескольких футах от полицейского с дробовиком.

Дробовик и револьвер. Револьвер и дробовик.

Мейсон Гекльби протянул руку к Келли, держа ладонь над своим левым плечом. Он говорил с ней, скорее всего пытаясь убедить ее отдать пистолет.

Копы трясли оружием. Каждое их движение было наполнено агрессией. Не надо было видеть лица, чтобы понять, что они выкрикивают приказы.

Мейсон, напротив, оставался спокоен и собран. Он что-то медленно говорил. Двигался по-кошачьи плавно.

Сэм глянула на Чарли, а та как раз подняла голову. От ее взгляда у Сэм защемило сердце. Ей захотелось залезть в видеозапись и обнять сестру.

— Она отодвинулась, — сказала Ленор.

Она имела в виду Келли. Девушка почти исчезла из кадра. На ее присутствие указывало только черное пятно джинсов. Мейсон отодвинулся вместе с ней. Его голова, левое плечо и левая рука полностью пропали с экрана. Угол камеры прорезал диагональную линию по его телу.

Копы не двигались. Мейсон не двигался.

Из пистолета одного из копов вылетело облачко дыма. Правая рука Мейсона дернулась.

Коп его ранил.

— О господи, — сказала Сэм.

Лица Мейсона не было видно, но корпус его только слегка двинулся.

Похоже, копов это удивило не меньше, чем Сэм. Они замерли еще на несколько секунд, а потом оба медленно опустили оружие. Они говорили друг с другом. Мужчина с дробовиком отстегнул с плеча рацию. Второй обернулся в коридор, посмотрел на Чарли и повернулся назад.

Он протянул руку Мейсону.

Мейсон встал. Второй коп подошел к Келли Уилсон.

Неожиданно девушка появилась в кадре: лицом вниз, на спине колено одного из копов. Ее протащили по полу, как мешок.

Сэм искала глазами орудие убийства. В руках у Келли нет, где-либо при ней тоже нет. На полу рядом — тоже.

Не было его и в руках копа, который держал ее коленом. Мейсон Гекльби стоял рядом с пустыми руками и говорил с тем копом, у которого был дробовик. От крови рукав его рубашки почернел. Он разговаривал с таким видом, будто обсуждал незабитый гол на футбольном матче.

Сэм осмотрела пол под их ногами. Ничего.

Никаких выломанных шкафчиков.

Ни один из копов не заткнул револьвер за пояс.

Никто из них не пнул его по полу.

Никто не протянул руку, чтобы спрятать его за потолочной панелью.

Сэм перевела внимание на Чарли. У нее в руках тоже ничего не было. Она все еще сидела, скрестив ноги на полу, все еще в ступоре. Она не смотрела на мужчин. Сэм заметила, что щека у нее измазана кровью. Видимо, она трогала лицо.

Нос у нее еще не сломан. Синяков вокруг глаз нет.

Чарли, похоже, не заметила группу копов, устремившуюся по коридору. Они держали оружие наготове. Расстегнутые бронежилеты шлепали по телу.

Монитор почернел.

Сэм смотрела на пустой экран еще несколько секунд, хотя смотреть было уже не на что.

Ленор тяжело вздохнула.

Сэм задала единственный важный вопрос:

— Что с Чарли такое?

Ленор поджала губы.

— Когда-то я знала про нее абсолютно все.

— А теперь?

— За последние несколько лет многое изменилось.

У Расти были инфаркты. Может быть, на Чарли так подействовала неожиданная перспектива смерти Расти? Это очень похоже на нее — прятать свой страх или искать саморазрушительные способы отвлечься. Например, переспать с Мейсоном Гекльби. Или отстраниться от Бена.

— Тебе надо поесть, — сказала Ленор. — Приготовлю тебе сэндвич.

— Спасибо, я не голодна, — ответила Сэм. — Мне надо где-то посидеть, сделать записи для папы.

— Посиди у него в кабинете. — Ленор достала из сумки ключ. Положила на стол и подвинула его к Сэм. — Я пока сделаю расшифровку видео, чтобы мы ничего не

упустили. Также я хочу пересмотреть ту реконструкцию, которую показывали по телевизору. Не знаю, кто им сливает информацию по последовательности событий, особенно по выстрелам, но, судя по этому видео, они ошибаются.

— На суде Коин дал понять, что есть аудио, — заметила Сэм.

— Он не стал поправлять Лаймана, — уточнила Ленор. — Я думаю, был какой-то альтернативный источник. Школа с трудом платит по счетам за электричество. Этим камерам сто лет. Они бы не стали разоряться, чтобы оборудовать их функцией звукозаписи.

— Бесполезная затея, учитывая, сколько обычно в этом коридоре детей. Было бы нереально вычленить конкретный голос в этом гвалте. Может, чей-то мобильный телефон?

— Может быть. — Пожав плечами, Ленор повернулась к компьютеру. — Расти это выяснит.

Сэм посмотрела на ключ на столе Ленор. Меньше всего ей хотелось сидеть в кабинете у Расти. Расти захламлял все вокруг еще до того, как об этом стали делать телешоу. Она подумала, что в фермерском доме наверняка до сих пор стоят неоткрытыми коробки, принесенные Гаммой из секонд-хенда.

Гамма.

Чарли говорила, что на столе у Расти стоит фото Гаммы — *то самое* фото.

Сэм дошла до кабинета отца. Дверь открылась только наполовину, уперевшись в кучу хлама. Помещение было просторное, но из-за количества вещей казалось меньше. Коробки, бумаги и папки громоздились почти на всех поверхностях. Только узкая тропинка к столу указывала на то, что этим кабинетом вообще кто-то пользуется. От спертых воздуха Сэм закашлялась. Она потянулась включить свет, но

передумала. Головная боль от того, что пришлось снимать очки в суде, только-только начала стихать.

Сэм оставила трость у двери. Аккуратно прошла к столу Расти, представив себе, что прогулка по закоулкам отцовского ума была бы столь же непростой. Совершенно непонятно, как он умудряется здесь работать. Она включила настольную лампу. Отдернула шторы, закрывающие грязное зарешеченное окно. Сэм предположила, что пустая поверхность со стопкой бланков для показаний служит ему письменным столом. Компьютера здесь не было. На современность указывали только радиочасы, которые Гамма подарила ему, когда Сэм была еще ребенком.

Стол был орехового дерева, с широкой столешницей, покрытой, как Сэм вспомнила, зеленой кожей. Возможно, она сохранилась в первозданном виде под кучами мусора. Она проверила устойчивость кресла Расти. Сиденье кренилось набок, повторяя излюбленную позу хозяина. Когда Сэм представляла отца сидящим в кресле, он всегда опирался на правый локоть, держа в пальцах сигарету.

Сэм опустилась в шаткое кресло. Регулятор высоты громко скрипнул, а ведь это так легко было устранить. Достаточно обычного спрея-смазки. Подлокотники можно закрепить, намазав на винты резьбовой фиксатор. Замена прокладок на колесиках решит проблему неустойчивости. Либо этот дурак может просто зайти в интернет и заказать на «Амазоне» новое кресло.

Сэм стала искать *то самое* фото Гаммы, отодвигая бумаги и стопки показаний. Ей хотелось скинуть все это барахло на пол, но она была уверена, что у Расти в этом безумии есть свой порядок. Не то чтобы Сэм когда-либо доводила свой стол до такого состояния, но она сама убила бы любого, кто посмел бы прикоснуться к ее вещам.

Сэм осмотрела завал на широкой тумбе: там нашлась пачка новых блокнотов с желтыми отрывными листами. Она вскрыла упаковку и достала один. Взяла свои записи из сумочки. Сменила очки. Написала сверху листа имя Келли Уилсон. Добавила дату. Сделала список пунктов, по которым Расти следует продолжить работу.

1. Тест на беременность.
2. Отцовство: Адам Хамфри? Фрэнк Александер?
3. Видео из больницы; камеры видеонаблюдения (аудио?).
4. Что Келли делала в средней школе? (случайный выбор жертв).
5. Список репетиторов / учителей / расписание уроков.
6. Юдифь Пинкман —?

Сэм остановилась на этом имени.

Когда она училась в средней школе, площадка перед приемной директора принадлежала кафедре английского языка. Юдифь Пинкман преподавала английский, что могло объяснить, почему она была там, когда началась стрельба.

Сэм вспомнила запись с камеры.

Миссис Пинкман появилась в коридоре после того, как Люси ранили в шею. Сэм подумала, что между тем, как девочка упала на спину, и тем, как Юдифь Пинкман оказалась в конце коридора, прошло меньше трех секунд.

Пять выстрелов. Один в стену. Три в Дугласа Пинкмана.

Один в Люси.

Если в револьвере было шесть патронов, почему Келли не выпустила последний в Юдифь Пинкман?

— Я думаю, она была беременна. — Чарли стояла в дверях с сэндвичем на тарелке в одной руке и бутылкой колы в другой.

Сэм перевернула свои записи. Постаралась ничем не выдать своей реакции на слова Чарли.

— Что?

— Тогда, в средней школе, когда ее поливали дерьмом. Я думаю, что Келли была беременна.

Сэм на секунду почувствовала облегчение, но тут же поняла, о чем говорит сестра.

— Почему ты так думаешь?

— Поняла из «Фейсбука». Я зафрендилла одну девушку из ее школы.

— Чарли.

— У меня есть фейковый аккаунт. — Чарли поставила тарелку перед Сэм. — Эта девушка, Минди Зовада, — одна из тех сучек, что писали гадости в альбоме. Я ей немножко помогла: мол, я слышала, Келли в средней школе была шалавой. Через две секунды она уже сообщила мне, что Келли сделала аборт в тринадцать лет. Или, как Минди написала, «оборт».

Сэм подперла голову рукой. Эта информация представляет Келли Уилсон в новом свете. Если девушка прежде уже была беременна, то, конечно, сейчас она узнала все симптомы. Почему тогда она не сказала Сэм? Строит из себя дурочку, чтобы завоевать расположение? Можно ли ей вообще хоть в чем-то верить?

— Эй, — сказала Чарли. — Я рассказываю тебе страшную тайну Келли Уилсон, и все, чем ты можешь ответить, это пустой взгляд в никуда?

— Извини. — Сэм выпрямилась в кресле. — Ты смотрела видео?

Чарли не ответила, но оказалось, что она в курсе проблемы со звуком.

— Я сомневаюсь в гипотезе с мобильным телефоном. Запись, вероятно, сделана на какое-то другое устройство. Существуют инструкции на случай

стрельбы в школе. Учителя тренируют порядок действий каждый год. Все должны были быть в своих классах за закрытыми дверями. Если кто-то звонил девять-один-один, разговор в коридоре не записался бы.

— Юдифь Пинкман действовала не по инструкции, — заметила Сэм. — Она выбежала в коридор после того, как ранили Люси. — Сэм перевернула блокнот и, держа его так, чтобы не видела Чарли, записала это наблюдение. — Она побежала не к своему мужу. Она побежала сразу к Люси.

— Было понятно, что он мертв. — Чарли показала на свою щеку. Выстрел почти полностью снес челюсть Дугласа Пинкмана. В его глазнице зияла дыра от пули.

— Ты считаешь, Коин соврал, заставив нас поверить, что у него есть аудиозапись, на которой Келли спрашивает про «малыша»? — спросила Сэм.

— Он врун, и я считаю, что вруны врут всегда. — Чарли, казалось, задумалась над этим. — Коину мог сказать об этом один из копов. Тот, что стоял рядом с Келли, когда она сказала то, что она сказала. На него это заметно подействовало. Он разозлился еще сильнее, а он уже был злой как черт.

Сэм закончила записывать.

— Получается логично.

— Что насчет оружия убийства? — спросила Чарли.

— А что насчет него?

Чарли прислонилась к какой-то куче мусора в форме кресла. Она дергала за ниточку на своих джинсах — за ту же самую, что сегодня утром.

Сэм откусила сэндвич. Посмотрела в грязное окно. Этот утомительный день тянется так долго, а солнце только начало садиться.

Сэм кивнула на колу.

— Можно мне немножко?

Чарли открутила крышку. Поставила бутылку на перевернутый блокнот Сэм.

— Ты будешь говорить папе про Гека и пистолет?

— А почему тебя это интересует?

Чарли полупожала плечами в своей манере.

— Что происходит у вас с Беном?

— Не установлено.

Сэм запила арахисовое масло хорошим глотком колы. Сейчас надо бы рассказать Чарли про Антона. Объяснить, что она знает, как устроен брак, понимает, как может копиться недовольство. Нужно сказать Чарли, что все это неважно. Что если любишь кого-то, надо приложить все усилия, чтобы сохранить ваши отношения, потому что человек, которого ты обожаешь больше всех на свете, может сегодня пожаловаться на больное горло, а завтра умереть.

Но вместо этого она сказала сестре:

— Ты должна наладить отношения с Беном.

— Интересно, как часто ты вообще открывала бы рот, если бы тебе пришлось исключить слова «ты должна» из своего лексикона.

Сэм слишком устала, чтобы участвовать в этом заведомо проигранном споре. Она откусила еще кусок сэндвича. Принялась медленно его пережевывать.

— Я искала фотографию Гаммы.

— Она у него в кабинете дома.

Тогда вопросов больше нет. В фермерский дом Сэм точно не поедет.

— Смотри, что тут есть. — Чарли тремя пальцами вытащила книгу в мягкой обложке из-под коробки с папками, не уронив ни одной бумажки, будто в «Дженге».

Протянула книжку Сэм.

Сэм вслух прочла название:

— «Прогнозирование погоды численными методами».

Книга была старинной, но хорошо сохранилась. Сэм пролистала страницы. Некоторые абзацы были обведены карандашом. Текст представлял собой то, что обещало название: инструкции по составлению прогноза погоды на основе особого алгоритма, учитывающего атмосферное давление, температуру и влажность.

— Чьи это расчеты?

— Мне было тринадцать, — сказала Чарли.

— Ты не была дурой. — Сэм исправила одно из уравнений. — По крайней мере, я тебя такой не считала.

— Это книжка Гаммы.

Сэм убрала ручку.

— Она заказала ее перед смертью. А доставили ее месяц спустя. За фермой есть старая метеовышка.

— Да что ты говоришь?

Сэм чуть не утонула в ручье под этой вышкой, потому что у нее не было сил поднять голову из воды.

— Ну, в общем, — продолжила Чарли, — мы с Расти собирались починить приборы на метеовышке, чтобы устроить Гамме сюрприз. Мы думали, что наблюдение за погодой ее порадует. В НАИОА это называется «ученые-любители». По всей стране их тысячи, но теперь отчеты отправляют компьютеры. Я думаю, эта книга — свидетельство того, что она была на шаг впереди нас. Как всегда.

Сэм просмотрела таблицы и мудреные алгоритмы.

— Ты знаешь, что это нереально с точки зрения физики? В атмосфере существует тонкий динамический баланс полей массы и движения.

— Да, Саманта, это все знают. — Чарли пояснила: — Мы делали вычисления вместе с папой. Каждое утро собирали данные с погодных датчиков, потом вставляли их в алгоритм и предсказывали погоду на следующий день. Вернее, пытались. Так мы чувствовали какую-то близость с ней.

— Ей бы это понравилось.

— Она бесилась бы, что я делаю ошибки в вычислениях.

Сэм пожалала плечами, потому что так оно и было бы. Она медленно листала книгу, не обращая внимания на текст.

Она подумала о Чарли: как сестра была маленькой, как делала уроки за кухонным столом, склонив голову и высунув язык. Чарли всегда бормотала что-то, делая математику. Посвистывала, когда занималась чем-то творческим. Иногда пела вслух строчки из книг, но только если думала, что никто не слышит. Но Сэм часто слышала ее распевы низким «оперным» голосом через тонкую стенку, разделявшую их комнаты. «Достойна будь любви — придет любовь!»^[17] или «Бог мне свидетель — я никогда больше не буду голодать!»^[18]

Что случилось с той бормочущей, посвистывающей, поющей Чарли?

Смерть Гаммы и травма Сэм, конечно, немного приглушили эту веселость, но в их последнюю встречу в Нью-Йорке Сэм все еще видела в Чарли искры радости. Она шутила, поддразнивала Бена, бормотала, пела и сама наслаждалась тем шумом, который производила. Ее тогдашнее поведение Сэм могла бы сравнить с повадками Фоско, которого иногда можно было застать просто урчащим в свое удовольствие.

Так кто же эта глубоко несчастная женщина, в которую превратилась ее сестра?

Чарли опять ковыряла ниточку на штанах. Она шмыгнула носом. Потрогала его рукой.

— Черт. Опять кровь потекла. — Она продолжала шмыгать, но безуспешно. — У тебя есть салфетки?

Келли Уилсон опустошила запасы Сэм. Она оглядела кабинет Расти. Полезла в ящики стола.

Чарли опять шмыгнула.

— Да нет у папы салфеток.

Сэм нашла в нижнем ящике рулон туалетной бумаги. Она дала его Чарли со словами:

— Тебе надо разобраться со своим носом, пока не поздно. Ты разве не в больнице провела прошлую ночь?

Чарли промокнула кровь.

— И правда болит.

— Ты можешь мне сказать, кто тебя ударил?

Чарли отвлеклась от разглядывания окровавленной туалетной бумаги.

— По большому счету это неважно, но поскольку вопрос почему-то приобрел некое преувеличенное значение, я теперь правда не хочу тебе говорить.

— Понимаю. — Сэм посмотрела в ящик стола. Пустой сетчатый каркас для папок. Стопка писем, которую Расти бросил на распечатку «Правил и процедур суда штата Джорджия» трехлетней давности, с загибами в уголках листов. Сэм собиралась закрыть ящик, но вдруг увидела обратный адрес на одном из конвертов.

Написанный от руки.

Злыми четкими буквами.

ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ
И КЛАССИФИКАЦИОННАЯ ТЮРЬМА ДЖОРДЖИИ,
П/Я 3877
ДЖЕКСОН, ДЖОРДЖИЯ 30233

Сэм замерла.

Диагностическая и классификационная тюрьма Джорджии.

В которой сидят заключенные в ожидании смертной казни.

— Что случилось? — спросила Чарли. — Ты дохлую крысу нашла?

Сэм не видела имени над адресом. Данные заключенного были закрыты другим конвертом, за

исключением половины первой буквы.

Сэм разглядела линию: может, это П, может, И или краешек К.

Остальные буквы были не видны из-за какого-то мусорного буклета с рекламой рождественских венков.

— Только не говори, что там порнография. — Чарли обошла стол.

Посмотрела в ящик.

Сэм тоже продолжала смотреть.

— Это папина частная собственность, — сказала Чарли. — Мы не имеем права ее разглядывать.

Сэм ткнула ручкой в глубину ящика. Сдвинула яркий лист рекламной брошюры.

КУЛПЕППЕР ЗАХАРИЯ. З/К № 4252619

— Возможно, он шлет ему угрозы, — предположила Чарли. — Ты видела сегодня Кулпепперов. Каждый раз, как дело идет к тому, что Захария должен наконец узнать дату казни...

Сэм взяла письмо. Оно ничего не весило, но она почувствовала тяжесть. Конверт был уже разорван.

— Сэм, это личное, — снова сказала Чарли.

Сэм вытащила из конверта блокнотный лист: больше там ничего не было. Он был сложен вдвое. Сзади пусто. Захария Кулпеппер потратил время и оборвал неровный край, с которого лист был оторван от металлической спирали.

Теми же самыми пальцами он разорвал в клочья веки Сэм.

— Сэм. — Чарли смотрела в ящик. Там были десятки писем от убийцы. — У нас нет права это читать.

— Что значит «права»? — Это слово застряло у нее в горле. — У меня есть «*право*» знать, что пишет моему отцу человек, убивший мою мать.

Чарли выхватила у нее письмо.

Бросила обратно в ящик и ногой задвинула его.

— Прекрасно. — Сэм бросила пустой конверт на стол. Потянула ящик. Он не поддался. Чарли выбила его из направляющих. — Открой.

— Нет, — ответила Чарли. — Мы не должны читать, что бы он там ни писал.

— «Мы», — повторила Сэм, потому что не она была той идиоткой, которая затеяла перепалку с Дэнни Кулпеппером. — С каких это пор есть какое-то «мы», когда речь заходит о Кулпепперах?

— Какого хрена ты хочешь сказать?

— Никакого. Тут нечего обсуждать.

Сэм наклонилась и снова потянула ящик. Он не двинулся. В ее пальцах оказалось силы не больше, чем в перышке.

— Так и знала, что ты все еще на меня злишься, — сказала Чарли.

— Я не «все еще» на тебя злюсь, я только что начала на тебя злиться, потому что ты ведешь себя как трехлетний ребенок.

— Ну конечно, — согласилась Чарли. — Как скажешь, Сэмми. Я трехлетний ребенок. Хорошо.

— Да что с тобой такое? — Сэм почувствовала, как ее гнев подпитывается от гнева Чарли. — Я хочу прочесть письма от человека, который убил нашу мать.

— Ты прекрасно знаешь, что там написано, — сказала Чарли. — Ты и дня не провела в городе, а выблядок этого выблядка уже тебе все рассказал: мы соврали. Он не виновен. Мы отправили его на казнь за выплаты по каким-то сраным счетам, которые папа все равно так и не получил.

Сэм понимала, что она права, но это не заставило ее передумать.

— Чарли, я устала. Открой, пожалуйста, чертов ящик.

— Не открою, пока ты мне не скажешь, почему ты сегодня не уехала. Зачем ты ходила на предъявление обвинения. Зачем ты все еще здесь.

Сэм вдруг почувствовала, будто на плечи ей давит неподъемный груз. Она оперлась на стол.

— Ладно, хочешь знать, зачем я сегодня здесь застряла? Потому что я просто не могу поверить, как ты могла так похерить свою жизнь.

Чарли фыркнула так сильно, что из носа у нее закапала кровь. Она вытерла ее пальцами.

— Потому что твоя-то жизнь такая охеренная?

— Ты не представляешь, что...

— Ты удрала от нас за тысячу миль. Ты никогда не перезваниваешь папе, не отвечаешь на письма Бена и не звонишь никому из нас, раз уж на то пошло. Ты, по всей видимости, постоянно летаешь в Атланту, а оттуда до нас всего два часа, и ты никогда...

— Это ты мне сказала не общаться с тобой. «Ни ты, ни я не сможем построить свою жизнь, если всегда будем оглядываться назад». Это твои слова.

Чарли покачала головой, отчего Сэм только сильнее завелась.

— Шарлотта, ты весь день провоцируешь эту ссору. Хватит качать головой, будто я какая-то умалишенная.

— Ты не умалишенная, ты просто последняя сука. — Чарли скрестила руки. — Я сказала, что мы не должны оглядываться назад. Я не сказала, что мы не должны смотреть вперед или пытаться вместе двигаться вперед, как и положено нормальным сестрам.

— Прости, если я не прочитала это между строк твоего плохо сформулированного обличительного письма по поводу состояния наших неудавшихся отношений.

— Ну, тебя ранили в голову, поэтому, видимо, у тебя дырка как раз в том месте, где раньше была обработка обличительных писем.

Сэм сжала руки. Она не собирается взрываться.

— У меня есть это письмо. Выслать тебе копию?

— Да, пожалуйста, сходи в копировальный центр, скопируй его для меня с двух сторон, а потом засунь в свою тощую нью-йоркскую задницу.

— Зачем копировать с двух сторон письмо из одной страницы?

— О господи! — Чарли ударила кулаком по столу. — Ты и дня не пробыла здесь, Сэм. Почему тебя вдруг так беспокоит моя жалкая, несчастная, ничтожная жизнь?

— Я эти эпитеты не употребляла.

— Ты просто докапываешься до меня. — Чарли ткнула пальцем в плечо Сэм. — Тычешь и тычешь в меня, будто иглой.

— Неужели? — Сэм проигнорировала вспышки боли от каждого тычка Чарли. — Это я до тебя докапываюсь?

— Спрашиваешь меня про Бена. — Она ткнула ее сильнее. — Спрашиваешь меня про Расти. — Ткнула еще раз. — Спрашиваешь меня про Гека. — И еще раз. — Спрашиваешь меня про...

— Хватит! — заорала Сэм, ударив Чарли по руке. — Почему ты, мать твою, такая враждебная?

— Почему ты, мать твою, такая назойливая?

— Потому что ты должна была быть счастлива! — Сэм кричала, сама шокированная вырывающейся наружу правдой. — Мое тело не слушается! Мой мозг... — Она вскинула руки вверх. — Исчез! Все, что я должна была делать, исчезло. Я не вижу. Не могу бегать. Не могу двигаться. Не могу обрабатывать информацию. У меня нет чувства легкости. Нет чувства комфорта — никогда. И каждый день, каждый гребаный день я говорю себе, Шарлотта, что все это неважно, потому что ты смогла убежать.

— И я убежала!

— Ради чего? — кипела Сэм. — Ради того, чтобы препираться с Кулпепперами? Чтобы превратиться в

Расти? Чтобы тебя били по лицу? Чтобы разрушить свой брак? — Сэм смахнула на пол стопку журналов. Задыхнулась от разрезавшей руку боли. У нее свело бицепс. По плечу прошла судорога. Она наклонилась к столу, не дыша.

Чарли шагнула вперед.

— Не надо. — Сэм не хотела, чтобы она ей помогала. — Ты должна была иметь детей. Ты должна была иметь любящих друзей и жить в красивом доме со своим чудесным мужем, а не похерить все это с каким-то никчемным придурком типа Мейсона Гекльби.

— Это...

— Это несправедливо? Это неправда? Это не то, что произошло с Беном? Это не то, что произошло в колледже? Это не то, что происходило каждый раз, когда тебе хотелось убежать, потому что *ты* вечно винишь себя, Чарли, а не я. Я не виню тебя за то, что ты убежала. Гамма хотела, чтобы ты убежала. Я *умоляла* тебя бежать. А в чем я тебя виню, так это в том, что ты прячешься — от своей жизни, от меня, от собственного счастья. Ты считаешь, я закрытая? Я холодная? Да тебя *сжирает* ненависть к себе. От тебя прямо несет ненавистью к себе. И ты считаешь, что единственный способ разобраться со своей жизнью — разложить всех и все по отдельным коробочкам.

Чарли ничего не сказала.

— Я далеко, в Нью-Йорке. Расти в своей вечной борьбе с ветряными мельницами. Бен здесь. Мейсон там. Ленор, черт возьми, где там она у тебя. Так нельзя жить, Чарли. Ты не создана для такой жизни. Ты такая умная и трудолюбивая, и ты всегда была настолько неутомимо радостная, что это даже раздражало. — Сэм помяла плечо. Мышцы горели. — Что случилось с той Чарли? Ты же убежала. Ты *спаслась*.

Чарли смотрела в пол. Сжала зубы. Тяжело дышала.

Сэм тоже. Она чувствовала, как быстро поднимается и опускается грудная клетка. Ее пальцы дрожали, как застрявшая секундная стрелка на часах. Ей казалось, что мир летит в бездну. Зачем Чарли ее провоцирует? Чего она добивается?

Ленор постучала в открытую дверь.

— У вас все в порядке?

Чарли покрутила головой. Из ее носа капала кровь.

— Мне вызвать полицию? — пошутила Ленор.

— Вызови такси. — Чарли схватила ручку ящика.

Приподняв и дернув, открыла его. Деревянная панель разлетелась. Письма Захарии Кулпеппера рассыпались по полу. Она сказала: — Поезжай домой, Саманта. Ты была права. В этом городе ты становишься слишком злобной.

Глава тринадцатая

Сэм сидела напротив Ленор на диванчике дайнера^[19], где они оказались единственными посетителями. Она медленно окунала свой чайный пакетик в чашку горячей воды, принесенную официанткой. Она чувствовала на себе взгляд Ленор, но не знала, что сказать.

— Я могу отвезти тебя в больницу, так будет быстрее, — предложила Ленор.

Сэм покачала головой. Она лучше подождет такси.

— Не хочу тебя задерживать.

Ленор держала чашку кофе двумя руками. Ногти аккуратно подстрижены и покрыты прозрачным лаком. Единственное кольцо — на указательном пальце правой руки. Она перехватила взгляд Сэм и пояснила:

— Это подарок твоей мамы.

Сэм подумала, что мама вполне могла бы носить такое кольцо: необычное, не то чтобы красивое, но по-своему яркое.

— Расскажи мне о ней, — попросила Сэм.

Ленор подняла руку, разглядывая кольцо.

— Лана, моя сестра, работала с ней в «Фермилабе». Они были не в одном отделе и даже не на одном этаже, но незамужним девчонкам тогда не позволялось жить поодиночке, и университет поселил их вместе. И только на этих условиях моя мать разрешила Лане там работать: чтобы к ней не приставали вечно озабоченные ученые.

Сэм ждала продолжения.

— Лана пригласила Гарриет погостить у нас на рождественских каникулах, и сначала она не привлекла моего внимания, а потом как-то ночью мне не спалось и захотелось выйти на задний двор, а там стояла она. —

Ленор подняла брови. — Она разглядывала звезды. Физика была ее призванием, а астрономия — ее настоящей страстью.

Сэм стало грустно оттого, что она раньше не знала этого о своей матери.

— Мы проговорили с ней всю ночь. Мне до этого настолько интересные люди почти и не встречались. Мы вроде как стали парой, но между нами не было... — Тряхнув плечами, она не стала вдаваться в подробности. — Мы провели вместе чуть больше года, хотя это были отношения на расстоянии. Расти тогда был моим однокурсником на юридическом факультете. Почему у нас не сложилось — это отдельная история. Но однажды летом я позвал твоего отца за компанию к нам в Чикаго, и у Гарриет от него снесло крышу. — Она пожала плечами. — Мне пришлось откланяться. Мы всегда были скорее друзьями, чем любовниками.

— Но она вечно на тебя злилась, — заметила Сэм. — Это было понятно по ее тону.

— Из-за меня ее муж задерживался, выпивал и курил, вместо того чтобы проводить время с семьей. — Ленор снова пожала плечами. — Ей всегда хотелось жить обычной жизнью.

Сэм не могла представить, чтобы мама хотела чего-то подобного.

— Она была какая угодно, только не обычная.

— Люди всегда хотят того, что им не дано, — сказала Ленор. — Гарри никогда не была такой, как все, даже в «Фермилабе». Она была слишком своеобразная. У нее отсутствовали светские манеры. Думаю, сегодня ей диагностировали бы расстройство аутистического спектра, но в те времена она просто считалась слишком умной, слишком начитанной и слишком странной. В особенности для женщины.

— А что она считала нормальной жизнью?

— Брак. Положение в обществе. Вы, девочки. Как же она была счастлива, когда у нее появились вы. Наблюдала, как развивается ваш мозг. Изучала ваши реакции на новые раздражители. Она все записывала, много страниц заполнила.

— Звучит так, будто я научно-исследовательский проект.

— Твоя мать любила проекты, — ответила Ленор. — Но Чарли, правда, была совсем другой. Само творчество. Сама спонтанность. Гарриет обожала ее, она вас обеих обожала, но Чарли для нее была чем-то неведомым.

— Это у нас с ней общее. — Сэм глотнула чая. Похоже, молоко прокисло.

Она поставила чашку на стол.

— Почему я тебе не нравлюсь?

— Ты делаешь Чарли больно.

— Чарли вполне способна и сама сделать себе больно.

Ленор залезла в сумочку и нашла флешку, которую ей дал Бен.

— Я хочу, чтобы она была у тебя.

Сэм отпрянула, словно эта штучка была источником физической опасности.

— Выброси ее где-нибудь в Атланте. — Ленор положила звездолет на стол и подвинула его к Сэм. — Ради Бена. Ты знаешь, чем это может ему грозить.

Не зная, что делать, Сэм бросила флешку в свою сумочку. На борт самолета в Нью-Йорк ее брать нельзя. Придется найти кого-то из офиса в Атланте, кто сможет ее уничтожить.

— Знаешь, ты можешь поговорить со мной об этом деле, — сказала Ленор. — Коин никогда не попросит меня дать показания. Один мой вид способен вывести из себя все жюри присяжных.

Сэм понимала и то, что она права, и то, что это глубоко неправильно.

— Я все думаю про пули, — продолжила Ленор. — Этот непонятный выстрел в стену. Келли смогла попасть в Пинкмана три раза: один раз в грудь, два раза в голову. Либо ей невероятно повезло, либо она очень хорошо стреляет.

— Люси. — Сэм показала на боковую часть своей шеи. — Не самый точный выстрел.

— Нет, но послушай. В Пайквилле такая женщина, как я, не выживет, если не умеет обращаться с оружием. Но я и на полигоне не смогла бы так круто выбить мишень, и это в спокойном состоянии, не в ситуации выбора между жизнью и смертью. Представь себе восемнадцатилетнюю девушку, которая стоит в коридоре и ждет, когда прозвенит звонок. Адреналин у нее должен был зашкаливать. Либо она самый хладнокровный убийца в истории этого города, либо мы здесь что-то упускаем.

— Что это может быть?

— Понятия не имею.

Сэм задумалась о беременности Келли. Адам Хамфри. Школьный альбом. Отдельные кусочки пазла, который, вероятно, им никогда не сложить.

— Я никогда раньше не нарушала конфиденциальность, — сказала она Ленор.

Та пожала плечами, будто это не имеет никакого значения. Сэм чувствовала себя виноватой за одну мысль о нарушении, тем более что она ничего не рассказала даже сестре. Но все же решила признаться:

— Возможно, Келли беременна.

Ленор молча пила свой кофе.

— В беседе со мной она упомянула некоего Адама Хамфри. Я думаю, он может быть отцом ребенка. Либо Фрэнк Александер. Очевидно, это вторая беременность Келли, — добавила Сэм. — В средней школе она уже

была беременна и, по слухам, сделала аборт. Чарли знает про тот случай. Но не знает, что Келли может быть беременна сейчас.

Ленор поставила чашку.

— Коин скажет, что отец — Фрэнк Александер, а Келли убила Люси, чтобы насолить ему либо из ревности.

— Есть простой анализ на отцовство.

— Расти может заставить их подождать до рождения ребенка. Лишняя нагрузка. Такие анализы небезопасны. Ты думаешь, Адам Хамфри или Фрэнк Александер уговорили Келли принести пистолет в школу по какой-то неведомой причине? Или она сделала это самостоятельно?

— Единственное, в чем я уверена, так это в том, что Келли Уилсон — последний человек, которому мы должны верить, если хотим узнать правду. — Сэм сжала пальцами виски, пытаюсь унять напряжение. — Я видела разные видеозаписи ложных признаний вины: на юридическом факультете, по телевизору, в документальном кино. Трое из Уэст-Мемфиса, Брендан Дасси, Чак Эриксон. Все мы видели их или читали о них, но, когда сидишь напротив человека, который настолько внушаем, настолько хочет тебе угодить, что буквально пойдет за тобой куда угодно, по любому пути, в это очень трудно поверить.

Сэм вспомнила свой разговор с Келли, пытаюсь проанализировать его и понять, что именно произошло в тот момент.

— Я думаю, тут играет роль предвзятость нашего восприятия. Ты говоришь себе, что человек не может быть настолько недалеким, что, наверное, тебя пытаются одурачить, но на самом деле у него нет для этого ментальных способностей. Он слишком низкофункционален, чтобы проявить такую изворотливость, и если бы он был настолько

высокофункционален, чтобы обвести тебя вокруг пальца, он бы не сделал глупость и не подставился с самого начала. — Сэм вдруг поняла, что тараторит, как Чарли. Она попыталась выразиться более лаконично: — Я уговорила Келли Уилсон признаться, что она видела, как Чарли дала пощечину Юдифи Пинкман.

— О боже. — Ленор схватилась за сердце. И, наверное, вознесла благодарственную молитву за то, что существует видео, опровергающее этот факт.

— Я очень легко заставила ее сказать это, — призналась Сэм. — Я понимала, что она устала, что ее тошнит, что она смущена, испугана и одинока. И меньше чем за пять минут я заговорила ее так, что она не только повторила мои слова, но подтвердила их и даже добавила свои подробности, например то, что пощечина была такой громкой, что она услышала ее с другого конца коридора: и все это лишь в подтверждение той лжи, которую я ей скормила. — Сэм покачала головой, настолько невероятно это звучало. — Я всегда знала, что живу не в том же мире, что большинство людей, но Келли — она в самом основании этой пирамиды. Я это говорю не потому, что я жестокая или высокомерная. Это просто факт. Такие девочки не просто так теряются в жизни.

— Хочешь сказать, сбиваются с пути? — предположила Ленор.

Сэм снова покачала головой, не желая сейчас склоняться к какой-то одной версии.

— Я уже отправила Джимми Джека на поиски Адама Хамфри. Возможно, он уже нашел его.

— Нельзя полностью исключать и вариант, что здесь замешан отец Люси Александер, — напомнила ей Сэм. — Мы не можем не рассматривать эту версию просто потому, что нам не хочется, чтобы Кен Коин оказался прав.

— Если кто-то и может докопаться до первопричины, то это Джимми Джек.

Сэм стало интересно, раскинет ли он свою сеть так широко, что в нее попадется и Мейсон Гекльби, но решила не упоминать любовника своей сестры при Ленор. Вместо этого она сказала:

— Если мы выясним мотивы Келли, двое убитых все равно не воскреснут.

— Да, но есть шанс обойтись без третьего убийства — смертной казни.

Сэм поджала губы. Она не видела в Келли исключительно жертву. Низкофункциональна она или нет, но она принесла пистолет в школу и нажала на спусковой крючок достаточно раз, чтобы жестоко убить двух невинных людей. Сэм была рада, что не ей решать судьбу девушки. Присяжные не просто так должны быть непредвзяты. Но, опять же, шансы на то, что в радиусе ста миль от Пайквилля найдется хоть один непредвзятый присяжный, стремятся к нулю.

— Твое такси скоро подъедет. — Ленор подняла руку, оглянувшись в поисках официантки.

Сэм обернулась. Та сидела за стойкой.

— Простите?

Официантка неохотно отлепилась от стойки и подошла к их столику. Вздыхнув, спросила Сэм:

— Что?

Сэм посмотрела на Ленор — та покачала головой.

— Я готова расплатиться.

Официантка шлепнула чек на стол. Взяла чашку Ленор двумя пальцами, будто она заразная.

Сэм подождала, пока эта ужасная женщина удалится. Она спросила Ленор:

— Зачем ты здесь живешь? В этом отсталом месте?

— Это мой дом. И здесь есть хорошие люди, которые верят в принцип «Живи сам и давай жить другим». Кроме того, — добавила Ленор, — на прошедших

президентских выборах Нью-Йорк утратил свои высокие моральные принципы.

Сэм горько усмехнулась.

— Мне надо посмотреть, как там Чарли.

Ленор вынула из кошелька долларовую купюру, но Сэм жестом остановила ее.

— Спасибо, — сказала она.

Хотя она могла только догадываться о том, сколько Ленор сделала для ее семьи. Сэм всегда была так поглощена муками собственного восстановления, что почти не замечала, каково пришлось Расти и Чарли. Ленор, очевидно, заполнила часть той пустоты, что оставила после себя Гамма.

Сэм услышала, как звякнул колокольчик над дверью, когда Ленор вышла из кафе. Официантка сказала о ней какую-то гадость, обращаясь к повару. Сэм хотела поправить ее, вернее, разрезать ее пополам каким-нибудь едким комментарием, но у нее совсем не осталось сил на сражения.

Она пошла в туалет. Споласкивая лицо над раковиной, она мечтала о душе в «Фор Сизонс» в Атланте. Она выехала из Нью-Йорка шестнадцать часов назад. И еще почти в два раза дольше она не спала. Голова ныла, будто гнилой зуб. Тело отказывалось слушаться. Она посмотрела на изможденное лицо в зеркале и увидела свою разочарованную мать.

Сэм отказывается помогать Чарли.

Но что тут можно сделать? Чарли не желала с ней разговаривать, не открыла дверь своего кабинета, в которую Сэм стучала несколько раз. На этот раз все произошло не так, как в прошлый, когда Чарли сбежала посреди ночи, опасаясь за свою безопасность. На этот раз Сэм умоляла и извинялась — сама не зная, за что, — но Чарли только сурово молчала. Наконец Сэм с горечью смирилась с фактом, который отказывалась признавать с самого начала.

Она не нужна Чарли.

Сэм вытерла глаза туалетной бумагой. Она сама не знала, отчего плачет: то ли от бесполезности своей поездки, то ли от усталости. Двадцать лет назад размолвка с сестрой выглядела обоюдным решением. Сэм наорала на Чарли. Чарли ответила тем же. Они поругались, вплоть до драки, и в конце концов обе решили, что разойтись будет лучшим решением.

Но сегодняшнюю ссору Сэм ощутила как кражу. Она ухватила за что-то хорошее, что-то настоящее, а Чарли отобрала это у нее.

Может быть, это из-за Захарии Кулпеппера?

Его письма лежали у Сэм в сумочке. По крайней мере несколько штук, потому что в кабинете Расти их осталось еще очень, очень много. Стоя у его стола, Сэм открывала конверт за конвертом. В каждом из них лежало по одному сложенному листу бумаги с тремя одинаковыми словами, написанными карандашом с ожесточенным нажимом:

«ТЫ МНЕ ДОЛЖЕН».

Одна и та же строчка, повторенная в сотнях писем, ежемесячно доставляется в офис Расти.

У Сэм пикинул телефон.

Она судорожно стала искать его в сумочке. Но это не Чарли. И не Бен. Это такси. Водитель подъехал.

Сэм вытерла глаза. Пробежала пальцами по волосам. Вернулась к столику с диванами. Оставила долларовую купюру. Выкатила свой чемодан к ожидающему снаружи такси. Водитель выскочил, чтобы помочь положить его в багажник. Сэм села на заднее сиденье. Проехала через центр Пайквилля, глядя в окно.

Станислав встретит ее у больницы. Сэм не хотелось видаться с отцом, но она считала своим долгом — перед Расти, перед Келли Уилсон — поделиться с ним информацией, догадками и подозрениями.

Ленор права насчет пуль. Келли продемонстрировала выдающуюся точность стрельбы. Она умудрилась попасть в Дугласа Пинкмана и Люси Александер со значительного расстояния.

Так почему Келли не смогла попасть в Юдифь Пинкман, когда та вышла из своего класса?

Расти предстоит разгадать эти загадки.

Сэм опустила стекло. Посмотрела на усыпанное звездами небо. В Нью-Йорке такое сильное световое загрязнение, что она и забыла, как должна выглядеть ночь. Голубоватое сияние луны словно проникало через щелочку. Сэм сняла очки. Лицо обдало свежим воздухом. Она закрыла глаза. Представила, как Гамма смотрела на звезды. Неужели эта великолепная умнейшая женщина действительно мечтала об обычной жизни?

Домохозяйка. Мать. Заботливый муж. Ее обет заботиться о нем.

Сэм запомнила Гамму как женщину в вечном поиске. Поиске информации. Решений. В один из многих ничем не выдающихся дней Сэм пришла из школы и застала Гамму за работой над проектом. Чарли гостила у подружки. Они тогда еще жили в доме из красного кирпича. Сэм открыла заднюю дверь. Бросила рюкзак на пол кухни. Скинула обувь. Гамма обернулась. В руке она держала маркер. Она писала что-то на большом окне, выходившем на задний двор. Это были уравнения, но их значения Сэм не понимала.

— Я пытаюсь вычислить, почему у меня пирог осел, — пояснила Гамма. — Вот так устроена жизнь, Сэм. Если ты не поднимаешься, ты опускаешься.

Такси подпрыгнуло на кочке, и Сэм очнулась.

Она на секунду запаниковала, забыв, где находится.

Сэм надела очки. Прошло почти полчаса. Они уже приехали в Бридж Гэп. Над кафешками повыврастали четырех- и пятиэтажные офисные центры. Рекламные

щиты зазывали на концерты в парках и семейные пикники. Они проехали кинотеатр, в который Мери-Линн Гекльби отправилась с друзьями и где была изнасилована в туалете.

В этом округе очень жестокие мужчины.

Сэм положила руку на свою сумочку. Ей показалось, что от писем идет жар.

«ТЫ МНЕ ДОЛЖЕН».

Так ли важно Сэм, почему Захария Кулпеппер считает, что ему кто-то что-то должен? Почти тридцать лет назад Расти в суде просил сохранить Захарии жизнь. Скорее наоборот, это Захария должен Расти. И Сэм. И Чарли. И Бену, если на то пошло.

Сэм разблокировала экран своего телефона.

Создала новое письмо и ввела адрес Бена. Задумалась, что написать в теме письма. Имя Чарли? Просьбу дать совет? Извинение за то, что не смогла починить сломанное?

То, что Чарли надломлена, было единственным фактом, который казался Сэм очевидным. Сестра хотела, чтобы Сэм зачем-то вернулась в Пайквилль. Чтобы Сэм заставила ее что-то признать, чем-то поделиться, сказать правду о чем-то, что ее грызет. Только так можно объяснить непрекращающиеся провокации Чарли, ее нападки и тычки.

Сэм хорошо знала эту тактику. Она сама была неуравновешенна после травмы, в бешенстве от своего слабого тела, в ярости от того, что мозг не работает так, как раньше, так что доставалось всем окружающим. Стероиды, антидепрессанты и противосудорожные, прописанные врачами, только разжигали ее эмоции. Сэм почти постоянно была в гневе, и единственное, что помогало его немного унять, — это направлять его вовне.

Отчаяннее всего она лупила по двум мишеням — по Чарли и Расти.

Те полгода после реабилитации, что Сэм прожила в фермерском доме, стали адом для всех. Сэм была вечно недовольна. Беспреданно жаловалась. Мучила Чарли, заставляя ее чувствовать, что она все делает не так. Когда кто-либо советовал ей пойти к психологу, Сэм орала как резаная, утверждая, что у нее все хорошо, что она выздоравливает, что она, мать вашу, совсем не злится — а просто устала, все надоело, ей просто нужно личное пространство, побыть одной, отрешиться и снова стать самой собой.

Наконец Расти разрешил ей сдать экзамены экстерном и отправить документы в Стэнфорд. И только уехав в университет за две тысячи пятьсот миль от дома, Сэм наконец поняла, что ее гнев не привязан к фермерскому дому.

Некоторые вещи можно увидеть только на расстоянии.

Сэм злилась на Расти за то, что из-за него в их жизни появились Кулпепперы. Сэм злилась на Чарли за то, что она открыла дверь. Сэм злилась на Гамму за то, что она схватила дробовик. Сэм злилась на себя за то, что не послушала свой внутренний голос, стоя в ванной и схватив молоток, и пошла на кухню, вместо того чтобы выбежать в заднюю дверь.

Она злилась. Злилась. Она, черт возьми, очень-очень злилась.

Но только в возрасте тридцати одного года Сэм наконец позволила себе произнести эти слова вслух. Ссора с Чарли вскрыла этот нарыв, а Антон, действуя осторожно и обдуманно, стал единственной причиной, по которой рана наконец начала излечиваться.

Сэм была у него дома в новогоднюю ночь. Они смотрели по телевизору, как спускается шар времени на Таймс-сквер. Пили шампанское, или, точнее, Сэм притворялась, что пьет.

— Если ты не сделаешь глоток, это к неприятностям, — сказал Антон.

Сэм рассмеялась, потому что к тому моменту неприятности неотлучно сопровождали ее уже полжизни. И тут она сообщила ему то, в чем никогда никому не признавалась:

— Я все время боюсь, что если я что-то выпью, или приму, или сделаю одно неверное движение, то у меня случится судорога или приступ, который разрушит остатки моего мозга.

Антон не стал ничего советовать или говорить банальности о том, какая сложная штука — жизнь. Вместо этого он заметил:

— Тебе наверняка говорили, что то, что ты выжила, — это настоящая удача. А я думаю, что настоящей удачей было бы, если бы в тебя вообще никто не стрелял.

Сэм проплакала почти целый час.

Ей регулярно и настойчиво говорили, как ей повезло выжить после ранения. Никто и никогда не признавал за ней права злиться на то, что ей вообще пришлось выживать.

— Мэм? — Таксист включил сигнал поворота. Показал рукой на белый знак впереди.

Больница округа Дикерсон. Расти, наверное, сейчас в своей палате смотрит новости, возможно, надеясь увидеть собственную персону. Он уже наверняка знает о выступлении Сэм в суде. Она почувствовала, как вернулись бабочки, но тут же отругала себя за то, что ее волнует реакция Расти.

Сэм приехала сюда только для того, чтобы передать ему свои заметки. Она попрощается с отцом — возможно, в последний раз сделав это лично — и поедет обратно в Атланту, а там проснется завтра утром, вернувшись в свою реальную жизнь, как Элли в Канзас.

Таксист остановился под бетонным козырьком. Вытащил чемодан Сэм из багажника. Выдвинул ручку. Сэм покатила чемодан ко входу и вдруг почувствовала сигаретный дым.

— «О! Я игрушка рока!»^[20] — прорычал Расти.

Он сидел в инвалидном кресле, опершись правым локтем на подлокотник и держа в руке сигарету. К спинке кресла была прикреплена стойка с двумя капельницами. Сбоку на манер поясной сумки свисал мочеприемник. Расти нашел место прямо под знаком, запрещающим курить в радиусе ста футов от входа. До дверей не было и двадцати футов.

— Это тебя убьет, — сказала Сэм.

Расти улыбнулся.

— Какой благоуханный вечер! Я говорю с одной из моих прекрасных дочерей. У меня есть целая пачка сигарет. Все, что мне нужно, — это стакан бурбона, и я умру счастливым.

Сэм отмахнулась от дыма.

— С этим запахом вечер уже не такой благоуханный.

Он засмеялся, а потом закашлялся.

Сэм подвезла свой чемодан к бетонной лавке рядом с его креслом. Журналисты уехали — возможно, на следующую массовую стрельбу. Она села на дальний конец лавки, чтобы на нее не сносило сигаретный дым.

— Я слышал, на предъявлении обвинения не обошлось без сенсаций?

Сэм пожала одним плечом. Переняла эту дурацкую привычку у Чарли.

— «Малыша больше нет?» — театрально провозгласил он дрожащим голосом. — «Малыша больше нет?»

— Пап, убит ребенок.

— Я понимаю, дорогая. Поверь мне, я все понимаю. — Он сделал последнюю затяжку и потушил

сигарету о подошву тапочки. Бросил окурок в карман халата. — Судебный процесс — это всего лишь соревнование на самую лучшую рассказанную историю. Кто больше впечатлит присяжных, тот и выигрывает суд. И Кен прямо с места в карьер рассказал чертовски хорошую историю.

Сэм подавила в себе порыв тут же стать для отца чирлидершей — начать убеждать его, что он сможет выступить с еще лучшей историей и спасти ситуацию.

— Что ты о ней думаешь? — спросил Расти.

— Келли? — Сэм задумалась над ответом. — Не уверена. Она может быть умнее, чем мы думаем. Она может быть более низкофункциональна, чем кто-либо из нас готов поверить. Ее можно завести куда угодно, пап. Куда угодно.

— Сумасшедшие всегда нравились мне больше, чем тупые. Тупые могут разбить тебе сердце. — Расти оглянулся, чтобы убедиться, что рядом никого нет. — Я слышал про аборт.

Сэм представила, как Чарли из своего кабинета звонит Расти поболтать.

— Ты говорил с Чарли.

— Не-а. — Расти склонился набок, подняв руку и растопырив пальцы, будто все еще держал сигарету. — Мне вчера рассказал мой детектив, Джимми Джек. Мы нашли некие сведения о временах учебы Келли в средней школе, которые указывали на что-то нехорошее. Просто сплетни, понимаешь. Сегодня Келли потолстела, а завтра уехала на каникулы и вернулась уже худая. Вчера вечером ее мать подтвердила мне, что был аборт. Она все еще переживает по этому поводу. Отцом ребенка был парень из футбольной команды, который давно уехал из города. Он оплатил аборт, а может, его семья. Мама возила Келли в Атланту. Чуть не потеряла работу из-за того, что приходилось брать отгулы.

— Возможно, Келли снова беременна.

Расти поднял брови.

— Ее тошнит в одно и то же время каждый день. Она пропускала уроки. У нее округлившийся живот.

— Недавно она начала одеваться в темное. Ее мама понятия не имеет почему.

Сэм поняла, что есть еще кое-что, о чем она до сих пор не упомянула.

— Мейсон Гекльби как-то связан с Келли.

— Да, это так.

Сэм ждала продолжения, но Расти просто смотрел на парковку.

— Есть еще один человек, — сказала она, — и Ленор уже поставила задачу твоему детективу найти его: мальчик по имени Адам Хамфри, который нравится Келли. Можно также присмотреться к Фрэнку Александеру, отцу Люси. — Она сделала еще одну попытку: — Или Мейсону Гекльби.

Расти почесал щеку. Уже второй раз он проигнорировал это имя.

— То, что она беременна, — это нехорошо.

— Это может помочь на суде.

— Может, но она все равно остается восемнадцатилетней девушкой с малышом в животе и перспективой провести всю жизнь в тюрьме, — сказал он и добавил: — Если повезет.

— Я думала, она — твой единорог.

— Ты знаешь, сколько невиновных людей сидят в тюрьме?

— Предпочла бы не знать, — ответила Сэм и спросила: — Почему ты думаешь, что она не виновна? Что ты еще узнал?

— Я ничего не узнал ни в целом, ни конкретно. Дело вот в чем... — Он хлопнул себя по груди. — Нож не задел мою интуицию. Она никуда не делась. Я сердцем

чую, что за этим стоит нечто большее, чем то, что видно на первый взгляд.

— Я уже многое увидела, — отозвалась Сэм. — Ленор сказала тебе, что ей удалось заполучить запись с камеры видеонаблюдения?

— Я также слышал, что вы с сестрой чуть не устроили кулачный бой в моем кабинете. — Расти сложил руки на сердце и напел на непонятный мотив: — Не разорвать никак порочный этот круг.

Сэм не хотелось шутить на эту тему.

— Пап, что с ней происходит?

Расти смотрел на парковку. Кузова машин отражали яркий свет фонарей.

— «Греха никакого на свете нет, и добродетели тоже нет. А есть только то, что люди делают»^[21].

Сэм подумала, что Чарли наверняка знала бы, откуда цитата.

— Я никогда не понимала ваших с ней отношений. Вы болтаете без умолку, но никогда не говорите о важном. — Сэм представила себе двух петухов, которые красуются друг перед другом на птичьем дворе. — Наверное, поэтому она всегда была твоей любимицей.

— Вы обе мои любимицы.

Сэм не поверила. Чарли всегда была той самой хорошей дочерью: смеялась над его шутками, спорила с ним и никуда не уезжала.

— Отец должен любить каждую из дочерей так, как им надо, чтобы их любили, — объяснил Расти.

Сэм рассмеялась над этой глупой банальностью.

— И почему тебе ни разу не дали медаль «Отец года»?

Расти захихикал вместе с ней.

— Единственное разочарование в моей жизни — мне ни разу даже кружки с надписью «Отец года» не досталось. — Он полез в карман халата. Достал пачку

сигарет. — Шарлотта говорила тебе о своей связи с Мейсоном?

— То есть мы все-таки поговорим об этом?

— В свойственной нам манере, кружным путем.

— Я рассказала ей о Мейсоне. Она понятия не имела, кто он такой.

Расти молча зажег сигарету. Выпустил несколько клубов дыма. Снял кусочек табака с языка.

— После того раза я никогда больше не соглашался представлять в суде насильников.

Это признание удивило Сэм.

— Ты же всегда говоришь, что каждый имеет право на шанс.

— Это так, но я не обязан быть тем человеком, который даст этот шанс. — Выдыхая дым, Расти закашлялся. — Когда я увидел фотографии той девочки, ее звали Мери-Линн, я понял кое-что об изнасиловании, чего до этого не понимал.

Он катал сигарету между пальцев. Смотрел на парковку, а не на Сэм.

— Насильник отбирает у женщины ее будущее. Она никогда больше не станет тем человеком, которым должна была стать. Это во многом даже хуже убийства, потому что он убивает эту потенциальную личность, вычеркивает эту потенциальную жизнь, а она продолжает жить и дышать, вынужденная искать какие-то способы быть счастливой. — Он махнул рукой. — Или, в некоторых случаях, не быть.

— Очень похоже на то, что бывает, когда тебе стреляют в голову.

Расти закашлялся, подавившись дымом.

— Чарли всегда была стайным животным, — сказал он. — Ей не надо быть лидером, но она должна быть в стае. Ее стайей был Бен.

— Почему она ему изменила?

— Пусть она сама тебе расскажет, это не мое дело.

Сэм не любила ходить по кругу в разговоре, хотя понимала, что Расти с удовольствием кружил бы так всю ночь. Она достала из сумочки свои заметки.

— Я тут выписала несколько направлений, по которым тебе стоит поработать. Похоже, Келли не была знакома с убитыми. Не знаю, к лучшему это или к худшему. — Для Сэм лично это было к худшему. Она так и не научилась беспристрастно воспринимать насилие против случайных людей. — Тебе придется установить последовательность и количество выпущенных пуль. С ними какая-то путаница.

Расти зачитал список:

— Беременность: знак вопроса. Отцовство: большой знак вопроса. Видео: одно у нас есть, спасибо сама знаешь кому, но посмотрим, как эта старая крыса, мистер Коин, выполнит приказ судьи. — Он постучал пальцем по листу. — Да, и правда, что Келли делала в средней школе? Случайный выбор жертв. — Он посмотрел на Сэм. — Ты уверена, что она их не знала?

Сэм покачала головой.

— Она мне сказала, что нет, но стоит проверить.

— Проверять — это мое любимое дело. — Он прочитал последнюю строчку списка: — Юдифь Пинкман. Я видел ее в новостях. «Подставь другую щеку» — неожиданный поворот для нее. — Он сложил лист вдвое и сунул в карман. — Когда судили Захарию Кулпеппера, она рвалась сама включить ток. Тогда еще казнили на электрическом стуле. Если помнишь, для всех, кто совершил преступление до мая 2000 года, сделали исключение.

Сэм читала о способах смертной казни во время учебы на юридическом факультете. Ей это казалось варварством до того момента, как она представила Захарию Кулпеппера, который пишется на электрическом стуле в ожидании своих 1800 вольт — так же, как когда-то описалась Чарли.

— Она хотела, чтобы убийцу Гаммы казнили, — произнес Расти, — а теперь хочет, чтобы убийцу ее мужа помиловали.

Сэм пожала плечами.

— С возрастом люди становятся мягче. Некоторые, по крайней мере.

— Я сочту это за комплимент, — ответил Расти. — Что касается Юдифи Пинкман, скажу так: «Лучше иногда быть правым, чем всегда ошибаться»^[22].

Сэм решила, что самое время снова поднять вопрос о Чарли.

— Келли сказала мне, что Мейсон Гекльби засунул оружие убийства себе за пояс сзади. Я предполагаю, что он так и вышел из здания. Надо понять, зачем ему было так рисковать.

Расти не ответил. Он курил сигарету. Смотрел на парковку.

— Пап, он унес оружие убийства с места преступления. Он либо каким-то образом соучастник, либо идиот.

— Я же сказал, тупые разобьют тебе сердце.

— Быстро ты пришел к такому выводу.

— Правда?

Сэм не собиралась отгадывать его загадки. Расти, видимо, знает что-то и не планирует этим делиться.

— Тебе надо сообщить в полицию, что Мейсон забрал пистолет. Он второй важнейший свидетель обвинения после Юдифи Пинкман.

— Придумаю другой способ.

Сэм тряхнула головой.

— Что ты имеешь в виду?

— Я придумаю другой способ нейтрализовать Мейсона Гекльби. Не считаю нужным сажать человека в тюрьму за то, что он совершил идиотскую ошибку.

— Если исходить из этого, так половину тюрем надо распустить. — Сэм потеряла глаза. Она слишком устала для этого разговора. — Ты руководишься чувством вины? Это какое-то покаяние? Не знаю, что движет твоим решением сделать Мейсону поблажку — лицемерие или мягкосердечие, — но, похоже, ты пытаешься защитить Чарли, ставя под угрозу свою подзащитную.

— Возможно, и то и другое, — признал Расти. — Саманта, я хочу сказать тебе очень важную вещь: в прощении есть смысл.

Сэм подумала о письмах в своей сумочке. Она не была уверена, что хочет знать, зачем убийца ее матери, который хотел изнасиловать ее сестру, который стоял рядом, когда Сэм стреляли в голову, пишет письма ее отцу. На самом деле она боялась, что Расти простил его и что она никогда не сможет простить отца за то, что он позволил Захарии Кулпепперу не испытывать муки совести.

— Ты когда-нибудь присутствовала при смертной казни? — спросил Расти.

— С какой стати мне посещать смертную казнь?

Расти затушил сигарету. Сунул бычок в карман. Протянул руку Сэм.

— Потрогай мой пульс. — Он заметил выражение ее лица. — Порадуй старика, прежде чем улетишь домой.

Сэм положила пальцы на внутреннюю сторону его сухого запястья. Сначала она не нащупала ничего, кроме широкой полосы его лучевого сгибателя. Она попробовала разные точки и наконец нашла устойчивое «тук-тук-тук» его пульсирующей вены.

— Есть.

— Когда человека казнят, — начал Расти, — зрители сидят в специальной комнате: впереди члены его семьи, пастор и журналист, а позади них ты, человек, который не смог это предотвратить.

Расти накрыл руку Сэм своей.

Кожа у него была грубая и сухая. Она поняла, что касается своего отца впервые за почти тридцать лет. Он продолжил:

— Они отодвигают занавеску, и вот он перед тобой, этот человек, это живое, дышащее существо. Чудовище ли он? Возможно, он совершил чудовищные поступки. Но сейчас он лежит, пристегнутый к кровати. Его руки, ноги и голова закреплены так, что он не может ни на кого взглянуть. Он смотрит в потолок из панелей, раскрашенных под голубое небо с белыми облаками. Как иллюстрация в детской книжке — возможно, их рисовал другой заключенный. И это последнее, что увидит этот осужденный.

Расти крепче прижал ее пальцы к своему запястью. Его пульс участился.

— И ты видишь, как его грудная клетка вздымается, потому что он пытается дышать ровнее. И тут ты чувствуешь это. — Он постучал по ее пальцам. — Тук-тук. Тук-тук. Ты чувствуешь, как кровь перекачивается по твоему телу. Ты ощущаешь, как воздух входит в твои легкие и выходит из них.

Сэм автоматически стала дышать в такт с отцом.

— Потом они предлагают ему сказать последнее слово, и он говорит что-то о прощении, или что он надеется, что его смерть принесет облегчение его семье, или что он не виновен, но его голос дрожит, потому что он понимает, что это конец. Красный телефон на стене не зазвонит. Он больше никогда не увидит свою мать. Никогда не обнимет своего ребенка. Это конец. Смерть рядом.

Сэм сжала губы. Она и сама не поняла, правда ли ее сердце забилося в унисон с пульсом Расти, или он просто, как обычно, заговорил ей зубы.

— Начальник кивком дает команду начинать. В комнате с осужденным находятся двое. Каждый из них

нажимает свою кнопку запуска подачи препарата. Это делается для того, чтобы никто не знал, кто именно убил его. — Расти на несколько секунд замолчал, будто смотрел, как нажимают кнопки. — У тебя во рту появляется химический привкус, будто ты чувствуешь яд, который сейчас его убьет. Его мышцы напрягаются, а потом медленно и неотвратно начинают расслабляться, и в конце концов он становится полностью — совершенно — недвижим. И тогда ты начинаешь чувствовать такую усталость, словно яд пошел и по твоим венам. Даже клюешь носом. И испытываешь почти облегчение, потому что ты так долго был в напряжении, все это время ожидания, а теперь считанные секунды — и конец. — Расти снова сделал паузу. — Твой пульс замедляется. Дыхание успокаивается.

Сэм ждала продолжения. Расти молчал.

— А потом? — спросила она.

— А потом — все. — Он похлопал ее по ладони. — Конец. Они закрывают шторы. Ты выходишь из комнаты. Садись в машину. Едешь домой. Выпиваешь чего-нибудь. Чистишь зубы. Ложишься в постель и смотришь в потолок всю оставшуюся жизнь — так же, как тот осужденный смотрел на потолочные панели. — Он крепко сжал руку Сэм. — Об этом Захария Кулпеппер думает каждую секунду своей жизни и будет думать каждый день, пока они не вкатят его в эту комнату и не откроют эту штору.

Сэм отпрянула от него, как ошпаренная. Ей показалось, она действительно обожгла ладонь о его руку.

— Ленор рассказала тебе, что мы нашли письма.

— Вы, девочки, вечно забирались в мои папки. — Он сжал подлокотники своего кресла. Посмотрел вдаль. — Он получает свое наказание. Я знаю, ты хотела, чтобы он страдал. Он страдает. Не надо ничего узнавать об

этом человеке. Тебе надо вернуться в Нью-Йорк и забыть о нем. Живи своей жизнью. Только так ты ему отомстишь.

Сэм покачала головой. Надо было это предвидеть. Ее разозлило, что она вечно позволяет Расти пробраться в ее слепую зону.

— Если не можешь сделать это ради себя, — сказал он, — сделай это ради своей сестры.

— Я пыталась помочь своей сестре. Но она этого не хочет.

Расти взял ее за руку.

— Послушай, милая. Я хочу, чтобы ты услышала меня, потому что это важно. — Он подождал, чтобы она посмотрела на него. — Если ты сейчас разбередишь Шарлотте душу насчет Захарии Кулпеппера, она никогда не сможет выбраться из той тьмы, в которой сейчас оказалась.

— Что ты, по мнению Захарии Кулпеппера, ему должен?

Расти отпустил ее руку. Отклонился в кресле.

— Перефразируя Черчилля, это загадка, помещенная в утку.

— Ты имеешь в виду газетную утку.

— Или водоплавающую птицу. Или судно для испражнений.

— Расти, он шлет тебе эти письма, одно и то же письмо с одной и той же фразой, во вторую пятницу каждого месяца.

— Правда?

— Ты знаешь, что это правда, — сказала Сэм. — Это тот же самый день, когда ты мне звонишь.

— Приятно узнать, что ты ждешь моих звонков.

Сэм покачала головой. Они оба знают, что она не это сказала.

— Папа, почему он шлет тебе одно и то же письмо? Что ты ему должен?

— Я ничего ему не должен. Клянусь жизнью. — Расти поднял правую руку, будто клянется на Библии. — Полиция знает об этих письмах. А он просто их пишет. Несчастный урод с кучей свободного времени. В таких условиях легко следовать четкому графику.

— То есть за этими письмами ничего не стои² т? Он просто зэк в ожидании смертной казни, который считает, что ты что-то ему должен?

— Люди в этом положении часто убеждены, что им что-то должны.

— Пожалуйста, не говори мне, что есть смысл его простить.

— Есть смысл его забыть, — уточнил Расти. — Я забыл его, чтобы продолжить жить. В моем сознании он стерся и перестал существовать. Но я никогда не прощу его за то, что забрал у меня мою родную и единственную женщину.

В ответ на это Сэм чуть было не закатила глаза.

— Я любил твою мать больше, чем что-либо на свете. Каждый день с ней был лучшим днем моей жизни, даже когда мы орали друг на друга как резаные.

Восхищения Сэм, может, и не помнила, а вот крики — точно.

— Я никогда не понимала, что она в тебе нашла.

— Мужчину, который не стремился наряжаться в ее нижнее белье.

Сэм засмеялась и тут же подумала, что это неправильно.

— Нас познакомил Ленни. Ты знала об этом? — Расти не стал дожидаться ответа. — Он притащил меня на север, чтобы познакомить девушкой, с которой он вроде как встречался, и в ту минуту, как я ее увидел, я подумал, что с неба свалился огромный булыжник и грохнул меня по башке. Я не мог оторвать от нее глаз. Она была самым красивым созданием, что я когда-либо видел. Эти бесконечные ноги. Этот чудесный изгиб ее

губ. — Он улыбнулся Сэм. — И, конечно, — чтобы ты не подумала, что твой папа был просто какой-то блядун, — этот ее загадочный ум. О господи, сколько она всего знала. У меня просто крышу сносило от объема и глубины ее знаний. Я никогда в жизни не встречал такой женщины. Она была как кошка. — Он показал пальцем на Сэм. — Тебе такое когда-нибудь говорили?

— По-моему, нет.

— Собаки глупые. Это известный факт. Но кошки — у них ты должен заслуживать уважение каждый день. Потеряешь его и... — Он щелкнул пальцами. — Вот кем была для меня твоя мама. Она была моей кошкой. Благодаря ей стрелка моего компаса всегда указывала четко на север.

— Я запуталась в твоих метафорах.

— Викинги брали кошек с собой в плавание.

— Чтобы они уничтожали крыс. А не определяли маршрут судна. Мама ненавидела то, чем ты занимаешься.

— Она ненавидела неотъемлемые риски моей работы. Она ненавидела мой график, вне всяких сомнений. Но она понимала, что я должен этим заниматься, и всегда уважала людей, которые приносят пользу.

Сэм услышала голос Гаммы в его словах.

— «Город Портленд против Генри Алаамиды», — сказал Расти.

Сэм вздрогнула.

Ее первое дело.

— Я сидел в заднем ряду, сверкая зубами так, что мог бы помочь кошке отвести корабль от скалистого берега.

— Но, папа...

— У тебя дар, моя девочка. Ты просто великолепный обвинитель. Полностью контролируешь зал суда. Я никогда раньше не был так горд.

— А почему ты не...

— Я просто хотел посмотреть, как ты, убедиться, что ты нашла свое дело. — Расти достал еще одну сигарету. — «„Клинтон Кейбл Корп.“ против „Стэнли Меркантайл Лимитед“». — Он подмигнул ей, будто дословно помнить название первого патентного дела, которое она вела полностью самостоятельно, — это ерунда. — Ты нашла свое дело, Саманта. Ты нашла способ приносить пользу в этом мире, и ты, несомненно, лучшая в своем деле. — Он засунул сигарету в рот. — Не могу сказать, что я выбрал бы именно это направление использования твоего выдающегося ума, но когда ты говоришь о пределе прочности армированного кабеля, ты абсолютно в своей стихии. — Он наклонился. Указал пальцем ей в грудь. — Гамма тобой гордилась бы.

У Сэм на глаза невольно навернулись слезы. Она представила себе зал судебных заседаний, как она оборачивается и видит папу в заднем ряду. Но таких воспоминаний у нее не было.

— Я не знала, что ты был там.

— Ты не знала. Я хотел тебя видеть. Ты меня видеть не хотела. — Он жестом показал ей, что не стоит извиняться. — Дело отца — любить свою дочь так, как ей нужно, чтобы ее любили.

На этот раз, вместо того чтобы пошутить, Сэм вытерла слезы.

— У меня в кабинете есть фотография Гаммы, и я хочу, чтобы она была у тебя, — сказал он.

Сэм удивилась. Расти никак не мог знать, что она много думала об этой фотографии сегодня.

— Ты раньше не видела эту фотографию. Я прошу прощения за это. Я всегда думал, что рано или поздно покажу ее вам.

— Чарли ее тоже не видела?

Расти покачал головой.

— Еще нет.

Сэм вдруг обрадовалась тому, что он говорит ей что-то, о чем еще не знает Чарли.

— Так вот. — Расти достал изо рта незажженную сигарету. — Когда был снят этот кадр, Гамма стояла в поле. Вдалеке виднелась метеовышка. Не металлическая, как у фермерского дома, а деревянная: старая шаткая конструкция. И Гамма смотрела на нее, когда Ленни достал камеру. На ней были шорты. — Расти улыбнулся. — Боже, что со мной делали эти ноги... — Он издал низкий рык, и Сэм смутилась. — Так вот, фотография, которую ты знаешь, была сделана в тот же день. Мы тогда устроили пикник на траве. Я позвал ее по имени, и она обернулась, подняв бровь, потому что до этого я сказал что-то невероятно умное.

Сэм не смогла сдержать улыбку.

— Но есть еще одна фотография. Моя личная. Гамма на ней лицом к камере, но голова ее повернута немного вбок, потому что она смотрит на меня, а я смотрю на нее, и когда мы с Ленни вернулись домой и проявили пленку в «Фотомате», я только взглянул на этот кадр и сразу сказал: «Вот в этот момент мы полюбили друг друга».

Сэм подумала, что эта история слишком хороша, чтобы быть правдой.

— А Гамма тоже так считала?

— Моя прекрасная дочь. — Расти протянул руку. Взял Саманту за подбородок. — С чистым сердцем говорю тебе, что моя интерпретация этого поворотного момента была единственным вопросом в нашей жизни, по которому у нас с твоей матерью было полнейшее согласие.

У Сэм снова полились слезы.

— Хочу увидеть это фото.

— Я пришлю его тебе почтой, как только смогу. — Расти закашлялся, прикрыв рот рукой. — А еще я по-прежнему буду звонить тебе, если не возражаешь.

Сэм кивнула. Она и не представляла свою жизнь в Нью-Йорке без его сообщений.

Расти снова закашлялся с низким грохотом в легких, что не помешало ему попытаться зажечь сигарету.

— Ты знаешь, что кашель — это признак хронической сердечной недостаточности? — спросила она.

Он еще покашлял.

— А также признак жажды.

Сэм поняла намек. Она оставила чемодан около лавки и вошла в здание больницы. Магазин располагался у входа. Сэм нашла в холодильнике бутылку воды. Встала в очередь за пожилой женщиной, которая решила расплатиться мелочью, скопившейся на дне сумочки.

Сэм сделала глубокий вдох и расслабилась. Она видела Расти за дверями. Он снова облокотился на правую руку. Зажженная сигарета торчала у него между пальцев.

Женщина перед Сэм продолжала собирать монетки. И вела светскую беседу с продавцом о своей больной подруге, которую она пришла провести.

Сэм огляделась вокруг. Поездка до Атланты займет еще два часа. Наверное, надо найти что-нибудь поесть, в дайнере она была слишком расстроена и так ничего и не заказала. В поисках ореховых батончиков она наткнулась на стойку с кружками в глубине магазина. «МАТЬ ГОДА». «ЛУЧШИЙ В МИРЕ ДРУГ». «ОТЧИМ ГОДА». «ЛУЧШИЙ В МИРЕ ПАПА».

Сэм взяла кружку с «лучшим папой». Покрутила ее в руках. Привстала на цыпочки, чтобы увидеть Расти.

Он все еще сидел, склонившись набок. Над головой клубился дым. Она поставила кружку назад и взяла ту, что с «отчимом», потому что это повеселит Расти.

Старушка с мелочью закончила покупки. Сэм достала из сумочки кредитку. Подождала, пока

терминал примет оплату.

— Пришли навестить отчима? — поинтересовался продавец.

Сэм кивнула, потому что ни один нормальный человек не понял бы такого юмора.

— Надеюсь, он скоро поправится. — Продавец оторвал чек и отдал его Сэм.

Она прошла обратно через лобби. Раздвижные двери открылись. Расти был все еще около лавки. Сэм подняла кружку.

— Смотри, что я принесла.

Расти не обернулся. Сэм позвала:

— Папа?

Расти не просто облокотился в кресле. Он свесился набок. Рука его упала. Сигарета лежала на земле.

Сэм подошла ближе. Заглянула в лицо отцу.

Рот Расти был приоткрыт. Пустой взгляд направлен на яркие огни парковки. Кожа стала восковой, почти белой.

Сэм потрогала запястье. Потом шею. Приложила ухо к груди.

Она закрыла глаза. Она слушала. Ждала. Молилась.

Отошла от него.

Села на лавку.

Глаза наполнились слезами.

Отца больше нет.

Глава четырнадцатая

Сэм проснулась на диване у Чарли. Лежала, глядя в белый потолок. Голова у нее болела не переставая с момента отъезда из Нью-Йорка. Вчера вечером она не смогла подняться по лестнице в гостевую спальню. С трудом одолела две ступени, чтобы войти в дом. Ее тело начало отключаться, а мозг уже не хотел или не мог бороться со стрессом, усталостью и внезапным отчаянием, накатившим после того, как она нашла Расти мертвым в инвалидном кресле.

Обычно, если день выдавался особенно трудным, вечером Сэм торговалась сама с собой по поводу того, добавить ли еще лекарств в ежедневный коктейль из «Целебрекса» от боли в суставах, «Нейронтин» для снятия судорог, «Пароксетина» от хронической боли и «Циклобензаприна» от мышечных спазмов. Выпить ли еще одно противовоспалительное? Получится ли заснуть без дополнительного миорелаксанта? Настолько ли сильна боль, чтобы выпить полтаблетки «Оксиконтин» или таблетку «Перкосета»?

Вчера ночью у нее так все болело, что она едва не выпила все таблетки сразу.

Сэм отвернулась от потолка. Посмотрела на фотографии, украшающие каминную полку Чарли. Сэм уже изучала их вчера, когда таблетки еще не действовали. Расти в кресле-качалке, опирается на локоть, с сигаретой в руке и открытым ртом. Бен в смешной шляпе на баскетбольном матче «Девилс». Разные собаки, которые, вероятно, уже умерли. Чарли и Бен у кромки пляжа, видимо, где-то на Карибском море. В горнолыжных костюмах у подножия заснеженной горы. Рядом с красными подвесными тросами моста, в котором безошибочно угадываются Золотые Ворота.

Свидетельства того, что их отношения знавали лучшие времена.

Сэм села на диване, предсказуемо чувствуя себя так, будто ее накачали наркотиками.

Ноги еле двигаются. В голове пульсирует боль. Глаза не фокусируются. Она посмотрела на огромный телевизор почти во всю стену. Оттуда на нее посмотрела тень ее отражения.

Расти умер.

Она всегда думала, что узнает об этом во время какого-нибудь совещания либо когда приземлится в другом городе, в другом мире. Она предполагала, что его смерть вызовет у нее грусть, но временную, вроде той, что она почувствовала, когда Чарли сказала, что Питера Александера, ее школьного бойфренда, сбила машина.

Сэм никогда не думала, что это она обнаружит мертвого Расти. Что ей придется сообщать новость сестре. Что горе парализует ее, и она просидит рядом с Расти на лавке еще полчаса, прежде чем позовет сотрудников больницы.

Она оплакивала отца, которого потеряла.

Она оплакивала отца, которого не знала.

Сэм нашла свои очки на журнальном столике. Принялась растягивать мышцы ног, начиная с лодыжек и перейдя к голени, а затем квадрицепсам. Округлила спину. Вытянула руки перед собой, подняла их над головой. Подготовившись, встала. Сделала еще несколько упражнений на растяжку, чтобы мышцы разогрелись и уровень дискомфорта в конечностях опустился до приемлемого.

Ковра на деревянном полу не было. Сэм подумала, что у Чарли вряд ли есть коврик для йоги. Она села, скрестив ноги, у дивана. Посмотрела на задний двор. Раздвижная дверь была приоткрыта, впуская в дом легкий утренний ветерок. На заднем дворе все еще

стоял крольчатник — тот самый, что Чарли делала в скаутские времена. Вчера Сэм была слишком убита горем и ничего не сказала по этому поводу, но она обрадовалась, увидев, что Чарли с Беном построили свое жилище на том самом месте, где стоял дом из красного кирпича.

Но Бен сегодня не ночевал здесь. Он поднялся наверх всего на несколько минут. Сэм слышала, как скрипнули половицы, когда он зашел в комнату Чарли. Никто не кричал. Никто не плакал. Бен тихо спустился по лестнице и ушел, не попрощавшись с Сэм.

Сэм выпрямила спину. Положила ладони тыльной стороной на колени. Прежде чем закрыть глаза, она заметила, как Чарли катит по двору тачку. Сэм видела, как сестра кладет сено в крольчатник, и слышала, как бродячие кошки мяукают у ее ног. В тачке лежали мешки с кормом. Сухой кошачий корм, корм для птиц, арахис. Судя по тому, как слезились глаза Сэм, когда-то в доме жила собака.

Вот, значит, как Чарли проводит время: кормит бродячий зверинец.

Сэм попробовала перестать думать о проблемах сестры. Она здесь не для того, чтобы исправлять Чарли, а даже если бы и так — Чарли ей этого не позволит.

Она закрыла глаза. Сложила пальцы щепоткой. Сосредоточилась на поврежденных частях своего мозга. На нежных складках серого вещества. На электрических импульсах в синапсах.

Расти, сползший набок в инвалидном кресле.

Она никак не могла отделаться от этой картины. Опущенный левый уголок рта. Оставленное духом тело, исчезнувшая искра, которая, казалось, не погаснет никогда. Тоска, накатившая, когда она поняла, что его больше нет.

Потребность в утешении.

Потребность в Чарли.

У Сэм не было номера телефона сестры. Ей было стыдно признаться в этом сотрудникам больницы. Вместо этого она написала письмо Бену и подождала, пока он ответит. И снова задача сообщать Чарли плохие новости легла на его плечи. Чарли не поехала в больницу, как ожидала Сэм. Вместо этого она отправила Бена забрать сестру. Она не спустилась вниз, когда Сэм приехала. Она повела себя так, будто они вообще не знакомы, хотя на самом деле Чарли никогда не была бы так невежлива с кем-то, кто не является членом семьи.

— У тебя что, инфаркт? — Чарли стояла в дверях. Ее веки опухли от слез. Синяки под глазами полностью почернели.

— Я пыталась медитировать, — ответила Сэм.

— Я один раз тоже пробовала. Меня это дико взбесило. — Она скинула сапоги. В волосах у нее запуталась солома. От нее пахло кошками. Сэм узнала на футболке логотип математического кружка: змея, обвивающая символ «пи». «Пайквилльские питоны».

Сэм поправила свои очки. Они были погнуты с тех пор, как их трогал судья. Она встала, и это оказалось не так трудно, как она ожидала.

— Ночью на меня через дверь смотрел опоссум, — сказала она.

— Это Билл. — Чарли включила гигантский телевизор. — Мой любовник.

Сэм прислонилась к подлокотнику дивана. Именно такими заявлениями Чарли любила эпатировать окружающих, когда ей было десять.

— Опоссумы являются переносчиками лептоспироза, кишечной палочки и сальмонеллы. Их экскременты могут содержать бактерии, вызывающие гниющие язвы.

— Мы с ним так, без извращений. — Чарли щелкала каналами.

— Внушительный у тебя телевизор.

— Бен называет его «Элеонора Рузвельт», потому что он большой и страшный, но мы все равно его обожаем. — Чарли нашла Си-эн-эн. Выключила звук. По экрану побежали субтитры. Сэм глядела, как она просматривает их.

— Зачем ты это смотришь?

— Хочу посмотреть, скажут ли они что-нибудь про папу.

Сэм наблюдала, как Чарли смотрит новости. Они не расскажут больше того, что она может узнать от Сэм. Конечно, у нее больше информации, чем у журналистов. Что сказал отец перед смертью. О чем он, возможно, думал. Как вызвали полицию. Как тело Расти находилось в кресле более часа. Поскольку он имел ножевые ранения, которые могли стать одной из причин смерти, пришлось вызвать Управление полиции Бридж Гэпа.

К счастью, Сэм успела вынуть свой листок с записями о Келли Уилсон из кармана папиного халата до приезда полиции. Иначе Кен Коин тут же заполучил бы все секреты девушки.

— Черт. — Чарли включила звук.

Голос за кадром говорил:

— ...Эксклюзивное интервью с Адамом Хамфри, который учился в Пайквилльской старшей школе вместе с Келли Рене Уилсон.

Молодой человек, полный и прыщавый, стоял перед побитым старым «Камаро». Руки скрещены на груди. Одет так, будто собрался в церковь: белая рубашка, тонкий черный галстук и черные брюки. Пучок волос на подбородке изображает нечто вроде эспаньолки. Стекла очков заметно заляпаны.

— Келли была нормальная. Наверное, — сказал Адам. — Кое-кто говорил про нее нехорошие вещи. Но она... Ладно, она немножко отставала. В этом смысле. — Он постучал себе по голове. — Ну и что такого? Не всем

нужна золотая медаль и все такое. Она была просто хорошая девочка. Не особо умная. Но старательная.

В кадр вошел журналист с микрофоном в руке.

— Можете рассказать, как вы с ней познакомились?

— Это я не могу сказать. Может, еще в началке? У нас тут все друг друга знают. Город-то маленький. Идешь по улице — обязательно встретишь знакомых.

— Вы дружили с Келли Рене Уилсон в средней школе? — Журналист смотрел на него, как зверь, почуявший запах сырого мяса. — Ходят слухи, что в те времена она вела себя не очень благопристойно. Подскажите, вы не...

— Не, слушайте, я в это не полезу. — Он крепче сжал руки на груди. — В общем, некоторым хочется говорить гадости, вроде того, что ее травили и все такое, и, может, кто-то там не особо хорошо с ней обращался, но это жизнь. Школьная жизнь так уж точно. Келли это знает. И тогда она это знала. Она не тупая. Некоторые говорят, что она тупая. Ладно, она не особо умная, это я уже говорил, но она не идиотка. Просто, когда ты ребенок, такое бывает. Дети говорят гадости. Иногда они так и остаются злобными, а иногда перестают после школы, но это можно пережить. Келли это пережила. Так что не знаю уж, из-за чего ее переклинило, но точно не из-за этого. Не из-за того, что вы говорите. Это все полная неправда.

Журналист продолжил:

— Но вы с Келли Рене Уилсон...

— Не надо лепить из нее Джона Уэйна Гейси, ладно? Это всего лишь Келли. Келли Уилсон. То, что она сделала, — это отвратительно. Я не знаю, почему она это сделала. Я не могу догадки строить и прочее. И никто не может и не должен, а если кто-то пытается, то он просто врет. То, что случилось, — это то, что случилось, и никто, кроме Келли, не знает, почему это случилось, но вы — все вы в телевизоре — должны

понимать, что это всего лишь Келли. И ребята, которые с ней в школу ходили, тоже. Это всего лишь Келли.

Адам Хамфри вышел из кадра. Отсутствие интервьюируемого не остановило журналиста. Он обратился к ведущему в студии:

— Рон, как я говорил ранее, типичный школьный стрелок — это молодой человек, одиночка, обычно жертва травли или бойкота и с четкими мотивами. В случае с Келли Рене Уилсон мы видим другой вариант: девушка, которую травили за сексуальную распущенность, которая, согласно источникам, близким к семье Уилсонов, имела опыт прерывания незапланированной беременности, что в маленьком городке...

Чарли выключила звук.

— Незапланированной беременности. Она, мать их, училась в средней школе. Вряд ли она вела календарь овуляции.

— Адам Хамфри будет хорошим свидетелем для показаний о ее личности, — сказала Сэм. — Очевидно, он не пытается очернить ее, как некоторые друзья.

— Если очерняют — то это не друзья, — заметила Чарли. — Готова поспорить, если Минди Зовада выступит по телевизору, она будет говорить о любви и прощении, но, если судить по дерьму, что она постит в «Фейсбуке», она хоть сейчас готова схватить вилы и факел и направиться в тюрьму, чтобы расправиться с Келли, как с Чудовищем Франкенштейна.

— Понятно, почему люди считают ее чудовищем. Она убила...

— Я знаю, кого она убила. — Чарли посмотрела на свои ладони, будто ожидая увидеть кровь Люси. — Этому парню, Хамфри, понадобится хороший юрист. Ее образ *femme fatale*^[23] быстро раскрутят. И приплетут его, неважно, было у него что-то с ней или нет.

Сэм воздержалась от комментариев. Она чувствовала себя виноватой за то, что вчера в дайнере поделилась информацией с Ленор, а ради Чарли не стала нарушать конфиденциальность. Правда, в отличие от Ленор, Чарли точно будет выступать на свидетельской трибуне. Сэм не хотела ставить Чарли в положение выбора между дачей ложных показаний и предоставлением сведений, которые могут склонить присяжных к вынесению смертного приговора.

В том числе и поэтому Сэм не стала заниматься уголовным правом. Она не хотела, чтобы ее слова могли реально влиять на выбор между жизнью и смертью.

Решив сменить тему, Сэм спросила:

— Что будем делать? Видимо, надо заняться организацией папиных похорон.

— Он уже обо всем позаботился. Все оплатил и обговорил все свои пожелания с похоронным домом.

— Он успел организовать собственные похороны, но не нашел времени составить завещание и форму «НР»?

— Расти всегда хотел уйти красиво. — Чарли посмотрела на стенные часы. — Церемония начнется через три часа.

Для Сэм это известие было как удар под дых. Она думала, что сегодня будет искать гостиницу.

— Почему так быстро?

— Он не хотел, чтобы его бальзамировали. Сказал, что это ниже его достоинства.

— И один день нельзя было подождать?

— Он хотел, чтобы все было быстро, чтобы ты не считала, что должна приехать, и не переживала, что у тебя не получается. — Чарли выключила телевизор. — Он вообще не любил ничего затягивать.

— Не считая своих идиотских историй.

Чарли не стала упражняться в красноречии, а только пожала плечами.

Сэм прошла за ней на кухню. Села за стойку. Она смотрела, как Чарли протирает поверхности и загружает посудомоечную машину.

— Я думаю, он не мучился, — сказала Сэм.

Чарли взяла из шкафчика две кружки. В одну из них налила кофе. Другую наполнила водой из-под крана и поставила в микроволновку.

— Ты можешь уехать после похорон. Или до них. Я не думаю, что это имеет значение. Папа не узнает, а тебе все равно, что подумают местные.

Сэм проигнорировала это язвительное замечание.

— Бен так по-доброму помог мне вчера вечером, до того как ушел.

— Где твой чай? — Чарли принесла сумочку Сэм со скамейки у входа. — Где-то здесь?

— В боковом кармане.

Чарли достала пакет с зиплоком и подвинула его сестре.

— Можно мы просто признаем, что Бен здесь не живет, и не будем это обсуждать?

— Мне кажется, мы так и делаем. — Сэм достала чайный пакетик. Бросила его Чарли. — У тебя есть молоко?

— Откуда у меня молоко?

Сэм одновременно пожала плечами и покачала головой.

— Я не забыла, что у тебя непереносимость лактозы. Я подумала, может, Бен... — Она поняла, что объяснять бесполезно. — Давай попробуем прожить этот день, не поссорившись. Или не продолжая вчерашнюю ссору. Или как это у нас с тобой называется.

Микроволновка запищала. Чарли нашла прихватку. Поставила кружку на стойку. Достала из шкафчика блюдо. Сэм разглядела ее старую футболку со спины. Чарли нанесла на нее переводными буквами

неофициальное название своего математического кружка: «Квадратный Трех Член».

— Что будет с Келли Уилсон? — спросила Сэм. — Дело возьмет тот алкоголик, Граль?

Чарли обернулась. Поставила кружку перед Сэм. Зачем-то накрыла ее блюдцем.

— В Атланте есть один человек, Стив ЛаСкала. Я думаю, что смогу убедить его заняться ее делом. Возможно, он позвонит задать тебе несколько вопросов.

— Я дам тебе мой номер.

— У Бена есть.

Сэм поставила блюдце рядом с кружкой. Стала окунать пакетик в воду и вынимать его.

— Если этот ЛаСкала не возьмется на волонтерских началах, я ему заплачу.

Чарли фыркнула.

— Это будет стоить больше миллиона баксов.

Сэм пожала плечами.

— Папа хотел бы, чтобы я это сделала.

— И с каких пор ты делаешь то, что хочет папа?

Сэм чувствовала, что их хрупкое перемирие трещит по швам.

— Папа любил тебя. Это была одна из последних тем, что мы обсуждали.

— Даже не начинай.

— Он о тебе беспокоился.

— Меня достало, что все обо мне беспокоятся.

— От имени всех хочу заявить, что нас это тоже достало. — Сэм подняла на нее глаза. — Чарли, то, о чем ты переживаешь, что бы это ни было, не стоит того. Этот твой гнев. Твоя тоска.

— Мой отец умер. Мой муж от меня ушел. Последние несколько дней были самыми дерьмовыми с тех пор, как ты схлопотала пулю, а мама умерла. Извини, что я не прыгаю от радости за тебя, Сэм, но мне уже просто насрать.

Чарли глотнула кофе. Посмотрела за окно. К кормушке слетелись птицы.

Сэм поняла, что пора сказать сестре про Антона: вероятно, другой возможности не будет. Ей хотелось, чтобы Чарли знала, что она понимает, что значит быть любимой и в какую тяжелую ответственность иногда превращается эта любовь. Они могли бы обмениваться секретами, как в детстве: «Я расскажу тебе, в какого мальчика я влюбилась, если ты расскажешь мне, почему Гамма наказала тебя на три дня».

— Расти сказал, что письма от Захарии Кулпеппера ничего не значат. Полиция в курсе. Он просто отчаявшийся зэк. Пытается нас раздражить. Не дай ему победить.

— Я думаю, перед смертной казнью все награды отбирают. — Чарли поставила кофе на стол. Скрестила руки. — Ну давай. Что еще он сказал?

— Он рассказывал мне о смертной казни.

— Просил тебя держать пальцы на его запястье?

Сэм опять почувствовала, что ее надули.

— И как ему удавалось каждый раз удачно продавать одну и ту же липовую историю?

— Он не хотел, чтобы я ходила на казнь Кулпеппера. Если штат когда-нибудь все-таки сподобится выполнить свою работу. — Чарли покачала головой, словно смерть человека — это какая-то мелкая неприятность. — Я и сама не знаю, хочу я туда идти или нет. Но на мое решение не повлияет то, что говорит, то есть говорил Расти.

Сэм надеялась, что на самом деле это не так.

— Еще он рассказал мне о маминой фотографии.

— *Той самой* фотографии?

— Нет, другой: он говорит, что мы с тобой ее не видели.

— Верится с трудом, — сказала Чарли. — Мы с тобой в детстве обшарили все его вещи. У него никогда не

было личного пространства.

Сэм пожала плечами.

— Он сказал, что фотография у него в домашнем кабинете. Я хотела бы забрать ее до отъезда.

— Бен может подбросить тебя в ШБ после похорон.

Фермерский дом. Сэм не хотелось туда ехать, но еще меньше ей хотелось уезжать в Нью-Йорк, не забрав с собой что-то на память о матери.

— Я помогу тебе их замазать. — Сэм кивнула на синяки на лице Чарли. — Перед похоронами.

— А с какой стати мне их замазывать?

Сэм затруднилась назвать причину. На похороны наверняка никто не придет, по крайней мере никто из тех, кого Сэм хотелось бы видеть. Нельзя сказать, что Расти пользовался популярностью в своем городе. Сэм заедет туда для приличия, потом поедет в фермерский дом, а потом дождется Станислава и уедет в Атланту, покинув это место так быстро, как это возможно.

Но чтобы все это произошло, ей надо найти силы встать. Миорелаксант все еще действовал. Она чувствовала, как лекарство наполняет ее тяжестью. Сэм бодрствовала меньше пятнадцати минут, а уже была готова снова лечь спать.

Она взяла кружку с чаем.

— Не надо это пить. — Чарли покраснела. — Там сисечный пот.

— Там что?

— Сисечный пот, — сказала Чарли. — Я провела чайным пакетиком под лифчиком, когда ты отвернулась.

Сэм поставила кружку. Вместо того чтобы разозлиться, она расхохоталась.

— И зачем ты это сделала?

— Я не собираюсь ничего объяснять, — сказала Чарли. — Не знаю, почему я опять веду себя как маленькая, докапываюсь до тебя, пытаюсь тебя задеть,

привлечь твое внимание. Я вижу, что я это делаю, и меня это бесит.

— Так не делай этого.

Она тяжело вздохнула.

— Я не хочу ссориться, Сэм. Папа бы этого не хотел, особенно сегодня.

— На самом деле папа обожал споры.

— Но не болезненные.

Сэм отпила чая. Ей слишком был нужен кофеин, чтобы волноваться о том, что еще там было.

— И что мы будем делать?

— Я, наверное, пойду поплачу в душе, а потом буду собираться на спешно организованные похороны моего отца.

Чарли сполоснула свою чашку в раковине. Поставила ее в посудомойку. Вытерла руки полотенцем. Собралась уходить.

— Мой муж умер. — Сэм сообщила это такой скороговоркой, что не была уверена, расслышала ли ее Чарли. — Его звали Антон. Мы прожили в браке двенадцать лет.

Чарли раскрыла рот от удивления.

— Он умер год и один месяц назад. Рак пищевода.

Чарли замешкалась, прежде чем что-то сказать. Наконец произнесла:

— Мне очень жаль.

— Это из-за танинов, — сказала Сэм. — В вине. Они...

— Я знаю, что такое танины. Я думала, что причина такого рака — это ВПЧ.

— В его опухоли ВПЧ не нашли, — пояснила Сэм. — Могу прислать тебе результаты анализов.

— Не надо. Я тебе верю.

Сэм уже сомневалась, верит ли она сама себе. Она всегда предпочитала подходить к вопросам логически, но, так же как и в случае с погодой, жизнь существует в тонком динамическом балансе полей массы и движения.

Проще говоря, дерьмо случается.

— Я хочу поехать с тобой в похоронный зал, но думаю, что оставаться не буду. Не хочу видеть гостей. Лицемеров. Зевак. Людей, которые переходили на другую сторону улицы, завидев папу, и никогда, никогда не понимали, что он пытается делать добро.

— Он завещал не устраивать церемонию, — сказала Чарли. — Никакого официоза. Будет прощание с покойным, а потом он хотел, чтобы все пошли в «Темный рейс».

Сэм забыла про любимый бар своего отца.

— Не хочу сидеть и слушать, как горстка старых пьяниц развлекает друг друга судебными историями.

— Он это обожал. — Чарли прислонилась к стойке. Посмотрела на свои ноги. В носке была дырка. Сэм видела ее торчащий большой палец. — Мы обсуждали его похороны в прошлый раз. Перед операцией на открытом сердце. Только я и папа. Тогда он составил все эти планы. Он сказал, что хочет, чтобы люди веселились и радовались жизни. Звучит замечательно, правда? Но сейчас, когда это происходит, все, о чем я могу думать, — это каким надо было быть тупым засранцем, чтобы предположить, что я смогу веселиться, когда он умрет. — Она смахнула слезы. — Я не могу понять, это у меня шок или это нормальные ощущения.

У Сэм не было знаний и опыта в этой области. Антон был ученым и родился там, где смерть не романтизируют. Сэм стояла у печи, глядя, как его деревянный гроб опускается в огонь.

— Я помню похороны Гаммы. Это был настоящий шок. Все было так неожиданно, и я боялась, что Захария выйдет на свободу. Что он вернется за мной. Что его семья что-то сделает. Что ты умрешь. Что они тебя убьют. По-моему, я ни на секунду тогда не отпускала руку Ленор.

Сэм была еще в больнице, когда хоронили мать. Она была уверена в том, что Чарли рассказывала ей о похоронах, как и в том, что ее мозг не смог сохранить эту информацию.

— Папа в тот день был молодцом, — продолжила Чарли. — Он не был растерян. Все время спрашивал, как я, ловил мой взгляд, не давал никому говорить ничего лишнего. Все было примерно так, как ты сказала. Несколько лицемеров. Несколько зевак. Но были и другие: например, миссис Кимбл из дома напротив и мистер Эдвардс из агентства недвижимости. Они рассказывали какие-то истории про Гамму, как она говорила что-то странное или предлагала решение какой-нибудь хитрой проблемы, и было приятно увидеть ее с этой стороны. Взрослой стороны.

— Она была не такой, как все.

— В каждом городе есть кто-то не такой, как все. С этой точки зрения они похожи на других таких же. — Чарли посмотрела на часы. — Пора собираться. Чем быстрее начнем, тем быстрее закончим.

— Я могу остаться. — Сэм почувствовала, как Чарли встревожилась. — На похороны. Я могу остаться, если...

— Ничего не изменилось, Сэм. — Чарли полупожала плечом в своей манере. — Мне по-прежнему надо разобраться в своей никчемной несчастной жизни, а тебе по-прежнему нужно уехать.

Глава пятнадцатая

Сэм смотрела, как Чарли мерит шагами лобби похоронного дома. Снаружи здание выглядело современно, но внутренняя отделка скорее соответствовала стилю какой-то безумной старухи. Похоже, бизнес здесь вели в той же манере. По обеим сторонам от лобби располагались похоронные залы, в которых одновременно проходили два прощания. Два одинаковых черных катафалка ждали своих пассажиров перед входом. Сэм вспомнила логотип похоронного дома, который она видела на билборде по дороге в Пайквилль. Плакат изображал подростка с беззаботной улыбкой, рядом была зловещая надпись: «Сбавьте скорость! Нам не нужна лишняя работа».

Чарли прошла мимо Сэм, размахивая руками и сжав челюсти. Черное платье и туфли на каблуках. Волосы зачесаны назад. Она совсем не нарядилась, никак не попыталась скрыть свою скорбь.

— Кто бы мог подумать, что в проклятом похоронном доме будет очередь? — тихо пробормотала она.

Сэм понимала, что Чарли не нужен ее ответ. Они пришли меньше десяти минут назад, и их попросили подождать. По обе стороны от лобби заиграли две разные мелодии. Видимо, одна из церемоний заканчивалась, а другая только начиналась. Скоро зал наполнится гостями одного из прощаний.

— Просто невероятно, — пробурчала Чарли, снова проходя мимо нее.

У Сэм завибрировал телефон. Она посмотрела на экран. Перед тем как выехать из дома Чарли, она написала сообщение Станиславу с просьбой встретить ее у фермерского дома. Каждая его поездка хорошо

оплачивалась, но ответ показался ей грубоватым: «Вернусь, как только смогу».

Это «как только смогу» сбilo ее с толку. Сэм вдруг захотелось написать ему, чтобы он не торопился. Она приехала в округ Дикерсон с единственным желанием — поскорее сбежать, но теперь на нее вдруг напала какая-то инертность.

А может, наоборот, упрямство.

Чем больше Чарли просила ее уехать, тем больше Сэм чувствовала, что приросла к этому проклятому месту.

Одна из боковых дверей открылась. Сэм думала, что она ведет в шкаф, но оттуда, вытирая руки бумажным полотенцем, вышел пожилой джентльмен в костюме и галстукe. Наклонившись обратно, он кинул полотенце в корзину.

— Эдгар Грэм. — Он пожал руку Сэм, потом Чарли. — Простите, что заставили вас ждать.

— Мы здесь уже почти двадцать минут, — сказала Чарли.

— Еще раз приношу свои извинения. — Эдгар указал на зал. — Дамы, прошу сюда.

Сэм пошла первой. Сегодня нога ее слушалась, и лишь легкая боль напоминала о том, что это, вероятно, временное послабление. Чарли что-то бормотала у нее за спиной, но слишком тихо, чтобы разобрать слова.

— Ваш муж заезжал сегодня утром и привез необходимую одежду, — сообщил Эдгар.

— Бен? — удивилась Чарли.

— Сюда, пожалуйста. — Эдгар прошел вперед и открыл перед ними дверь.

Табличка гласила: «Психологическая помощь при утрате». Внутри стояли четыре кожаных кресла, журнальный столик, а за растениями в горшках по всей комнате прятались коробки с салфетками.

Чарли взглянула на табличку. Сэм почувствовала, что сестра сейчас задымится. Обычно они подпитывались друг от друга: какое бы чувство ни испытывала Чарли, у Сэм появлялось оно же, только сильнее. Но на сей раз паника и злость Чарли только делали Сэм спокойнее.

Для этого она здесь. Она не может решить проблемы Чарли, но прямо сейчас, в эту минуту, она может дать своей сестре то, что ей нужно.

— Здесь вы можете комфортно расположиться, — предложил Эдгар. — У нас сегодня полная запись. Прошу прощения за то, что мы вас не ждали.

— Вы не ждали, что мы придем на похороны нашего отца? — уточнила Чарли.

— Чарли. — Сэм попыталась немного ее охладить: — Мы приехали без предупреждения. Похороны еще только через два часа.

— Обычно мы открываем зал для прощания с покойным за час до службы, — пояснил Эдгар.

— У нас не будет службы, — бросила Чарли и вдруг спросила: — А с кем прощаются в соседнем зале? С мистером Пинкманом?

— Нет, мэм. — Эдгар перестал улыбаться, но остался невозмутим. — Похороны Дугласа Пинкмана состоятся завтра. А Люси Александер послезавтра.

Сэм внезапно почувствовала облегчение. Она была сосредоточена на Расти и уже забыла, что есть еще два тела, которым необходимо погребение.

Эдгар указал Сэм на кресло, но она не стала садиться.

— В настоящий момент ваш отец находится внизу. Когда закончится служба в нашем мемориальном зале, мы переместим его наверх и поставим на специальное возвышение у входа в зал. Я хочу уверить вас, что...

— Я хочу видеть его сейчас, — сказала Чарли.

— Он не подготовлен.

— Это что, экзамен? Он забыл подготовиться?

Сэм положила руку на плечо Чарли.

— Прошу прощения, что неясно выразился. — Эдгар держал руки на спинке кресла, сохраняя сверхъестественное спокойствие. — Вашего отца поместили в гроб, который он выбрал, но нам нужно переставить его на возвышение, принести цветы и подготовить зал. Вы же не хотите видеть его в...

— Это неважно. — Сэм сжала плечо Чарли, чтобы та молчала. Она понимала, о чем думает сестра: «Не надо говорить мне, чего я хочу или не хочу». — Я не сомневаюсь, что у вас все замечательно распланировано, но мы хотели бы увидеть его сейчас.

Эдгар мягко кивнул.

— Конечно, дамы. Конечно. Дайте мне минуту.

Чарли не стала дожидаться, пока за ним закроется дверь.

— Что за пафосный хер.

— Чарли...

— Худшее, что ты сейчас можешь сказать, — это что я говорю, как мама. О господи. — Она оттянула вырез платья у шеи. — Как же здесь жарко.

— Чарли, это скорбь. Ты хочешь все контролировать, потому что чувствуешь, что случилось что-то вне твоего контроля. — Сэм сделала усилие, чтобы убрать менторский тон. — Ты должна научиться с этим жить, потому что то, что ты чувствуешь, сегодня не закончится.

— «Ты должна», — повторила Чарли. Она взяла салфетку из коробки. Вытерла пот со лба. — Казалось бы, в здании с мертвецами должна поддерживаться низкая температура.

Она ходила туда-сюда по небольшой комнате. Двигала руками, трясла головой, будто беседуя сама с собой.

Сэм села в кресло. Бумеранг вернулся: теперь ее очередь смотреть, как маниакальная, неумная энергия сестры выливается в ярость. Чарли была права: она стала говорить, как их мать. Гамма всегда нападала, почувствовав угрозу, так же как и Сэм, так же как и Чарли сейчас.

— У меня есть «Валиум», — предложила Сэм.

— Выпей его.

Сэм сделала еще одну попытку:

— А где Ленор?

— Думаешь, она сможет меня успокоить? — Чарли подошла к окну. Открыла металлические ставни, чтобы посмотреть на парковку. — Она сюда не приедет. Она бы здесь всех захотела поубивать. Чем ты мажешь шею?

Сэм потрогала шею.

— Что?

— Я помню, как у Гаммы начала обвисать шея. Морщины появились. Хотя она была всего на три года старше, чем я сейчас.

Сэм не знала, что еще делать, поэтому поддержала разговор.

— Она все время была на солнце. Она не пользовалась солнцезащитным кремом. В ее поколении это было не принято.

— А тебя это разве не беспокоит? Я хочу сказать, сейчас у тебя нормальная шея, но... — Чарли посмотрела в зеркало около окна. Потянула кожу у себя под подбородком. — Я каждый вечер мажусь лосьоном, но думаю, что надо купить какой-то крем.

Сэм открыла сумочку. Наткнулась на список, который она писала для Расти. Листок успел пропитаться запахом сигаретного дыма. Она поборола соблазн сделать сентиментальный жест: поднести бумагу к лицу и вспомнить запах своего отца. Она нашла свой крем для рук рядом с флашкой Бена.

— Вот.

Чарли посмотрела на этикетку.

— Что это?

— Это то, чем я пользуюсь.

— Но здесь написано «для рук».

— Можем что-нибудь наугуглить. — Сэм потянулась за телефоном. — Что думаешь?

— Я думаю... — Чарли сделала короткий вдох. — Я думаю, что у меня крыша едет.

— Более вероятно, что у тебя паническая атака.

— Я не паникую, — сказала Чарли, но дрожь в голосе свидетельствовала об обратном. — У меня голова кружится. Меня трясет. Мне кажется, меня сейчас вырвет. Это паническая атака?

— Да. — Сэм помогла ей сесть в кресло. — Сделай несколько глубоких вдохов.

— Господи. — Чарли опустила голову на колени. — О господи.

Сэм погладила сестру по спине. Попыталась придумать способ унять ее боль, но горе не поддается логике.

— Я не верила, что он умрет. — Чарли схватила себя за волосы. — То есть я понимала, что это произойдет, но не думала... Вроде как когда покупаешь лотерейный билет, только наоборот. Ты говоришь «конечно, я не выиграю», но потом думаешь, что правда можешь выиграть, потому что на хрена ты тогда покупала билет?

Сэм продолжала гладить ее спину.

— Я знаю, что у меня еще есть Ленор, но папа был... — Чарли выпрямилась. Судорожно втянула воздух. — Я всегда знала: несмотря ни на что, если у меня трудности, я могу рассказать ему, и он меня не осудит, и пошутит про это, и будет уже не так больно, и мы вместе придумаем, как все решить. — Она закрыла

лицо руками. — Ненавижу его за то, что он не заботился о себе. И люблю его за то, что жил по своим правилам.

Оба эти чувства были знакомы Сэм.

— Я не знала, что Бен привез его одежду. — Чарли с тревогой повернулась к Сэм. — А вдруг он завещал нарядить его в клоуна?

— Чарли, не говори глупостей. Ты же знаешь, что он наверняка выбрал что-то из эпохи Возрождения.

Дверь открылась. Чарли встала.

— Наш мемориальный зал уже освобождается, — объявил Эдгар. — Если дадите мне еще минуту, мы поместим вашего отца в более естественную обстановку.

— Он мертвый, — сказала Чарли. — Ничего естественного тут нет.

— Очень хорошо. — Эдгар склонил голову. — Мы временно разместили его в демонстрационном зале. Я принес туда два стула, чтобы вы могли посидеть и поразмышлять.

— Спасибо. — Сэм повернулась к Чарли, ожидая, что та начнет жаловаться насчет стульев или съязвит насчет слова «поразмышлять».

Но сестра молча плакала.

— Я рядом, — сказала Сэм, хотя не знала, утешение ли это.

Чарли прикусила губу. Руки ее были все еще сжаты в кулаки. Ее трясло.

Сэм разогнула пальцы Чарли и взяла ее за руку. Кивнула Эдгару.

Он прошел на другую сторону маленькой комнаты. Сэм не заметила скрытую дверь, встроенную в деревянные панели на стене. Он повернул защелку, и им открылся ярко освещенный зал.

Чарли не двинулась, поэтому Сэм мягко повела ее к двери. Хоть Эдгар и предупредил, что это демонстрационный зал, Сэм не ожидала увидеть

реальное торговое помещение. Вдоль стен стояли блестящие гробы, окрашенные в темные земляные тона. Они были наклонены под углом в пятнадцать градусов, их крышки — подняты, так что видно шелковую обивку. Подсветка подчеркивала серебряные и золотые ручки. На крутящейся подставке расположился ассортимент подушек. Сэм стало интересно, проверяют ли родные усопшего мягкость подушки, прежде чем сделать покупку.

Чарли с трудом держалась на высоких каблуках.

— Скажи, это похоже на то, что было, когда твоего...

— Нет, — ответила Сэм. — Антона кремировали. Его положили в сосновый ящик.

— Почему папа не сделал так же? — Чарли посмотрела на один из гробов: иссиня-черный с атласной черной подкладкой. — У меня ощущение, будто мы в романе Ширли Джексон.

Сэм повернулась, вспомнив об Эдгаре. Она безмолвно, движением губ сказала ему: «Спасибо».

Он слегка поклонился и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Сэм снова посмотрела на Чарли. Ее будто парализовало. Вся ее напористость сошла на нет. Она смотрела на переднюю часть комнаты. Два складных стула, покрытых голубыми атласными чехлами. Белый гроб с откидной крышкой и золотыми ручками на каталке из нержавеющей стали с большими черными колесами. Крышка открыта. Голова Расти лежит на подушке. Сэм разглядела его седые, «соль с перцем», волосы, кончик носа и вспышку ярко-синего света от костюма.

Чарли произнесла:

— Это папа.

Сэм хотела снова взять сестру за руку, но Чарли уверенно двинулась к отцу. Правда, сразу замедлилась.

Остановилась. Поднесла руку ко рту. Ее плечи затряслись.

— Это не он, — сказала она.

Сэм поняла, что она имеет в виду. Очевидно, это их отец, но столь же очевидно, что это не он. Щеки Расти стали слишком румяными. Его лохматые брови причесаны. Его волосы, обычно торчащие во все стороны, уложены в стиле «помпадур».

— Он обещал мне, — Чарли всхлипнула, — что будет хорошо выглядеть.

Сэм обняла Чарли за талию.

— Когда мы с ним это обсуждали, я сказала, что не хочу открытый гроб, а он обещал, что будет хорошо выглядеть. Что мне самой захочется посмотреть, какой он будет красивый. Но он не красивый.

— Да. Он не похож на себя, — согласилась Сэм.

Они стояли и смотрели на отца сверху вниз. Сэм никогда не видела Расти без движения. Он то прикуривал сигарету. То драматически жестикулировал. Притопывал ногами. Щелкал пальцами. Кивал головой, мурлыча что-то, или щелкая языком, или насвистывая какую-то мелодию, которую она не знала, но потом никак не могла выкинуть из головы.

— Не хочу, чтобы кто-то смотрел на него в таком виде. — Чарли потянулась, чтобы закрыть крышку.

Сэм тихо выдохнула:

— Чарли!

Она потянула за крышку. Крышка не двинулась.

— Помоги мне закрыть.

— Мы можем позвать...

— Я не хочу звать этого стремного придурка. — Чарли тянула двумя руками. Крышка сдвинулась градусов на пять и остановилась. — Помоги мне.

— Я не буду тебе помогать.

— Что ты там перечисляла? Не видишь, не можешь бегать, не можешь обрабатывать информацию? Я не помню, чтоб ты говорила, что твое бесполезное тело не в состоянии одолеть пару винтов, чтобы помочь закрыть проклятую крышку на гробе твоего отца.

— Это не винты. Этот механизм называется «скрытая цилиндрическая петля».

— Охренеть. — Чарли кинула сумочку на пол. Сбросила туфли. Схватила обеими руками за крышку, практически повиснув на ней.

Гроб протестующе скрипнул, но остался открытым.

— Он не должен просто так закрываться, — сказала Сэм. — Это противоречило бы технике безопасности.

— Хочешь сказать, если крышка захлопнется, она может его убить?

— Хочу сказать, что она может ударить тебя по голове или сломать пальцы. — Сэм наклонилась над Расти, чтобы изучить латунные петли. Под тканью скрывался ограничитель, который не дает крышке открываться слишком сильно, но механизма, препятствующего закрытию, она не обнаружила. — Здесь должен быть какой-то блокиратор.

— Да боже мой! — Чарли снова повисла на крышке. — Ты можешь просто мне помочь?

— Я пытаюсь...

— Тогда я сама.

Чарли обошла гроб. Толкнула сзади. Каталка сдвинулась. Одно из колесиков было разблокировано. Чарли толкнула сильнее. Каталка опять сдвинулась.

— Подожди. — Сэм осматривала гроб в поисках рычажка или кнопки. — Ты сейчас...

Чарли подпрыгнула, навалившись на крышку всем своим весом.

— Ты сейчас уронишь его с каталки.

— Ну и хорошо. — Чарли снова толкнула. Ничего не двинулось. Она стукнула ладонью по крышке.

— Черт! — Стукнула еще раз, на этот раз кулаком. — Черт! Черт! Черт!

Сэм провела пальцами по краю шелковой обивки. Нашла кнопку.

Раздался громкий щелчок.

Крышка мягко закрылась под легкий свист пневматического механизма.

— Черт! — Чарли выдохлась. Она оперлась руками на закрытый гроб. Закрыла глаза. Покачала головой. — Оставил нас с метафорой.

Сэм села на стул.

— Ты ничего не скажешь?

— Я сижу и размышляю.

Чарли засмеялась и тут же зарыдала. Ее плечи затряслись. Слезы полились на крышку гроба. Сэм смотрела, как они скатываются вниз, на край стальной каталки, и капают на пол.

— Черт! — Чарли вытерла нос тыльной стороной ладони.

За витриной с фурнитурой для гробов она нашла коробку салфеток. Высморкалась. Вытерла глаза. Тяжело опустилась на стул рядом с Сэм.

Они вдвоем смотрели на гроб. Броские золотые ручки, ажурные угловые накладки. Яркая белая краска сияла, будто в финишный слой лака добавили блессток.

— Просто поверить не могу, до чего уродливая штукавина. — Чарли бросила использованную салфетку в сторону. Достала из коробки еще одну. — Похожа на гроб Элвиса.

— Помнишь, как мы ездили в Грейсленд?

— О да, тот белый «Кадиллак».

Расти уговорил зрителя разрешить ему посидеть за рулем. «Кадиллак Флитвуд» был покрашен такой же сверкающей белой краской, что и гроб Расти. Искрился он от настоящей алмазной пыли.

— Расти мог кого угодно уговорить на что угодно. — Чарли снова вытерла нос. Откинулась на спинку стула. Скрестила руки на груди.

Сэм слушала, как где-то тикают часы, словно метроном, бьющийся в такт с ее сердцем. На кончиках пальцев она все еще чувствовала «тук-тук-тук» пульса Расти. Она два дня умоляла Чарли исповедоваться перед ней, но собственные грехи были куда тяжелее.

— Я не давала ему умереть, — сказала она. — Моему мужу. Никак не хотела его отпускать.

Чарли молча теребила салфетку в руках.

— У него был подписан отказ от реанимации, но я не отнесла документ в больницу. — Сэм попыталась сделать глубокий вдох. Но почувствовала, как на грудь давит тяжесть смерти Антона. — Он не мог говорить. Не мог двигаться. Он мог только видеть и слышать, и он видел и слышал, как его жена не дает врачам выключить аппараты, продлевающие его страдания. — Стыд кипящим маслом жег Сэм изнутри. — Опухоли проросли в его мозг. А внутри черепа не так много места. Мозг давил на позвоночник. Боль была невыносимой. Они вводили ему морфин, потом фентанил, а я сидела у его кровати, смотрела, как из его глаз текут слезы, и не могла его отпустить.

Чарли продолжала теребить салфетку, оборачивая ее вокруг пальца.

— Я бы и здесь так же поступила. И из Нью-Йорка бы тебе сказала так делать. Я не тот человек, которого надо о таком спрашивать. Я не смогла отодвинуть свои собственные потребности, свое отчаяние ради единственного мужчины, которого я любила. И я уж точно не смогла бы сделать правильный выбор в случае папы.

Чарли принялась рвать салфетку на слои.

Часы тикали. Время не останавливалось.

— Я хотела, чтобы ты приехала, потому что ты мне нужна, — произнесла Чарли.

Сэм не хотела, чтобы Чарли чувствовала себя виноватой.

— Пожалуйста, не надо меня утешать.

— Я не утешаю. Это ужасно, что я заставила тебя приехать. Что тебе пришлось через все это пройти.

— Ты меня не заставляла.

— Я понимала, что ты приедешь, если я попрошу. Я знала это все последние двадцать лет и сейчас использовала папу как предлог, потому что я больше не могу.

— Больше не можешь что?

Чарли скатала из салфетки шарик. Крепко сжала его в руке.

— В колледже у меня был выкидыш.

Сэм помнила, как Чарли тогда позвонила и злобно потребовала денег.

— Тогда я даже обрадовалась. В этом возрасте ты еще не понимаешь, что однажды повзрослеешь. И такие вещи перестанут тебя радовать.

У Сэм навернулись слезы от невыносимой боли, прозвучавшей в голосе Чарли.

— Второй выкидыш был хуже. Бен думает, что это был первый, но это второй. — Она пожала плечами, признаваясь в обмане. — Подходил к концу первый триместр. Я была на суде и почувствовала боль, как во время месячных. Я еще час ждала, пока судья объявит перерыв. Побежала в туалет, села и почувствовала, как из меня хлынула кровь. — Она сглотнула слюну. — Я заглянула в унитаз, а там — ничего. Ничего такого. Будто просто обильные месячные, какой-то сгусток. Но мне казалось, что неправильно просто смывать это в канализацию. Я не могла это бросить. Я выползла из-под двери, оставив кабинку закрытой. Позвонила Бену. Я так ревела, что он не мог понять, что я говорю.

— Чарли, — прошептала Сэм.

Чарли покачала головой, потому что она не закончила.

— В третий раз, который Бен считает вторым, все было еще хуже. Срок был восемнадцать недель. Мы убирали листья с газона во дворе. Мы уже начали готовить детскую, представляешь? Покрасили стены. Выбирали кровать. Я опять почувствовала ту же боль. Сказала Бену, что пойду попить, но едва успела дойти до туалета. Оно просто вышло из меня, словно мое тело торопилось от него избавиться. — Она смахнула слезы кончиками пальцев. — Я пообещала себе, что больше это не повторится, что я не буду так рисковать, но потом это повторилось.

Сэм протянула руку. Крепко сжала ладонь сестры.

— Это было три года назад. Я перестала пить противозачаточные. Это было глупо. Хуже того, я не сказала Бену, то есть обманывала его. Через месяц я забеременела. Потом прошел еще месяц, а потом срок уже был три месяца, шесть месяцев, семь, и мы были так счастливы, черт, так счастливы. Папа прыгал до потолка. Ленор придумывала имена.

Чарли закрыла глаза руками. Слезы полились ручьем.

— Есть такая штука, синдром Денди-Уокера. Название идиотское и больше подошло бы для какого-нибудь виски, но на самом деле это множественные врожденные пороки развития мозга.

У Сэм заболело сердце.

— Нам сообщили об этом в пятницу. Все выходные мы с Беном читали о синдроме в интернете. Там была то одна замечательная история — про ребенка, который улыбался, жил полной жизнью, задувал свечи на праздничном торте, и мы говорили «хорошо, все супер, это дар, с этим мы справимся», а то совсем другая история — про слепого и глухого ребенка, которому

сделали операции на сердце и мозге, но он умер, не дожив до первого дня рождения, и тогда мы просто сидели обнявшись и плакали.

Сэм сжала руку Чарли.

— Мы решили, что не сдадимся. Это же наш ребенок, правда? Поэтому мы поехали к специалисту в Вандербильтском университете. Он провел несколько исследований, а потом отвел нас в комнату. Там на стенах не было ни одной фотографии. Мне это запомнилось. Во всех остальных помещениях были фотографии малышей. Семей. А в этой комнате — нет.

Чарли снова замолчала, чтобы вытереть глаза. Сэм ждала.

— Врач сказал нам, что сделать ничего нельзя. Утечка спинномозговой жидкости. У ребенка не было... органов. — Она судорожно вздохнула. — У меня было высокое давление. Они боялись, что разовьется сепсис. Врач сказал, что через пять или, может, семь дней ребенок умрет или я умру, и я... я не могла ждать. Я не могла ходить на работу, обедать и смотреть телевизор, зная, что... — Она сжала руку Сэм. — Поэтому мы решили поехать в Колорадо. Оказалось, что только там это можно сделать легально.

Сэм поняла, что она говорит об аборте.

— Это стоило двадцать пять тысяч. Плюс перелеты. Плюс гостиница. Плюс отгулы на работе. У нас не было времени брать кредит, а еще мы не хотели никому говорить, на что нам нужны деньги. Мы продали машину Бена. Папа и Ленор добавили денег. Остальное мы оплатили кредитками.

Сэм стало невыносимо стыдно. Она должна была быть рядом. Она должна была дать им денег, лететь с Чарли на самолете.

— Вечером накануне отлета я приняла таблетку снотворного, потому что какая уже разница, да? Но проснулась от дикой боли. Это было уже не как боль

при месячных. Мне казалось, меня разрывает изнутри. Я пошла вниз, чтобы не будить Бена. Меня начало рвать. Я не дошла до туалета. Крови было очень много. Выглядело все как место преступления. И я видела кусочки. Кусочки... — Чарли покачала головой, не в силах продолжить фразу. — Бен вызвал «Скорую». У меня есть шрам, как от кесарева, только ребенком похвастаться не могу. А когда я в конце концов вернулась домой, ковер исчез. Бен все отмыл. словно ничего и не было.

Сэм вспомнила голый пол в гостиной Чарли. За три года они так и не купили новый ковер.

— Вы с Беном говорили об этом? — спросила она.

— Угу. Мы говорили об этом. Ходили к психологу. Мы с этим справились.

Сэм не поверила.

— Это я виновата. Я никогда не говорила об этом Бену, но каждый раз я была сама виновата.

— Ты не можешь так думать.

Чарли вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Как-то папа выступал с заключительной речью. Он говорил о том, что люди очень много думают о лжи. Проклятой лжи. Но никто не понимает, что настоящая опасность кроется в правде. — Она подняла глаза на белый гроб. — Правда может сгноить тебя изнутри. Она ни для чего больше не оставляет места.

— Нет никакой правды в том, чтобы винить себя. У природы свои законы, — начала Сэм.

— Это не та правда, о которой я говорю.

— Так расскажи мне, Чарли. Что это за правда?

Чарли наклонилась вперед. Обхватила голову руками.

— Пожалуйста, — умоляла ее Сэм. Ее сжигало чувство собственной бесполезности. — Расскажи.

Чарли глубоко вдохнула через щель между ладонями.

— Все думают, что я виню себя за то, что убежала.

— А разве это не так?

— Нет, — ответила Чарли. — Я виню себя за то, что бежала недостаточно быстро.

Что на самом деле случилось с Чарли

— Беги! — Сэм сильно толкнула сестру. — Чарли, беги!

Чарли упала на спину. Она увидела яркую вспышку выстрела, услышала взрыв, вытолкнувший пулю из ствола.

Сэм волчком завертелась в воздухе, почти кувырком отправившись в разверстую пасть могилы.

— Черт, — сказал Дэниэл. — Господи. О господи.

Чарли поползла назад, как краб, на руках и пятках, пока не ударилась спиной о дерево. Она встала. Колени тряслись. Руки тряслись. Все тело тряслось.

— Все хорошо, кошечка, — сказал ей Зак. — Стой там, я иду к тебе.

Чарли смотрела на могилу. Может, Сэм прячется там и ждет, когда можно будет выскочить и побежать. Но она не двигалась, не говорила, не кричала, не указывала всем вокруг, что им делать.

— Закопай эту сучку. А мы с малой ненадолго отойдем.

Если бы Сэм могла сейчас говорить, она бы орала, в бешенстве от того, что Чарли просто стоит, упуская свой шанс, и не делает то, чему ее всегда учила Сэм.

Не смотри назад... верь, что я сзади... опусти голову и...

Чарли побежала.

Ее руки мотались вдоль тела. Ноги пытались удержать сцепление с землей. Ветки хлестали ее по лицу. Она задыхалась. В легкие будто вбивались иглы.

В голове раздался голос Сэм: «Дыши. Медленно и уверенно. Подожди, и боль пройдет».

— А ну-ка назад! — заорал Зак.

Воздух трясся от настигающего ее «бух-бух-бух», звук резонировал у Чарли в груди.

Захария Кулпеппер догонял ее.

Она прижала руки к бокам. Убрала напряжение из плеч. Представила, что ее ноги — это поршни в быстром двигателе. Выключила ощущения впивающихся в голые ступни шишек и острых камней. Она думала о мышцах, которые помогают ей двигаться.

Икроножные мышцы, квадрицепсы, задняя поверхность бедра, напряги корпус, береги спину.

Зак приближался. Она слышала, что он надвигается на нее, как паровоз.

Чарли перескочила через упавшее дерево. Она глянула налево, потом направо, зная, что по прямой бежать нельзя. Надо было понять, где метеовышка, чтобы убедиться, что она бежит в правильном направлении, но она понимала, что если оглянется, то увидит Зака, а это усилит ее панику, она запнется, а если она запнется, она упадет.

И тогда он ее изнасилует.

Чарли взяла правее, цепляясь за землю пальцами ног, чтобы не упасть на повороте. В последний момент она заметила еще одно упавшее дерево. Она перебросила себя через него и неловко приземлилась. Подвернула стопу. Почувствовала, как лодыжка коснулась земли. Боль прорезала ногу.

Она продолжила бежать.

Стопы стали липкими от крови. По всему телу стекал пот.

Чарли посмотрела вперед в поисках света, какого-то безопасного укрытия.

Сколько еще он сможет бежать за ней? Как далеко сможет убежать она?

К ней вернулся голос Сэм: «Представь себе финишную черту. Ты должна стремиться к ней сильнее,

чем человек позади тебя».

Захария чего-то хочет. Чарли хочет чего-то другого: убежать, позвать на помощь сестре, найти Расти, чтобы он придумал, как все наладить.

Внезапно голова Чарли дернулась. Ее ноги взлетели в воздух.

Спина со всей силы врезалась в землю.

Она видела, как выдох вылетел из ее легких. Захария накрыл ее своим телом. Его руки были повсюду. Тискали ее груди. Стягивали ее шорты. Его зубы впились в ее закрытый рот. Чарли царапала его глаза. Пыталась ударить коленом ему в пах, но не смогла согнуть ногу.

Он выпрямился, оседлав ее. Расстегнул свой ремень. Захария оказался очень тяжелым. Он давил своим весом так, что ей было нечем дышать. Чарли открыла рот. Задышавшись, она не могла кричать. Ее тошнило. Рвота жгла горло.

Ее шорты были спущены. Он легким движением перевернул ее на живот. Она снова попыталась закричать, но он ткнул ее лицом в землю. Ее рот наполнился грязью. Он схватил ее волосы в кулак. Она почувствовала, как ее тело разрывается изнутри, когда он проник в нее. Он впился зубами ей в плечо. Он кряхтел, как свинья, насилуя ее сзади. Она ощутила запах гнили от земли, из его рта, от того, что он засовывал в нее.

Чарли зажмурилась.

Я не здесь. Я не здесь. Я не здесь.

Каждый раз, когда ей удавалось убедить себя, что все происходящее неправда, что она сейчас делает уроки на кухне в доме из красного кирпича, или бежит по школьному стадиону, или, спрятавшись в шкафу у Сэм, подслушивает, как та болтает по телефону с Питером Александером, Захария делал что-то новое, и боль выдергивала ее назад в реальность.

И он еще не закончил.

Руки Чарли бессильно свисали, когда он переворачивал ее на спину. Он вошел в нее спереди. Наконец она перестала что-либо чувствовать. В сознании наступила пустота. Она знала, что происходит, но будто наблюдала со стороны.

Ее тело поднимается и опускается с его толчками. Ее рот безвольно открыт. Его язык лезет ей в горло. Его пальцы впиваются в ее груди, словно он хочет их оторвать.

Она посмотрела вверх. Мимо его уродливого скорченного лица. Мимо склонившихся деревьев. Кривые ветки. Ночное небо.

На темной глади голубела луна. Размытыми дырочками по небу разбросаны звезды.

Чарли закрыла глаза. Хотела увидеть темноту, но увидела, как Сэм летит, крутясь в воздухе. Услышала «хлоп», с которым тело сестры приземлилось в могилу, так четко, будто это происходит опять. А потом она увидела Гамму. На полу кухни. Спина к шкафчику.

Ярко-белая кость. Ключья сердца и легких. Жилы, артерии и вены, и жизнь, вытекающая из ее зияющих ран.

Гамма говорила ей бежать.

Сэм приказывала ей убираться. Они бы не хотели этого.

Они пожертвовали своей жизнью ради Шарлотты, но не ради этого.

— Нет! — завизжала Шарлотта, сжав кулаки.

Она ударила Захарию в грудь, сильно врезала ему в челюсть, так что его голова дернулась вбок. Из рта у него брызнула кровь — крупными каплями, не как у Гаммы — крошечными точечками.

— Ебаная сука. — Он занес руку, чтобы ударить ее.

Чарли увидела боковым зрением какое-то движение.

— Отойди от нее!

Дэниэл пролетел над Чарли и повалил Захарию на землю. Его кулаки ходили туда-сюда: он размахивал руками, как ветряная мельница, вбивая брата в землю.

— Ублюдок! — орал он. — Убью, на хер!

Шарлотта отползла от них. Проваливаясь руками в грунт, заставила себя встать. Кровь текла по ногам. Она согнулась пополам от резкой боли в животе. Споткнулась. Покрутилась на месте, ослепшая, как Сэм. Она не могла понять, где находится. Не знала, в какую сторону бежать, но понимала, что надо двигаться.

Бросившись обратно в лес, Чарли чуть не взвыла от резкой боли в лодыжке. Она не искала метеовышку. Не прислушивалась к ручью, не пыталась найти Сэм или выйти к ШБ. Она просто бежала, потом шла, а потом так устала, что хотела ползти.

Наконец она сдалась и упала на четвереньки.

Она прислушалась, нет ли шагов сзади, но различила только свое собственное тяжелое дыхание.

Между ног капала кровь. Внутри ее была его жидкость: она разлагалась и сгнивала ее внутренности. Шарлотту вырвало. Желчь ударилась о землю и плеснула обратно ей в лицо. Ей хотелось лечь, закрыть глаза, заснуть и проснуться через неделю, когда все это закончится.

Но нельзя.

Захария Кулпеппер.

Дэниэл Кулпеппер.

Братья.

Шарлотта должна увидеть, как они оба умрут. Она будет смотреть, как палач пристегивает каждого из них к деревянному стулу, надевает на голову железную шапку с мокрой губкой под ней, чтобы они не загорелись, и она будет смотреть Захарию Кулпепперу между ног, чтобы увидеть, как там потечет моча, когда он поймет, что его сейчас казнят на электрическом стуле.

Шарлотта встала.

Она споткнулась, потом пошла, потом медленно побежала и вдруг каким-то чудом она увидела свет.

Второй фермерский дом.

Шарлотта подняла руку, будто могла до него дотянуться. Сдержала рыдания.

Она едва могла наступать на подвернутую ногу, хромая через свежевспаханное поле. Она не отрывала взгляда от света на крыльце, используя его как маяк, который сможет отвести ее от опасных скал.

Я здесь. Я здесь. Я здесь.

Ко входу вели четыре ступени. Шарлотта смотрела на них, стараясь не думать о ступенях на заднем крыльце ШБ, о том, как через одну взбежала на них всего несколько часов назад, скинула кроссовки, стянула носки и вошла на кухню, где Гамма ругалась плохими словами.

— Вынимать, — прошептала Чарли. — Вынимать.

Лодыжка выгнулась, когда она ступила на лестницу. Она схватилась за шаткие перила. Моргая, посмотрела на лампочку над крыльцом: та была ярко-белой, как жаркое пламя. В глаза попала кровь. Шарлотта вытерла ее кулаком. С придверного коврика ей улыбалась красная ягода клубники с ручками и ножками.

Она оставила темные следы на коврике. Подняла руку.

Она качалась, будто у фигурки «манэки».

Шарлотте пришлось схватить ее другой рукой, чтобы постучать в дверь. На окрашенной белым деревянной двери остались мокро-кровавые следы ее костяшек.

Она услышала, как в доме кто-то отодвинул стул. Легкими шагами подошел к двери. Бодрый женский голос спросил:

— Кто это стучится так поздно?

Шарлотта не ответила.

Не было звука щелкающих замков или отодвигающейся цепочки. Дверь открылась. На пороге кухни стояла светловолосая девушка. Волосы собраны в свободный хвост на затылке. Она была старше Шарлотты. Симпатичная. Ее глаза расширились. Рот раскрылся. Она схватилась за грудь, будто в нее попала стрела.

— Ох... — выдохнула она. — Господи. Господи. Папа! — Она протянула руки к Шарлотте, но не знала, как к ней прикоснуться. — Входи! Входи!

Шарлотта сделала один шаг, потом еще один, и вот она стоит на кухне.

Ее трясло, хотя в доме было тепло.

Все было очень чистое и ярко освещенное. Желтые обои с красными клубничками. Бордюр под потолком с таким же рисунком. На тостере — вязаный чехол с пришитой сбоку клубничкой. Красный чайник на плите. Красные часы на стене — кот с двигающимися глазками.

— Отец наш небесный, — прошептал вошедший мужчина. Он был пожилой, с бородой. Его глаза за очками округлились.

Шарлотта попятилась и прислонилась к стене. Он спросил у девушки:

— Господи, что здесь произошло?

— Она просто постучала в дверь. — Девушка начала плакать. Ее голос вибрировал, как флейта-пикколо. — Я не знаю. Я не знаю.

— Это одна из дочек Куиннов. — Он открыл шторы. Посмотрел наружу. — Они все еще там?

Захария Кулпеппер.

Дэниэл Кулпеппер.

Сэм.

Он пошарил рукой по верху кухонного шкафа. Вытащил винтовку и коробку патронов.

— Дай мне телефон.

Шарлотта опять затряслась. Винтовка была длинной, похожей на меч, которым можно было бы вспороть человека.

Девушка сняла со стены трубку беспроводного телефона. Уронила ее на пол. Подняла. Ее руки дрожали, двигалась она хаотично и будто неуправляемо. Она выдвинула антенну. Протянула телефон отцу.

— Я позвоню в полицию, — сказал он. — Закрой за мной дверь.

Девушка сделала, как было велено, неловкими пальцами закрыв защелку. Она сложила ладони. Посмотрела на Шарлотту. Сделала короткий вдох. Осмотрела комнату.

— Я не знаю, что... — Она закрыла рот рукой. Увидела то, что было на полу.

Шарлотта тоже это видела. Вокруг ее ног растекалась лужа крови. Она текла изнутри, скользя по бедрам, коленям и лодыжкам, медленно, но верно, как струйка из крана в фермерском доме, если не ударить по нему как следует молотком.

Она сделала шаг. Кровь последовала за ней. Она вспомнила, как читала про улиток, про то, как они оставляют за собой след из слизи.

— Садись, — сказала девушка. Голос ее немного успокоился и звучал увереннее. — Ничего страшного, моя хорошая. Можешь сесть. — Она мягко взяла Шарлотту за плечо и подвела ее к стулу. — Сейчас приедет полиция. Ты в безопасности.

Шарлотта не стала садиться. Женщина не выглядела как человек, чувствующий себя в безопасности.

— Я — мисс Хеллер. — Она наклонилась к Шарлотте. Погладила ее по волосам. — Ты ведь Шарлотта, правильно?

Та кивнула.

— Ох, ангелочек. — Мисс Хеллер продолжала гладить ее по голове. — Это ужасно. То, что с тобой случилось — что бы это ни было, — это ужасно.

У Шарлотты подкосились колени. Она не хотела садиться, но пришлось. Боль словно ножом кромсала ее внутренности. Весь низ тела болел. Она почувствовала, что из нее выходит что-то теплое, будто она снова описалась.

Она попросила мисс Хеллер:

— Можно мне мороженого?

Сначала та ничего не сказала. Потом встала. Достала миску, ванильное мороженое и ложку. Поставила на стол.

От запаха мороженого к горлу Чарли подкатила желчь. Она проглотила ее. Взяла ложку. Съела мороженое, запихивая его в рот с бешеной скоростью.

— Помедленнее, — сказала мисс Хеллер, — а то тебя стошнит.

Шарлотта хотела, чтобы ее стошнило. Она хотела очиститься. Она хотела, чтобы *он* вышел из нее. Она хотела убить себя.

«Мама, что будет, если я съем две миски мороженого? Прямо большие».

«Твой кишечник взорвется, и ты умрешь».

Шарлотта запихнула в себя вторую миску мороженого. Помогла себе руками, потому что ложка казалась слишком маленькой. Она потянулась к контейнеру. Но мисс Хеллер остановила ее. Она была в ужасе.

— Что с тобой случилось? — спросила она.

Шарлотта ела с такой скоростью, что запыхалась. Она слышала, как дыхание свистит у нее в носу. Ее шорты пропитались кровью. Клубничная подушечка на стуле намочила. Она чувствовала, как между ног у нее капает, но понимала, что это не только кровь. Это *он*.

Это Зак Кулпеппер. Он оставил внутри ее свою жидкость.

К горлу снова подкатила рвота. На этот раз она не могла ее остановить. Шарлотта прижала руку ко рту. Мисс Хеллер подняла ее, обхватив за талию. Пробежав по коридору, отнесла Шарлотту в ванную.

Шарлотту так вывернуло, что она подумала, желудок сейчас выйдет изо рта. Она схватилась за холодный край унитаза. Ее глаза выпучились. Горло горело. Кишечник был будто наполнен лезвиями. Она сдернула шорты. Села на унитаз. Почувствовала, как из нее полился поток. Кровь. Фекалии. *Он.*

Шарлотта вскрикнула от боли. Согнулась пополам. Открыла рот. Мучительно завывала.

Ей хотелось к маме. Ей была нужна мама.

— Ох, моя хорошая. — Мисс Хеллер была за дверью. Она стояла на коленях. Шарлотта слышала ее голос сквозь замочную скважину: — «Но Иисус, подозвав их, сказал: пустите детей приходить ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие»^[24].

Шарлотта зажмурилась. По щекам потекли слезы. Она дышала открытым ртом. Слышала, как в воду каплют тяжелые капли крови. Это бесконечно. Они никогда не закончатся.

— Деточка... — произнесла мисс Хеллер. — Господи, облегчи эту ношу.

Шарлотта тряхнула головой. Пропитанные кровью волосы шлепнули по лицу. Глаза ее были по-прежнему закрыты. Она увидела, как Сэм крутится, летит кувырком.

Облачко брызг от пули, влетевшей в ее мозг.

Фонтан крови, хлынувший из груди Гаммы, когда взорвалась ее грудная клетка.

— Моя сестра, — прошептала Шарлотта. — Она умерла.

— Что, деточка? — Мисс Хеллер приоткрыла дверь. — Что ты сказала?

— Моя сестра. — Шарлотта стучала зубами. — Она умерла. Моя мама умерла.

Мисс Хеллер, хватаясь за ручку двери, упала на пол. Она ничего не сказала.

Шарлотта посмотрела на белую плитку под ногами. Перед глазами у нее поплыли черные пятна. Из открытого рта закапала кровь. Она отмотала туалетной бумаги. Приложила к носу. Похоже было, что нос сломан.

Мисс Хеллер зашла в ванную. Она включила кран над раковиной. Шарлотта попыталась вытереться. Почувствовала, что между ног свисают лохмотья плоти. Кровь никак не останавливалась. Она никогда не остановится. Шарлотта натянула шорты, но не смогла встать от головокружения.

Она села обратно на унитаз. Недвижно уставилась в картинку с клубничной грядкой на стене.

— Все хорошо. — Мисс Хеллер вытерла лицо Шарлотты мокрой тканью. Ее руки дрожали, также как и голос. — «А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его, и вы выйдете и разыграете, как...»^[25]

В заднюю дверь громко постучали. Грохот. Крики. Мисс Хеллер прижала руку к груди Шарлотты, не дав ей двинуться.

— Юдифь! — раздался крик старика. — Юдифь!

Задняя дверь с треском раскрылась.

Мисс Хеллер снова подняла Шарлотту за талию. Чарли почувствовала, как ноги оторвались от пола. Она схватилась за плечи женщины. Казалось, ребра треснут, так сильно мисс Хеллер прижала ее к себе, побежав по коридору.

— Шарлотта!

Это был крик боли, крик раненого животного.

Мисс Хеллер затормозила и остановилась. Обернулась.

Медленно отпустила талию Шарлотты.

В конце коридора стоял Расти. Он тяжело прислонился к стене. Грудь его вздымалась и опускалась. Он сжимал в руке носовой платок.

Шарлотта почувствовала, как ноги коснулись пола. Колени подкосились, не в состоянии удерживать вес ее тела.

Расти, пошатываясь, пошел по коридору. Ударился плечом о стену, потом о другую, потом опустился на колени и обхватил Шарлотту.

— Моя малышка. — Он заплакал, укутав ее собой. — Мое сокровище.

Шарлотта ощутила, как ее мышцы расслабляются. Папа действовал на нее как успокоительное. В его руках она превратилась в тряпичную куклу.

— Моя малышка, — прошептал он.

— Гамма...

— Я знаю! — Расти завыл. Она ощутила, как его грудь затряслась, когда он попытался сдержать слезы отчаяния. — Я знаю, моя хорошая. Я знаю.

Шарлотта начала рыдать: не от боли, а от страха, потому что она никогда не видела, чтобы отец плакал.

— Я с тобой. — Он стал ее укачивать. — Папа рядом. Я с тобой. — Шарлотта ревела так сильно, что не могла разлепить глаза.

— Сэм...

— Я знаю, — сказал он. — Мы ее найдем.

— Они ее похоронили.

Расти издал страшный стон.

— Это Кулпепперы. — Только ради этого Шарлотта и продолжала двигаться: она знала их имена, она должна была сказать их Расти. — Зак и его брат.

— Это неважно. — Он прижался губами к ее макушке. — Сейчас приедет «Скорая». Они о тебе позаботятся.

— Папочка. — Шарлотта подняла голову. Прижала губы к его уху. Прошептала: — Зак засунул в меня свою штуку.

Расти обессиленно опустил руки. Словно из него выпустили воздух. Нижняя челюсть отвисла. Он сполз на пол. Он всматривался в лицо Шарлотты. Снова задвигал губами. Попытался что-то сказать, но только тихо заскулил.

— Папочка, — снова прошептала она.

Расти прижал пальцы к ее рту. Он прикусил губу, будто не хотел, но был вынужден говорить.

— Он изнасиловал тебя?

Шарлотта кивнула.

Рука Расти камнем упала вниз. Он отвел глаза. Покачал головой. Слезы двумя ручьями текли по его щекам.

Шарлотте стало стыдно от того, как он замолчал. Отец знает, что делают такие мужчины, как Захария Кулпеппер. Он не мог даже смотреть на нее.

— Прости меня, — сказала Шарлотта. — Я не смогла бежать быстрее.

Расти посмотрел на мисс Хеллер, а потом наконец медленно перевел взгляд на Шарлотту.

— Ты не виновата. — Он откашлялся. И повторил: — Ты не виновата в этом, малышка. Слышишь меня?

Шарлотта услышала, но не поверила ему.

— То, что с тобой случилось, — произнес Расти с нажимом, — это не твоя вина. Но мы никому об этом не расскажем, хорошо?

Шарлотта молча смотрела на него. Когда она действительно не виновата, ей не приходится об этом врать.

— Это очень личная вещь, — объяснил Расти, — и мы никому об этом говорить не будем, хорошо? — Он снова поднял глаза на Юдифь Хеллер. — Я знаю, как адвокаты обходятся с изнасилованными девушками. Не хочу, чтобы моей дочери пришлось пройти через этот ад. Я не позволю людям обращаться с ней как с ущербной. — Он вытер глаза тыльной стороной ладони. Его тон стал увереннее. — Они умрут за это. Те два парня — убийцы, и их казнят, но, пожалуйста, не дайте им утащить с собой мою дочь. Пожалуйста. Это было бы невыносимо. Невыносимо.

Он ждал, глядя на мисс Хеллер. Чарли обернулась.

Мисс Хеллер посмотрела вниз — на нее. Кивнула.

— Спасибо. Спасибо. — Расти положил руку на плечо Шарлотты.

Он снова посмотрел на ее лицо, увидел кровь, осколки костей, ветки и листья, приклеившиеся к ее телу. Потрогал порванный шов на ее шортах. Из его глаз снова полились слезы. Он думал о том, что сделали с ней, что сделали с Сэм, с Гаммой. Уронил лицо в ладони. Его рыдания перешли в вой. Он привалился к стене, поверженный горем.

Шарлотта попыталась сглотнуть. Горло пересохло. Она не могла смыть слюной вкус кислого молока. Она была разорвана изнутри. Она все еще чувствовала, как кровь непрерывным потоком течет по внутренней стороне ее бедра.

— Папочка, — сказала Шарлотта. — Прости меня.

— Нет. — Он схватил и встряхнул ее. — Никогда не извиняйся, Шарлотта. Слышишь меня?

Он выглядел так разгневанно, что Шарлотта не посмела ничего сказать.

— Прости меня, — запинаясь, произнес Расти.

Он поднялся на колени. Взял ее за затылок и прижался лицом к ее лицу, касаясь носом ее носа. Она вдохнула запах сигарет и его терпкого одеколона.

— Послушай меня, Чарли-мишка. Ты слушаешь?

Шарлотта смотрела в его глаза. От голубых радужек расходились красные линии.

— Ты ни в чем не виновата. Я твой папа, и я говорю тебе, что здесь совершенно нет твоей вины. — Он подождал. — Хорошо?

Шарлотта кивнула.

— Хорошо.

Расти еще раз болезненно выдохнул. С усилием сглотнул. Он все еще плакал, не прячась.

— Так, ты помнишь все те коробки, которые твоя мама принесла из секонд-хенда?

Шарлотта забыла об этих коробках. Их теперь некому будет открывать. Остались только Шарлотта и Расти. И больше никого.

— Послушай меня, малышка. — Расти взял в ладони ее лицо. — Я хочу, чтобы ты взяла то, что сделал с тобой этот мерзкий человек, и положила в одну из этих коробок, хорошо?

Он подождал, очевидно, мучительно желая, чтобы она согласилась. Шарлотта заставила себя кивнуть.

— Ладно, — сказал он. — Ладно. Значит, твой папа достанет скотч, и мы заклеим эту коробку вместе, моя хорошая. — Его голос снова надорвался. Он отчаянно искал согласия в ее взгляде. — Слышишь меня? Мы закроем эту коробку и крепко ее заклеим.

Она опять кивнула.

— И потом мы положим эту гадкую коробку на полку. И оставим ее там. И никогда не будем о ней думать и смотреть на нее, пока у нас все не наладится и мы не будем к этому по-настоящему, черт возьми, готовы, хорошо?

Шарлотта продолжала кивать, потому что он хотел этого.

— Умница.

Расти поцеловал ее в щеку. Прижал к груди. Ухо Шарлотты загнулось на его рубашке. Она ощущала, как под его кожей и костями бьется сердце. Он говорил так взволнованно, так испуганно.

— У нас все будет хорошо, так ведь? — спросил Расти.

Он держал ее так крепко, что она не могла кивнуть, но Шарлотта понимала, чего хочет отец. Чтобы она активировала свой логический переключатель, но на этот раз по-настоящему. Гаммы больше нет. Сэм больше нет. Шарлотте нужно быть сильной. Ей нужно быть хорошей дочерью, которая позаботится о своем отце.

— Ладно, Чарли-мишка? — Расти поцеловал ее в макушку. — Значит, решили?

Шарлотта нарисовала в воображении пустой шкаф в спальне старого фермера. Болтающаяся дверца была открыта. Она увидела на полу коробку. Коричневый картон. Заклеенный упаковочной лентой. Она посмотрела на этикетку. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. Она глядела, как Расти водружает коробку на плечо и задвигает ее на самую верхнюю полку, а потом толкает, пока тень не поглотит ее полностью.

— Решили, малышка? — умолял он. — Закроем эту коробку?

Чарли представила, как закрывает дверцу шкафа. Она ответила:

— Да, папочка.

Она не откроет эту коробку. Никогда.

Глава шестнадцатая

Чарли была не в состоянии взглянуть на Сэм. Она продолжала сидеть, опустив лицо в ладони. Склонившись на стуле. Она много лет не думала о своем обещании Расти. Как послушная, хорошая дочь, она положила свою тайну на полку и позволила теням времени поглотить воспоминания. Их «сделка с дьяволом» раньше не казалась ей важной частью истории, но теперь Чарли поняла, что это было чуть ли не самое важное.

— В общем, — сказала она, — видимо, мораль состоит в том, что все плохое случается со мной в коридорах.

Чарли почувствовала, как Сэм положила руку ей на спину. Единственное, чего ей хотелось сейчас в целом мире, — это прижаться к сестре, положить голову ей на колени и плакать, позволив ей обнять себя.

Но вместо этого она встала. Подобрала свои туфли. Надела их, прислонившись бедром к гробу Расти.

— Ее звали Мери-Линн. Я думала, Линн — это фамилия. А не Гекльби. — Чарли с содроганием вспомнила, как холоден стал Гек, узнав, что она дочь Расти Куинна. — Ты помнишь ее фотографии в амбаре?

Сэм кивнула.

— Мне запомнилось, что ее шея растянулась почти на фут. Как у жирафа. А выражение лица... — Чарли подумала, что в чем-то оно было похоже на смертельную боль на лице Расти, когда он нашел ее в коридоре. — Мы думали, что ты умерла, мы знали, что мама умерла. Он не говорил этого, но я понимаю, он боялся, что я повешусь или найду какой-то другой способ наложить на себя руки, как Мери-Линн. — Чарли

пожала плечами. — Возможно, он не зря боялся. Это было невыносимо.

Сэм какое-то время молчала. У нее не было привычки что-то теревить в руках, но сейчас она разглаживала складку на брюках.

— Врачи считают, что причина твоих выкидышей была в этом?

Чарли чуть не рассмеялась. Сэм всегда хочет получить научное объяснение.

— После второго раза, который на самом деле был третьим, я поехала к репродуктологу в Атланту. Бен думал, что я на конференции. Я рассказала врачу, что случилось — что на самом деле случилось. Я все ей выложила, даже такое, о чем не знал папа. О том, что он использовал руки. Кулаки. Нож.

Сэм откашлялась. Выражение ее глаз, как всегда, скрывали темные очки.

— И?

— Она направила меня на анализы, на исследования, а потом сказала, что у меня какая-то стенка тонкая или какой-то рубец на трубе, и нарисовала какую-то схему на бумажке, но я сказала: «Выкладывайте все как есть». И она выложила. У меня «негостеприимная» матка. — Чарли горько засмеялась над этим словосочетанием, больше подходящим для сайта с туристическими отзывами. — Моя матка не подходит для размещения эмбриона. Врач была удивлена, что я вообще смогла доносить ребенка до второго триместра.

— Она считает, это связано с тем, что произошло? — уточнила Сэм.

Чарли пожалала плечами.

— Она сказала, что это возможно, но точно сказать нельзя. Хрен его знает: если кто-то засунул в тебя рукоятку ножа, то, наверное, неудивительно, что у тебя не будет детей.

— Ты сказала, что в последний раз у плода обнаружили синдром Денди-Уокера, но это не могло быть следствием порока матки. — Сэм, как всегда, заметила логические несостыковки. — Значит ли это, что проблема генетическая?

Чарли не собиралась снова поднимать этот вопрос.

— Ты права. Это был последний раз. Я все равно уже слишком старая. Беременеть слишком рискованно. Мои часики уже не тикают.

Сэм сняла очки. Потерла глаза.

— Я должна была быть рядом с тобой в тот момент.

— А я не должна была просить тебя приехать сейчас. — Она улыбнулась, вспомнив слова, сказанные Расти два дня назад: — У нас патовая ситуация, как обычно.

— Ты должна рассказать Бену.

— О, опять твое «ты должна». — Чарли высморкалась. По чему она не скучала все эти годы, так это по менторскому тону Сэм. — Я думаю, уже поздно пытаться что-то объяснять Бену.

Она произнесла это, особо не задумываясь, но на самом деле после провальных попыток соблазнения Чарли решила больше не отрицать тот, что Бен может и не вернуться. Она даже не смогла набраться смелости попросить его остаться накануне ночью, боясь, что он снова ей откажет.

— Бен был настоящим ангелом, когда это случилось, — сказала она. — Каждый раз. Я не преувеличиваю. Я правда не понимаю, откуда в нем столько доброты. Не от мамы. И не от сестер. Господи, они все вели себя чудовищно. Выспрашивали подробности, будто это какая-то сплетня. Висели на телефонах целыми днями, как на горячей линии. И ты не представляешь, каково это: ходить беременной, покупать детскую мебель, планировать декретный отпуск и быть огромной, как грузовик, а потом через

неделю прийти в магазин и все, кто раньше улыбался, даже в глаза тебе не смотрят. — Опомнившись, Чарли спросила: — Ты же не знаешь, каково это, верно?

Сэм покачала головой.

Чарли не удивилась. Она не могла представить, чтобы сестра рискнула забеременеть, потому что ее тело могло бы не выдержать нагрузки, связанной с вынашиванием ребенка.

— Я превратилась в полную суку, — сказала Чарли. — Я иногда слышу сама себя — и сейчас, и десять минут назад, и вчера, и каждый гребаный день до этого — и думаю: «Заткнись. Успокойся уже». Но не получается. Я не могу.

— А усыновление?

Чарли удержалась от агрессивного ответа на этот вопрос. У нее ребенок умер. Это же не собака, которая сдохнет, а через несколько месяцев можно взять щенка, чтобы утешиться.

— Я ждала, когда Бен поднимет этот вопрос, но он всегда говорил, что счастлив со мной, что мы команда, что он хочет состариться вдвоем. — Она пожала плечами. — Может, он ждал, когда я об этом заговорю. Прямо как в «Дарах волхвов», только с ядовитой маткой.

Сэм надела очки.

— Ты сказала, что с Беном все кончено. Что ты потеряешь, если расскажешь ему о случившемся?

— Не потеряю, а получу, — ответила Чарли. — Я не хочу получить его жалость. Не хочу, чтобы он остался со мной из чувства долга. — Она оперлась рукой на закрытый гроб. Она беседовала одновременно и с Сэм, и с Расти. — Бен был бы счастливее с кем-то другим.

— Чушь собачья, — отрезала Сэм. — Ты не имеешь права решать за него.

Чарли казалось, что Бен уже все решил. Она не может его винить. Ей трудно было поверить, что какой-

либо сорокаоднолетний мужчина может быть несчастлив с податливой двадцатилетней девушкой.

— Он так любит детей. Так здорово с ними возится.

— И ты тоже.

— Но у меня нет детей не из-за него.

— А если бы из-за него?

Чарли покачала головой. Это так не работает.

— Хочешь побыть здесь наедине? — Она показала на гроб. — Попрощаться?

Сэм поморщилась.

— И с кем я буду разговаривать?

Чарли скрестила руки.

— Дашь мне минутку?

Бровь Сэм поползла вверх, но она в кои-то веки сумела промолчать.

— Я подожду тебя снаружи.

Чарли смотрела, как сестра выходит из зала. Сэм сегодня не так сильно хромает. Хотя что-то хорошее. Чарли больно было видеть ее вчера в Пайквилле, беззащитную, словно выброшенная на берег рыба. На каждом шагу Сэм встречался кто-то, кто знал в точности, что с ней произошло.

Все знали это, кроме судьи Стэнли Лаймана.

Если бы Чарли могла добежать до судейского стола и вклеить этому ублюдку пощечину за унижение сестры, она бы это сделала, даже рискуя быть арестованной.

Сэм всегда тщательно скрывала свои увечья, но достаточно было несколько минут наблюдать за ней, чтобы заметить особенности. Ее поза, всегда слишком зажата. То, как она держит руки по швам при ходьбе, вместо того чтобы свободно размахивать ими. То, как она поворачивает голову, всегда помня о своей слепой зоне. А еще ее несносная манера говорить четко и поучительно. Сэм всегда была резка в высказываниях,

но после ранения каждое ее слово приобрело острый угол. Иногда она заметно колебалась, подбирая подходящее слово. Изредка можно было услышать, как она специально выталкивает звук диафрагмой, как ее учил логопед.

Врачи. Терапевты. Психологи. У Сэм была целая команда. Все они предлагали мнения, рекомендации, опасения, и никто из них не понимал, что Сэм никого не будет слушать. Она не была обычным человеком. Она не была им до ранения и уж точно не была им во время восстановления.

Чарли вспомнила, как кто-то из врачей сказал Расти, что в результате повреждения мозга Сэм может потерять десять пунктов по шкале IQ. Чарли чуть не расхохоталась. Для любого нормального человека десять баллов были бы катастрофой. Но для Сэм это значило, что из сверходаренного гения она превратится в просто очень, очень, черт возьми, умную девочку.

Сэм было семнадцать, то есть после ранения прошло два года, когда ей предложили полную стипендию в Стэнфорде.

«Она была счастлива?»

Вопрос, который они обсуждали с Расти, раздался у Чарли в голове.

Она повернулась к безобразному гробу отца. Положила руку на крышку. С угла откололась краска: видимо, так и бывает, если висеть на ней, как безумная, извергающая ругательства обезьяна.

Сэм не выглядела счастливой, но она выглядела удовлетворенной.

Чарли подумала, что надо было сказать папе, что удовлетворенность — это более похвальная цель. Сэм преуспела в профессии. Похоже, она смогла обуздать свой характер и больше не мечет громы и молнии. Злоба, которая тяжелым камнем лежала у нее на сердце, по всей видимости, исчезла. Конечно, она по-

прежнему бесит своим занудством, но это у нее от мамы.

Чарли постучала пальцами по гробу.

Горькая ирония мироздания не ускользнула от ее внимания: и она сама, и Сэм оказались полными неудачницами в вопросах жизни и смерти. Сэм не смогла облегчить страдания своего мужа. Чарли не смогла обеспечить безопасную среду для своего развивающегося ребенка.

— Опять начинается, — пробормотала она, чувствуя, как глаза снова наполняются слезами. Ей это до чертиков надоело. Ей больше не хотелось плакать. Ей больше не хотелось быть сукой. Ей больше не хотелось грустить. Ей больше не хотелось быть без мужа.

Ей было невероятно трудно привязываться, но отпустить оказалось еще труднее.

Она взяла один из стульев «для размышления». Сдернула нежно-голубой атласный чехол, подходящий скорее для вечеринки в честь шестнадцатилетия девочки-подростка. Села на жесткий пластик.

Она рассказала Сэм свою тайну. Она открыла коробку.

Почему она чувствует себя так же, как прежде? Почему все чудесным образом не изменилось?

Много лет назад Расти притащил Чарли к психологу. Ей было шестнадцать. Сэм тогда жила в Калифорнии. Чарли начала устраивать скандалы в школе, встречаться не с теми мальчиками, трахаться не с теми мальчиками, прокалывать шины автомобилей, на которых ездили не те мальчики.

Расти, вероятно, предполагал, что Чарли может рассказать правду о произошедшем, но и Чарли предполагала, что Расти не хотел бы, чтобы она об этом упоминала.

«У нас патовая ситуация, как обычно».

Психолог, серьезный мужчина в кашемировом жилете и рубашке, попытался вернуть Чарли в тот день, на кухню в фермерском доме, в то сырое помещение, где Гамма поставила кастрюлю воды на плиту и пошла в коридор искать Сэм.

Он предложил Чарли закрыть глаза и представить себя за кухонным столом: вот она сгибает бумажную тарелку, пытаюсь сложить самолетик. А вместо звука машины на подъездной дороге он предложил ей представить, как в дверь входит Иисус.

Это был христианский психолог. Ведомый только лучшими побуждениями, он искренне считал, что Иисус может решить самые разные вопросы.

— Закрой глаза, — говорил он Чарли. — Представь, как Иисус берет тебя на руки.

И Гамма не хватается за дробовик. И Сэм не получает пулю в голову. И Чарли не бежит через лес к дому мисс Хеллер.

Чарли сидела с закрытыми глазами, как ей сказали. Она села на руки, чтобы ничего не теревить, и болтала ногами, делая вид, что подыгрывает сценарию, но на самом деле она представила, что на помощь ей пришел не Иисус Христос, а Линдси Вагнер. Используя свою суперсилу, Бионическая Женщина врезала по морде Дэниэлу Кулпепперу. Приемом карате дала Захарии по яйцам. Она двигалась, как в замедленной съемке, а ее длинные волосы развевались под бионические звуки электронного саундтрека.

Чарли никогда не умела действовать строго по инструкции.

И, хоть это и было унижительно, теперь ей пришлось признать, что стремная тетка-психолог с лицензией социального работника и плохой стрижкой, к которой ее притащил Бен, была права по крайней мере в одном. Нечто ужасное, случившееся с Чарли почти тридцать лет назад, отравляло ее нынешнюю жизнь.

Точнее, уже отравило, потому что муж от нее ушел, сестра через несколько часов улетает в Нью-Йорк, а Чарли придется вернуться в свой пустой дом.

И даже собака на этой неделе у Бена.

Чарли смотрела на гроб своего отца. Ей не хотелось думать, как Расти лежит в этом холодном металлическом ящике. Ей хотелось запомнить, как он улыбается. Подмигивает ей. Притопывает ногой. Отстукивает стаккато на столе. В тысячный раз рассказывает одну из своих выдуманных историй.

Надо было больше его фотографировать.

Надо было записать его голос, чтобы не забыть его модуляции, его раздражающую манеру ставить ударение не на тех словах.

В жизни Чарли были моменты, когда она молилась, чтобы Расти — пожалуйста, ради всего святого — заткнулся, но сейчас ей больше всего на свете хотелось услышать его голос. Послушать одну из его баек. Узнать одну из его хитрых цитат. Насладиться тем моментом ясности, когда она понимала, что история, странное высказывание, ничего на первый взгляд не значащее наблюдение — это в действительности совет, да еще такой, который, как ни трудно это признать, обычно оказывался дельным.

Чарли протянула руку к отцу.

Положила ладонь на его гроб. Она чувствовала себя глупо, но не могла не спросить:

— Что мне теперь делать, пап?

Чарли подождала.

Впервые за сорок один год Расти не дал ей ответа.

Глава семнадцатая

Чарли прошла по мемориальному залу с бокалом вина. Только отец мог отдельно указать, что на его похоронах должны подавать алкоголь. В баре наливали крепкие напитки, но в полдень немногие гости были готовы их пить, что оказалось первой проблемой спешной организации похорон Расти. Второй проблемой стало то, о чем предупреждала Сэм: зеваки и лицемеры.

Чарли понимала, что неправильно мазать своих бывших друзей одной краской. Их нельзя винить за то, что они выбрали Бена, а не ее. Она бы тоже выбрала Бена. Возможно, спустя неделю, месяц, а может, и год она бы нормально восприняла их молчаливое присутствие, добрые кивки и улыбки, но в данный момент все они казались ей полными засранцами.

Добрые горожане, поносившие Расти за его либеральный гуманизм, прибыли в большом количестве. Джуди Уиллард, которая называла Расти убийцей за то, что он выступал адвокатом клиники, проводившей аборт. Абнер Коулмэн, который называл его ублюдком за то, что он выступал адвокатом убийцы. Уит Филдман, который называл его предателем за то, что он выступал адвокатом какого-то ублюдка. Список можно было продолжать, но Чарли от них тошнило.

Хуже всех был Кен Коин. Этот бездарный мудак встал в центре зала в окружении прихлебателей из своего управления. Кейли Коллинз на самом видном месте. Девушка, которая, возможно, спала с мужем Чарли, похоже, не задумывалась, что ей могут быть здесь не рады. Но, опять же, все юридическое сообщество отнеслось к похоронам как к светскому мероприятию. Коин, видимо, пересказывал какую-то древнюю историю про Расти, одно из его преданий о

судебной практике. Чарли смотрела, как Кейли смеется, запрокидывая голову. Она откинула от лица длинные светлые волосы. Протянула руку и дотронулась до его локтя: будь рядом его жена, она бы заметила скрытую чувственность в этом, казалось бы, невинном жесте.

Чарли пила вино, жалея, что это не кислота, которую можно было бы плеснуть в лицо Кейли.

У нее зазвонил телефон. Она дошла до пустого угла, успев ответить точно до того, как включился автоответчик.

— Это я, — сказал Мейсон Гекльби.

Чарли повернулась спиной к комнате, сгорая от вины и стыда.

— Я же сказала тебе не звонить мне.

— Извини. Мне нужно с тобой поговорить.

— Нет, не нужно, — отрезала она. — Слушай меня внимательно. То, что между нами было, — это самая большая ошибка в моей жизни. Я люблю своего мужа. Ты меня не интересуешь. Я не хочу с тобой разговаривать. Я не хочу иметь с тобой никаких дел, и, если ты еще раз мне позвонишь, я добьюсь судебного запрета на контакты, и у тебя будет судимость за харрасмент, о чем я сообщу в управление образования. Ты этого хочешь?

— Нет. О боже. Перезвони мне, ладно? Пожалуйста! — отчаянно умолял он. — Шарлотта, мне надо поговорить с тобой при личной встрече. Это очень важно. Важнее, чем ты или я. Важнее, чем то, что мы сделали.

— Вот в этом ты не прав, — заявила она. — Самое важное в моей жизни — это отношения с мужем, и я не позволю тебе им помешать.

— Шарлотта, если бы ты...

Чарли нажала «отбой» прежде, чем он успел загрузить ее еще каким-нибудь бредом.

Она бросила телефон обратно в сумочку. Пригладила волосы. Осушила свой бокал. Взяла в баре еще один. Перестала трястись, только допив его до половины. Слава богу, Мейсон просто позвонил по телефону. Если бы он пришел на похороны, если бы их увидели вместе, если бы Бен их увидел, Чарли бы провалилась под землю от ненависти и отвращения к себе.

— Шарлотта. — Ньютон Палмер, такой же нерадивый юрист, как и все остальные в этом зале, поприветствовал ее отработанным соболезнующим взглядом. — Как у тебя дела?

Чарли допила вино, чтобы потопить в нем рвущиеся наружу ругательства. Ньютон был одним из типичных пожилых белых мужчин, держащих власть в большинстве маленьких американских городков. Бен когда-то сказал, что все, что остается, — это ждать, когда старые ублюдки-расисты и сексисты типа Ньютона умрут. Только он не учел, что они воспроизводятся.

— Мы с твоим отцом виделись на завтраке в «Ротари-клубе» на прошлой неделе, — сообщил Ньютон. — Он был, как всегда, бодр, и рассказал одну очень смешную историю.

— Конечно, смешную. Это же папа. — Чарли делала вид, что слушает дурацкую историю из «Ротари», ища глазами сестру.

Сэм тоже была в западне — у миссис Данкан, ее учительницы английского в восьмом классе. Сэм кивала и улыбалась, но Чарли не могла представить, что сестра будет долго терпеть пустую болтовню. Сэм выделялась в толпе. Не из-за инвалидности, а потому, что она явно была нездешняя, а может, даже из другого времени. Темные очки. Царственный наклон головы. Стиль ее одежды тоже не помогал смешаться с толпой, даже на похоронах. Она была одета во все черное, но не в то

черное. В черное, доступное только одному проценту населения. Стоя рядом со своей древней учительницей, Сэм выглядела как шелковый кошелек рядом со свиным ухом из старинной пословицы.

— Смотрю на тебя, а вижу твою маму. — На Ленор было облегающее черное платье и каблуки выше, чем у Чарли. Она улыбнулась Ньютону. — Мистер Палмер.

Ньютон побелел.

— Шарлотта, прошу меня извинить, я должен идти.

Ленор проигнорировала его, и Чарли сделала то же самое. Она прижалась плечом к Ленор, и они вместе посмотрели на Сэм. Миссис Дункан все еще сидела у нее на ушах.

— Гарриет страстно хотела научиться находить общий язык с людьми, — сказала Ленор, — но так до конца и не решила это уравнение.

— Она нашла общий язык с папой.

— Твой отец был отклонением. Они были два одиночки, которые лучше всего функционировали, будучи вместе.

Чарли крепче прижалась к ней.

— Я не думала, что ты придешь.

— Очень уж захотелось побесить этих злобных ублюдков в последний раз. Слушай... — Ленор набрала побольше воздуха в легкие, будто готовясь к трудному разговору. — Думаю, я уйду с работы и поеду жить во Флориду. Буду среди своих — грустных одиноких белых женщин, живущих на скромный фиксированный доход с накоплений.

Чарли сжала губы. Не плакать же опять. Нельзя заставлять Ленор чувствовать вину за то, что она принимает правильное для себя решение.

— Ох, моя дорогая. — Ленор обняла Чарли за талию. Прошептала ей в ухо: — Я никогда тебя не брошу. Я просто буду жить в другом месте. А ты будешь приезжать в гости. Я сделаю для тебя отдельную

комнату, а по стенам развешу фотографии лошадей, котят и опоссумов.

Чарли засмеялась.

— Мне пора двигаться дальше, — сказала Ленор. — Я уже достаточно повоевала на этой войне.

— Папа тебя любил.

— Конечно, любил. А я люблю тебя. — Ленор поцеловала ее в висок. — Кстати, о любви.

Бен пробирался сквозь толпу. Подняв руки, он прошмыгнул мимо старика, который явно хотел ему что-то рассказать. Бен поздоровался с несколькими знакомыми, уверенно двигаясь вперед и легко избавляясь от нежелательных собеседников. Люди всегда улыбались, увидев Бена. Чарли почувствовала, что тоже заулыбалась.

— Привет. — Он разгладил галстук. — У вас тут чисто женский разговор?

— Я как раз собиралась пойти поругаться с твоим боссом. — Ленор еще раз поцеловала Чарли, прежде чем удалиться в сторону Кена Коина.

Группка вокруг окружного прокурора рассосалась, но Ленор поймала Коина, как гепард маленького кабанчика.

Чарли сказала Бену:

— Ленор выходит на пенсию и уезжает во Флориду.

Он не удивился.

— А что еще ей остается теперь, когда твоего папы больше нет.

— Только я. — Чарли не могла даже думать о том, что Ленор уедет. Это было слишком больно. Она спросила Бена: — Это ты выбирал костюм для папы?

— Нет, Расти все сам выбрал. Протяни ладонь, — попросил он.

Чарли протянула открытую ладонь.

Он залез в карман пиджака. Вытащил красный шарик. Положил ей в руку.

— Не благодарю.

Чарли посмотрела на клоунский нос и улыбнулась.

— Выйдем на улицу, — сказал он.

— Зачем?

Бен подождал, как всегда, невозмутимый.

Чарли поставила свой бокал. Засунув клоунский нос в сумку, пошла за Беном к выходу. Первое, что она заметила на улице, — это завеса сигаретного дыма. А второе — толпа эков. Дешевые костюмы не скрывали тюремных татуировок и мышц, накачанных часами тренировок в тюремных дворах. Там было несколько десятков мужчин и женщин — наверное, около полусотни.

Это были люди, которые по-настоящему пришли оплакать Расти и курили у входа, как хулиганы за школьным спортзалом.

— Шарлотта. — Один из мужчин схватил ее за руку. — Хотел вам сказать, что ваш папа очень много для меня сделал. Помог вытащить моего пацана.

Чарли улыбнулась, пожимая его грубую ладонь.

— А мне помог работу найти, — сообщил другой мужчина. Передние зубы у него были гнилыми, но следы расчески на жирных волосах свидетельствовали о том, что ради Расти он постарался.

— Он был нормальный мужик. — Женщина стряхивала пепел над переполненной урной у входа. — Заставил моего дебила-бывшего платить алименты.

— Да ладно тебе, — откликнулся какой-то мужчина — возможно, дебил-бывший.

Бен подмигнул Чарли и пошел обратно в зал. Помощник окружного прокурора не пользовался популярностью у этих ребят.

Чарли продолжала пожимать руки. Старалась не кашлять от дыма. Слушала истории о том, как Расти помогал людям, которым больше никто не хотел помогать. Она хотела сходить в зал и привести Сэм,

потому что сестра была бы рада услышать то, что рассказывали эти люди об их отце с его сложным и раздражительным характером. А может, она не просто была бы рада. Возможно, это именно то, что ей нужно. Сэм всегда делила мир на черное и белое. Серые зоны, в которых Расти, похоже, был настоящим специалистом, всегда оставались для нее загадкой.

Чарли усмехнулась сама себе. Парадоксальным образом, рассказав Сэм о своих самых темных грехах, Чарли чувствовала, что самое важное знание, которое Сэм должна увезти с собой, — это то, что их отец был хорошим человеком.

— Шарлотта!

Джимми Джек Литтл органично сливался с зэками. У него было больше татуировок, чем у большинства из них, включая тату на всю руку, которую он набил, отсидживая срок за ограбление банка. В фетровой шляпе, он будто перенесся из другого времени и места. Он выглядел постоянно сердитым, словно был страшно разочарован тем, что он не один из тех самых хороших парней, сбившихся с пути истинного из-за злодейки-красотки в нуар-романе сороковых годов.

— Спасибо, что пришли. — Чарли обняла его за шею, чего не делала никогда и, возможно, никогда не сделает в будущем. — Папа был бы счастлив, что вы здесь.

— Ну да. — Казалось, он ошалел от такого физического контакта. Он медленно зажег сигарету, восстанавливая свой запас сурового мачизма. — Жалко старика. Я надеялся, что он падет смертью храбрых в перестрелке.

— Я рада, что этого не произошло, — ответила Чарли, потому что два дня назад ее отец получил ножевые ранения. Возможность быть застреленным не сильно отличалась от реальной причины его смерти, поэтому она не могла об этом шутить.

— Насчет этого сопляка, Адама Хамфри. — Джимми Джек снял кусочек табака с губы. — С ним я че-то пока не понял. Может, он и мажет маслом ее печеньку, но молодежь сегодня — и девки, и пацаны, — они могут и просто дружить, без «шпили-вили». — Он пожал плечами от непостижимости этого явления, как пожал бы плечами при упоминании беспилотных автомобилей или умных колонок. — Так, Фрэнк Александер — его я знаю с того случая пару лет назад. Парень загремел за вождение по пьянке, а Расти его вытащил.

— Папа работал с семьей Александер? — Чарли поняла, что говорит слишком громко. Она прошептала: — Что произошло?

— Старина Расс, как всегда, позволял платить в рассрочку. Ничего необычного. А дело было так, что Фрэнк совал своего червяка не в ту норку. Пропустил пару рюмок с одной бабой в отеле на час и вернулся к женошке, воняя чужими духами. Вернее, был в пути. Копы вlepили ему наказание за небезопасное вождение в пьяном виде.

Чарли поняла, что это значит: алкометр показал содержание алкоголя в дыхании Фрэнка Александера в пределах разрешенного, но административное наказание ему все равно выписали, потому что полицейский посчитал, что его способность к управлению автомобилем нарушена.

— А любовница, она была школьницей?

— Агент по недвижимости, сильно старше, чем жена, что тем более странно, конечно, потому что на хрена? Ну ладно, деньги у нее водились, но бабы — это же не ретро-тачки, которые чем старше, тем круче. Если делаешь хот-дог, хочется пихать свою сосиску в свежую булочку, или я не прав?

Чарли предпочла не ввязываться в дискуссию о нюансах супружеской измены.

— Так что случилось с Фрэнком Александером?

— Потрудились на общественных работах, походил на курсы по перевоспитанию пьяных водителей. Судья не стал предавать процесс огласке, чтобы Александра не лишили учительской лицензии. Мои источники говорят, что реальные проблемы он поимел у себя дома. Жена не очень обрадовалась старой любовнице. И правда, с какого хера ему уперлась эта тетка?

— Они собирались разводиться? — спросила Чарли.
Джимми Джек пожал плечами.

— Наверное, для них это не вариант. Надо быть богатым мужиком, если хочешь садиться бухим за руль. Адвокату заплати. За курсы заплати. Штрафы заплати. Комиссию заплати. Это дерьмо может легко встать в восемь-десять косарей.

Чарли понимала, что это много для кого угодно, но Александеры были парой школьных учителей с маленьким ребенком. Вряд ли у них имелись большие накопления.

— Ничто так не укрепляет брак, — заметил Джимми Джек, — как риск остаться с голой задницей и до конца жизни питаться лапшой быстрого приготовления.

— А может, они любят друг друга, поэтому все обдумали и решили сохранить семью ради ребенка?

— Как ты складно излагаешь, дорогуша. — Он докурив сигарету до самого фильтра. Бросил ее в ящик с цветами у двери. — Думаю, сейчас это уже неважно. Из могилы Расти мне не заплатит за то, чтобы как следует раскопать их дерьмо.

— Тому, кто возьмет на себя это дело, понадобится свой человек на местности.

Его передернуло будто от одной этой мысли.

— Хрен знает, смогу ли я работать с каким-то еще адвокатом, кроме твоего отца. Ты не в счет. Но, черт, адвокаты вечно не платят, и вообще они обычно говнюки, а не люди.

Чарли нечего было возразить.

— Ладно, дорогуша. — Он подмигнул. — Иди дальше слушай своих оборванцев. А мудозвоны там, в зале, вообще не знали твоего отца. Как по мне, они недостойны даже баночку с его мочой поддержать.

Чарли улыбнулась.

— Спасибо.

Джимми Джек еще раз подмигнул ей, цокнув языком. Чарли смотрела, как он пробирается сквозь собравшихся. Кого-то похлопал по спине, с кем-то стукнулся кулаками и наконец вошел в дверь, предположительно направившись к бару. Коснулся своей шляпы, приветствуя женщину, которой Расти когда-то помог вернуть детей. Она уперла руку себе в бок, и у Чарли сложилось впечатление, что сегодняшнюю ночь они проведут вместе.

Раздался автомобильный гудок.

Все оглянулись на парковку.

Бен сидел за рулем своего пикапа. Рядом с ним устроилась Сэм.

Последний раз, когда мальчик подзывал Чарли гудком, она посреди ночи вылезла из окна своей спальни, а Расти потом запер ее дома на несколько дней.

Бен погудел еще раз. Помахал, подзывая Чарли.

Она извинилась перед собравшимися, хотя, вероятно, многим из них в какой-то момент жизни приходилось убегать к поджидающему на парковке пикапу.

Сэм вышла из машины и положила руку на открытую дверь. Чарли уже за тридцать футов слышала захлебывающийся глушитель. Бен ездил на двадцатилетнем «Датсуне»: это все, что они смогли себе позволить после несостоявшейся поездки в Колорадо. Они продали внедорожник Бена, чтобы расплатиться с долгами. А спустя неделю выкупить его обратно у нового владельца уже не получилось. Расти и

Ленор предложили им оставить деньги себе, но Чарли не согласилась. Клиника в Колорадо вернула оплату в течение нескольких дней. Проблема была в других расходах: отмена перелетов и брони в отелях, переплата за снятие наличных с кредитных карт, плюс счета из больницы за пребывание после выкидыша, счета хирургов и разных специалистов, за анестезию, за рентген, за лекарства, и еще куча дополнительных выплат и гора отказов от страховых. Они оказались по уши в долгах, так что наскрести наличных на это ведро с болтами было уже большой удачей.

Они тогда потратили все выходные, чтобы отодрать с заднего стекла гигантскую наклейку с конфедератским флагом.

— Бен любезно помог мне сбежать, — пояснила Сэм. — Сил больше не было находиться среди этих людей.

— У меня тоже, — сказала Чарли, хотя она бы предпочла дальше болтать с эками, чем участвовать в этой дурацкой попытке сводничества, которую, судя по всему, затеяла Сэм.

Чарли неловко попыталась уместиться между Беном и Сэм рядом с рычагом переключения передач, торчащим из возвышения на полу. Она начала приподнимать платье, чтобы оседлать его, но не стала, поскольку позавчера вечером Бен четко дал понять, что не хочет, чтобы она засовывала его рычаг себе между ног.

— У тебя все нормально? — спросил Бен.

— Конечно. — Чарли в конце концов уселась боком, колени вместе, бедра под углом, как Бонни Блу Батлер на пони перед падением.

Сэм закрыла скрипучую дверь на ржавых петлях.

— Этот жуткий звук можно было бы убрать аэрозольной смазкой.

— Я пробовал «Вэ-Дэ-Сорок», — сказал Бен.

— Это растворитель, а не смазка. — Она обернулась к Чарли. — Я подумала, что мы можем все вместе поехать в фермерский дом.

Чарли сначала подумала, что ослышалась. Ей трудно было представить причину, по которой сестра захотела бы провести и пару секунд в этом отвратительном месте. Накануне отъезда в Стэнфорд Сэм пошутила — и это было даже в чем-то смешно — о том, как наиболее эффективно сжечь его дотла.

Бен включил первую передачу. Развернулся вокруг припаркованных машин. БМВ. «Ауди». «Мерседесы». Хорошо бы никто из скорбящих по Расти не угнал одну из них, подумала Чарли.

— Черт, — буркнул Бен.

На разделительной полосе у выезда стояли две полицейские машины. Чарли узнала Иону Викери, Грега Бреннера и почти всех остальных копов, которые были в школе. Они приехали для сопровождения похоронной процессии и в ожидании курили у своих машин.

Они тоже узнали Чарли.

Иона сложил пальцы в колечки и приложил к глазам. Остальные тоже изобразили енотов, высмеивая синяки Чарли и хихикая, как гиены.

— Мудачье. — Бен, покрутив рукоятку, опустил стекло.

— Милый. — Чарли испугалась.

Он высунулся из окна, потрясая кулаком.

— Хуесосы!

— Бен! — Чарли попыталась затащить его обратно. Он почти орал. Что случилось с ее флегматичным мужем? — Бен, зачем...

— На хер пошли, уроды! — Бен показал им оба средних пальца. — Ублюдки.

Копы перестали смеяться. Они таращили глаза на Бена, пока пикап выезжал на шоссе.

— Ты с ума сошел? — Чарли возмутилась. Все привыкли, что из них двоих психованной считается она. — Они могли надрать тебе задницу.

— Пускай.

— Пускай они тебя убьют? — спросила Чарли. — О господи, Бен. Они же опасны. Как звери. С выкидными ножами.

— Какими выкидными ножами? — усомнилась Сэм. — Они же запрещены.

Чарли сдержалась и не зарычала в ответ.

Бен закрыл окно.

— Меня тошнит от этого проклятого города. — Он дернул рычаг на третью, потом на четвертую и погнал по шоссе.

Чарли уставилась на пустую дорогу перед собой.

Раньше его никогда не тошнило от этого города.

— Ну что ж. — Сэм откашлялась. — Мне нравится жить в Нью-Йорке. Культура. Искусство. Рестораны.

— Я не смогу жить в северных штатах, — ответил Бен, будто бы раздумывая. — Может, Атланта.

— Я уверена, что в Управлении государственных защитников тебя с руками оторвут, — сказала Сэм.

Чарли удивленно посмотрела на сестру, одними губами спрашивая: «Какого хрена?»

Сэм с невозмутимым видом пожала плечами.

Бен ослабил галстук. Расстегнул воротник рубашки.

— Я достаточно послужил во имя всеобщего блага. Хочу перейти на темную сторону.

Чарли почувствовала, что у нее взрывается мозг.

— Что?

— Я уже давно об этом задумывался, — признался Бен. — Я устал быть бедным госслужащим. Я хочу подзаработать. Хочу купить катер.

Чарли сжала губы, точно так же, как когда Ленор сказала, что уезжает во Флориду. Бен легко относился ко многим вопросам, но Чарли знала, что если он что-то

решил, то вряд ли отступится. Очевидно, он уже решил сменить карьеру. Возможно, он уже решил уехать. В нем что-то изменилось. Он заметно расслабился и пребывал чуть ли не в эйфории, будто сбросил с плеч тяжелый груз.

Чарли заключила, что она и есть этот груз.

— Мы работаем с несколькими фирмами в Атланте по уголовным делам. Я, естественно, могу написать несколько рекомендательных писем, — предложила Сэм.

Чарли снова удивленно уставилась на сестру.

— Спасибо. Я все разужнаю и сообщу тебе. — Бен развязал галстук и сдернул его. Ткань галстука с присвистом проскользила под воротником. Бен швырнул его за спинку сиденья. — На видео из больницы Келли созналась.

— О господи! — Чарли вскрикнула так, что стекла зазвенели. — Бен, ты не можешь нам это говорить.

— У тебя по-прежнему есть право не давать против меня показания, как у супруги, а у нее... — Он засмеялся. — Черт, Сэм, ты заставила Кена обоссаться от страха. Я прямо слышал, как из него дерьмо полилось, когда ты начала перебрасываться репликами с судьей.

Чарли взяла его за руку.

— Что с тобой? Тебя могут уволить за...

— Я уволился вчера вечером.

Рука Чарли упала.

— Что касается видео... — начала Сэм.

— Черт, — прошептала Чарли.

— Что ты думаешь? — спросила Сэм. — Она виновна?

— Нет никаких сомнений, что она виновна. Экспертиза все подтверждает. Следы пороха обнаружили у нее на руке, на рукаве, вокруг воротника и правой груди, в точности там, где можно было

ожидать. — Бен прикусил кончик языка. Хотя бы в глубине души он понимал, что поступает неправильно с точки зрения профессиональной этики. — Мне не нравится способ, которым они заставили ее это признать. Мне многие их способы не нравятся.

— Келли можно уговорить на что угодно, — заметила Сэм.

Бен кивнул.

— Они не зачитали ей «правило Миранды». Даже если бы и зачитали, неизвестно, понимает ли она, что значит «хранить молчание».

— Я думаю, она беременна.

Чарли ошалело повернулась к ней.

— Почему ты так считаешь?

Сэм покачала головой. Она продолжала говорить с Беном.

— Ты знаешь, куда делся пистолет?

— Нет. А ты?

— Я знаю, — сказала Сэм. — Келли говорила, знает ли она погибших?

У Бена и на это нашелся ответ:

— Она в курсе, что Люси Александер была дочерью Фрэнка Александера, но мне кажется, она узнала это уже постфактум.

— Что касается Александеров, — встряла Чарли, — Джимми Джек рассказал мне, что Фрэнка поймали на измене жене несколько лет назад. Его остановила полиция за вождение в пьяном виде, и вся история выплыла наружу.

— Ага, значит, у него уже есть такой опыт. Это была школьница? — спросила Сэм.

— Нет, агент по недвижимости. Богатая, но старше его, а это, видимо, считается неправильным. — Чарли добавила: — В деле о пьяном вождении адвокатом Фрэнка был папа. Джимми Джек сказал, что ничего особенного там не было.

— Да, это правда, — подтвердил Бен. — Коин уже проверил эту историю. Он сейчас упирает на то, что Фрэнк вел у Келли алгебру. И собирался поставить ей незначет. Вы вчера слышали эту теорию. Коин считает, что девушка с IQ как у репки так беспокоилась и стыдилась получить незначет по алгебре, что принесла в школу пистолет и убила двух человек. Не в ту школу, кстати говоря.

— Это интересный момент, — сказала Сэм. — Что Келли делала в средней школе?

— Юдифь Пинкман помогала ей готовиться к какому-то тесту по английскому.

— Ага, — повторила Сэм, будто в ее голове наконец складывался пазл.

— Но Юдифь сказала, что в тот день она не должна была заниматься с Келли, — добавил Бен. — Она и не знала, что Келли пришла в школу, пока не услышала выстрелы.

— Что еще Юдифь тебе рассказала? — спросила Сэм.

— Почти ничего. Она была реально потрясена. То есть это логично, ведь ее муж был убит, и потом то, что произошло с Люси, и, возможно, увидев Чарли... — Бен посмотрел на Чарли и перевел взгляд обратно на дорогу. — Юдифь была по-настоящему не в себе. Они ввели ей седативный препарат, просто для того чтобы посадить ее в машину «Скорой помощи». Похоже, в тот момент она все осознала — именно выйдя из здания. У нее случилась истерика, в прямом смысле этого слова. Она обезумела от горя.

— Где была Юдифь, когда началась стрельба?

— В своем классе. Она услышала выстрел. По инструкции она была обязана закрыть дверь на ключ и спрятаться в самом дальнем углу, но она выбежала в коридор, поскольку знала, что вот-вот зазвенит первый звонок, и хотела предупредить детей, чтобы они туда

не ходили. То есть сделать это, если сама не нарвется на пулю. По ее словам, она не думала о собственной безопасности. — Он снова взглянул на Чарли. — И она была там не одна такая.

— Содержать катер очень дорого, — сказала Сэм.

— Я же не про яхту говорю.

— Страховка, стоянка, налоги.

Чарли невыносимо было слушать, как ее отдалившаяся сестра обсуждает с ее отдалившимся мужем катера. Она стала просто смотреть на дорогу. Попробовала осознать случившееся. Увольнение Бена — с этим она пока разбираться не готова. Вместо этого она сосредоточилась на его беседе с Сэм. Бен болтал языком, как тюремный стукач. Сэм вела себя более осмотрительно. Беременность Келли. Пропажа пистолета. Чарли была в школе, когда произошла стрельба, она стала — частично — свидетелем разыгравшейся сцены, но знала меньше, чем каждый из них.

Бен наклонился и посмотрел на Сэм.

— Ты должна взять дело Уилсон.

Сэм засмеялась.

— Я не могу позволить себе такое снижение зарплаты.

Он снизил скорость из-за трактора впереди. Фермер занял обе полосы. Комбайн у него был опущен. Бен два раза нажал на гудок, и тракторист сдвинулся к краю, чтобы Бен смог проехать по разделительной полосе.

Бен и Сэм возобновили свою болтовню про катер. Чарли снова задумалась о вопросах, которые задавала Сэм, пытаясь понять, к чему она ведет. Сэм всегда быстрее решала головоломки. Честно говоря, она почти все делала быстрее. В зале суда стало ясно, что Чарли как адвокату есть чему поучиться у Сэм. Чарли вчера была восхищена сестрой, и на самом деле она правильно ее тогда характеризовала. Сэм

действительно выглядела как типичный викторианский Дракула: от стильного облачения до чувства собственного достоинства, с которым она приоткрыла челюсть и проглотила Кена Коина, словно жирную крысу.

— Сколько всего пуль было выпущено? — спросила Сэм.

Чарли ждала, пока Бен ответит, но потом поняла, что Сэм обращается к ней.

— Четыре? Пять? Шесть? Не знаю. От меня мало толку как от свидетеля.

— На видео видно пять, — сказал Бен. — Одна в...

— ...стену, три в Пинкмана, и одна в Люси. — Сэм отклонилась назад, чтобы посмотреть на Бена. — А около класса миссис Пинкман? У ее двери что-то было?

— Понятия не имею, — признал он. — Делу всего два дня. Экспертиза еще не закончилась. Но есть еще один свидетель. Он сказал, что насчитал шесть выстрелов. Он бывший военный. Ему можно верить.

Мейсон Гекльби.

Чарли опустила глаза и посмотрела на свои руки.

— А что насчет аудио?

— Есть запись звонка, который кто-то дрожащим голосом сделал из приемной, но уже после выстрелов. Аудио, которое вам нужно, записано через рацию на форме копа в коридоре. Оттуда Кен взял эту фразу про «малыша», — объяснил Бен и добавил: — Выстрелов на записи нет. У нас — по крайней мере у меня — нет отчета судмедэкспертизы. Возможно, еще одну пулю найдут в одном из тел.

— Я хотела бы еще раз посмотреть видео, — сказала Сэм.

— У меня его нет. Я довольно откровенно все написал в заявлении об увольнении. Боюсь, мне не дадут доступа.

Чарли захотелось залезть под одеяло в своей кровати и заснуть. У них ипотека. Выплаты за машину. Медстраховки. Автострахование. Налоги на имущество. Все эти счета трехлетней давности.

— Я дам тебе доступ. — Сэм залезла глубоко в свою кожаную сумочку, которая стоила столько, что можно было бы покрыть все их долги. Она вытащила флешку-«Энтерпрайз». — У папы есть компьютер?

— У него есть крутой телевизор, — сказал Бен. Они купили Расти точно такую же модель, как себе. Это было четыре года назад, до Колорадо. До катера.

Бен сбросил скорость. Они подъехали к ШБ, но он не повернул на подъездную дорогу. Кровь окрасила рыжую глину в масляно-черный цвет. Здесь упал отец, когда пошел проверить почтовый ящик.

— Они считают, что на Расти напал дядя девочки, — произнес Бен.

— Фейбер?

— Рик Фейхи. — Чарли запомнила дядю Люси Александер по пресс-конференции. — Почему они думают, что это он?

Бен покачал головой.

— По этому делу я совсем не в курсе. Слышал сплетни в офисе, а еще Кейли жаловалась, что ее вызвали на работу поздно вечером, когда на Расти напали.

— Значит, им нужен был кто-то, чтобы поговорить с потенциальным подозреваемым, — предположила Чарли, сделав вид, что вскользь упомянутое имя женщины, с которой, как она думала, Бен ей изменял, не полоснуло ей ножом по сердцу. — Я думаю, папа видел, кто это сделал.

— Я тоже так думаю, — отозвалась Сэм. — Он мне заливал про то, что в прощении есть смысл.

— А представляете, — сказала Чарли, — если бы папа выжил, ему бы, возможно, предложили быть

адвокатом Фейхи.

Никто не засмеялся, потому что все понимали: это действительно было бы возможно.

Бен переключился на первую передачу. Повернул на дорогу к дому и поехал медленно, объезжая ухабы.

Показался фермерский дом, с отслаивающейся краской, гниющей древесиной, покосившимися окнами, но в остальном не изменившийся с того момента, как Кулпепперы постучали в кухонную дверь двадцать восемь лет назад.

Чарли почувствовала, как Сэм заерзала на сиденье. Она собиралась с духом, настраивала себя на решительный лад. Чарли хотелось сказать что-нибудь утешительное, но она ничего не придумала, кроме как взять Сэм за руку.

— Почему здесь нет ни решеток на окнах, ни ворот? — спросила Сэм. — Офис-то у него — настоящая крепость.

— Папа говорил, что молния два раза в одно место не ударяет. — У Чарли снова застрял комок в горле.

Она знала, что все эти избыточные меры безопасности в офисе предпринимались ради нее, а не ради Расти. Те считанные разы, что она приезжала в ШБ за все эти годы, она всегда ждала Расти в машине, сообщая гудком о своем приезде, потому что не хотела заходить. Может, если бы она почаще бывала у него, отец сделал бы что-то для обеспечения безопасности своего дома.

— Поверить не могу, что я был здесь в прошлые выходные, разговаривал с ним на крыльце, — сказал Бен.

Чарли захотелось прижаться к нему, положить голову ему на плечо.

— Держитесь, — предупредил он.

Колеса съехали в яму, потом ударились о кочку и наконец выровнялись. Они подъезжали к парковочной

площадке у амбара.

— Давай к главному входу, — попросила Чарли.

Ей не хотелось входить через кухню.

— «Хуй соси», — Сэм прочитала надпись. — Похоже, подозреваемый к нему подкатывал.

Чарли засмеялась.

А Сэм нет.

— Не думала, что когда-нибудь сюда вернусь.

— Тебе необязательно входить. Я могу сама поискать фотографию, — предложила Чарли.

То, как Сэм сжала челюсти, означало, что она настроена решительно.

— Я хочу, чтобы мы нашли ее вместе.

Бен объехал дом и остановился у переднего крыльца. Газон состоял в основном из сорняков. Его должен был косить соседский парнишка, но, выйдя из пикапа, Чарли оказалась по колено в одуванчиках.

Сэм снова сжала ее руку. Они так много друг друга не касались даже в детстве.

Кроме того дня.

— Я помню, что грустила из-за дома из красного кирпича, но это был хороший день. — Сэм повернулась к Чарли. — Ты помнишь?

Чарли кивнула. Гамма то раздражалась, то успокаивалась, но в целом казалось, что все налаживается.

— Это мог бы быть наш дом.

— Главное, что нужно детям, да? Безопасное место для жизни. — Бен понял, что сказал что-то не то. — То есть безопасное до того, как...

— Все нормально, — отозвалась Чарли.

Бен снял пиджак и засунул его обратно в пикап. Вытащил из-за сиденья ноутбук.

— Я пойду в дом, настрою телевизор.

Сэм положила флешку ему в руку. И напомнила:

— Не забудь потом вернуть, чтобы я ее уничтожила.

Бен отдал ей честь.

Чарли смотрела, как он взлетел на крыльцо. Пошарив рукой над притолокой, он взял ключ, открыл дверь и вошел.

Даже стоя во дворе, Чарли почувствовала знакомый запах «Кэмела» без фильтра.

Сэм подняла глаза на фермерский дом.

— Все такой же Шалтай-Болтай.

— Наверное, мы его продадим.

— А папа его купил?

— Холостяк-фермер был немного вуайеристом. А еще фут-фетишистом. И успел украсть много нижнего белья. — Чарли засмеялась, увидев выражение лица Сэм. — После смерти он оставил кучу долгов по счетам за адвокатские услуги.

— Почему тогда папа много лет назад не продал его и не отстроил заново дом из красного кирпича?

Чарли знала почему. Лечение Сэм обошлось в огромные суммы. Врачи, больницы, терапевты, реабилитация. Чарли понимала, как тяжело сражаться с внезапной болезнью. На строительство не остается ни сил, ни времени.

— Думаю, по инерции, — сказала она. — Ты ведь знаешь, Расти не очень любил перемены.

— Ты можешь оставить дом себе. Я имею в виду — хотя ты и не спрашивала, — что не буду брать денег. Мне нужна только мамина фотография. Или копия. Конечно, я сделаю копию для тебя. Или для себя. А ты можешь взять оригинал, если...

— Потом решим. — Чарли попыталась улыбнуться. Сэм никогда не дергалась, а сейчас дергалась. — Я могу сходить туда без тебя, если что.

— Пойдем. — Сэм кивнула на дом.

Чарли помогла ей подняться по ступеням, хоть Сэм этого и не просила. Бен оставил дверь открытой. Она

слышала, как он распахивает окна, чтобы немного проветрить помещение.

Но она предпочла бы его загерметизировать, как Чернобыльскую АЭС.

Горы добра, которые унаследовала Чарли, заполняли прихожую. Старые газеты. Журналы. Экземпляры «Обзора судебной практики штата Джорджия», самые старые — еще из девяностых. Коробки с папками старых дел. Протез ноги, который Расти принял вместо оплаты от одного пьяницы по прозвищу Пробел.

— Те самые коробки, — произнесла Сэм.

Некоторые находки Гаммы из секонд-хенда так и стояли нераспакованными. Она отклеила высохший скотч с картонной коробки с надписью «ВСЕ ПО ДОЛЛАРУ» и вытащила фиолетовую футболку с Набожной Дамой из «Сатердей-Найт-Лайв».

Бен выглянул из-за телевизора.

— В кабинете есть еще одна коробка. Если продать ее содержимое на eBay, можно, наверное, озолотиться. — Он посмотрел на Чарли. — Только из «Звездного пути» ничего. Одни «Звездные войны».

Чарли поняла, что умудрилась разочаровать своего мужа еще тогда, когда ей было тринадцать.

— Это Гамма их выбирала, а не я.

Голова Бена спряталась обратно за телевизор. Ему пришлось заново подсоединять провода, которые Расти выдернул, утверждая, что от мигания огоньков у него начнутся судороги.

— Ладно, думаю, я готова, — сказала Сэм.

Чарли не поняла, к чему она готова, пока не увидела, как Сэм смотрит в длинный коридор, проходящий через весь дом. В дальнем конце — задняя дверь с матовым стеклом. На другом конце — кухня. Там стоял Дэниэл Кулпеппер и смотрел, как Гамма выходит из ванной.

Чарли до сих пор в подробностях помнила, как пошла по коридору в поисках туалета, как крикнула «Вы-ни-мать» специально для мамы.

В коридор выходило пять дверей, но их расположение не подчинялось никакой логике. Одна дверь вела в жуткий подвал. За другой был гардероб. Еще одна дверь вела в кладовую. И еще одна в ванную. Одна из дверей посередине вела в крошечную спальню, в которой умер старый фермер.

Расти сделал из этой комнаты свой кабинет.

Сэм пошла первой. Со спины она выглядела спокойно. Осанка прямая. Голова высоко поднята. Даже легкая шаткость походки пропала. Ее выдавало только то, что пальцами она все время касалась стены, будто хотела знать, что рядом есть надежная опора.

— Задняя дверь. — Сэм указала на дверь. Матовое стекло потрескалось. Расти пытался отремонтировать его с помощью желтого малярного скотча. — Ты не представляешь, сколько раз за эти годы мне снилось, как я выбегаю из этой двери, а не иду на кухню.

Чарли ничего не сказала, хотя она тоже видела подобные сны.

— Ну ладно. — Сэм положила ладонь на ручку двери, ведущей в кабинет Расти. Открыла рот и сделала глубокий вдох, будто пловец перед тем, как нырнуть.

Она открыла дверь.

Все то же самое, только еще сильнее пропитанное застарелым запахом никотина. Бумаги, коробки, стены и даже воздух имели желтый оттенок. Чарли попыталась открыть одно из окон, но краска на раме слиплась намертво. Она поняла, что потянула руку, колошматя по отцовскому гробу. У нее сегодня явно не ладилось с неодушевленными предметами.

— Не могу найти, — нетерпеливо сказала Сэм. Она стояла за столом Расти. Подвинула какие-то бумаги, что-то сложила стопкой. — Ее здесь нет.

Она оглядела стены, но там были лишь школьные рисунки Чарли. Только Расти мог украсить свой кабинет изображением анатомии навозного жука в исполнении восьмиклассницы.

— Здесь только это. — Чарли показала на хлипкую рамку из черного металла, в которой почти пятьдесят лет стояла *та самая* фотография. — Черт, папа.

Расти оставил ее на солнце, и мамино лицо выгорело. Только темные круги на месте глаз и рта были видны под черной копной волос.

— Она испорчена. — В голосе Сэм сквозило отчаяние.

На Чарли нахлынуло чувство вины.

— Надо было давно забрать ее у него и как-то сохранить — что там с ними делают. Сэм, прости меня, пожалуйста.

Сэм покачала головой. Бросила фотографию обратно на папку.

— Он имел в виду не эту фотографию. Помнишь, он рассказал, что есть еще одна, которую он нам не показывал.

Она снова принялась передвигать бумаги, заглядывать за коробки рукописных листов и связки судебных показаний. Она заметно волновалась. Фотография, очевидно, была важна для нее сама по себе, но еще это оказалась одна из последних вещей, о которых Расти говорил с Сэм.

Чарли сняла туфли, чтобы не запнуться обо что-нибудь каблуком и не сломать шею. Теперь придется год жизни потратить на разбор этих завалов дерьма. Начинать можно прямо сейчас.

Она сняла какие-то коробки с шаткого складного стола. На пол просыпалось несколько красных шашек, хотя нигде не было доски. Они угодили на незахламленный участок пола и загрохотали по древесине, как сушеная фасоль.

— Думаешь, он стал бы хранить ее в шкафах с папками? — спросила Чарли.

Сэм недоверчиво посмотрела на нее. В кабинете было пять деревянных шкафов с папками, и на каждом — тяжелый засов с замком.

— Как мы найдем ключи в этом бардаке?

— Возможно, они были у него в кармане, когда его повезли в больницу.

— Тогда они остались среди вещественных доказательств.

— И у нас нет никого в прокурорском управлении, потому что мой муж послал их всех на хер. — Вспомнив о Кейли Коллинз, Чарли про себя добавила: «А может, и не всех». Затем спросила: — Папа точно был уверен, что ни ты, ни я никогда раньше этой фотографии не видели?

— Я же тебе говорила. Он сказал, что хранил ее для себя. Что на ней запечатлен момент, когда он и Гамма полюбили друг друга.

Чарли почувствовала, сколько горечи было в этих словах отца. Он всегда так нарочито витиевато изъяснялся, что от нее иногда ускользал смысл.

— Он действительно любил ее.

— Я знаю, — отозвалась Сэм. — Я порой забывала, что он тоже ее потерял.

Чарли посмотрела в окно. Она уже наплакалась на всю оставшуюся жизнь.

— Я не могу уехать, не найдя эту фотографию, — сказала Сэм.

— Возможно, он все это выдумал. Ты знаешь, как он любил плести небылицы.

— Об этом он не стал бы врать.

Чарли промолчала. У нее не было такой уверенности.

— Вы проверили сейф? — Бен стоял в коридоре с пучком разноцветных проводов на плечах.

Чарли потерла глаза.

— Когда это у папы появился сейф?

— Когда он понял, что вы с Сэм читаете все, что он приносит домой. — Он отодвинул ногой несколько коробок, и их взгляду открылся напольный сейф, по высоте достигающий Бену примерно до середины бедра. — Ты знаешь код?

— Я вообще не знала, что у него есть сейф, — напомнила ему Чарли. — Откуда мне знать код?

Сэм встала на колени. Изучила круглый кодовый замок.

— Набор цифр должен был иметь для папы значение.

— Сколько стоит пачка «Кэмела»?

— У меня есть идея. — Сэм несколько раз покрутила ручку. Остановилась на цифре восемь, потом повернула немного назад — на два, а потом — на семьдесят шесть.

День рождения Чарли. Сэм дернула ручку. Сейф не открылся.

— Попробуй свой день рождения, — сказала Чарли.

Сэм еще раз покрутила ручку, останавливаясь на соответствующих числах. Потянула ручку.

— Не-а.

— День рождения Гаммы, — предложил Бен.

Сэм ввела числа. Снова неудача. Она потрянула головой, будто догадавшись о чем-то очевидном.

— День рождения Расти.

Быстро ввела цифры. Попробовала ручку.

Опять ничего.

Сэм посмотрела на Бена.

— Твой день рождения следующий.

— Попробуй шестнадцать-три-восемьдесят девять, — сказала Чарли.

Тот день, когда Кулпепперы появились у кухонной двери.

Сэм медленно выдохнула. Обернулась. Повернула замок вправо, влево и еще раз вправо. Положила пальцы на ручку. Посмотрела на Чарли. Потянула.

Сейф открылся.

Чарли встала на колени позади Сэм. Сейф был набит до отказа, как и все остальное в жизни Расти. Поначалу она почувствовала только затхлый запах старых бумаг, но потом к нему примешалось что-то еще, похожее на женские духи.

— Я думаю, это мамино мыло, — прошептала Сэм.

— «Роуз Петал Делайт», — вспомнила Чарли.

Гамма покупала его в аптеке. Это было единственное, чем она себя баловала.

— Мне кажется, запах идет отсюда. — Сэм обеими руками вытащила стопку конвертов из верхней части сейфа.

Они были перевязаны красной лентой.

Сэм понюхала письма. Закрыла глаза, как кошка, урчащая на солнце. Расплылась в блаженной улыбке.

— Пахнет мамой.

Чарли тоже понюхала конверты. Кивнула. Запах был еле слышен, но он действительно принадлежал Гамме.

— Смотри. — Сэм показала на строку с адресом: получателем писем был Расти, почтовый ящик Университета Джорджии. — Это ее почерк. — Она провела пальцами по безупречным курсивным строчкам. — На марке значится Батавия, Иллинойс. Это город, где расположен «Фермилаб». Наверное, это любовные письма.

— Ну да, — сказал Бен, — но, возможно, вам не надо их читать.

— Почему это?

— Потому что они были действительно сильно влюблены.

Сэм сияла.

— Но это же чудесно.

— Правда? — Голос Бена прозвучал так высоко, как, наверное, не звучал ни разу после полового созревания. — Я хочу сказать, вы правда хотите читать пачку надушенных писем, которую ваш папа хранил перевязанными красным шнурком с тех пор, как они с вашей мамой только познакомились и, возможно... — Он вставил палец одной руки в приоткрытый кулак другой. — Подумайте об этом. Ваш папа мог быть настоящий кобель.

Чарли стало дурно.

— Давайте отложим это решение. — Сэм положила письма на сейф. Снова засунула руку внутрь и достала открытку.

Показала ее Чарли: это была аэрофотосъемка Космического центра имени Джонсона.

До «Фермилаба» Гамма работала в НАСА. Сэм перевернула открытку. И снова безошибочно узнаваемый мамин почерк.

Чарли вслух прочла предназначенное Расти послание:

— «Если вы видите, что что-то вышло из строя, вы знаете, как вернуть это в строй». Доктор Сьюз.

Сэм многозначительно посмотрела на Чарли, будто мама из могилы дала ей совет насчет семейных отношений.

— Похоже, она старалась общаться с папой на его уровне, — прокомментировала Чарли.

— Похоже. — Сэм улыбалась, как когда-то по утрам на Рождество.

Она всегда невероятно медленно открывала подарки, комментируя оберточную бумагу, количество использованного скотча, размер и форму коробки, в то время как Чарли разрывала свои упаковки, как чихуа-хуа на метамфетамине.

— Надо очень внимательно все здесь разобрать. — Сэм поудобнее устроилась на полу. — Я надеюсь, что мы

найдем фото сегодня, но если нет, или даже в любом случае, ты не возражаешь, если я увезу все это в Нью-Йорк? Здесь есть очень ценные вещи. Я могу все каталогизировать и...

— Хорошо, — согласилась Чарли, потому что знала, что Гамма и Сэм всегда разговаривали на своем, никому другому не понятном языке.

А еще она понимала, что сама никогда ничего не каталогизирует.

— Я все привезу обратно, — пообещала Сэм. — Можем встретиться в Атланте, либо я приеду сюда.

Чарли кивнула. Ей понравилась идея еще раз встретиться с сестрой.

— Поверить не могу, что папа это сохранил. — Сэм достала одну из своих наградных лент за легкоатлетические соревнования. — Видимо, держал у себя на работе. Иначе она бы сгорела в пожаре. И... Ну ничего себе. — Она нашла стопку старых школьных работ. — Твое сочинение по трансцендентализму. Чарли, помнишь, как Гамма два часа ругалась с твоим учителем? Она так взбесилась, что он принизил значение Луизы Мэй Олкотт. Ты посмотри, моя старая ведомость с оценками. Он должен был ее подписать.

Бен свистнул, чтобы привлечь внимание Чарли. Он держал в руках чистый лист бумаги.

— Твой папа сохранил мой рисунок кролика в снежную бурю.

Чарли улыбнулась.

— Ой, подожди. — Он взял со стола ручку и нарисовал в центре листа черную точку. — Это же папа белого медведя.

Она засмеялась, а потом чуть не заплакала, потому что очень скучала по его шуткам.

— Чарли. — Сэм была в восторге. — Мне кажется, мы сорвали джекпот. Помнишь мамины записные книжки?

Она опять залезла в сейф. На этот раз достала толстый блокнот в кожаной обложке. Открыла первую страницу.

Оказалось, что это не испещренный формулами дневник, а чековая книжка.

Чарли снова заглянула Сэм через плечо. Блокнот на спирали. По три ряда на листе, корешки на месте оторванных чеков. Счет в «Бэнк оф Америка», но название компании незнакомое: «Пайквилль Холдинг Фанд».

Сэм пролистала корешки чеков, но обычные данные — дата, сумма и получатель — на них отсутствовали. Она спросила Чарли:

— Зачем папе чековый счет, зарегистрированный на холдинговую компанию?

— Его эскроу-счет зарегистрирован на Расти Куинна, эсквайра, — сказала Чарли. У многих судебных юристов были беспроцентные депозитарные счета, на которых размещались деньги для урегулирования претензий. Адвокат брал свой гонорар, а остальное перечислял своему подзащитному. — А это что-то непонятное. Всей папиной бухгалтерией занимается Ленор. Она взяла все на себя, когда он однажды забыл оплатить счет за электричество и ему отключили свет.

Бен перебрал кучку неоткрытых писем на столе Расти. Поднял один конверт.

— «Бэнк оф Америка».

— Открой, — попросила Чарли.

Бен вынул выписку.

— Ни хрена себе. Больше трехсот тысяч.

— У папы никогда не было клиентов с такими суммами компенсаций.

— Только одно снятие в прошлом месяце, — прочитал Бен, — чек номер ноль-три-четыре-ноль на две тысячи долларов.

— Обычно первый чек по счету начинается с ноль-ноль-ноль-один, — сказала Сэм. — В какой день был выписан последний чек?

— Здесь не написано, но обналичен он был четыре недели назад.

— Вторая пятница каждого месяца.

— Что? — Чарли посмотрела на чековую книжку. — Ты что-то нашла?

Сэм покачала головой. Закрывает кожаную обложку.

— Вы не подумайте, что я «Скуби-Ду» пересмотрел, но, может, попробуем трюк с карандашом? — предложил Бен. — Потереть грифелем по пустым чекам, которые были под теми, которые он выписал? Расти всегда писал с сильным нажимом.

— Гениально, милый. — Чарли встала, чтобы поискать карандаш на столе.

— Нам понадобятся официальные копии, — сказала Сэм. — Трение карандашом ничего не даст.

— Так мы сможем узнать, кому он выписывал чеки.

Сэм прижала блокнот к груди.

— У меня несколько счетов в «Бэнк оф Америка». Завтра я позвоню им и запрошу копии. Нам понадобится папино свидетельство о смерти. Чарли, ты уверена, что у него не было завещания? Нам стоит его поискать. Многие пожилые люди пишут завещания, а детям не говорят.

Чарли застыла как вкопанная. Почувствовала, как на затылке у нее выступил пот. К дому подъезжала машина. Знакомый звук от удара переднего колеса об ухаб. Шуршание резины по сухой рыжей глине.

— Возможно, это Станислав, мой водитель. Я сказала ему встретить меня здесь. — Сэм посмотрела на часы на столе Расти. — Он быстро доехал. Мне понадобится коробка, чтобы все это сложить.

— Бен... — сказала Чарли.

— Я схожу. — Бен пошел по коридору.

Чарли стояла и смотрела, как он идет к кухне. Он выглянул в окно. Его рука легла на дверную ручку. Ее сердце странно дрогнуло. Она не хотела, чтобы он открывал дверь. Не хотела, чтобы Бен был на кухне.

Бен открыл дверь.

На крыльце стоял Мейсон Гекльби. Он удивленно смотрел на Бена. На нем был черный костюм с синим галстуком и камуфляжная бейсболка.

Бен не стал с ним говорить. Он развернулся. Пошел обратно по коридору.

Чарли затошнило. Она побежала навстречу Бену. Она загородила ему проход, уперев руки в стены.

— Прости меня.

Бен попытался ее обойти.

Чарли стояла крепко.

— Бен, я его сюда не звала. Я не хотела, чтобы он приезжал.

Бен не собирался отталкивать ее. Он смотрел на нее. Покусывал кончик языка.

— Я от него избавлюсь. Я давно пытаюсь от него избавиться.

Сэм позвала из кабинета:

— Бен, можешь помочь мне упаковать это?

Чарли понимала, что Бен слишком джентльмен, чтобы отказать ей.

Она неохотно пропустила его. Побежала на кухню, почти поскакала по коридору галопом.

Мейсон помахал ей, потому что со своего места видел весь дом насквозь. Когда она приблизилась, он понял, что улыбаться не надо.

— Прошу прощения, — сказал он.

— Ты об этом пожалеешь, — зашептала Чарли в бешенстве. — Думаешь, я шучу насчет судебного запрета? Две минуты — и твоя сраная жизнь летит под откос.

— Я знаю, — ответил он. — Слушай, извини. Мне правда жаль. Я просто хочу поговорить с тобой и твоей сестрой.

Чарли проигнорировала отчаяние в его голосе.

— Меня не волнует, чего ты хочешь. Уходи.

— Чарли, дай ему войти.

Чарли обернулась. Сэм стояла в коридоре. Она опять держалась пальцами за стену.

— Сюда, — сказала она Мейсону и прошла в гостиную, прежде чем Чарли успела ее остановить.

Мейсон вошел на кухню без приглашения. Остановился в коридоре. Снял свою бейсболку. Принялся теревить ее в руках. Оглядел помещение, по-видимому, без удовольствия. Расти ничего не менял с тех пор, как они сюда въехали. Расшатанные стулья, расслоившийся стол. Единственное, чего не стало, — это оконный кондиционер. Достать куски Гаммы из вентилятора оказалось невозможно.

— Сюда. — Чарли поискала глазами Бена в пустом коридоре.

Дверь в кабинет Расти была закрыта. Пикап Бена стоит на месте. Он не выходил через заднюю дверь. Наверное, сидит в кабинете и думает, какая шлюха его жена.

— Примите мои соболезнования в связи со смертью отца, — сказал Мейсон.

Чарли резко обернулась.

— Я знаю, кто ты такой.

Мейсон заметно встревожился.

— Естественно, я не знала этого, когда мы с тобой познакомились, но потом сестра рассказала мне про твою сестру, и... — Она с трудом подбирала слова. — Прими мои соболезнования по поводу того, что с ней произошло. И я сочувствую тебе и твоей семье. Но то, что между нами произошло, — это ошибка, большая

ошибка, и это никогда не повторится. Я очень люблю своего мужа.

— Ты это уже говорила. Я понимаю. Я уважаю это. — Мейсон кивнул Сэм.

Она освободила себе место на стуле с высокой спинкой. Рядом с ней был телевизор. Запись со школьной камеры видеонаблюдения стояла на паузе. Бен наладил аппаратуру.

Мейсон уставился на огромный экран.

— Кто теперь будет адвокатом Келли?

— Мы найдем кого-нибудь в Атланте, — ответила Сэм.

— Я могу заплатить, — предложил он. — У моей семьи есть деньги. У моих родителей есть деньги. Были. У них была фирма, они занимались грузоперевозками.

Чарли вспомнила рекламные плакаты из детства:

— «Грузоперевозки Гекльби».

— Ага. — Он снова посмотрел на экран. — Это тот день?

Чарли не стала поддерживать эту тему.

— Зачем ты приехал?

— Дело в том, что... — Он осекся. Вместо того чтобы объяснить, почему он все еще здесь, хотя его никто не приглашал, он произнес: — Келли пыталась застрелиться. Это признак раскаяния. Я читал в интернете, что при обвинении в преступлениях, наказуемых смертной казнью, раскаяние имеет значение. Так что вы можете использовать это на процессе, чтобы убедить присяжных сохранить ей жизнь или, может, жизнь с шансом на условно-досрочное. Они же это знают, да?

— Кто они? — уточнила Сэм.

— Полиция. Прокурор. Вы.

— Они скажут, что это был крик о помощи, — сказала ему Чарли. — Она отдала пистолет. Она не нажала на спусковой крючок.

— Нажала, — возразил он. — Трижды.

— Что? — Сэм поднялась со стула.

— Такая ложь не пройдет, — предупредила Чарли. — Там были другие люди.

— Я не придумываю. Она направила пистолет себе в грудь. Ты была в двадцати футах. Ты должна была это видеть или по крайней мере слышать. — Он обратился к Сэм: — Келли прижала дуло к своей груди и нажала на спусковой крючок три раза.

Чарли ничего такого не помнила.

— Я слышал щелчки. Уверен, Юдифь Пинкман тоже их слышала. Я не сочиняю. Она правда пыталась покончить с собой.

— Тогда почему вы просто не отобрали у нее пистолет? — спросила Сэм.

— Я не знал, перезаряжала она его или нет. Я морпех. Оружие считается заряженным, если четко не видишь, что патронов в нем нет.

— Перезаряжала, — повторила Чарли, обдумывая это слово. — Когда началась стрельба, сколько выстрелов ты слышал?

— Шесть. Один, потом пауза, потом быстро три подряд, потом пауза покороче, потом еще один выстрел, потом короткая пауза и еще один. — Он пожал плечами. — Шесть.

Сэм села обратно. Потянулась за сумкой.

— Вы уверены?

— Любой, кто был в ближнем бою столько же раз, сколько я, очень быстро учится считать пули.

Сэм положила блокнот на колени.

— И револьвер Келли шестизарядный?

— Да, мэм.

— Когда ты его забрал, он был пустой? — спросила Чарли.

Мейсон нервно глянул на Сэм.

— Сейчас самое время объяснить, зачем вы заткнули его себе за пояс, — заметила она.

— Инстинкт. — Он пожал плечами, будто это преступление ненаказуемо. — Коп его не взял, поэтому я просто убрал его, временно, как вы сказали, за пояс брюк. А потом никто из копов не спросил меня про него и не обыскал меня, а потом я уже был за дверью в своем пикапе и только тогда понял, что пистолет все еще у меня.

Сэм не стала указывать на прорехи в этой шитой белыми нитками истории. Вместо этого она спросила:

— Что вы сделали с пистолетом?

— Я разобрал его и раскидал по озеру. В самых глубоких местах.

Она снова не стала к нему цепляться.

— Можно ли определить, заряжен ли пистолет, просто по внешнему виду?

— Нет, — ответил Мейсон. — Вернее, у девятимиллиметрового затвор сдвинется назад, но можно дернуть...

Чарли перебила:

— В револьвере после того, как пули выпущены, гильзы остаются в барабане.

— Точно, — подтвердил Мейсон. — Все шесть оставались в цилиндре, в смысле она его не перезаряжала.

— То есть она знала, что револьвер пустой, когда трижды нажала на спусковой крючок, — сказала Чарли.

— Нельзя сказать наверняка, — настаивал Мейсон. — Возможно, Келли думала...

— Пожалуйста, уточните последовательность. — Сэм достала из блокнота ручку. Начала писать, проговаривая: — Один выстрел, длинная пауза, три быстрых выстрела подряд, короткая пауза, затем еще один выстрел, еще одна короткая пауза и еще один выстрел. Правильно?

Мейсон кивнул.

— Значит, был еще один выстрел после того, как пуля попала в шею Люси Александер.

— В пол, — сказал Мейсон. — В смысле я так предполагаю.

Сэм подняла бровь.

— Я видел дырку от пули в полу, где-то вот здесь. — Он показал на правую часть экрана. — Ее не должно быть на видео из-за наклона камеры. Она ближе к двери. Где-то там, где лежала Келли, когда они надели на нее наручники.

— Как выглядела дырка? — спросила Чарли.

— Плитка откололась, но порохового следа не было, значит, выстрел был как минимум с двух-трех футов. Она была овальная. Как слеза, следовательно, выстрел был под углом. — Он вытянул руку, сложив пальцы в виде пистолета. — Может, на уровне ее груди. Она ниже меня ростом, но угол был не такой острый. Нужна баллистическая экспертиза. — Мейсон пожал плечами. — Я не специалист. Просто у меня был курс по баллистике в программе дополнительного образования во время службы.

— Она не хотела убивать Юдифь Пинкман, — предположила Сэм, — поэтому выпустила последнюю пулю в пол.

Мейсон снова пожал плечами.

— Может быть. Но она знала Пинкманов давно, и это не удержало ее от убийства Дугласа.

— Она знала их? — переспросила Сэм.

— Келли была водоносом — подносила воду для футбольной команды во время матчей. Тогда и начались эти слухи про нее и одного из игроков. Я не уверен на сто процентов, что там случилось, но Келли пропустила две-три недели в школе, а парень вообще уехал из города, так что... — Дернув плечами, он не стал продолжать, но, по всей видимости, он говорил о тех

самых сплетнях, из-за которых полшколы оставило оскорбления в альбоме Келли.

Сэм повторила для ясности:

— Дуглас Пинкман был тренером футбольной команды, то есть он знал Келли с тех времен, как она была водоносом.

— Правильно. Она отработала, кажется, два сезона вместе с другой девочкой из особой группы. Окружное управление образования выпустило указ, что мы должны интегрировать особых детей во внешкольную деятельность: маршевый оркестр, чирлидинг, баскетбол, футбол. Хорошая была идея. Думаю, некоторым из них это правда помогло. Очевидно, не Келли, но...

— Спасибо. — Сэм вернулась к своим записям.

Она медленно листала страницы и делала пометки ручкой. Не то чтобы она закончила с Мейсоном, скорее нашла что-то более интересное.

Он посмотрел на Чарли в поисках объяснения.

Она могла только пожать плечами.

— О чем ты хотел с нами поговорить?

— Ага. — Мейсон мял в руках бейсболку. — Не возражаешь, если я сначала воспользуюсь вашей уборной?

Он явно тянул с ответом, что показалось Чарли очень странным.

— Там, дальше по коридору.

Он церемонно кивнул, словно покидая гостиную в английском замке, и вышел.

Чарли повернулась к Сэм, которая все еще была погружена в свои заметки.

— Зачем ты с ним разговариваешь? Надо выпроводить его отсюда.

— Можешь посмотреть сюда и сказать, что ты видишь? — Сэм показала на правую часть экрана. — Я

не доверяю своим глазам. Эта тень не кажется тебе странной?

Чарли слышала, как Мейсон открыл дверь в ванную и закрыл ее. Слава богу, он не зашел случайно в кабинет Расти.

— Пожалуйста, помоги мне избавиться от него, — попросила Чарли.

— Помогу, — пообещала Сэм. — Только посмотри на видео.

Чарли встала перед гигантским телевизором. Вгляделась в застывшую картинку. Она видела, что камера наклонена вниз и захватывает только половину коридора. Всем известная слепая зона, о которой говорил Мейсон. Светильники на потолке включены, но с правой стороны коридора виднеется странная тень. Узкая и длинная, как паучья лапа.

— Подожди, — сказала Чарли, но не по поводу видео. — Откуда он знает, где у нас ванная?

— Что?

— Он только что подошел прямо к ней и открыл дверь. — У Чарли побежали мурашки по спине. — Никто никогда не угадывает дверь, Сэм. Их там пять, и расположение не подчиняется никакой логике. Ты это знаешь. Это даже забавно, что никто не может в них разобраться. — У Чарли сердце застучало в висках. — Как думаешь, Мейсон знал папу? Он бывал здесь? Много раз, так что может найти ванную без подсказки?

Сэм открыла рот. И закрыла.

— Ты что-то знаешь, — догадалась Чарли. — Папа рассказывал тебе...

— Чарли, сядь. Я ничего пока точно не знаю, но попытаюсь понять.

Она занервничала от спокойствия Сэм.

— Зачем ты говоришь мне сесть?

— Потому что ты нависаешь надо мной, как военный беспилотник.

— Нельзя было придумать какое-то более приятное сравнение, колибри, например?

— На самом деле колибри — весьма зловредная птица.

— Чак! — Они услышали крик Бена.

У Чарли сердце ушло в пятки. Она никогда не слышала, чтобы он так громко кричал.

— Чак! — снова завопил Бен.

Он с грохотом пронесся по коридору. Оглядел гостиную. В ярости развернулся.

— Ты в порядке? — Бен посмотрел через плечо, потом вдоль коридора. — Где он?

— Бен, что... — сказала Чарли.

— Где этот хер?! — Бен орал так громко, что она закрыла уши руками. — Мейсон! — Он врезал кулаком по стене. — Мейсон Гекльби!

Дверь ванной приоткрылась.

— Ты, мудила! — закричал Бен, устремившись к нему.

Чарли побежала за ним. Затормозила и остановилась, когда Бен швырнул Мейсона на пол.

Кулаки Бена начали летать туда-сюда. Мейсон закрыл лицо руками. Чарли в ужасе смотрела, как ее муж бьет другого мужчину.

— Бен! — Она должна была что-то сделать. — Бен, остановись!

Сэм обхватила Чарли за талию, сдерживая ее.

— Я должна... — Чарли остановилась. Она не знала, что делать. Мейсон может убить Бена. Он профессиональный солдат. — Сэм, мы должны...

— Он не сопротивляется, — заметила Сэм, будто бы озвучивая документальный фильм. — Смотри, Чарли. Он не сопротивляется.

Она была права. Мейсон лежал на полу, закрывая руками лицо, и принимал удар за ударом — в голову, в шею, в грудь.

— Ты трус! — заорал Бен. — Покажи мне свою сраную рожу!

Мейсон убрал руки. Бен отвесил уверенный удар ему в челюсть. Чарли услышала, как хрустнули зубы. Из рта Мейсона плеснула кровь. Он лежал на полу, руки по бокам, и принимал удары.

Бен не остановился. Он ударил его еще раз, потом еще и еще.

— Нет, — прошептала Чарли.

Кровь брызнула на стену. Бровь Мейсона лопнула под обручальным кольцом Бена.

Губа рассечена.

Щека ободрана.

Мейсон просто лежал и сносил все это. Бен ударил его снова.

И снова.

— Простите, — невнятно произнес Мейсон. — Простите.

— Ты сучий... — Бен занес локоть за спину, изогнувшись в замахе, и запустил кулак в челюсть Мейсона.

Чарли смотрела, как по щеке Мейсона пошла рябь, будто по воде за катером. Она услышала резкий щелчок, как при ударе биты по мячу. Голова Мейсона ушла вбок.

Его веки дрожали.

Кровь капала изо рта, из носа.

Он моргнул, но не двинулся. Продолжил смотреть в стену. Кровь стекла по пыльному плинтусу и стала расползаться на деревянном полу.

Бен сел на корточки. Он задыхался от перенапряжения.

— Простите, — повторил Мейсон. — Простите.

— Пошел ты на хер со своими извинениями. — Бен плюнул ему в лицо.

Он повалился набок, ударившись плечом о стену. Руки его повисли. С костяшек капала кровь. Он больше не орал. Он плакал.

— Ты... — его голос срывался. — Ты позволил ему изнасиловать мою жену.

Глава восемнадцатая

У Чарли перед глазами все поплыло. Ее охватила паника. В голове раздавался какой-то непрерывный крик.

Бен знает.

Она спросила Сэм:

— Это ты ему сказала?

— Нет.

— Не обманивай меня, Саманта. Просто признайся.

— Чарли, ты не на то обращаешь внимание.

На что еще здесь обращать внимание? Ее муж знает, что с ней произошло. Он из-за этого чуть не забил человека до смерти. Он плюнул на него, он сказал ему: «Ты позволил ему изнасиловать мою жену».

«Позволил ему».

У Чарли закончился воздух в легких. Она резко закрыла рот рукой, чтобы сдержать рвоту.

— Это был он, — произнес Бен. — А не Дэниэл.

— В лесу? — Слова застревали у Чарли в горле.

Она видела мерзкое лицо Захарии Кулпеппера. Она так ему врезала, что его голова дернулась в сторону. У него изо рта брызнула кровь. А потом Дэниэл Кулпеппер повалил его на землю и начал бить так, как сейчас Бен бил Мейсона Гекльби.

Но только в лесу это был не Дэниэл Кулпеппер.

— Так это ты сбросил с меня Захарию. — Сглотнув, Чарли добавила: — Ты опоздал.

— Я знаю. — Мейсон перевернулся на спину. Закрыв глаза руками. — И в доме. И в лесу. Я каждый раз опаздывал.

У Чарли подкосились колени. Она оперлась плечом на стену.

— Зачем?

Мейсон покрутил головой. Он тяжело дышал.

Из носа у него пузырилась кровь.

— Скажи им. — Бен сжал кулаки.

Мейсон вытер нос тыльной стороной ладони. Посмотрел на Бена, потом на Сэм, затем на Чарли. Наконец ответил:

— Я нанял Зака, чтобы он помог мне разобраться с Расти. Я отдал ему все деньги, которые накопил на колледж. Я знал, что он должен Расти по счетам, но... — Его голос надломился. — Мы думали, что вы будете на тренировке. Мы собирались забрать Расти, увезти его по подъездной дороге и избавиться от него. Зак смог бы забыть о своих долгах за адвокатские услуги и вдобавок получил бы от меня три тысячи. А я бы отомстил... — Он снова посмотрел на Сэм, потом на Чарли. — Когда выяснилось, что вашего отца нет, я пытался остановить Зака, но он...

— Мы в курсе, что он сделал. — Голос Сэм от напряжения был еле слышен.

Мейсон снова закрыл лицо. Он заплакал.

Чарли слушала его сухие рыдания и хотела врезать ему в горло.

— Я готов был взять на себя вину за вашу маму, — сказал Мейсон. — Я говорил об этом в лесу. Раз пять говорил, не меньше. Вы обе меня слышали. Я совсем не хотел, чтобы случилось что-то подобное. — Его голос снова надломился. — Когда ваша мама была убита, я будто онемел, я не мог поверить. Меня просто тошнило и трясло, и я хотел что-то сделать, но боялся Зака. Вы знаете, какой он. Мы все его боялись.

Чарли почувствовала, как в каждой ее артерии пульсирует ярость.

— Не смей говорить «мы», жалкий мудака. Никакого «мы» там не было, вернее, «мы» — это только я и Сэм. Это нас заставили выйти из дома. Нас отвели в лес под дулом дробовика. Мы боялись за свою жизнь. А ты

выстрелил моей сестре в голову. Ты похоронил ее заживо. Ты позволил этому уроду бежать за мной через лес, изнасиловать меня, избить меня, забрать у меня все, абсолютно все. Это ты, Мейсон. Все это ты.

— Я пытался...

— Заткнись. — Чарли стояла над ним, сжав кулаки. — Можешь утешать себя тем, что ты пытался все это остановить, но это неправда. Ты позволил этому произойти. Ты содействовал этому. Ты стрелял. — Она замолчала на секунду, переводя дыхание. — Почему? Почему ты так поступил? Что мы тебе сделали?

— Из-за сестры, — сказала Сэм. Голос ее был мертвенно-спокойным. — Вот о какой мести он говорил. Мейсон и Захария появились у нас в тот же день, когда Кевин Митчелл, которого обвиняли в изнасиловании, вышел на свободу. Мы предполагали, что все произошло из-за долгов Кулпеппера, однако настоящей причиной стало то, что Мейсон Гекльби так разозлился, что жаждал убийства, но так трусил, что сам этого сделать не мог.

Тело Чарли налилось свинцом. Она снова прислонилась к стене, чтобы не упасть.

— Сестру нашел я. Она была в амбаре. Ее шея... — Мейсон покачал головой. — Она мучилась из-за того, что этот ублюдок сделал с ней. Она не вылезала из кровати. Все время плакала. Вы не представляете, каково это — быть настолько бесполезным, беспомощным. Я хотел, чтобы кто-то понес наказание. Кто-то должен был быть наказан за это.

— И поэтому ты пришел за моим отцом? — Чарли почувствовала, как уже ставшая привычной вибрация в руках прошла выше, в грудную клетку. — Ты пришел сюда, чтобы убить моего отца, и ты...

— Прости меня. — Мейсон снова начал плакать. — Прости меня.

Чарли хотелось его пнуть.

— Нечего здесь реветь. Ты выстрелил моей сестре в голову.

— Это получилось случайно.

— Какая разница! — заорала Чарли. — Ты выстрелил в нее! Ты похоронил ее заживо!

Сэм вытянула руку. Она не дала Чарли встать над Мейсоном и начать колотить его, как это делал Бен.

Бен.

Чарли посмотрела на мужа. Он сидел на полу спиной к стене. Запачканные кровью очки криво умостились на носу. Он гнул свои пальцы, чтобы из ран вытекло больше крови.

— Почему Расти выписывал чеки сыну Захарии Кулпеппера? — спросила Сэм.

Чарли была так поражена, что не смогла выговорить свой вопрос.

— Номера чеков, — пояснила Сэм. — Двенадцать чеков в год на двадцать восемь лет и четыре месяца — в сумме триста сорок чеков.

— А это и есть номер последнего чека, — вспомнила Чарли.

— Именно, — подтвердила Сэм. — И мы видели баланс. Начали с одного миллиона, правильно? — Она обращалась к Мейсону.

Тот медленно и неохотно кивнул. Сэм продолжила:

— Если начать с миллиона и вычитать две тысячи долларов ежемесячно в течение двадцати восьми с лишним лет, останется примерно триста двадцать тысяч долларов. Все стало складываться, когда ты сказал, что у твоих родителей были деньги. Тогда, в восемьдесят девятом году, ни у кого в Пайквилле не было такого состояния и в особенности такого влияния. Они обменяли твою свободу на миллион долларов. Тогда это было очень много. Больше, чем Кулпеппер мог увидеть за свою укоротившуюся жизнь. Он обменял своего мертвого брата на нерожденного сына.

Мейсон поднял на нее глаза. Медленно кивнул.

— Какую роль играл в этом мой отец? Это он организовал сделку между тобой и Кулпеппером?

— Нет.

— А как тогда? — потребовала ответа Сэм.

Мейсон повернулся набок. Оперся на руки. Сел спиной к двери. Малярный скотч, который Расти наклеил на стекло, изображал подобие молнии над его головой.

— Я ничего об этом не знал.

Бен сурово посмотрел на Мейсона.

— Ты будешь гореть в аду за то, что втравил Расти в это дерьмо.

— Это был не Расти. Поначалу не он. — Мейсон поморщился, потрогав свою челюсть. — Мои родители все устроили. В ту ночь, когда все произошло, я шел домой пешком. Шесть миль. Зак забрал мои кеды и джинсы, потому что на них была кровь. Домой я пришел полуголый и весь в крови. Я во всем сознался родителям. Я хотел идти в полицию. Они не дали мне этого сделать. Позже я узнал, что они послали адвоката поговорить с Заком.

— Расти, — опять сказал Бен.

— Нет, кого-то из Атланты. Не знаю кого. — Мейсон подвигал челюстью. Сустав щелкнул. — Они сделали все без меня. У меня не было выбора.

— Тебе было семнадцать лет. Уверена, у тебя была машина. Ты мог бы сам поехать в полицию либо подождать, когда тебе исполнится восемнадцать, — возразила Сэм.

— Я так и хотел, — настаивал Мейсон. — Они заперли меня в моей комнате. Приехали четыре мужика. Отвезли меня в военную академию на севере. Я стал морпехом, как только достиг нужного возраста. — Он вытер кровь с глаза. — Я был в Афганистане, Ираке, Сомали. Я всегда вызывался добровольцем. Хотел

заслужить это, понимаете? Хотел использовать свою жизнь, чтобы помогать людям. Чтобы искупить свой грех.

Чарли так сильно сжала губы, что прокусила кожу. Никакого искупления здесь быть не может, и неважно, сколько еще булавок в скольких странах он наколет на свою идиотскую карту.

— Я вложил в это двадцать лет. Вернулся домой. Пошел работать в школу. Я считал, что обязан отдавать свой долг здесь, в этом городе, этим людям.

— Ублюдок. — Бен встал. Кулаки его были по-прежнему сжаты.

Он двинулся дальше по коридору. Чарли испугалась, что Бен уйдет совсем, но он остановился около айфона Мейсона. Наступив пяткой на стекло, раздавил его на мелкие кусочки.

Бен поднял ногу. На подошве поблескивали стеклышки.

— Из-за тебя Дэниэл Кулпеппер был убит, — сказал он.

— Я знаю, — отозвался Мейсон.

Но он ошибался. Это Чарли натравила Кена Коина на Дэниэла.

— Он называл тебя «брат», — сказала она.

Мейсон покачал головой.

— Он много кого называл «брат». Парни так обращаются друг к другу.

— Это неважно. — Бен посмотрел на Чарли. — Никто из них не должен был вообще сюда приходить. Все, что случилось дальше, это их вина.

— Да. Это моя вина, — согласился Мейсон. — Все это моя вина.

— Как твоя одежда и пистолет оказались в трейлере Дэниэла? — спросила Сэм.

Мейсон опять покачал головой, но догадаться было нетрудно. Кен Коин подложил улики. Он подставил

невиновного и позволил виновному уйти безнаказанным.

— Мама рассказала мне об этой договоренности после смерти отца, — сказал Мейсон. — Я тогда служил в Турции, пытался делать доброе дело. Приехал домой на похороны. Она волновалась, что что-то пойдет не так и Зак нарушит свою сторону договора.

— Еще раз: сделка состояла в том, что Зак будет молчать о невиновности Дэниэла и твоей виновности в обмен на две тысячи долларов в месяц, которые твои родители платят его сыну, Дэнни Кулпепперу? — уточнила Сэм.

Мейсон кивнул.

— Я не знал. До того как мама мне рассказала. Прошло восемь лет. Кулпеппер все еще сидел в ожидании смертной казни. Ему продолжали переносить дату.

Чарли сжала челюсти.

Восемь лет после убийства. Восемь лет после того, как Сэм выкарабкалась из могилы. Восемь лет после того, как Чарли разорвали на куски.

Сэм тогда начинала учиться в магистратуре Северо-Западного университета. Чарли подавала документы на юридический факультет, надеясь начать все с чистого листа.

— Как мой отец оказался втянут в это? — спросила Сэм.

— Я пришел к нему и признался, — ответил Мейсон. — Сюда, в этот дом. Мы сидели на кухне. Я не знаю почему, но исповедоваться ему мне было легче именно за этим столом. На месте преступления. Меня тошнило просто от того, как я это произносил, всю правду слово за словом. Я рассказал ему, как страдал из-за Мери-Линн, как я заплатил Заку, чтобы он за меня отомстил. В молодости кажется, что все просто. Ты не понимаешь, как устроен мир. Что есть последствия,

которые ты не можешь предсказать. Что неправильный выбор и неправильные поступки могут разрушить тебя. — Мейсон кивал, будто соглашался сам с собой. — Я хотел объяснить Расти, что произошло, почему это произошло, поговорить с ним как мужчина с женщиной.

— Ты не мужчина, — бросила Чарли, которой стало дурно от одной мысли, что Мейсон сидел с Расти на той самой кухне, где умерла Гамма, и что тогда Мейсон испытал здесь облегчение, а не боль. — Ты совершил покушение на убийство. Ты соучастник изнасилования. Убийства моей матери. Удержания силой. Похищения людей. Взлома и, твою мать, незаконного проникновения.

Она взбесилась от одной мысли о всех девушках, с которыми он встречался, всех вечеринках, днях рождения и новогодних праздниках, которые он посетил, пока Сэм каждое утро вставала с постели и мечтала просто научиться ходить.

— Вступление в морпехи не делает тебя хорошим человеком. Оно делает тебя трусом, потому что ты сбежал, — добавила Чарли.

Она говорила так громко, что ее голос эхом отдавался в коридоре.

— Расти заставил его подписать признание. — Бен посмотрел на Сэм, не на Чарли. — Я нашел его в сейфе.

Чарли подняла глаза к потолку. Позволила скатиться слезам. Она никогда не простит себя за то, что Бен узнал обо всем не от нее.

— Я сам хотел написать признание. Я хотел сознаться. Это было невыносимо, это вранье, это чувство вины.

Сэм взяла Чарли за плечо, словно пытаясь удержать ее и удержаться самой.

— Почему папа не сообщил в полицию?

— Он не хотел, чтобы был еще один суд, — ответил Мейсон. — Вы обе жили своей жизнью, оставив все это

позади.

— Оставив все это позади, — пробормотала Чарли.

— Расти не хотел опять все взбаламучивать, — продолжил Мейсон, — заставляя вас приезжать в город, заставляя Чарли выступать на свидетельской трибуне. Он не хотел заставлять ее...

— Врать, — закончила Сэм.

Заклеенная коробка долго простояла на верхней полке. Расти не хотел, чтобы Чарли пришлось выбирать между ложью под присягой и открыванием коробки на глазах у всех.

На глазах у кулпепперовских девиц.

Из-за этих злобных сучек она и так прошла все круги ада. Что бы они сказали, что бы они сделали, если было бы доказано, что они с самого начала были правы по поводу невиновности Дэниэла?

А они были правы.

Чарли указала не на того.

— Почему чеки выписывал мой отец? — спросила Сэм.

— Это было одно из требований Расти, — ответил Мейсон. — Он хотел, чтобы Зак знал, что он знает. Что кто-то еще сможет нарушить договор и отрезать Дэнни от денег, если Зак не будет держать язык за зубами.

— Это сделало его мишенью, — сказала Чарли. — Кулпеппер мог заказать его убийство.

Мейсон опять покачал головой.

— Если он хотел, чтобы сыну продолжали поступать чеки, то нет.

— Думаешь, он правда заботился о сыне? — изумилась Сэм. — Кулпеппер донимал нашего отца, ты знаешь об этом? Каждый месяц он присылал Расти письмо со словами «Ты мне должен». Просто чтобы ткнуть его носом. Напомнить Расти, что он может разрушить нашу жизнь, украсть наше спокойствие и чувство защищенности в любой момент.

Мейсон промолчал.

Сэм требовательно продолжила:

— Ты понимаешь, сколько мучений ты принес нашему отцу? Ему приходилось врать нам. Скрывать правду. Такое притворство было совершенно не в его духе. Он и так пережил то, что его жену убили, дочь чуть не умерла, Чарли... — Она покачала головой. — У Расти и так было слабое сердце. Ты знал об этом? Ты понимаешь, что его здоровье рушилось от твоего вранья, твоей вины, твоей трусости? Может, поэтому он так много пил — чтобы утопить в алкоголе чувство собственного соучастия в преступлении. Соучастия, в которое ты его втравил. Ему приходилось жить с этим каждый день, каждый месяц, когда он выписывал этот чек, каждый раз, как он звонил мне...

Сэм наконец не выдержала. Сняла очки. Прижала пальцы к векам. Произнесла:

— Из-за тебя все эти годы ему приходилось защищать нас.

Мейсон опустил голову между коленей. Может, он опять плакал, но Чарли было все равно.

— Зачем ты пришел? — спросил Бен. — Хочешь отговорить их сдавать тебя в полицию?

— Я пришел признаться. Сказать, что я сожалею. Что с тех пор каждый день я старался загладить свою вину. У меня есть награды. — Он поднял глаза на Сэм. — У меня боевые медали, «Пурпурное сердце» и...

— Мне все равно, — отрезала Сэм. — У тебя было двадцать восемь лет, чтобы заявить о своей виновности. Ты мог зайти в любой полицейский участок, признаться и понести наказание, но ты боялся, что тебе дадут пожизненное или приговорят к смертной казни, как Захарию Кулпеппера.

Мейсон не ответил, но было очевидно, что все так и есть.

— Ты знал, что мы никогда никому не говорили, что на самом деле случилось в лесу. Этим ты и склонил папу на свою сторону, да? — спросила Чарли. — Ты шантажировал его. Мой секрет в обмен на твой.

Мейсон вытер кровь со рта. И опять ничего не сказал.

— Ты сидел здесь, на этой кухне, где была убита моя мать, и говорил моему отцу, что будешь использовать деньги своей семьи, чтобы защититься от обвинения в убийстве, и что тебе неважно, кому это повредит и что² выяснится на суде. Меня заставили бы давать показания. Сэм притащили бы обратно сюда. Ты знал, что папа не допустит этого.

— Что вы будете делать? — только и спросил Мейсон.

— Вопрос в том, что будешь делать ты, — ответила Сэм. — У тебя есть ровно двадцать минут, чтобы доехать до полицейского участка и признаться под запись, без адвоката, в том, что ты обманул полицию и забрал пистолет Келли Уилсон с места двойного убийства, иначе, видит бог, я возьму твое письменное признание о покушении на убийство и сговоре с целью совершения убийства и положу прямо на стол начальнику полиции. В этом городе ничего не забывается, Мейсон. Сколько ни оправдывайся, что это была случайность, что ты просто стоял рядом, это все равно квалифицируется как тяжкое убийство. Если ты не сделаешь точно как я сказала прямо сейчас, ты окажешься в камере рядом с Захарией Кулпеппером, где ты и должен был сидеть все эти двадцать восемь лет.

Мейсон вытер руки о штаны. Потянулся к своему разбитому телефону.

Бен отбросил его ногой. Открыл заднюю дверь.

— Убирайся.

Мейсон встал. Ничего не сказал. Повернулся и вышел из дома.

Бен грохнул дверь так, что по окну побежала новая трещина.

Сэм надела очки. Обратилась к Бену:

— Где его признание?

— На сейфе рядом с письмами.

— Спасибо. — Сэм не пошла в кабинет. Она пошла в гостиную.

Чарли колебалась. Она не знала, идти ли за Сэм. Что можно сказать сестре такого, что утешит ее или их обеих? Мужчина, выстреливший Сэм в голову и похоронивший ее заживо, только что вышел из их дома, отделавшись угрозой, которая должна заставить его поступить правильно.

Бен закрыл дверь на задвижку.

— Ты в порядке? — спросила Чарли.

Он снял очки и вытер кровь со стекол.

— Я никогда не был в настоящей драке. В такой, где мне удалось бы кого-нибудь ударить.

— Прости. Прости, что ты так расстроился. Прости, что я тебя обманывала. Прости, что ты узнал обо всем этом из чужого письменного признания, а не от меня.

— В признании нет ничего о том, что сделал с тобой Захария. — Бен надел очки. — Это мне Расти рассказал.

Чарли потеряла дар речи. Расти никогда не выдавал секретов.

— На прошлых выходных, — пояснил Бен. — Он не упомянул об участии Мейсона, но все остальное рассказал. И добавил, что худший грех в его жизни — то, что он заставлял тебя держать все в тайне.

Чарли потеряла плечи, потому что внезапно замерзла.

— То, что произошло с тобой, — продолжил Бен, — прости, но мне все равно.

Его безразличие отозвалось в Чарли почти физической болью.

— Я неправильно выразился, — спохватился Бен. — Мне очень жаль, что это случилось, но это не имеет значения. Мне неважно, что ты обманывала. Мне это неважно, Чак.

— Поэтому я... — Чарли смотрела в пол.

Мейсон Гекльби, сообразно обстановке, оставил кровавый след по дороге к выходу.

— Поэтому что? — Бен стоял перед ней. Он повернул ее лицо к себе за подбородок. — Чак, просто скажи это. Твое молчание убивает тебя.

Он уже знает. Он все понимает. И все равно она никак не может вслух признаться в собственных неудачах.

— Выкидыши. Они были из-за того, что² со мной тогда случилось.

Бен положил руки ей на плечи. Подождал, пока она посмотрит ему в глаза, и сказал:

— Когда мне было девять, Терри пнула меня по яйцам, и я неделю писал кровью.

Чарли хотела что-то сказать, но он не дал ей, покачивая головой.

— Когда мне было пятнадцать, я получил в пах от какого-то качка. Просто гулял со своими друзьями-задротами, а он врезал мне так, что мне показалось, что у меня яйца в задницу улетели.

Бен приложил палец к ее губам, чтобы она не перебивала.

— Я ношу мобильник в переднем кармане. Я знаю, что нельзя этого делать, потому что сперма портится, но все равно так делаю. И я не ношу боксеры. Ты знаешь, что меня бесит, как они сбиваются. И я много мастурбировал. То есть и сейчас иногда, но в детстве я был в этом деле настоящим чемпионом. Во всей школе только я был членом Звезднофлотского фан-клуба, я

коллекционировал комиксы, а в ансамбле играл на треугольнике. Ни одна девочка на меня даже не смотрела. Даже из прыщавых. Я столько дрожил, что мама отвела меня к врачу, потому что боялась, что у меня мозоли появятся.

— Бен.

— Чак, послушай меня. На выпускной в старшей школе я пришел в костюме «краснорубашечника» из «Звездного пути». Мероприятие не было тематическим. Я был единственным парнем не в смокинге. Мне казалось, что это забавно.

Чарли наконец улыбнулась.

— Очевидно, у меня не было никаких шансов на размножение. Я не знаю, почему в итоге мне досталась такая горячая красотка, как ты, или почему у нас не получилось... — Он не стал произносить эти слова. — Мы просто вытянули такую карту, милая. Мы не знаем, это из-за чего-то, что случилось со мной, или из-за чего-то, что случилось с тобой, или это старый добрый естественный отбор, но как сложилось, так сложилось, и я говорю тебе: для меня это неважно.

Чарли откашлялась.

— У тебя могли бы быть дети от Кейли.

— От Кейли у меня гонорея.

Чарли должна была бы почувствовать себя уязвленной, но первой ее эмоцией стала обеспокоенность. У Бена аллергия на пенициллин.

— Ты ходил в больницу?

— Последние десять дней я ездил в Дактаун, чтобы здесь никто не узнал.

Вот теперь она почувствовала укол боли.

— Значит, это было только что.

— Последний раз был почти два месяца назад. Я все это время думал, что мне просто трудно писать.

— И ты не понял, что это симптом и тебе надо к врачу?

— Рано или поздно, конечно, — ответил он. — Но поэтому я не... позапрошлой ночью. По анализам все уже чисто, но я решил, что неправильно не сказать тебе. И я приходил проверить, как ты, потому что я беспокоился. Не потому, что мне была нужна папка. Не было никакого неудавшегося признания вины.

Чарли не расстроилась, что в этом он ее обманул.

— Сколько это продолжалось?

— Это не продолжалось. Это было четыре раза, и в первый раз было весело, а потом только грустно. Она такая юная. Она думает, что первая роль Кейт Малгроу была в сериале «Оранжевый — хит сезона».

— Ух ты. — Чарли попыталась пошутить, чтобы не заплакать: — Как ей юрфак-то удалось окончить?

Бен тоже попытался пошутить:

— Ты права насчет позиции сверху. На это, оказывается, столько сил уходит.

Чарли стало дурно.

— Спасибо за яркую картинку.

— Как насчет никогда в жизни больше не чихать?

Чарли закусила щеку. Не надо было рассказывать ему подробности. И хотелось бы никогда не слышать того, что рассказал он.

— Пойду упакую бумаги для Сэм.

Чарли кивнула, но не хотела его отпускать, даже в другую комнату.

Он поцеловал ее в лоб. Она прижалась к нему, вдыхая запах его пота и неправильного порошка, которым он стирает рубашки.

— Я буду в кабинете твоего папы.

Чарли смотрела, как он удаляется своей дурацкой размашистой походкой. Из дома он не вышел.

Это уже кое-что.

Чарли не сразу пошла к Сэм. Она развернулась. Посмотрела на кухню. Дверь была открыта. В дом дул легкий ветерок. Она попробовала вызвать в

памяти тот момент, когда она отворила эту дверь, ожидая увидеть там Расти, а вместо него там были двое мужчин: один в черном, второй в футболке с Бон Джови.

Один с дробовиком. Второй с револьвером.

Захария Кулпеппер.

Мейсон Гекльби.

Тот мужчина, который опоздал и не остановил насильника Чарли, оказался тем же самым мужчиной, с которым она лихорадочно перепихнулась на парковке бара «Темный рейс».

Тем же самым, который выстрелил в голову ее сестре. Который похоронил Сэм в неглубокой могиле.

Который побил Захарию Кулпеппера, но не прежде чем тот разорвал Чарли на миллион кусочков.

— Чарли? — позвала Сэм.

Когда Чарли вошла в гостиную, Сэм сидела на стуле с высокой спинкой. Сэм не разбрасывала вещи, не дергалась и не кипела на медленном огне, как бывало, когда она готова взорваться. Наоборот, она спокойно изучала что-то в своих записях.

— Ну и денек, — сказала она.

Чарли засмеялась. «Ну и денек» — это очень мягко сказано.

— Как ты так быстро обо всем догадалась?

— Я твоя старшая сестра. Я умнее.

У Чарли не было никаких доказательств обратного.

— Думаешь, Мейсон пойдет в полицию, как ты ему велела?

— Тебе показалось вероятным, что я не выполню свою угрозу?

— Мне показалось вероятным, что ты его убила бы, если бы тебе дали нож. — Чарли поморщилась от этой мысли, но только потому, что не хотела, чтобы у Сэм в буквальном смысле руки были в крови. — Он не только соврал Бюро расследований Джорджии. Он соврал агенту ФБР.

— Я уверена, что полицейский, который произведет арест, любезно объяснит мистеру Гекльби разницу между правонарушением, не представляющим серьезной общественной опасности, и тяжким преступлением.

Чарли улыбнулась этой хитрости, которая может означать несколько лет в федеральной тюрьме вместо условного срока с выходными в окружном изоляторе.

— Почему ты такая спокойная?

Сэм задумчиво покачала головой.

— Шок? Облегчение? Мне всегда казалось, что Дэниэл легко отделался, что он недостаточно страдал. Станным образом я чувствую некое удовлетворение от того, что Мейсон мучился. И что он проведет в тюрьме минимум пять лет. Надеюсь, так и будет, иначе я покажу прокурорам, где раки зимуют.

— Думаешь, Кен Коин все сделает правильно?

— Я думаю, он никогда в жизни ничего не делал правильно. — Ее губы скривились в хитрой улыбке. — Может, придумаем, как скинуть его с насиженного места.

Чарли не стала просить ее объяснять, каким образом случится это чудо. Такие люди, как Коин, всегда умудряются вскарабкаться обратно на верхушку.

— Это я указала на Дэниэла. Я сказала, что Захария назвал второго мужчину братом.

— Не бери это на себя, Чарли. Тебе было тринадцать лет. И Бен прав. Если бы изначально Мейсон и Захария не пришли сюда, ничего этого не произошло бы. — Она добавила: — Это Кен Коин принял решение подставить и убить Дэниэла. Не забывай об этом.

— А еще Коин прекратил поиски настоящего стрелка. — Чарли почувствовала себя мерзко при мысли о том, какую роль она невольно сыграла в покрытии этого преступления. — Трудно ли было догадаться, что богатенький мальчик, внезапно уехавший в военное

училище посреди ночи, имел к этому какое-то отношение?

— Ты права. Захария без денежного стимула сразу сдал бы Мейсона, — сказала Сэм. — И знаешь, мне хотелось бы, чтобы меня волновала судьба Дэниэла и даже Мейсона, но нет. Я чувствую, что для меня все это позади. Это странно?

— Да. Нет. Не знаю.

Чарли села на свободный уголок дивана, где обычно сидел Расти. Она попыталась осознать свои эмоции, понять свои чувства по поводу всего, что им рассказал Мейсон. И заметила, что в груди появилось ощущение легкости. Она ожидала, что облегчение придет, когда она расскажет Сэм о том, что случилось в лесу.

Но оно пришло только сейчас.

— А что папа? — спросила Чарли. — Он скрывал это от нас.

— Он пытался нас защитить. Как всегда.

Чарли подняла брови, удивившись неожиданному переходу сестры на сторону Расти.

— В прощении есть смысл, — напомнила Сэм.

Чарли не была в этом уверена. Она развалилась на диване. Посмотрела в потолок.

— Я так устала. Так себя чувствуют обвиняемые, когда сознаются. Они просто засыпают. Ты не представляешь, сколько раз они у меня начинали храпеть посреди опроса в суде.

— Это облегчение. — Сэм задумалась. — Я не чувствую вины за то, что Дэниэл оказался жертвой, как и мы. Я не права?

— Если ты не права, то и я тоже, — призналась Чарли. — Я знаю, что Дэниэл не заслужил такой смерти. Я могу говорить себе, что он был Кулпеппер и все равно рано или поздно оказался бы либо за решеткой, либо в могиле, но он имел право сам выбрать, где лучше.

— Очевидно, папа как-то это пережил, — отозвалась Сэм. — Он потратил бо2льшую часть жизни, добиваясь оправдания виновных, но имя Дэниэла он не обелил.

— «Нет ничего обманчивее личности самоуничиженья»^[26].

— Шекспир?

— Это мистер Дарси сказал мистеру Бингли.

— Кто бы мог подумать.

— Если он поступил так не из гордости, значит, из предубеждения.

Сэм засмеялась, а потом посерьезнела.

— Я рада, что папа не рассказал нам о Мейсоне. Сейчас я могу это пережить, но тогда? — Она покачала головой. — Знаю, это звучит ужасно, потому что это решение, безусловно, тяготило папу, но, вспоминая себя через восемь лет после ранения, я думаю, что необходимость приезжать сюда и давать показания меня добила бы. Не слишком сильное преувеличение?

— Нет, если и меня учесть.

Чарли представила, как повторный судебный процесс ускорил бы ее скатывание по наклонной. Она не поступила бы на юридический факультет. Не познакомилась бы с Беном. Они с Сэм сейчас не разговаривали бы здесь.

— Почему я чувствую, что теперь готова с этим справиться? Что изменилось? — спросила она.

— Это сложный вопрос со столь же сложным ответом.

Чарли рассмеялась. Вот оно — настоящее наследие Расти. Всю оставшуюся жизнь они будут цитировать умершего человека, цитировавшего умерших людей.

— Папа наверняка предполагал, что мы найдем в сейфе признание Мейсона, — заметила Сэм.

Чарли подумала, что Расти всегда любил игры с высокими ставками.

— Уверена, он считал, что переживет Захарию Кулпеппера.

— Уверена, он считал, что найдет способ, как самому все уладить.

Чарли поняла, что, возможно, они обе правы. Расти всегда хватался за все шансы.

— Когда я была маленькой, мне казалось, что папа стремится помогать людям, потому что у него обостренное чувство справедливости, — сказала она. — Потом я стала старше и решила, что ему нравится быть таким сварливым, вредным засранцем-героем, который борется за добро.

— А теперь?

— Я полагаю, он отдавал себе отчет в том, что плохие люди совершают плохие поступки, но все равно верил, что и они заслуживают шанса.

— Это очень романтизированный взгляд на мир.

— Я о папе, а не о себе. — Чарли стало грустно, что они говорят о Расти в прошедшем времени. — Он всегда искал своего единорога.

— Я рада, что ты заговорила об этом. — Сэм улыбнулась. — Похоже, он его нашел.

Глава девятнадцатая

Чарли стояла, чуть ли не прижав нос к телеэкрану. Она так долго изучала правый угол поставленной на паузу записи школьной камеры наблюдения, что глаза перестали фокусироваться. Она шагнула назад. Поморгала. Посмотрела на картинку целиком. Длинный пустой коридор. Ярко-синие шкафчики, ставшие темно-синими на изображении с древней камеры. Объектив был наклонен, поэтому захватывал коридор только до середины. Она снова посмотрела в угол. Там была дверь, возможно, закрытая, в миллиметре от кадра, но она явно там была. От света из окна что-то вытянутое отбрасывало тень в коридор.

— Это тень Келли? — Чарли показала мимо экрана, будто они обе стояли в коридоре, а не в гостиной Расти. — Она должна была стоять здесь, правильно?

Сэм не стала комментировать. Повернув голову, она разглядывала картинку своим здоровым глазом.

— Что ты видишь?

— Это. — Чарли указала на экран. — Тень, вытянутая в коридор. Какая-то размытая волосатая линия, похожая на паучью лапу.

— Она какая-то странная. — Сэм прищурила глаза: очевидно, она видела что-то, что Чарли упустила. — Тебе не кажется, что в ней есть что-то странное?

— Могу попробовать увеличить.

Чарли подошла к компьютеру Бена и поняла, что понятия не имеет, как это сделать. Нажала несколько произвольных кнопок. Должен же быть какой-то способ.

— Давай попросим Бена помочь, — сказала Сэм.

— Я не хочу, чтобы Бен нам помогал. — Чарли наклонилась прочитать названия иконок в меню. — Мы сейчас разошлись в очень хорошем...

— Бен! — позвала Сэм.

— Ты на самолет не опаздываешь?

— Самолет без меня не улетит. — Сэм изобразила ладонями рамку и навела на правый верхний угол видео. — Здесь что-то не так. Угол неправильный.

— Какой угол? — спросил Бен.

— Этот. — Чарли показала на тень. — Я вижу паучью лапу, а наш Шерлок Холмс видит собаку Баскервильей.

— Скорее «Этюд в багровых тонах», — отозвалась Сэм, но опять ничего не объяснила. — Бен, можешь увеличить правый верхний угол?

Бен поколдовал с ноутбуком, угол кадра сначала отделился, а потом развернулся на весь экран. Поскольку он все-таки не был хакером из фильма про Джейсона Борна, изображение стало не резче, а размытее.

— А, теперь вижу. — Бен показал на мохнатую паучью лапу. — Я думал, что это тень, но...

— Там не могло быть тени, — заметила Сэм. — Свет включен в коридоре. Свет включен в классе. В отсутствие третьего источника света тени должны идти назад от двери, а не вперед.

— Да, правда. — Бен закивал. — Я думал, что она идет из открытой двери, но, похоже, она направлена вовнутрь.

— Правильно, — сказала Сэм.

Она всегда хорошо разгадывала загадки. На этот раз она, видимо, нашла отгадку еще до того, как Чарли поняла, что есть какая-то загадка.

— Я ничего не вижу, — призналась Чарли. — Ты можешь просто сказать мне, в чем дело?

— Мне кажется, будет лучше, если каждый из вас по отдельности подтвердит мои подозрения.

Чарли захотелось выбросить ее из окна, как мешок дерьма.

— Тебе правда кажется, что сейчас удачное время для метода Сократа?

— Так Шерлок или Сократ? Ты уж определись. — Сэм обратилась к Бену: — Ты сможешь сделать цветокоррекцию?

— Думаю, да. — Бен открыл на ноутбуке другую программу — ворованный «Фотошоп», с помощью которого он вставлял капитана Кирка в их рождественские открытки два года назад. — Сейчас попробую вспомнить, как это делается.

Чарли скрестила руки, чтобы сестра поняла, что она недовольна, но Сэм слишком пристально следила за действиями Бена, чтобы заметить это.

Он еще пощелкал клавишами, подвигал курсором, и цвета на экране стали насыщенными, даже перенасыщенными. Темные участки совсем почернели и покрылись серыми пузырями.

— Можно ориентироваться на синий цвет шкафчиков, — предложила Чарли. — На самом деле они примерно такого же цвета, как папин похоронный костюм.

Бен открыл палитру. Пощелкал по квадратикам.

— Вот он, — сказала Чарли. — Вот такой синий.

— Я могу ее немного почистить.

Бен увеличил резкость. Сгладил края. Наконец, приблизил, но так, чтобы картинка не расплылась.

— Охренеть, — выдохнула Чарли.

Она наконец поняла. Это не лапа, это рука.

И не одна рука, а две. Одна черная. Другая красная.

Самка-каннибал. Красное пятно. Ядовитый укус. Они нашли не единорога Расти.

Они нашли черную вдову.

Чарли сидела в пикапе Бена, держа руль потными руками. Она посмотрела на время на магнитоле: 17:06. Похороны Расти должны подходить к концу. Напитки в

«Темном рейсе» выпиты под байки пьяниц. Засидевшиеся гости, зеваки и лицемеры уже нашептывают сплетни в свои телефоны и выкладывают в «Фейсбук» гаденькие памятные посты.

«Расти Куинн был хорошим адвокатом, но...»

Чарли в уме закончила эту фразу так, что поняли бы только люди, по-настоящему знавшие Расти:

«...Он любил своих дочерей. Он боготворил свою жену».

«...Он пытался поступать правильно. Он нашел свое мифическое существо».

«Гарпию», как выразилась Сэм, имея в виду полуженщину-полуптицу из греко-римской мифологии.

Чарли больше нравилось ее сравнение с паучихой, потому что оно лучше подходило к ситуации. Келли Уилсон попала в тщательно сотканную сеть.

В пикапе работал обогреватель, но Чарли тряслась от холода. Она потянулась к ключам. Заглушила двигатель. При остановке мотора пикап дернулся.

Она наклонила зеркало заднего вида, чтобы посмотреть в него. Сэм помогла ей замазать синяки. У нее отлично получилось. Никто бы не догадался, что два дня назад Чарли получила удар в лицо.

Сэм чуть снова ее не побила.

Она не хотела, чтобы Чарли это делала. И Бен, конечно, не хотел. Но Чарли все равно это делает.

Она вылезла из пикапа и поправила свое похоронное платье. Надела туфли на каблуках, придерживаясь за руль. Нашла на панели телефон. Аккуратно закрыла дверь, слушая, как щелкнул замок.

Она припарковалась далеко от фермерского дома, спрятав пикап за поворотом. Чарли шла осторожно, перешагивая через выбоины в рыжей глине. Из-за поворота показался дом. Если он и был чем-то похож на ШБ, то лишь отдаленно. На лужайке — цветы и вечнозеленые кустарники. Стены окрашены в ярко-

белый, с контрастной черной отделкой. Крышу, похоже, недавно обновили. У входной двери — американский флаг на наклонном держателе.

Чарли не пошла к главному входу. Она обогнула угол дома.

Старое крыльцо, доски пола недавно выкрашены в нежно-голубой. Занавески на кухне закрыты. Уже не желтые с красными клубничками, а белые жаккардовые.

Наверх вели четыре ступеньки. Чарли смотрела на них, стараясь не вспоминать ступени в ШБ: как много лет назад она преодолела их через одну, скинула кроссовки, стянула носки и, зайдя на кухню, услышала, как Гамма ругается.

«Вы-ни-мать».

Она шагнула на первую ступеньку и попала каблуком в дырку от сучка. Она схватилась за крепкие перила. Заморгала от белого света над крыльцом, который даже в ранних сумерках горел ярко, как огонь. В глаз скатилась капля пота. Чарли пальцами вытерла ее. Решетчатый узор из кокосового волокна на резиновом придверном коврикe напомнил ей траву, которая росла в поле за фермерским домом. В центре узора располагалась буква «П» с завитками.

Чарли подняла руку.

Почувствовав слабость в руке, вспомнила о том, что потянула запястье. Постучала в дверь — три коротких удара.

Она услышала, как в доме кто-то отодвинул стул. Легкими шагами подошел к двери. Женский голос спросил:

— Кто там?

Чарли не ответила.

Не было звука щелкающих замков или отодвигающейся цепочки. Дверь открылась. На пороге кухни стояла пожилая женщина. Волосы, скорее седые,

чем светлые, собраны в свободный хвост на затылке. Все еще симпатичная. При виде Чарли ее глаза расширились. Рот раскрылся. Она схватилась за грудь, будто пораженная стрелой в сердце.

— Прошу прощения, что пришла без звонка.

Юдифь Пинкман сжала сухие губы. От пролитых слез ее морщинистое лицо выглядело обветренным. Глаза припухли. Она откашлялась.

— Входи, входи.

Чарли шагнула на кухню. В помещении было прохладно, почти холодно. Клубничный декор исчез. Темные гранитные поверхности. Кухонная техника из нержавеющей стали. Молочно-белые стены. Никаких веселых пляшущих ягод под потолком.

— Садись, — пригласила Юдифь. — Пожалуйста.

Рядом со стаканом воды со льдом на столе лежал мобильный телефон. Вокруг стола одинаковые тяжелые стулья из темного ореха. Чарли села с противоположной стороны. Положила свой мобильник на стол, экраном вниз.

— Налить тебе чего-нибудь? — предложила Юдифь.

Чарли покачала головой.

— Я собиралась попить чаю. — Она взглянула на стакан воды на столе. Но все равно спросила: — А ты будешь?

Чарли кивнула.

Юдифь сняла чайник с плиты. Нержавеющая сталь, как и все остальное. Она принялась наполнять его из крана над раковиной.

— Соболезную по поводу твоего отца.

— Соболезную по поводу мистера Пинкмана.

Юдифь оглянулась через плечо. Перехватила взгляд Чарли. Губы Юдифь дрожали. Глаза блестели, будто слезы стали столь же неизменным ее спутником, как и скорбь. Она выключила воду.

Чарли смотрела, как она ставит чайник обратно на свою навороченную плиту и крутит ручку. Несколько щелчков, и — «пффух» — газ загорелся.

— Ну что ж. — Юдифь, поколебавшись, села. — Что привело тебя сюда сегодня?

— Я хотела вас провести, — ответила Чарли. — Я не видела вас с момента происшествия с Келли.

Юдифь снова сжала губы. Сложила руки на столе.

— Наверное, тебе все это тяжело далось. Даже на меня нахлынули ужасные воспоминания.

— Я хочу, чтобы вы знали, как я благодарна за все, что вы сделали для меня той ночью, — сказала Чарли. — За то, что вы обо мне позаботились. Дали мне чувство безопасности. Лгали ради меня.

Юдифь улыбнулась дрожащими губами.

— Поэтому я здесь, — продолжила Чарли. — Я никогда не говорила об этом, пока был жив отец.

Юдифь приоткрыла рот. Из взгляда исчезло напряжение. Она нежно улыбнулась Чарли. Это была та самая заботливая, щедрая женщина, которую Чарли помнила.

— Конечно, Шарлотта. Конечно. Со мной ты можешь говорить о чем угодно.

— Папа тогда вел тот процесс, представлял интересы насильника, и его отпустили, а девушка повесилась в амбаре рядом со своим домом.

— Я помню.

— Я много думала об этом. А вы как считаете, это из-за нее папа решил сохранить все в тайне? Он беспокоился, что я тоже сделаю что-то подобное?

— Я... — Юдифь покачала головой. — Я не знаю. Прости, у меня нет ответа. Я думаю, он тогда потерял жену и думал, что его старшая дочь мертва, и увидел, что произошло с тобой, и... — Она умолкла. — Говорят, Бог не дает нам больше, чем мы можем вынести, но иногда, мне кажется, это не так. А ты как думаешь?

— Не уверена.

— Это стих из Послания к Коринфянам. «Бог верен! Он не допустит испытаний, которые были бы вам не по силам, и к тому же во всяком испытании Он даст и выход из него, и силы для его преодоления»^[27]. Но вторую часть я не очень понимаю, — сказала она. — Как ты узнаешь, где этот выход? Может, он есть, но что, если ты его не видишь?

Чарли покачала головой.

— Прости, — извинилась Юдифь. — Я знаю, что твоя мать не верила в Бога. Она была слишком умная для этого.

Чарли подумала, что Гамма восприняла бы это как комплимент.

— Она так много знала. Я ее побаивалась, — призналась Юдифь.

— Думаю, как и многие.

— Ну что ж. — Юдифь отпила воды со льдом.

Чарли посмотрела на ее руки, думая, что дрожание пальцев ее выдаст, но ничего не заметила.

— Шарлотта. — Юдифь поставила стакан. — Я буду с тобой откровенна насчет той ночи. Я никогда не видела такого надломленного человека, как твой отец в тот момент. И надеюсь, что никогда не увижу. Я не знаю, как он смог продолжить жить. Я правда не понимаю. Но я знаю, что он любил тебя беззаветно.

— Я никогда в этом не сомневалась.

— Это хорошо. — Юдифь пальцами вытерла конденсат со стакана. — Мой отец, мистер Хеллер, он был набожным и любящим, и он меня обеспечивал и поддерживал, а видит Бог, учительнице, работающей первый год, нужна поддержка. — Она тихо усмехнулась. — Но после той ночи я поняла, что мой отец никогда не дорожил мной так, как твой отец дорожил тобой. Я не виню за это мистера Хеллера. У

тебя с Расти было что-то особенное. В общем, наверное, я хочу тебе сказать, что неважно, чем руководствовался твой отец, попросив тебя соврать, — он сделал это потому, что невероятно сильно любил тебя.

Чарли думала, что у нее навернутся слезы, но их не было. Видимо, она наконец все выплакала.

— Я знаю, что Расти больше нет, — сказала Юдифь, — и что смерть родителя заставляет многое обдумывать, но ты не должна злиться на своего отца за то, что он попросил тебя сохранить это в тайне. Он сделал это из самых лучших побуждений.

Чарли кивнула, потому что знала, что это правда.

Засвистел чайник. Юдифь встала. Выключила плиту. Подошла к большому шкафу, который Чарли помнила с того раза. Высокий, почти до потолка. Наверху, за планкой, мистер Хеллер хранил свою винтовку. Белую древесину с тех пор окрасили в темно-синий. Юдифь открыла дверцы. Снизу полки на крючках висели разноцветные кружки. Юдифь выбрала две кружки с разных сторон вешалки. Закрыла дверцы и вернулась к плите.

— У меня есть мятный и ромашковый.

— Мне любой. — Чарли посмотрела на закрытые дверцы шкафа. Под верхней планкой краской была от руки написана какая-то фраза. Светло-голубым, но недостаточно контрастно, чтобы слова ярко выделялись. Она прочла вслух: — «Бездетной женщине дает воссестать в кругу семьи счастливой матерью».

Юдифь застыла у плиты.

— Это из Псалтири: Глава сто двенадцатая, Стих девятый. Но это не классический перевод. — Она разлила по кружкам кипятка.

— А какая классическая версия? — спросила Чарли.

— «Неплодную вселяет в дом матерью, радующеюся о детях. Аллилуия!»^[28] — Она достала из ящичка две

ложки. — Но я не неплодная, поэтому мне нравится другая версия.

Чарли покрылась холодным потом.

— Я думаю, в каком-то смысле вы мать своим детям в школе.

— Ты абсолютно права. — Юдифь села, передавая Чарли одну из кружек. — Мы с Дугласом провели полжизни, заботясь о чужих детях. Не то чтобы мы это не ценили, но когда мы дома, мы особенно ценим тишину.

Чарли повернула кружку ручкой к себе, но поднимать ее не стала.

— Я неплодна, — произнесла она, и это слово застряло у нее в горле.

— Мне так жаль. — Юдифь встала из-за стола. Взяла из холодильника пакет молока. — Сахар?

Чарли покачала головой. Чай она пить не собиралась.

— Вы никогда не хотели детей?

— Я люблю чужих детей.

— Я слышала, что вы помогали Келли подготовиться к какому-то экзамену.

Юдифь поставила молоко на стол. Снова села.

— Для вас, наверное, это стало предательством, — сказала Чарли. — То, что она сделала.

Юдифь смотрела на пар, поднимающийся от чая.

— И она знала мистера Пинкмана, — добавила Чарли.

Не потому, что им об этом сообщил Мейсон Гекльби, а потому, что Сэм показала Чарли свой блокнот, куда она записала со слов Келли Уилсон: «Я слышала, что он не плохой человек, но меня никогда к директору не вызывали».

Келли смогла уйти от ответа на вопрос Сэм. Она не сказала, что она не знает Дугласа Пинкмана. Она сказала, что он не был известен как плохой человек.

Чарли продолжила:

— Я смотрела видеозапись со школьной камеры видеонаблюдения.

Юдифь резко подняла глаза на Чарли и снова опустила их.

— В новостях показывали реконструкцию событий.

— Нет, я видела настоящую запись с камеры над приемной.

Она подняла кружку. Подув на чай, сделала глоток.

— Кто-то когда-то сдвинул эту камеру. И ее обзор заканчивается примерно в двух футах от двери вашего класса.

— Правда?

— Как вы думаете, Келли знала о камере? — спросила Чарли. — Она понимала, что происходящее около вашей двери не попадает на запись?

— Она никогда об этом не упоминала. Ты спрашивала у полицейских?

Чарли спрашивала у Бена.

— Школьники знали, что дальний конец коридора не попадает на камеру, но никто не знал, где именно заканчивается зона видимости. А Келли, получается, знала. Она стояла буквально в миллиметрах от зоны обзора, когда начала стрелять. И это удивительно: как она могла узнать, где именно встать, если только не побывала в комнате с мониторами системы видеонаблюдения?

Юдифь с озадаченным видом покачала головой.

— Ведь вы-то бывали в той комнате? Или по крайней мере заглядывали внутрь?

Юдифь снова изобразила неведение.

— Мониторы стояли в кладовке прямо за кабинетом вашего мужа. Дверь туда была всегда открыта, так что любой, кто заходил к нему, мог их видеть. — Чарли добавила еще одну деталь: — Келли сказала, что ее никогда не вызывали к директору. Станным образом,

она знала местонахождение слепой зоны, хотя никогда не видела мониторов.

Юдифь поставила кружку. Положила ладони на стол.

— «Не лгите и не обманывайте друг друга» — это ведь библейский стих? — спросила Чарли.

Юдифь приоткрыла рот. Выдохнула, вдохнула и только потом заговорила.

— Это из Десяти заповедей. «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». Но я думаю, ты имеешь в виду Притчи. — Она закрыла глаза. Зачитала по памяти: — «Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе Его: глаза гордые, язык лживый, и руки, проливающие... — она сглотнула, — ... проливающие кровь невинную. — Она снова сделала паузу и закончила: — Сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор между братьями»^[29].

— Внушительный список.

Юдифь посмотрела на свои руки, все еще прижатые к столу. Коротко стриженные ногти. Длинные тонкие пальцы. Они отбрасывали узкую тень на полированный ореховый стол.

Тень, похожую на влезшую в кадр паучью лапу, которую заметила Сэм.

Бену понадобилось какое-то время поколдовать с ноутбуком, когда он понял, на что они смотрят. Это было как с оптической иллюзией. Как только осознаешь, что² перед тобой, по-другому увидеть изображение уже не получается.

На стоп-кадре камера поймала Келли Уилсон, держащую револьвер точно как она призналась Сэм, но, как и в случае со многими ее утверждениями, это была не вся история.

Келли в тот день была одета в черное. Юдифь Пинкман — в красное.

Чарли помнила, как смотрела на ее блузку, пропитанную кровью Люси Александер.

На изображении с камеры цвета были приглушены, и два этих темных цвета почти смешались, но когда Бен выкрутил их у себя на ноутбуке, им открылась истинная картина.

Рука в черном рукаве, и рядом с ней рука в красном рукаве. К двери класса направлены две руки.

Два пальца на спусковом крючке.

«Пистолет был у меня в руке».

Как минимум три раза за время разговора с Сэм Келли Уилсон сказала, что она держала револьвер, когда произошло убийство Дугласа Пинкмана и Люси Александер.

Чего девушка не упомянула, так это того, что ее руку удерживала Юдифь Пинкман.

— В больнице Келли проверили на следы пороха, — сказала Чарли. — Их нашли у нее на руке, по всей рубашке. В точности там, где можно было ожидать.

Юдифь отклонилась на спинку стула. Она продолжала смотреть на свои руки.

— Следы пороха похожи на тальк, если вас это беспокоит. Они легко смываются мылом и водой.

— Я знаю, Шарлотта. — Ее голос поскрипывал, как игла, которая коснулась виниловой пластинки на проигрывателе. — Я знаю об этом.

Чарли подождала. Где-то тикали часы. По краям кухонной двери в помещение пробивался легкий ветерок.

Юдифь наконец подняла глаза. Они блеснули в свете лампы. Она присмотрелась к Чарли и спросила:

— Почему ты? Почему сюда пришла не полиция?

Чарли не заметила, что не дышит, пока не почувствовала давление в легких.

— Вы хотите, чтобы пришла полиция?

Юдифь посмотрела в потолок. У нее побежали слезы.

— Думаю, это неважно. Уже неважно.

— Она была беременна, — заметила Чарли.

— Опять, — ответила Юдифь. — Она сделала аборт, когда училась в средней школе.

Чарли приготовилась к дискуссии о священном праве на жизнь, но Юдифь не начала ее.

Вместо этого она поднялась. Оторвала от рулона бумажное полотенце. Вытерла лицо.

— Тогда отцом был мальчик из футбольной команды. Там, очевидно, поразвлекались несколько мальчиков. Она была очень наивна. Она не понимала, что они с ней делают.

— А кто был отцом в этот раз?

— Тебе надо, чтобы я это сказала?

Чарли кивнула. Она недавно уверовала в то, что правду нельзя замалчивать.

— Дуглас, — произнесла Юдифь. — Он отымел ее прямо в моем классе.

Чарли, видимо, отреагировала на грубость, потому что Юдифь сказала:

— Прошу прощения за выбор слов, но когда ты видишь, как твой муж трахает семнадцатилетнюю девушку в классе, где ты занимаешься с детьми из средней школы, это первое слово, которое приходит в голову.

— Семнадцатилетнюю, — повторила Чарли. Дуглас Пинкман занимал руководящую должность. Келли Уилсон училась в его школьном комплексе. То, что он сделал, называется «противозаконная сексуальная связь с лицом, не достигшим совершеннолетия», а не просто «отымел».

— Поэтому и камера была под углом, — продолжила Юдифь. — Дуглас все продумал. Он всегда все

продумывал.

— Были и другие школьницы?

— Он трахал все, что движется. — Юдифь скомкала в руке бумажное полотенце.

Она заметно разозлилась. Впервые за все время Чарли подумала, что Сэм и Бен могли быть правы насчет того, какая это опасная затея.

— То есть все из-за этого, из-за того, что Келли забеременела? — спросила Чарли.

— Да, но не по той причине, о которой ты подумала. Извини, Шарлотта. Ты явно хотела детей, но я нет. Никогда не хотела. Я люблю их, люблю, как у них работает голова, люблю, какие они бывают забавные и интересные, но еще больше я люблю то, что могу оставить их в школе, прийти домой, почитать книгу и насладиться тишиной. — Она бросила бумажный комочек в урну. — Я не какая-то отчаявшаяся женщина, сломленная из-за невозможности иметь детей. Не иметь детей было сознательным выбором. Выбором, с которым, как я думала, Дуглас был согласен, но... — Она пожала плечами. — Ты никогда не знаешь, насколько плох твой брак, пока он не развалится.

Чарли попробовала угадать:

— Он хотел развестись?

Юдифь горько засмеялась.

— Нет, и я тоже не хотела. Я научилась жить с его вечным кризисом среднего возраста. Он не был педофилом. Малолетние его не интересовали.

Чарли удивилась, как Юдифь упустила из виду тот факт, что по эмоциональному интеллекту Келли Уилсон была совершенным ребенком.

— Дуглас хотел, чтобы мы взяли младенца себе. Келли все равно выгнали бы из школы. У нее не было шансов получить аттестат. Он хотел дать ей денег, чтобы она уехала, и растить ребенка со мной.

Чарли и предположить не могла, что именно это стало для Юдифи последней каплей.

— Почему он передумал насчет детей?

— Может, почувствовал, что смертен? Хотел оставить что-то после себя? Что-то, черт возьми, столь же невежественное, эгоистичное и тупое? — Она яростно выдохнула. — Мне пятьдесят шесть лет. Дугласу должно было вот-вот исполниться шестьдесят. Нам надо было планировать пенсию. Я не хотела растить ребенка какой-то другой женщины... тинейджера. — Она тряхнула головой, по-прежнему в бешенстве. — Не говоря уже о слабоумии Келли. Дуглас не просто ожидал, что я буду еще восемнадцать лет растить ребенка. Он хотел, чтобы мы провели с этим ребенком остаток жизни.

Если у Чарли и было сочувствие к ней, после этих слов оно испарилось.

Юдифь спросила:

— Что еще Келли тебе рассказала? — Она покачала головой. — Неважно. Я собиралась разыграть из себя мученицу: бедную вдову, которую обвиняют в причастности к преднамеренному убийству, совершенному какой-то дурочкой. Кто бы поверил ей, а не мне?

Чарли ничего не сказала, но понимала, что без видеозаписи девушке не поверил бы никто.

— Ну что. — Юдифь ожесточенно вытерла слезы. — Теперь по плану я должна рассказать тебе, как я это сделала? — Она показала на телефон Чарли. — Проверь, идет ли запись.

Чарли перевернула телефон, хотя была уверена, что Бен все настроил правильно. Телефон не только вел запись, но и передавал аудио сразу на его ноутбук.

— Это началось год назад. Я увидела их через окно своего класса. Дуглас думал, что я ушла. Он остался все закрыть — по крайней мере, так он мне сказал. Я

вернулась забрать кое-какие бумаги. Как я уже говорила, он трахал ее прямо на парте.

Чарли вжалась в спинку стула. Ярость Юдифи заметно нарастала с каждым словом.

— Так что я сделала то, что сделала бы любая послушная жена. Я развернулась. Пошла домой. Приготовила ужин. Дуглас пришел домой. Сказал, что задержался из-за беседы с кем-то из родителей. Мы вместе смотрели телевизор, а меня трясло. Меня трясло всю ночь.

— Когда вы начали заниматься с Келли?

— Когда она снова начала одеваться как ведьма. — Юдифь схватилась за столешницу. — В прошлый раз все было точно так же. Она начала одеваться в черное, как гот, для того чтобы скрыть живот. Как только я увидела ее в коридоре, я поняла, что она снова беременна.

— Вы высказали Дугласу свое недовольство?

— Зачем? Я просто его жена. Я просто та женщина, которая готовит ему еду, гладит его одежду и выводит пятна с его нижнего белья. — В ее голосе звучал лягзающий подтон, будто кто-то слишком туго заводит часы. — Ты знаешь, каково это — ничего не значить? Жить в одном доме с женщиной почти всю свою взрослую жизнь и чувствовать, что ты ничто? Что твои желания, устремления и планы не имеют никакого значения? Что любая ноша, неважно, насколько тяжелая, может быть сброшена на тебя, потому что ты хорошая женщина, богобоязненная христианка, и ты просто несешь ее, потому что хозяин в доме — твой муж, мужчина, который должен был бы тебя защищать.

Юдифь стиснула руки так, что побелели костяшки.

— Конечно, не знаешь. Тебя холили и лелеяли всю жизнь. Ты потеряла мать, твоя сестра чуть не умерла, твоего отца ненавидел весь штат, а тебя от этого все только больше любили.

Сердце Чарли словно застряло в горле. Она не понимала, что поднялась со стула, пока не почувствовала, как прижалась спиной к стене.

Юдифь, кажется, не замечала своего воздействия на нее.

— Келли можно уговорить на что угодно, ты знаешь об этом?

Чарли не шелохнулась.

— Она такая милая. Хрупкая. Миниатюрная. Она как ребенок. Она и есть ребенок. Но чем больше времени я с ней проводила, тем больше я ее ненавидела. — Она покачала головой. Волосы ее растрепались. В глазах появился дикий блеск. — Ты знаешь, каково это — ненавидеть невинного ребенка? Концентрировать всю свою ярость на девушке, которая даже не понимает, что делает, что с ней происходит, потому что ты видишь, как в ее поведении отражается твоя собственная глупость. Видишь, как твой муж ее контролирует, изменяет ей, использует ее, насильничает над ней — точно так же, как над тобой?

Чарли оглядела комнату. Ножи в деревянной подставке, ящики со столовыми приборами, шкаф, на котором, возможно, все еще лежит винтовка мистера Хеллера.

— Извини. — Юдифь попыталась успокоиться. Она заметила, что Чарли смотрит на верх шкафа. — Я думала, что мне придется выдумывать историю, как Келли украла у меня оружие. Или дать ей денег и молиться, чтобы она смогла купить его по моим указаниям.

— Ее отец держал револьвер в машине.

— Она рассказала мне, что он стрелял из него белок. Люди из Низины иногда ими питаются.

— Они жирные. — Чарли старалась не терять самообладания. — Один из моих клиентов готовит из них рагу.

Юдифь схватилась за спинку стула. Костяшки по-прежнему были белыми.

— Я не причиню тебе вреда.

Чарли выдавила смешок.

— Разве не так обычно говорят, когда собираются причинить вред?

Юдифь отошла от стула. Снова оперлась на столешницу. Она все еще злилась, но старалась контролировать гнев.

— Мне не стоило говорить этого о твоей беде. Я приношу свои извинения.

— Все нормально.

— Ты говоришь так потому, что хочешь, чтобы я рассказывала дальше.

Чарли пожала плечом.

— У меня получается?

В ее смехе явственно слышалось отвращение.

Бен говорил, что Юдифь Пинкман впала в истерику, когда врачи «Скорой помощи» вывели ее из дверей средней школы. Им пришлось вколоть ей седативный препарат, просто чтобы посадить ее в машину «Скорой помощи». Она провела ночь в больнице. Она выступила на камеру и попросила не казнить Келли. Даже сейчас ее глаза были опухшими от слез. Ее лицо осунулось от горя. Она рассказывала Чарли правду, жестокую, неприукрашенную правду, хотя знала, что идет запись. Она не пыталась договориться, ничего не просила, никак не торговалась. Так люди ведут себя, когда искренне сожалеют о содеянном.

— Келли не смогла сама нажать на курок, — сказала Юдифь. — Она обещала мне, что сделает это, но я знала, что она не такая. Она слишком добрая и доверчивая, и выстрелила бы она совсем не туда, поэтому я встала позади нее в коридоре, положила свою руку на ее руку и выстрелила в стену, чтобы привлечь внимание Дугласа. — Она постучала пальцами

по губам, словно сдерживая свой голос. — Он выбежал, и я выстрелила в него трижды. А потом...

Чарли ждала.

Юдифь прижала ладонь к груди. Ее гнев превратился в спокойную, ледяную ярость.

— Я собиралась убить Келли, — призналась она. — План был такой: застрелить Дугласа, а потом убить Келли и сказать, что я не дала ей расстрелять больше детей. Стать местной героиней. Я бы тогда получила пенсию и социальную страховку Дугласа. Никаких хлопот с разводом. Больше времени на чтение книг, верно?

Чарли задумалась, планировала ли Юдифь выстрелить Келли в живот, чтобы заодно убить и ребенка.

— Мне удалось сделать три точных выстрела в Дугласа. Судмедэксперт сказал мне, что каждый из них был смертельным. Видимо, он считал, что это должно меня утешить. — Ее глаза снова блеснули. Она громко сглотнула. — Но Келли все не отпускала пистолет. Не думаю, что она знала вторую часть плана. Что я собираюсь убить ее. Наверное, она просто запаниковала, когда увидела, что Дуглас мертв. Мы с ней боролись. Курок нажался. Я не знаю, кто это сделал: я или она, но пуля ушла в пол.

Юдифь дышала ртом. Голос ее скрежетал.

— Мы обе испугались, когда пистолет выстрелил, и Келли повернулась, а я... я не знаю. Не знаю, что произошло. Я запаниковала. Я увидела краем глаза, что в коридоре что-то пошевелилось, и еще раз нажала на курок, и... — Заскулив, она прервала рассказ. Ее губы побелели. Она дрожала. — Я увидела ее. Я увидела ее, когда — в тот момент, как — мой палец уже жал на курок. Все происходило медленно, и мой мозг зафиксировал это, и я помню, как подумала: «Юдифь,

ты стреляешь в ребенка», — но остановить это было уже невозможно. Мой палец продолжал нажимать, и...

Она не могла произнести это вслух, и Чарли сделала это за нее:

— Выстрел попал в Люси Александер.

Слезы у Юдифь покатались, как поток воды.

— Мы с ее мамой преподаем в одной команде на групповом обучении. На наших встречах я видела, как Люси танцевала в дальней части класса. Напевала себе под нос. У нее был такой сладкий голосок. Я не знаю, может, если бы я ее не знала, было бы по-другому, но я ее знала.

Чарли невольно подумала, что Юдифь знала и Келли Уилсон.

— Шарлотта, мне так жаль, что я втянула тебя в это. Я понятия не имела, что ты в здании. Если бы я знала, я бы сделала это на следующий день или через неделю. Я никогда сознательно не стала бы ставить тебя в такое положение.

Чарли не собиралась ее благодарить.

— Хотела бы я знать, как объяснить, что на меня нашло. Я думала, что мы с Дугласом... не знаю. У нас не было какой-то безумной любви, но я думала, что мы небезразличны друг другу. Что мы друг друга уважаем. Но спустя столько лет все запутывается. Увидишь, когда доживешь до этого. Финансы, пенсия, выплаты, машины, этот дом, сберегательные счета, билеты, которые мы купили в круиз этим летом.

— Деньги, — сказала Чарли. У Расти всегда наготове была куча цитат о разрушительных свойствах человеческой страсти к сексу и деньгам.

— Дело было не только в деньгах, — возразила Юдифь. — Когда я высказала Дугласу свое возмущение насчет беременности, он предложил свой гениальный план: стать престарелыми родителями, словно ответственность подобного рода — это ерунда, а

именно так он к этому и относился. Он и не собирался вставать в три часа ночи и менять подгузники. Я понимаю, что это кажется невероятным, но это стало последней каплей.

Она попыталась перехватить взгляд Чарли, рассчитывая на понимание.

— Я позволила себе ненавидеть Келли, потому что только так я могла уговорить себя сделать задуманное. Я знала, что она очень уступчива. Я всего-навсего шепнула ей на ушко: разве ты не плохая девочка, если позволила Дугласу сделать с собой это? Разве ты не попадешь в ад за то, что случилось в средней школе? Разве ты не можешь наказать Дугласа за его грехи? Разве ты не можешь сделать так, чтобы он не обидел других девочек? Я была поражена, насколько быстро можно убедить человека в том, что он — ничто. — Юдифь повторила: — Ничто. Прямо как я сама.

У Чарли вспотели ладони. Она вытерла их о платье.

— Есть еще один стих, который ты, возможно, знаешь, Шарлотта. Уверена, ты его слышала в каком-нибудь фильме или встречала в книге. «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки»^[30].

— Золотое правило, — согласилась Чарли. — Поступай с другими так, как они поступают с тобой.

— Я поступила с Келли так, как Дуглас поступил со мной. Так я себе говорила. Так я оправдывала свои действия, но потом я увидела Люси и поняла... — Юдифь подняла указательный палец, начиная считать. — *Глаза гордые*: когда я увидела его с ней через окно своего класса. — Она подняла другой палец, перечисляя свои грехи. — *Язык лживый*: я обманывала мужа, обманывала Келли. — Подняв еще один палец, она продолжила: — *Злые замыслы* убить их обоих. *Ноги, быстро бегущие к злодейству*: когда я вложила

пистолет в ее руку. *Лжесвидетелем* я стала, солгав полиции о том, что произошло. *Посеяла раздор* между тобой, Мейсоном Гекльби и всеми жителями города. — Она перестала считать и подняла все пальцы. — *Руки, проливающие кровь невинную.*

Юдифь стояла, подняв руки и растопырив пальцы.

Чарли не знала, что сказать.

— Что с ней будет? — спросила Юдифь. — С Келли.

Чарли покачала головой, хотя знала, что Келли Уилсон попадет в тюрьму. Возможно, ее не приговорят к смерти, возможно, срок будет не пожизненным, но каким низким ни был бы ее IQ, Келли сказала правильно: пистолет был у нее в руке.

— Ты должна уйти, Шарлотта.

— Я...

— Возьми. — Юдифь бросила Чарли телефон. Она неловко поймала его. — Отправь запись той женщине в Бюро расследований Джорджии. Скажи ей, что я буду здесь.

— Что вы собираетесь...

— Уходи.

Юдифь потянулась к верху шкафа.

Отцовской винтовки не было. Она достала «Глок».

— О господи. — Попятившись, Чарли споткнулась.

— Пожалуйста, уходи. — Юдифь сбросила из пистолета пустой магазин. — Я тебе сказала, я тебя не трону.

— Что вы собираетесь делать? — Сердце Чарли заметалось в груди.

Она понимала, что Юдифь собирается делать.

— Шарлотта, иди.

Юдифь нашла коробку с патронами и высыпала их на стол. Начала заряжать магазин.

— О господи, — повторила Чарли.

Юдифь остановилась.

— Знаю, что это прозвучит смешно, но, пожалуйста, перестань упоминать имя Господа всуе.

— Хорошо.

Бен их слушает. Возможно, он уже на подходе, бежит через лес, перепрыгивает через упавшие деревья, продирается через ветки, ищет Чарли.

Ей только надо заставить Юдифь говорить дальше.

— Пожалуйста, — взмолилась Чарли. — Пожалуйста, не делайте этого. Мне нужно еще спросить вас о том дне, о том, как...

— Тебе надо забыть об этом, Шарлотта. Тебе надо сделать, как сказал твой папа, сложить все в коробку и оставить ее, потому что, послушай меня, ты никогда не должна вспоминать, что сделал с тобой тот ужасный человек. — Юдифь вставила магазин в пистолет. — А теперь ты действительно должна уйти.

— О, Юдифь, пожалуйста, не делайте этого. — Голос Чарли дрожал. Только не это. Не на этой кухне. Не с этой женщиной. — Пожалуйста.

Юдифь потянула затвор, досылая патрон в патронник.

— Уходи, Шарлотта.

— Я не могу... — Чарли протянула руки к Юдифи, к пистолету. — Пожалуйста, не делайте этого. Так нельзя. Я не могу...

Ярко-белая кость. Ключья сердца и легких. Жилы, артерии и вены, и жизнь, вытекающая из ее зияющих ран.

— Юдифь. — Чарли заплакала. — Пожалуйста.

— Шарлотта. — Она говорила уверенно, как учительница перед классом. — Ты должна выйти прямо сейчас. Садись в машину, поезжай к дому отца и вызови полицию.

— Юдифь, нет.

— Они умеют разбираться с такими вещами, Шарлотта. Ты наверняка думаешь, что тоже

справишься, но я не могу взять этот грех себе на душу. Просто не могу.

— Юдифь, пожалуйста. Умоляю вас.

Чарли стояла совсем близко к пистолету. Она сможет его схватить. Она моложе и быстрее. Она сможет ее остановить.

— Не надо. — Юдифь положила пистолет на кухонную стойку позади себя. — Я сказала, что я тебя не трону. Не заставляй меня нарушать обещание.

— Я не могу! — Чарли рыдала. Ее сердце словно кололи ножами. — Я не могу допустить, чтобы вы покончили с собой.

Юдифь открыла входную дверь.

— Ты можешь, и ты это сделаешь.

— Юдифь, пожалуйста. Не взваливайте на меня эту ношу.

— Я облегчаю твою ношу, Шарлотта. Твоего отца больше нет. Я последний человек, который знает. Твоя тайна умрет со мной.

— Ей не надо умирать! — закричала Шарлотта. — Это неважно! Люди уже знают. Мой муж. Моя сестра. Это неважно. Юдифь, пожалуйста, пожалуйста, не надо...

Без предупреждения Юдифь подскочила к ней. Подняла ее за талию. Чарли почувствовала, как ноги оторвались от пола. Она схватилась за плечи Юдифи. Казалось, ребра треснут, так сильно Юдифь сжала ее. Она пронесла Чарли через кухню и бросила на крыльцо.

— Юдифь, нет! — Чарли попыталась вскарабкаться и остановить ее.

Дверь захлопнулась у нее перед носом. Щелкнул замок.

— Юдифь! — заорала Чарли, молотя кулаком в дверь. — Юдифь! Откройте...

Громкий хлопок эхом прокатился по дому.

Это не машина с неисправной выхлопной трубой.

Не фейерверк.

Чарли упала на колени.

Оперлась на руку.

Человек, в чьем присутствии стреляли в другого человека, никогда и ни с чем не спутает звук выстрела.

Что случилось с Сэм

Сэм чередовала руки, прорезая узкий канал в теплой воде бассейна. На каждом третьем гребке она поворачивала голову и делала глубокий вдох. Энергично работала ногами. Ждала следующего вдоха.

Левая-правая-левая-вдох.

Она выполнила идеальный поворот-сальто от стенки, следя за черной линией, обозначающей ее дорожку. Она всегда любила кроль за размеренность и простоту: в этом стиле она сосредотачивалась на плавании ровно настолько, чтобы все лишние мысли ушли.

Левая-правая-левая-вдох.

Сэм увидела отметку в конце линии. Она прекратила гребти, и вскоре ее пальцы коснулись стенки. Тяжело дыша, она уперлась коленями в пол бассейна с неглубокой стороны и проверила свои умные часы: 2,4 километра, 154,2 секунды на 100 метров, то есть 38,55 секунды на 25 метров.

Неплохо. Не так хорошо, как вчера, но приходится мириться с тем, что ее тело работает в своем темпе. Сэм сказала себе, что принятие этой истины — это уже прогресс. Тем не менее, когда она вылезала из бассейна, ее настрою самую малость мешали спортивные амбиции. От того, чтобы прыгнуть обратно и улучшить время, ее удержала только болезненная пульсация в седалищном нерве.

Сэм быстро смыла с себя под душем соленую воду. Вытерлась полотенцем, увязая сморщенными подушечками пальцев в египетском хлопке. Она посмотрела на складочки на пальцах: реакция ее тела на длительное пребывание в воде.

Она поднялась на лифте, не снимая плавательные очки с диоптриями. На первом этаже в лифт вошел пожилой мужчина с газетой под мышкой и мокрым зонтом в другой руке. Он радостно усмехнулся, увидев Сэм.

— Восхитительная русалка!

Она постаралась поддержать тон его бурного приветствия. Они обсудили плохую погоду: на Нью-Йорк с юга надвигается шторм, дожди зарядят еще сильнее.

— Почти июнь! — сказал он, словно этот месяц застал его врасплох.

Для Сэм он тоже почему-то стал неожиданностью. Она не могла поверить, что с тех пор, как она уехала из Пайквилля, прошло всего три недели. Ее жизнь после возвращения легко встала на обычные рельсы. Ее расписание осталось прежним. Она виделась с теми же людьми на работе, проводила те же совещания и конференц-звонки, изучала те же чертежи санитарных контейнеров, готовясь к суду.

И тем не менее все казалось иным. Полнее. Ярче. Даже такое обыденное дело, как встать с кровати, наполнилось ощущением легкости, которого у нее не было с тех пор, как... если честно, с тех пор, как она очнулась в больнице двадцать восемь лет назад.

Лифт звякнул. Пожилой мужчина приехал на свой этаж.

— Приятного плавания, несравненная русалка! — Он помахал газетой.

Сэм смотрела, как он пошел по коридору. Его бойкая походка напомнила ей о Расти, особенно когда он начал насвистывать и громко позвякивать в такт связкой ключей.

Когда лифт стал закрываться, Сэм прошептала:

— «Убегает, преследуемый медведем».

Волнистые хромированные двери лифта отражали улыбающуюся женщину в смешных очках. Стройная

фигура. Черный слитный купальник. Она взъерошила пальцами короткие седые волосы, чтобы они быстрее высохли. Ее палец наткнулся на край шрама в том месте, где пуля вошла в мозг. Она теперь редко вспоминала тот день. Вместо этого она думала об Антоне. О Расти. О Чарли и Бене.

Двери лифта открылись.

За панорамными окнами ее пентхауса виднелись темные тучи. Сэм слышала гудки машин, гул подъемных кранов и прочий гвалт, который приглушенно доносился сквозь тройное остекление. Она прошла на кухню, по пути включая свет. Сменила плавательные очки на обычные. Положила Фоско еды. Налила воды в чайник. Подготовила ситечко с заваркой, кружку и ложку, но прежде чем кипятить воду, пошла к коврику для йоги в гостиной.

Она сняла очки. Быстро сделала несколько упражнений на растяжку. Ей не терпелось поскорее начать день. Она попыталась медитировать, но не смогла остановить поток мыслей. Фоско, закончив завтракать, воспользовался перерывом в ее утренних делах. Он принялся совать голову ей под руку, пока она не сдалась. Сэм почесала его под подбородком, слушая успокаивающее урчание, и опять задумалась, не взять ли ей еще одну кошку.

Фоско куснул ее за руку, показывая, что ему достаточно.

Она смотрела, как он вальяжно отошел, а потом повалился на бок у окна.

Сэм надела очки. Вернулась на кухню и включила чайник. За окном косой дождь поливал нижний Манхэттен. Она закрыла глаза и прислушалась к жестяному звону тысяч капель, бьющих в стекло. Когда она снова открыла глаза, она увидела, что Фоско тоже смотрит за окно. Он выгнулся перевернутой буквой С,

вытянув передние лапы к стеклу и нежась в тепле, поднимающемся от пола.

Они вместе смотрели на дождь, пока чайник не засвистел.

Сэм налила воды в кружку. Поставила таймер на три с половиной минуты, чтобы чай заварился. Взяла из ящика ложку, достала из холодильника йогурт и замешала в него гранолу. Сняла свои обычные очки и надела очки для чтения.

Включила телефон.

Там было несколько рабочих писем, но первым делом она открыла сообщение от Элдрина. На следующей неделе у Бена день рождения. Сэм попросила помощника придумать забавное сообщение, которое порадует мужа ее сестры. Элдрин предложил:

«Ты стал старше, но это твой звездный путь!»

«Даже Нимой говорит тебе сегодня: с днем рождения!»

«Желаю тебе клингонского долголетия!»

Сэм поморщилась. Она не знала, что такое «клингонский» и достаточно ли приличное это слово, чтобы сорокачетырехлетняя женщина могла использовать его в поздравлении зятю.

Она открыла браузер на телефоне, чтобы поискать, что это значит. На экране появилась страничка Чарли в «Фейсбуке». Сэм заходила на нее два раза в день, потому что это был самый надежный способ узнать, чем занимаются Чарли и Бен. Выбирают дом в Атланте. Ходят на собеседования. Пытаются найти кого-то, кто знает, можно ли переселять кроликов из горной местности в город.

Вместо того чтобы искать слово «клингонский», Сэм перезагрузила страничку Чарли. Увидев новое фото сестры, покачала головой. Они выбрали еще одного бродягу. Пятнистый, как кунхаунд, но коротконогий, как такса. Он стоял во дворе по пузо в траве. Кто-то из

друзей Чарли под странным никнеймом «Т. П. Трейлер» едко заметил в комментариях, что мужу Чарли пора покосить газон.

Бедный Бен. Он провел много часов, разгребая вместе с Чарли кабинеты Расти и этажи ШБ, складывая в коробки, отдавая на благотворительность и продавая на eBay все эти многочисленные журналы, предметы одежды и даже, невероятным образом, протез ноги, который купил за шестнадцать долларов какой-то мужчина из Канады.

Они так и не нашли фотографию Гаммы. Был *тот самый* снимок, выцветший на солнце портрет, который Расти испортил, оставив его на столе. Но фотографии, о которой он говорил Сэм, той, на которой, по его словам, запечатлено мгновение, когда он и Гамма полюбили друг друга, нигде не было. Ни в сейфе. Ни в папках Расти. Ни в шкафах. Ни в его городском офисе, ни в ШБ.

Сэм и Чарли наконец решили, что мифическое изображение — это, вероятно, одна из придуманных Расти басен, приукрашенных ради удовольствия слушающего и лишь отчасти основанная на фактах.

Тем не менее Сэм было больно потерять это фантомное фото. Годами она прочесывала научный мир в поисках плодов блестящего ума своей матери. Только три недели назад ей пришло в голову, как глупо было ни разу не попытаться найти ее изображение.

Сэм могла бы смотреть в зеркало и находить сходство. Она могла бы обмениваться с Чарли воспоминаниями. Но, кроме двух сухих научных статей, у нее не было никаких доказательств того, что их мать была живым, полным сил человеческим существом.

Открытка из НАСА, которую они нашли в сейфе у Расти, натолкнула ее на одну мысль. Смитсоновский институт совместно с Космическим центром имени Джонсона тщательно документировал каждый этап космической гонки. Сэм начала искать журналиста или

историка, который мог бы грамотно провести исследование и выяснить, есть ли в этих архивах фотографии Гаммы. Несколько откликов она уже получила. Ей на руку сыграл тренд на пересмотр истории технических наук и признание роли женщин и меньшинств в научных достижениях человечества.

Это, конечно, поиск иголки в стоге сена, но Сэм нутром чувствовала, что в архивах НАСА или даже «Фермилаба» должна быть фотография Гаммы. Впервые в жизни она вдруг поверила, что есть такая вещь, как судьба. Не могло все закончиться на кухне почти тридцать лет назад. Сэм знала, что однажды снова увидит лицо своей матери. Все, что потребуется, — это деньги и время, а у Сэм и того и другого предостаточно.

Прозвенел таймер.

Сэм налила молока в горячий чай. Она смотрела в окно, наблюдая, как дождь колотит по стеклу. Небо потемнело. Поднялся ветер. Сэм почувствовала, как все здание слегка качнулось от надвигающегося шторма.

Сэм вдруг стало интересно, какая сейчас погода в Пайквилле.

Расти бы точно знал. Как они выяснили, он продолжал наблюдение за погодой, которое начал вместе с Чарли. Бен нашел стопки бланков в амбаре, где Расти почти ежедневно на протяжении двадцати восьми лет записывал направление и скорость ветра, атмосферное давление, температуру, влажность и осадки. Они и не знали, что он по-прежнему отслеживал все эти показатели. Бен установил на вышке погодную станцию, которая по беспроводной связи передавала эти данные в НАИОА.

Может быть, в сухом остатке это означало, что Расти был человеком привычки. Сэм всегда думала, что она больше похожа на мать, но хотя бы в этом одном она, безусловно, унаследовала черты отца.

Ежедневные круги в бассейне. Кружка чая. Йогурт с гранолой.

Сэм жалела о разных мелочах, например, о том, что не сохранила последнее сообщение, которое Расти оставил в ее день рождения. Громогласное приветствие. Информация о погоде. Загадочный исторический факт. Неуместное прощание.

Больше всего она скучала по его смеху. Он всегда так радовался собственному остроумию.

Сэм совершенно потерялась в размышлениях и не услышала, как зазвонил телефон. Только настойчивый виброзвонок вернул ее в реальность. Она провела по экрану. Приложила телефон к уху.

— Она подписала соглашение, — сообщила Чарли вместо приветствия. — Я говорила ей, что мы можем попробовать скинуть еще несколько лет, но родители Люси Александер сильно давили, и Уилсоны хотели поскорее с этим разделаться, поэтому она получила десять лет общего режима, с возможностью условно-досрочного освобождения через пять лет при хорошем поведении, которое она, несомненно, продемонстрирует.

Сэм пришлось мысленно повторить слова Чарли, прежде чем она полностью их осознала. Сестра говорит о Келли Уилсон. Сэм наняла адвоката из Атланты, чтобы подготовить соглашение о признании вины. С учетом внезапной отставки Кена Коина по собственному желанию и аудиозаписи последних слов Юдифи Пинкман, которые приравняли к признанию на смертном одре, прокурор штата был рад избавиться от дела Келли Уилсон.

— Коин никогда бы не пошел на это соглашение, — заметила Чарли.

— Спорим, я бы его уговорила.

Чарли благодарно рассмеялась.

— Ты мне когда-нибудь расскажешь, как ты заставила его уволиться?

— Это интересная история, — ответила Сэм, но рассказывать не стала.

Чарли все еще отказывалась признаваться, почему у нее был сломан нос, поэтому Сэм отказывалась объяснять, как она запугала и заставила самоустраниться Коина с помощью написанного Мейсоном признания.

— Условное освобождение через пять лет — это хорошо, — сказала Сэм. — Келли будет чуть за двадцать, когда она выйдет на свободу. А ребенок будет еще маленьким, так что они успеют восстановить связь.

— Не сыпь мне соль на рану, — отозвалась Чарли, и Сэм поняла, что она говорит не о Келли Уилсон и не о ее нерожденном ребенке, и даже не о Кене Коине. Она говорит о Мейсоне Гекльби.

ФБР развернуло полномасштабную атаку на Мейсона, обвинив его во лжи федеральному агенту, фальсификации улик, воспрепятствовании правосудию и, соответственно, пособничестве двойному убийству. Несмотря на добровольное признание в пайквилльской полиции, Мейсон Гекльби, что неудивительно, нанял очень хорошего дорогого адвоката, который устроил соглашение на шесть лет без возможности досрочного освобождения. Федеральная тюрьма в Атланте не самое приятное место для отбывания наказания, но в последние недели и Чарли, и Сэм периодически спрашивали себя, а не стоит ли исполнить угрозу Сэм и обнародовать письменное признание Мейсона.

Сэм сказала то, что всегда говорила в этих случаях:

— Для нас с тобой лучше отпустить эту ситуацию, Чарли. Папа не хотел бы, чтобы мы связывали себя на следующие пять-десять-двадцать лет необходимостью

бороться с Мейсоном Гекльби в системе уголовного правосудия. Нам надо жить своей жизнью.

— Ты права, — с явной неохотой согласилась Чарли. — Меня просто бесит, что он получил всего на год больше, чем Келли. Думаю, это урок за дачу ложных показаний федеральному агенту. Но знаешь, мы всегда можем взяться за него перед его освобождением. Кто знает, где мы будем через шесть лет? Срока давности по таким...

— Чарли.

— Ладно, — сказала она. — Может, его пырнут заточкой в душе или подсыпят ему стекло в баланду.

Сэм дала сестре высказаться.

— Я не говорю, что его надо убить или что-то такое, но он может, типа, лишиться почки, или ему порежут желудок, или еще лучше, если ему придется срать в пакетик до конца жизни. — Она перевела дыхание. — Я хочу сказать, понятно, что условия в тюрьмах отвратные, и медпомощь там никакая, и кормят их там крысиным дерьмом, но тебя разве не радует, что у него там может, типа, зуб заболеть и он от этого умрет в муках?

Сэм подождала, чтобы убедиться, что она закончила.

— Когда вы с Беном переедете в Атланту и начнете новую жизнь, все это уже не будет иметь такого значения. Ты отомщена. Наслаждайся жизнью. Радуйся тому, что у тебя есть.

— Ты права, — повторила Чарли.

— Приноси пользу, Чарли. Мама этого хотела.

— Ты права. — Она вздохнула в третий раз. — Давай сменим тему. Поскольку в эфире криминальные новости Пайквилля, сообщаю, что Рика Фейхи отпустили.

Скорбящий дядя Люси Александер. Человек, который, более чем вероятно, нанес Расти ножевые ранения.

Сэм произнесла то, что Чарли и так наверняка знала:

— В отсутствие признания у них не было доказательств его вины.

— Я убеждаю себя, что папа видел его той ночью и знал, что это Фейхи, но, опять же, решил отпустить эту ситуацию, поэтому и мы должны отпустить.

Сэм решила не читать сестре нотацию с цитатой из Расти о пользе прощения.

— Разве это не именно то, чего ты хотела, — научиться отпускать?

— Ну да, а я думала, что ты учишься не быть занозой в моей заднице.

Сэм улыбнулась.

— Я хочу выписать тебе чек за уборку...

— Хватит. — Чарли была слишком упряма, чтобы брать у Сэм деньги. — Слушай, мы думали взять отпуск, прежде чем приступить к новой работе. Смотаться во Флориду на несколько дней, посмотреть, как там Ленор устроилась, а потом, может, залететь к тебе?

Сэм почувствовала, что улыбается до ушей.

— Значит, деньги вы не возьмете, зато примете бесплатное размещение с питанием?

— Именно так.

— Мне это нравится.

Сэм осмотрела свою квартиру. Она вдруг показалась ей слишком стерильной и пустой. Надо прикупить чего-нибудь вроде подушек, повесить картины и, может, добавить цвета к приезду Чарли. Ей хотелось, чтобы сестра знала, что она устроила себе настоящий дом.

— Ладно, пойду злиться и ныть Бену, пока не устану. Проверь почту. Мы нашли в подвале кое-что офигенное.

Сэм передернуло. Подвал был вотчиной старого фермера.

— Это какая-нибудь очередная странная штуковина, чтобы меня напугать?

— Проверь почту.

— Только что проверяла.

— Проверь еще раз, но когда положишь трубку.

— Я могу посмотреть, пока мы...

Чарли отключилась.

Сэм закатила глаза. В том, что младшая сестра снова появилась в ее жизни, были свои минусы.

Она нажала на телефоне кнопку «домой». Открыла почту. Потянула экран большим пальцем вниз. Вращающийся кружочек показал, что список писем обновляется.

Ничего нового не появилось. Сэм обновила еще раз.

Опять ничего.

Она сняла очки. Потерла глаза. Вспомнила все когда-либо обнаруженные в подвале неприятные сюрпризы от старого фермера: разрозненное нижнее белье, ботинки, причем только левые, часы с рисованной голой женщиной в извращенном образе птички Твити.

Фоско запрыгнул на стойку. Понюхал миску из-под йогурта и был явно разочарован. Сэм почесала его уши. Он заурчал.

Телефон пиликнул.

Наконец пришло письмо от Чарли.

Сэм прочла пометку «В сообщении нет текста».

— Чарли, — буркнула она.

Сэм открыла письмо, в уме готовя саркастический ответ, и обнаружила, что письмо вовсе не пустое.

К нему был приложен файл.

«Нажмите, чтобы скачать».

Большой палец Сэм завис над иконкой. Над ногтем она прочла имя файла.

Вместо того чтобы коснуться экрана, она положила телефон на стол.

Она наклонилась, прижавшись лбом к холодному мрамору. Закрыла глаза. Сложила руки на коленях. Медленно вдохнула, наполняя легкие, и выдохнула. Послушала, как дождь колотится в стекла. Подождала, когда бабочки в животе уgomонятся.

Фоско ткнулся ей в щеку. Он восторженно урчал.

Сэм сделала еще один глубокий вдох. Выпрямилась. Почесала уши Фоско, пока ему не надоело и он не прыгнул вниз.

Она надела очки. Взяла телефон. Посмотрела на письмо и имя файла.

Гамма.jpg

Если Чарли была творением Расти, то Сэм всегда чувствовала свою принадлежность к Гамме. Будучи ребенком, Сэм часами наблюдала за матерью, изучала ее и хотела быть как она: интересной, умной, хорошей, правой; но после смерти Гаммы, когда бы Сэм ни пыталась вызвать в памяти мамино лицо, у нее не получалось вспомнить соответствующее выражение, будь то улыбка, удивление, озадаченность, сомнение, любопытство, воодушевление или восторг.

До настоящего момента.

Сэм нажала на файл. Смотрела, как изображение загружается.

Она закрыла рот рукой. Не стала останавливать слезы.

Чарли нашла фотографию.

Не *то самое* фото, а мифический снимок из любовной истории Расти.

Сэм смотрела на это изображение несколько минут — несколько часов — столько, сколько нужно, чтобы воспоминания восстановились.

Как и описывал Расти, Гамма стояла в поле. На земле — красный плед для пикника. Вдалеке — старая метеовышка, деревянная, а не металлическая, как у их дома. Плечи Гаммы были развернуты к камере. Руки на

узких бедрах. Одна нога — надо признать, действительно прекрасная — согнута в колене. Очевидно, она пыталась не доставить Расти удовольствия и не рассмеяться над какой-то сказанной им глупостью. Бровь приподнята. Видны ее белые зубы. Веснушки на бледных щеках. Маленькая ямочка на подбородке.

Сэм не могла не согласиться с папиной оценкой того ключевого момента, что запечатлела пленка. Ярко-голубые глаза Гаммы, несомненно, сияли именно так, как сияют глаза влюбляющейся женщины, но в ней было и кое-что еще: изгиб губ, готовность к предстоящим переменам, стремление учиться, надежда иметь благополучие, детей, семью, полную, полезную жизнь.

Сэм подумала, что Гамма хотела бы, чтобы именно такой ее запомнили: с поднятой головой, расправленными плечами и сжатыми зубами она всегда гналась за радостью.

notes

Примечания

Дж. Остин, «Эмма». Цит. по переводу Марии Кан. М.: «Эксмо», 2020.

В. Шекспир. Макбет. Цит. по переводу Сергея Соловьева. СПб.: «Издательский Дом „Кристалл“», 2002.

Цитата из песни Bad Boys группы Inner Circle:
«Плохие парни, плохие парни, что вы будете делать...»

Э. Дикинсон. Избранные переводы. Цит. по переводу
Б. Львова. Издательство «Хамада», Иордания, 1997.

Non sequitur (лат.) — в данном случае нечто, не имеющее связи с ранее сказанным.

В. Шекспир. Зимняя сказка. Цит. по переводу В. Левики. М.: «Искусство», 1960.

7

Уолл-стрит от англ. Wall Street — букв. улица Стены.

Перл-стрит от англ. Pearl Street — Жемчужная улица, Бивер-стрит от англ. Beaver Street — Бобровая улица, Стоун-стрит от англ. Stone Street — Каменная улица.

9

Salut (франц.) — «За здоровье!»

10

Ergo (лат.) — следовательно.

11

Musculus flexor digitorum brevis (лат.) — короткий сгибатель пальцев, мышца подошвенной части стопы.

Galea aponeurotica (лат.) — сухожильный шлем, покрывающий свод черепа, центральная часть надчерепной мышцы.

Отсылка к «Гамлету» В. Шекспира. Цит. по переводу М. Лозинского. М.-Л.: Academia, 1936.

Отсылка к «Юлию Цезарю» В. Шекспира. Цит. по переводу П. Козлова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903.

Отсылка к «Гамлету» В. Шекспира. Цит. по переводу М. Лозинского. М.-Л.: Academia, 1936.

Отсылка к стихотворению Томаса Стернза Элиота «Песнь любви Дж. Альфреда Пруфрока», перевод В. Топорова. (Элиот Т. С. Полые люди. СПб.: ООО «Издательский Дом „Кристалл“», 2000.)

Л. М. Олкотт. Маленькие женщины. Цит. по переводу А. Михайлова. Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019.

М. Митчелл. Унесенные ветром. Цит. по переводу Т. Озерской-Тарковской. М.: «Художественная литература», 1984.

Тип ресторана быстрого обслуживания,
характерный для Северной Америки. (Прим. ред.)

У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Цит. по переводу А. Григорьева. М.: «ПрозаиК», 2016.

Дж. Стейнбек. Гроздь гнева. Цит. по переводу Н. Волжиной. М.: «Азбука», 2021.

А. Линкольн. Предвыборная речь 1832 г.

Femme fatale (франц.) — роковая женщина.

Библия. Новый Завет. Евангелие от Луки 18:16. Цит.
по Синодальному переводу.

Библия. Книга пророка Малахии. 4:2. Цит. по
Синодальному переводу.

Дж. Остин. Гордость и предубеждение. Цит. по переводу И.С. Маршака. М.: «Азбука», 2021.

Библия. Новый Завет. К Коринфянам 10:13. Цит. по переводу Российского библейского общества.

Библия. Псалтирь. 112:9. Цит. по Синодальному переводу.

Библия. Книга Притчей Соломоновых. Цит. по
Синодальному переводу.

Библия. Новый Завет. Евангелие от Матфея 7:12.
Цит. по Синодальному переводу.